

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЯЗЫКАМ АФРИКИ**

ВЫПУСК 6

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2016

УДК 811(6)
ББК 81,2(6)
И88

*Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН*

Редколлегия:

В.А. Виноградов (отв. ред.), А.И. Коваль, М.А. Косогорова,
А.Б. Шлуинский

И88 **Исследования по языкам Африки. Выпуск 6:** / Институт языкознания РАН; [редколл. В. А. Виноградов (отв. ред.), А. И. Коваль, М. А. Косогорова, А. Б. Шлуинский]. – Москва: Ключ-С, 2016. – 345 с.

ISBN 978-5-906751-72-0

В статьях сборника рассматриваются различные вопросы лексики, этимологии, морфологии, грамматики, синтаксиса, дискурса, контактологии, классификации и социолингвистики языков Африки.

Издание рассчитано на специалистов в области африканистики, типологического и общего языкознания.

УДК 811(6)
ББК 81,2(6)

К 50-летию

Отдела африканских языков

Института языкознания РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
А.Г. Белова. Африканско-аравийская культурная лексика (общее наследие и исторические контакты).....	12
В.Ф. Выдрин. «Он поднялся на ногу» vs. «ему надрали уши»: употребление сингулярных и плюральных форм названий парных частей тела в бамана	22
Ю.Е. Галямина. Системы маркировки актантов и сирконстантов в сонгай и кетском: типологический параллелизм.....	36
Н.В. Громова, М.Р. Урб. О фольклоре ндонде (полевые наблюдения)	44
В.В. Дьячков. Принципы тоновых наложений в именной группе: особенности языка томо-кан	51
М.В. Дьячков. Конституция Намибии и вопрос о сохранении и функционировании местных языков.....	65
М.В. Дьячков. Использование местных языков в системе школьного образования Южно-Африканской Республики	70
А.Ю. Желтов. Элементы морфосинтаксиса языка майа (адамауа, нигер-конго)	81
Г.Л. Капчиц. К лексикографическому описанию сомалийских существительных на примере слова «дорога»	90
Ф. Кассюто, В.Я. Порхомовский. Новый перевод Ветхого Завета на язык хауса: типологический аспект.....	97
А.И. Коваль. ‘КОРОВА’ в лексике и грамматике пулар-фульфульде.....	110
А.Б. Копелиович. Теорема индоевропейского рода	143
М.А. Косогорова. Семантическая классификация арабских заимствований в дистантных диалектах пулар-фульфульде	155
А.Д. Луцков, М.Р. Урб. Формирование естественно-научной терминологии в языке зулу	172
Н.В. Макеева. Уступительные конструкции в языке кла-дан	178
Н.А. Муравьев. Стратегии кодирования финитных сентенциальных актантов в языке акебу	195
Е.В. Перехвальская. Неглагольные предложения в южном сан (диалект г. Тома).....	211
Ф.И. Рожанский. О сонгайских именных формах и проблеме синкретизма в именной парадигме	227

И.В. Саркисов. Сравнительный анализ метрических принципов гриотской и письменной поэзии фульбе.....	242
Г.С. Старостин. К вопросу о происхождении центральнокойсанской (кхой) семьи языков.....	249
О.В. Столбова. Чадско-кушитско-омотские этимологии (названия частей тела).....	260
Ю.Г. Сутина. Об именной морфологии в сахарских языках.....	269
И.Н. Топорова. Типология грамматики на материале языков мпонге и галва (банту).....	276
А.Б. Шлуинский. К оценке ареального фактора в грамматике соседей языков ква.....	278
S. Beletskiy. Plant names in Gogo language (Bantu): structure, semantics and pragmatics	312
M. Fedotov. Adnominal predicative possessive construction and pragmatically “flexible” noun phrases in Gban	320

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 декабря 2015 г. исполнилось 50 лет отделу (ранее – сектору) африканских языков Института языкознания РАН. Коллективу отдела не пристало давать оценку собственной деятельности, тем более на протяжении столь долгого периода. Тем не менее, невозможно проигнорировать тот факт, что за прошедшие полвека отечественное африканское языкознание проделало нелегкий путь от совершенно «экзотической» неведомой более широкому кругу коллег области до вполне привычного раздела лингвистической науки. Российских лингвистов, исследующих различные языки Африки, в настоящее время много, и все они прямо или косвенно связаны в своей научной биографии с нашим отделом.

К юбилею отдела африканских языков была приурочена прошедшая 2–4 декабря 2015 г. в Институте языкознания РАН научная конференция «Африканское языкознание: полевые, теоретико-типологические и исторические исследования», к участию в которой были приглашены исследователи, работавшие в разные годы в отделе африканских языков, учившиеся в нем в аспирантуре, стажировавшиеся в нем, а также их ученики и коллеги, никогда не имевшие отношения к отделу формально, но связанные с его коллективом многолетними отношениями научной дружбы. Конференция включила сорок докладов, тематика которых покрывала самый широкий круг тем, связанных с африканскими языками, а также с более общей проблематикой полевой лингвистики и местом африканских языков в лингвистической типологии.

На протяжении последних десяти лет отдел африканских языков издает *квазипериодическое* издание «Исследования по языкам Африки», первый выпуск которого, вышедший под названием «Актуальные проблемы африканского языкознания» в 2006 г., был издан к 40-летию отдела. Естественно, что настоящий (шестой) выпуск посвящен 50-летию юбилею, а вошли в него преимущественно статьи, основанные на докладах приуроченной к юбилею конференции. Хотя, к сожалению, не все участники конференции имели возможность представить статьи для публикации, как нам кажется, настоящий сборник достаточно полно

отражает современное состояние исследований в российском африканском языкознании.

Сборник содержит более 20 статей, которые охватывают широкий круг тем. Если исходить из генетической принадлежности рассматриваемых языков, то традиционно охвачены языки банту (статьи И.Н. Топоровой, Н.В. Громовой и М.Р. Урб, А.Д. Луцкова и М.Р. Урб, С.Б. Белецкого), а также многие другие представители макросемьи нигер-конго – языки манде (статья В.Ф. Выдрина, Н.В. Макеевой, Е.В. Перехвальской, М.Л. Федотова), языки догон (статья В.В. Дьячкова), языки адамауа (статья А.Ю. Желтова), язык пулар-фульфульде (статьи А.И. Коваль, М.А. Косогоровой, И.В. Саркисова), языки ква, в том числе в сопоставлении с языками гур (статьи Н.А. Муравьева и А.Б. Шлуинского). Представлены и все оставшиеся африканские языковые семьи: афразийские (семито-хамитские) языки (статьи А.Г. Беловой, В.Я. Порхомовского, Г.Л. Капчица, О.В. Столбовой), сахарские языки (статья Ю.Г. Суетиной), языки сонгай (статьи Ю.Е. Галяминой и Ф.И. Рожанского), поставленная под сомнение койсанская (статья Г.С. Старостина), а также рассмотрены индоевропейские языки в сопоставлении с африканскими (статья А.Б. Копелиовича).

Еще более широк разброс лингвистических тем, которые pokrывают статьи сборника.

Ряд статей посвящен проблемам лексики. В статье М.Р. Урб (ИСАА МГУ) и А.Д. Луцкова (ИЯз РАН) рассматриваются неологизмы-термины в языке зулу. А.И. Коваль в своей статье рассматривает связь между лексико-семантическим полем атрибутов, принадлежащих корове, и их грамматической принадлежностью. В статье М.А. Косогоровой (ИСАА МГУ – ИЯз РАН) классифицируются арабские заимствования в диалектах пулар-фульфульде. Г.Л. Капчиц (ГРК «Голос России») в своей статье на примере выбранного семантического поля дороги обсуждает сомалийскую лексикографию. С.Б. Белецкий (Сибирский Федеральный Университет – Университет Додома) обращается к названиям растений в бантуском языке гого, в том числе в контексте именной классификации. В статьях А.Г. Беловой (ИВ РАН) и О.В. Столбовой (ИВ РАН) исследуется лексика в контексте этимологии: А.Г. Белова обращается к аравийской культурной лексике, разделяя общепаразийские этимологии и параллели, обусловленные языковыми

и культурными контактами; О.В. Столбова на материале названий частей тела выявляет чадско-кушитско-омотские этимологии.

Эти же две статьи принадлежат и к области сравнительно-исторического языкознания, к которой также обращается Г.С. Старостин (РГГУ – РАНХиГС), ставящий своей задачей определить место центральнокойсанской (кхойской) языковой семьи в рамках более глубокой генеалогической классификации языков.

Большая часть статей сборника так или иначе связана с проблемами грамматики. В краткой публикации И.Н. Топоровой (ИЯз РАН) сопоставляются разные аспекты грамматических систем бантуских языков мпонгве и галва. В статье А.Ю. Желтова (Восточный факультет СПбГУ – МАЭ РАН) дается краткое описание целого ряда грамматических и морфосинтаксических тем в языке майа семьи адамауа.

Проблематика целого ряда статей связана с именной морфологией, в том числе в фонологическом аспекте, с именными категориями и с синтаксисом именной группы. В статье В.Ф. Выдрина (LLACAN, INALCO – Восточный факультет СПбГУ) обсуждаются сингулярные и плюральные формы существительных в языке бама-на. В статье Ф.И. Рожанского (ИЯз РАН – Тартуский университет) исследуется, в том числе с использованием инструментально-фонетических методов, синкретизм форм числа и определенности в языке сонгай Гао. Ю.Г. Суетина (ИСАА МГУ) обращается к словоизменяющей и словообразовательной именной морфологии в сахарских языках бериа, теда-даза и канури. В статье В.В. Дьячкова (ИЯз РАН) рассматриваются тональные наложения в именной группе в догонском языке томо-кан. Статья М.Л. Федотова (ИЛИ РАН) посвящена предикативным посессивным конструкциям в языке гбан семьи манде. Наконец, в публикуемой посмертно статье А.Б. Копелиовича (ВГУ) речь идет об индоевропейской категории рода в контексте типологического сопоставления с системами именной классификации в африканских языках.

Другая группа грамматических статей связана с проблемами синтаксиса простого и сложного предложения. Статья Ю.Е. Галяминой (НИВЦ МГУ) посвящена маркированию актантов и сирконстантов в языке сонгай Гао в сопоставлении с принадлежащим к совсем иному ареалу кетским языком. В статье

Е.В. Перехвальской (ИЛИ РАН) рассматриваются неглагольные предложения в языке южном сан семьи манде. В статье А.Б. Шлуинского (ИЯз РАН) обсуждаются характерные черты синтаксиса простого предложения в языках ква в сопоставлении с языками гур. Другие две статьи посвящены полипредикативным конструкциям: Н.В. Макеева (ИЯз РАН) обращается к уступительным предложениям в языке кла-дан семьи манде, а Н.А. Муравьев (Филологический факультет МГУ) – к финитным синтаксическим актантам в языке акебу семьи ква.

Три статьи сборника имеют более широкую филологическую направленность. Н.В. Громова и М.Р. Урб (ИСАА МГУ) обсуждают в своей статье особенности сюжетов сказок на малоизученном бантуском языке ндонде. В статье Ф. Кассюто (Университет Прованса) и В.Я. Порхомовского (ИЯз РАН) речь идет о лингвистических аспектах перевода Библии на язык хауса. И.В. Саркисов (НИУ ВШЭ) обращается к проблемам метрики гриотской поэзии на языке пулар-фульфульде в сопоставлении с поэзией письменной.

Наконец, в двух статьях М.В. Дьячкова (ИЯз РАН) обсуждаются социолингвистические проблемы Намибии и ЮАР в аспекте перспектив существования автохтонных языков.

Следует отметить, что у многих авторов (А.Г. Белова, М.В. Дьячков, М.А. Косогорова, Н.В. Макеева, Ф. Кассюто и В.Я. Порхомовский, И.Н. Топорова, А.Б. Шлуинский) обозначенная выше проблематика соседствует с находящейся в настоящее время в фокусе внимания африканистов проблематикой языковых контактов и языковых ареалов.

* * *

Так случилось, что в течение срока длиной чуть больше чем год, пока мы готовили и проводили конференцию, приуроченную к юбилею отдела, а потом составляли и редактировали представленный сборник, наш коллектив понес две очень тяжелые утраты.

В сентябре 2015 г. скончалась Ирина Николаевна Топорова (1940–2015), лидирующий в России специалист по языкам банту. Памяти Ирины Николаевны мы посвятили прошлый выпуск «Исследований по языкам Африки», который был практически готов

к печати, когда ее не стало. Незадолго до своей кончины Ирина Николаевна написала для юбилейной конференции тезисы предполагаемого доклада, который ей не суждено было прочитать. Мы сочли уместным опубликовать эти тезисы в настоящем издании, нисколько не сомневаясь в том, что Ирина Николаевна имела в виду впоследствии подготовить более развернутый текст статьи.

В сентябре 2016 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался Виктор Алексеевич Виноградов (1939–2016), член-корреспондент РАН, заведовавший отделом африканских языков начиная с 1988 г. Виктор Алексеевич имел заслуженную репутацию одного из ведущих отечественных специалистов в целом ряде областей языкознания – африканского, типологического, общего, и ха-

актеризовать масштаб его личности и боль нашей утраты было бы невозможно в рамках настоящего предисловия. Естественно, что именно Виктор Алексеевич был инициатором проведения приуроченной к юбилею конференции, выступил в роли ответственного редактора этого сборника; более того, вся серия «Исследований по языкам Африки» является детищем Виктора Алексеевича. У этого сборника уже есть выбранное самим Виктором Алексеевичем посвящение, и поэтому, в числе прочих причин, мы не сочли возможным перепосвящать сборник его памяти; к тому же

нам кажется, что сборник не сомасштабен Виктору Алексеевичу. Однако мы не можем не сказать о том, что всегда будем помнить Виктора Алексеевича как выдающегося ученого и как необычайно доброго, отзывчивого и глубоко порядочного человека, который был не только прекрасным руководителем коллектива отдела африканских языков, но и нашим неизменным нравственным ориентиром.

Редколлегия

АФРИКАНСКО-АРАВИЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА (общее наследие и исторические контакты)¹

0. Языки древнейших цивилизаций Африки и Передней Азии оставили нам большое наследие в области культурной лексики. Сравнительное исследование лексики по материальной культуре может способствовать как реконструкции лексики из общего фонда языковой семьи, так и установлению изоглосс, свидетельствующих о древних культурно-исторических контактах носителей языков данного ареала. Оседлые цивилизации долины Нила, Южной Аравии, Месопотамии характеризовались не только развитием земледелия, но и развитием строительного искусства.

0.1. Наиболее распространенными и наиболее доступными строительными материалами природного происхождения в этих районах были глина и камень. Об этом свидетельствуют археологические и этнографические данные исследователей культур долины Нила и более южных районов Центральной Африки, относящиеся не только к древнему, но и к новому периодам. Поскольку добыча и использование глины изначально были проще и доступнее, чем добыча и обработка камня (для последнего требовались специальные орудия), то обратимся именно к этому материалу.

0.2. Глина как сырье, как природный материал

В Египте древнейшего периода и до настоящего времени используется влажный ил, добываемый на всем протяжении долины Нила от низовий до верховьев его притоков [Замаровский 1981: 175; Лукас 1958: 103; Пугач 1985: 81, 136]. Древние цивилизации Месопотамии и Южной Аравии также использовали в строительстве глину из аллювиальных долин как постоянных рек, так и сезонных потоков [Антонова 1998: 52–54; Darles 1998: 77–80; Белова 2008(а): 66].

В древнеегипетской лексике обнаружено несколько корневых

¹ В статье продолжается разработка темы, начатой в 2004–2005 гг. [Belova 2007; Белова 2008 (1); Белова 2008 (2)].

основ, связанных с понятием ‘глина; липкая, вязкая земля; грязь’.

1.0. Названия глины как природного материала: ‘глина; липкая, вязкая субстанция’; глина как ‘сырьевой материал’ (‘mud, clay’; ‘argile, terre glaise’; ‘Lehm, Ton’).

1.1. Eg ‘*im* (M. R.) ‘Ton, Lehm (Material)’ [Erman et al. I 1957–1971: 78] (глина (как материал) с производными: ‘*im n twt* ‘глина для медицинского применения’; ‘*imj.t* ‘некто изготовленное из глины’ [ibid.].

Copt OOMC, OMC ‘argile’ [Vycichl 1983: 155] ‘глина’; Eg Dem ‘*m* ‘argile’/ ‘глина’; ср. также возможный фонетический вариант с частичной редупликацией ‘*am’.t* и с полной редупликацией ‘*m’.m.t* ‘Art Ackerboden’ / ‘вид пахотной земли’ [Erman et al. I 1957–1971: 185–186; Vycichl 1983: 155].

Оба фонетических варианта можно сопоставить с таковыми в эфиосемитских языках: GZ ‘*am’am* / ‘*am’am* ‘mud, slime’ / ‘грязь, ил; слякоть, тина’; Te ‘*am’ama* ‘spoil’ / ‘земляной отвал, пустая порода’ [Leslau 1987: 62–63].

В других семитских языках соответствия не обнаружены².

2.0. Название глины как природного материала, сырья для строительных средств, как «сырой земли» в более широком значении, и которое реконструируется как прасемитское, засвидетельствовано в большинстве семитских языков.

Первая реконструкция приведена в работе П. Фронзароли (на материале арабского, северо-западных и аккадского языков).

2.1. Sem **ṭīn-* Aram-Syr *ṭīn-ō* Hbr *ṭīṭ* Akk *ṭīṭṭ* (<**ṭīn-t*) [Fronzaroli 1968: 287, № 5/04]. К этой реконструкции можно добавить материал современных южноаравийских языков Mhr Hars *ṭayn* Jib *ṭin/ ṭun* ‘clay’/ ‘глина’ [Johnstone 1977; 1981: 182].

На территории Африки засвидетельствованы формы в кушитском бедауйе: Beḏ *tīn* / *ṭīn* ‘Thon, Lehm, Schlammerte’/ ‘глина, илистая почва’ [Reinisch 1895: 230]. На сравнительном материале чадских языков устанавливается также реконструкция как **[t]Vn* > **tin* ‘clay’/ ‘глина’ [Столбова 2016: 332, № 768].

Некоторый слабый след соответствия можно предположить в Eg

² Предположительно можно сопоставить с глагольной основой в Arab (Sudan Dial.) *gny* ‘покрывать (хижину) хворостом и глиной’ [Шариф 2002: 702]. Однако при этом следует учесть, что Arab ‘*mm* / *gmm*’ представляют фонетические варианты глагольных основ с семантическим полем ‘покрывать’.

позднего периода: (а) *tnj* (Nā, D.21, Sp.) ‘Art Acker’/ ‘вид пашни, пахотной земли’ [Erman et al. V 1957–1971: 311], если Eg *t* = Sem **t* [Takács 1999: 231]; (б) Copt (S) THNE ‘Damm als Feldergrenze’/ ‘дамба как граница поля’ [Erman et al. V 1957–1971: 465], если предположить сооружение дамбы из глины. Ср. в Eg более раннего периода: Eg (Lit. MR) *dnj* ‘abdammen’/ ‘оградить плотиной’; *dnj(n.)* ‘Damm, Deich’ / ‘плотина, дамба’ [Erman et al. V 1957–1971: 464–465], если Eg *d* = Sem *t* [Takács 1999: 245].

2.2. Глина как материал для гончарных изделий

Eg (A. R.) *šjn* ‘Ton (Material)’/ ‘глина как материал’ [Erman et al. IV 1957–1971: 37–38]; отмечается в контекстах: «свежая (*wzd*) глина»; с названиями изделий из глины; «кирпич», «статуэтки»; печати (Siegel); значение глагольной основы ‘взломать печать’.

В этимологических исследованиях отмечаются соответствия: Sem Aram *sāyān* ‘mire’/ ‘Lehm’/ ‘грязь; всякая липкая глина’ Syr *sāyān-ā* ‘mire’/ ‘грязь; трясина’; Вост. кушит. Somray *siña* ‘loam’/ ‘Lehm’/ ‘жирная глина’ [Takács 1999: 81].

2.3. Глина функционального назначения: глина в виде сырцового или обожженного кирпича, лепного кома, обмазки, штукатурки

Eg (Pyr) *db*, *db.t* (NK) *dbt* ‘brick’/ ‘кирпич’ [Gardiner: 469]; demot. *tb* (ib.); Copt (S) TWBC (B) TWBI [Erman et al. V 1957–1971: 553; Yucichl 1983: 210–211] ‘Ziegel’/ ‘brique’/ ‘кирпич’.

Verb (tachelh) *ut-tib* ‘brique’/ ‘кирпич’» [Yucichl 1983: 211].

Cush Beq *tūb* ‘Ziegelsteine’/ ‘соб. кирпич’ [Reinisch 1895: 221].

Chad **dVb* ‘building clay’/ ‘строительная глина’ [Столбова 2016: 94, № 132]; также – (W) Hausa *tàboo* Bol *tàbbi* Pero *tebó* ‘mud’/ ‘глина’ [Stolbova 1996: 103]³.

Sem Ethiosef Te *ṭob* Tna *ḥə-ṭub* Amh *ṭub* Gz *ṭəb* ‘-ot’ ‘brick’/ ‘кирпич’ [Leslau 1987: 585]; Arab *tūb*- ‘brique cuite’/ ‘обожженный кирпич’ [Kazimirski de Biberstein 1860: 116]; ‘motte de terre dure et sèche’/ ‘твердый и высохший комок земли’ [Dozy 1967 v.2: 65]; *ṭaw-wāb*- ‘fabricant des briques’/ ‘кирпичник’; Arab. dial.: Eg. D *tūb* Sudan D. *ṭub* ‘обожженный кирпич’ [Шариф 2002: 618]; Maroc *ṭob* ‘motte, brique séchée au soleil’/ ‘комоч, кирпич, высушенный на солнце’ [Ferré б/г: 277]; Hass. dial. *tūb* / *tūv* ‘motte de terre argileuse’/ ‘комоч

³ Из личных наблюдений африканиста О.В. Столбовой: *dob* представляет в Нигерии комок глины, которым залепливают стенки хижины (по любезному устному сообщению О.В. Столбовой).

глинозема' [Taine-Cheikh 1988–1989 v.II: 25]; Yemen (Tihāma) *tub* 'Ziegel' / 'кирпич' [Behnstedt 1985–1996, 2006: 790].

На афразийском уровне на сравнительном материале семитских, кушитских, берберских и чадских языков предлагается реконструкция двухсложной основы с фонетическими вариантами **tVp̄ / tVp / dVf* 'mud' [Diakonoff et al. 1995: 27, № 214].

Хотя материал древнеегипетского и коптского языков характеризуется дополнительным функциональным значением (изделие из глины: комок глины, сырцовый кирпич), этот материал также можно включить в данную реконструкцию.

2.4. Фонетическое «столкновение» терминов в Месопотамии

Особенности природных ресурсов Месопотамии обусловили самое широкое использование такого природного сырья, как глина. Этот материал применялся не только для строительных целей, но и для изготовления орудий (из обожженной глины), а также использовался как писчий материал [Антонова 1998: 43; Шарпен 2009: 96–100]. Этот материал представляет собой табличку из сырой глины, удобную для письма острым стилем (из тростника, кости и т. п. материала). Функциональное назначение глиняной таблички обусловило основные значения термина как 'письмо; послание; письменный документ > документ':

Akk *tupp-(um)* 'clay tablet, document, letter' / 'Tontafel, Tafel, Urkunde' [Black et al. 2000: 415; Riemschneider 1973: 144, 211, 274] < Sumer DUB 'табличка для письма; письменный документ' – [Канева 2006: 32, 56, 170, 194]. Ср. также производные: Akk *tupšarr-(u)* 'scribe, scholar' / 'писец; ученик' [Black et al. 2000: 415] < Sumer DUB.SAR [ib.; Канева 2006: ib.]⁴.

2.5. Работа с глиной

В древнеегипетском и коптском языках можно отметить глагольную основу:

Eg *pjp/pjpi* (Nä) '(Lehm) kneten; (Ziegel) streichen' / 'месить (гли-

⁴ В семитологии встречается сопоставление Akk *tupp-* с сабейским термином Sab (n.) *ʿf-n* 'plaque, votive tablette' / 'табличка, посвятельная табличка' [Biella 1982: 220]. Возможное заимствование могло быть предположено по функциональному назначению артефакта. Однако контексты свидетельствуют о том, что такие таблички могли быть из серебра [Biella 1982: ib.], бронзы и других материалов. Другое возражение приводится в связи с тем, что между аккадским и сабейским такой термин не обнаружен ни в одном из языков-посредников [Sima 2000: 339–340].

ну); лепить (кирпичи)»; Dem *ppj* (id.) Copt (S) ΠΩΩΠЄ/(B) ΠαΠЄ (id.) [Erman et al. I 1957–1971: 502; Vycichl 1983: 161]. Габор Такач обнаруживает в некоторых кушитских именные основы *piuuu / po'o / rwi'u* 'mud', в одном из чадских (Gulfei) *pa* 'Lehm'. На этой основе предлагается «африканская» реконструкция именной основы как **py/w* 'mud; Lehm' [Takács 2001, v.II: 417–418].

3.0. Глина и кирпич в Аравии

mVdVr 'земля' – расширение и сужение значения.

3.1. В эпиграфических памятниках древнеюжноаравийской цивилизации отмечаются именные основы: Sab *mdr* (pl. '-*mdr / mdwr*) «territoire, sol / земля (как территория), земля (как почва, (земляной) пол [Beeston et al. 1982: 83; Biella 1982: 267; Müller 1983: 281].

Ethioseme: Cz *madr* (pl. *madr-āt / 'a-mdār-āt*) 'earth, ground, soil, country, land; floor (of a house)' Te Amh Gur *madr* Tna *mādi* [Leslau 1987: 330] 'земля, страна, почва, пол'.

Cush: Saho *midribēt* 'der gestampfte Fussboden im Hause, Vorraum... / 'утрамбованный пол дома, передней помещения' [Reinisch 1890: 258] < Ethioseme.

В современном южноаравийском Hobyot (Oman) *mdeér* 'mud' [Nakano 2013: 319].

Arab *madar*- 'вязкая, клейкая земляная масса, глина'; *madar-at* 'motte d'argile avec laquelle on construit des maisons'; v. *mdr* 'обмазывать глиной стенки водоема, заделывать трещины стенок, щели между камнями' [Bräunlich 1924: 490].

Yemen. dial. *madar / medar* 'brique cuite an soleil' / 'кирпич, высушенный на солнце' [Landberg 1907: 434–435]; 'Ton, Lehm' / 'глина' [Behnstedt 2006: 1149].

Copt (S) МАТР, (B) МАТЄР 'colle' / 'клей' [Vycichl 1983: 125].

В других семитских языках и в других арабских диалектах основы в данных значениях не отмечены⁵.

Исходным центром изоглоссы **mVdVr* представляется Южная Аравия, в кушитские и коптские языки попадает как заимствование.

3.2. Глина > сооружения из глины

Специальные названия глины как строительного материала и материала для кирпича в эпиграфических текстах древних южноаравийских цивилизаций не отмечены. Однако археологические

⁵ В постбиблейском: Postbibl. Hbr *meder* 'сухая глина' [Шапиро 1963: 312] (? < Arab).

данные свидетельствуют о широком применении сырцовых кирпичей: «Для сырцовых кирпичей использовалась земля хорошего качества (*terre exellante*), добываемая с орошаемых полей. Этот материал был результатом наносов, оставляемых водными потоками; к основному сырью добавляли солому, остающуюся от культивируемых злаковых» [Darles 1998: 81].

Можно предположить, что особое название такой строительной глины сохранилось в специальной лексике традиционного строительного мастерства в арабских диалектах Южной Аравии. Ср. Dial. Ḥaḍramout: в описании строительства дома – как один из основных материалов для кирпича упоминается особый вид глины (*īn*), который здесь называется *zibār* [Landberg 1907: 394–397]; также Yemen. dial. (Tihāma) *zābūr* ‘earth of excellent quality used in building’ / ‘земля лучшего качества, используемая в строительстве’ / ‘wall of mud’; ‘глинобитный вал, дамбы, плотина (для сдерживания воды)’; именные основы: *zabr* / *zabīr* ‘дамба, плотина в канале’; глагольная основа: *zawbar* ‘to construct a mud wall’ / ‘сооружать глиняную стенку, преграду’ [Piamenta 1990: 195]. Ср. именную форму в ESA Qat *zbr* (n.) ‘building, structure’ / ‘строение, сооружение’ [Ricks 1989: 59].

В сабейском засвидетельствована глагольная основа (деноминатив?) Sab *zbr* (v.) ‘erect a construction’ / ‘возвести сооружение’ [Beeston et al. 1982: 170; Biella 1982: 158]. Учитывая, что в ESA отмечено несколько глагольных основ семантического поля ‘строить’: *bny* ‘строить’ (самого общего значения); *nš* ‘воздвигать, сооружать’; *nšb* ‘возводить; воздвигать; устанавливать (памятник, стену)’; *qwm* / *h-qt* ‘строить, сооружать, воздвигать’; предполагаем, что синонимия обусловлена различной коннотацией глагольных значений. Строительная деятельность может характеризоваться по ее назначению, условиям и т. п. Возможно, что глагольная форма *zbr* обозначает сооружение именно глинобитных конструкций типа плотины, дамбы и является вторичным производным в семантическом поле ‘глина, работа с глиной’.

В связи с рассмотренным особым названием глины *zVbr* в Южной Аравии следует обратить внимание на одно из названий глины в эфиосемитских языках: Gz *šabr* / *šəbur* / *ḍabr* ‘mud, clay; mortar; mire’ (v.) *šbr* ‘knead clay; work clay’; Tna *šabri* (n.) id. [Leslau 1987: 546]. Отсутствие регулярного соответствия между семитскими *z* и *š*; кроме того, фонетические варианты в геэзе могут свидетельствовать о том, что данное название восходит к древнему заимство-

ванию и представляет «блуждающий термин».

В других языках афразийской макросемьи возможные соответствия не обнаружены. Однако, в связи со вторичными значениями рассматриваемого термина – производными глаголами сооружения плотины, дамбы, ср. Eg (M. R.) *ḏbz* (если Eg *ḏ* : Sem *d/s*; Eg *z* : Sem *r*) ‘verstopfen (ein Kanal)’ / ‘закупоривать, запруживать (канал)’ [Erman et al. V 1957–1971: 558]; Kush Afar *dabir* ‘плотина, запруда’ [Parker, Nayward 1985: 78].

4. Исследование названий древнейших стройматериалов в афразийских языках представляет сложную систему терминов различного происхождения. Названия природного сырья и простейших изделий из этого сырья восходят к древнейшему периоду афразийской общности.

Название изделия **ṭwb* прежде всего связано с названием сырьевого материала, но, как специализированное, обозначающее особый артефакт, восходит к древнеегипетской лексике и связано с развитием строительной техники древнеегипетской цивилизации. Как традиционный и устойчивый артефакт сохраняется не только в лексике позднеегипетской цивилизации, но и входит в другие родственные (и неродственные) языки африканского региона. Проникая на юго-запад Аравийского полуострова, *iūb* «встречается» с названиями аравийского и месопотамского происхождения: **mVdVr* / **libn* – ‘сырцовый кирпич’, а также – ‘*agūr-* / ‘*agūr* ‘обожженный кирпич’. Труднее установить происхождение специализированных названий строительной глины, часть из них может восходить к местному субстрату.

Большой интерес представляют некоторые явления в области семантики исходных терминов. Семантическое поле и словообразовательное гнездо расширяются не только в связи с образованием деноминативов ‘работать с глиной’, ‘месить глину’, с образованием названий профессий, но и с появлением названий объектов, произведенных из глины: **ṭVb* – не только ‘глина’, но и ‘кирпич’; **mVdVr* – не только ‘земля’, но и ‘кирпич’; **zVbr* – не только ‘особая’ глина, но и ‘дамба из глины’.

В то же время термины сходного значения, но с нарушением регулярных фонетических соответствий представляют уже более поздние результаты культурно-исторических контактов.

Сокращения

Akk – аккадский; Amh – амхарский; Arab – арабский; Aram – арамейский; Beḏ – бедауе (беджа); Berb – берберские языки; Copt – коптский; Cush/Kush – кушитские языки; Chad – чадские языки; D/dial. – диалект; Eg – древнеегипетский; ESA – древние южноаравийские; Gz – геэз; Gur – гураге; Ḥars – харсуси; Ḥass – хассания; Hbr – древнееврейский; Jib – джиббали; Magoc – марокканский (диал.); Mhr – мехри; Sab – сабейский; Sem – семитские языки; Sumer – шумерский; Qat – катабанский; Te – тигре; Tna – тигринья.

Литература

- Антонова Е.В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М.: «Восточная литература», 1998.
- Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. Изд. 5-е. М., 1976.
- Белова А.Г.* «Глина» и «кирпич» в Южной Аравии и Восточной Африке (истоки терминологии) // Эпиграфика Востока XXII. М.: Изд-во ИВ РАН, 2008(a). Сс. 58–68.
- Белова А.Г.* Культурная лексика Южной Аравии в сравнительно-историческом аспекте (термины материальной культуры – названия стройматериалов). М.: Изд-во ИВ РАН, 2008(b).
- Замаровский В.* Их величества пирамиды. М.: ГРВЛ., 1981.
- Канева И.Т.* Шумерский язык. Изд. 2-ое, перераб. и доп. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2006.
- Касим Ш.* 'awn ash-Sharīf Kāsim. Qamūs al-lahḡati l-'āmmiyya fī s-Sūdān. Ed. 3. Khartoum: al-Dar al-sudania for Books, 2002.
- Лукас А.* Материалы и ремесленные производства Древнего Египта (1948). М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1982.
- Лэйн Э.У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. (1923). М.: ГРВЛ, 1982.
- Пугач З.Л.* Культура народов верховьев Нила. М.: Изд. Наука, ГРВЛ., 1985.
- Столбова О.В.* Этимологический словарь чадских языков. М.: Изд-во ИВ РАН, 2016.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2 изд., т. 1–4. М., 1986–1987.
- Шапиро Ф.Л.* Иврит-русский словарь. под ред. проф. Б.М. Гранде. М.: Изд. иностр. словарей, 1963.
- Шарпен Д.* Чтение и письмо в Вавилонии. М.: РГГУ, 2009.
- Appleyard D.* A Comparative Dictionary of the Agaw Language. Köln: Köppe, 2006.
- Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (Eng-

- lish-French-Arabic). Louvain-la-Neuve: ed. Peeters, 1982.
- Behnstedt P.* Die nordjeminitischen Dialekte. T. 2. Glossar. Wiesbaden, 1985–1996; 2006.
- Belova A.* Südarabisches Lexicon im Gebiet der Baumaterialien. Vergleichende Analyse // Akten des 7. intern. Semitohamitischen Kongresses (Berlin 2004). Aachen: Shaker Verlag, 2007. Ss. 329–338.
- Biella J.C.* Dictionary of Old South Arabic. Sabaeen Dialect. Chico, CA, 1982.
- Black J., George A., Postgate N. et al. (eds.)* A Concise Dictionary of Akkadian. 2-th print. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000.
- Blažek V.* Lexica Nostratica. Addenda et Corrigenda // Archiv Orientální 57. 1989. Pp. 201–210.
- Bräunlich E.* The Well in Ancient Arabia // Islamica, vol. I. Lipsiae, 1924/1925 (fasc. I).
- Breton J.F.* L’habitat à Shabwa: originalité et traditions régionales // Fouilles de Shabwa–III. Beyrouth, 1998.
- Darles C.* Étude typologique de l’architecture civile intra-muros // Fouilles de Shabwa III. Beyrouth, 1998. Pp. 77–86; 95–118; 163–171.
- Diakonoff I.M., Belova A.G., Chetverukhin A.S., Militarev A.Yu., Porkhomovsky V.Ya., Stolbova O.V.* Historical Comparative Vocabulary of Afrasian // St. Petersburg Journal of African Studies. № 2/1994; № 3/1994; № 4/1995; № 5/1995; № 6/1997.
- Dozy R.* Supplement aux Dictionnaires Arabes. 2 ed., t. 1–2. Leiden – Paris, 1927; 3 ed. Vol. 1–2. 1967.
- Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I–V. Berlin, 1957–1971.
- Ferré D.* Lexique marocain-français. Maroc, б/г.
- Gardiner A.* Egyptian Grammar. Ed. 3, Oxford: OUP, 1988.
- Kazimirski de Biberstein A.* Dictionnaire Arabe-français, T. 2. Paris, 1860.
- Landberg C.* Études sur les dialectes de l’Arabie méridionale. V. I. Ḥaḍramōūt. Leyde, 1907.
- Leslau W.* Comparative Dictionary of Ge’ez. Wiesbaden, 1987.
- Müller W.W.* Äthiopische Marginalglossen zum sabäischen Wörterbuch // Ethiopic Studies. Dedic. to W. Leslau on his 75-th birthday. Wiesbaden, 1983. Ss. 275–285.
- Nakano A.* Hobyōt (Oman) Vocabulary (with example texts). Ed. by Robert Ratcliffe. Tokyo: Tokyo Univ. of Foreign Studies, 2013.
- Parker E.M., Hayward R.J.* An Afar-English-French Dictionary. London, 1985.
- Piamenta M.* Dictionary of Post-Classical Yemeni Arabic. Leiden – N. Y. – København – Köln, 1990.
- Reinisch L.* Wörterbuch der Beḍaue-Sprache. Wien, 1895.
- Reinisch L.* Wörterbuch der Saho-Sprache. Wien, 1890.

Ricks S.D. Lexicon of Inscriptional Qatabanian. Roma, 1989.

Riemschneider K.K. Lehrbuch des Akkadischen. 2. ed. Leipzig: Veb Verlag Enzyklopädie, 1973.

Sima F. Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Wiesbaden: Harrassowitz-Verlag, 2000.

Stolbova O.V. Studies in Chadic comparative Phonology. Moscow, 1996.

Taine-Cheikh C. Dictionnaire Ḥassāniyya-Français. Vv. I–III. Paris: Libr. Orient. Paul Geuthner, 1988–1989.

Takács G. Etymological Dictionary of Egyptian. Vol. I. Leiden – Boston – Köln: Brill, 1999.

Takács G. Etymological Dictionary of Egyptian. Vol. II. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2001.

Vycichl W. Dictionnaire étymologique de la langue copte. Leuven, 1983.

В. Ф. Выдрин
(INALCO / LLACAN / IUF / СПбГУ)

**«ОН ПОДНЯЛСЯ НА НОГУ» VS. «ЕМУ НАДРАЛИ УШИ»:
УПОТРЕБЛЕНИЕ СИНГУЛЯРНЫХ И
ПЛЮРАЛЬНЫХ ФОРМ НАЗВАНИЙ
ПАРНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА
В БАМАНА¹**

Давно известно, что в языках манде, как и во многих других изолирующих языках, число не является в полной мере грамматической категорией. Это проявляется как в морфемике плюрального показателя – он нередко оказывается не аффиксом, а служебным словом (при этом его обычно включают в часть речи «детерминатив») или клитикой, так и в его дистрибуции – его употребление оказывается необязательным или даже невозможным во многих контекстах, где, вне всякого сомнения, речь идет о более чем одном объекте.

В бамана, наиболее известном и хорошо описанном языке группы манден, такие контексты также имеются. Наиболее заметными являются, по-видимому, отсутствие плюрального показателя у существительных, определяемых количественными числительными², а также у названий парных частей тела. Этому последнему контексту и посвящено данное исследование.

¹ This work is related to the research strand 3 «Typology and dynamics of linguistic systems» of the Labex EFL (financed by the ANR/CGI).

² На самом деле абсолютного запрета на присоединение плюрального маркера к существительному, определяемому количественным числительным, нет; в Справочном Корпусе Бамана таких примеров обнаруживаются сотни. Встречаются в Корпусе и единичные случаи присоединения плюрализатора к количественному числительному. Очевидно, такое употребление показателя множественного числа связано с выражением сильной определенности. Как бы там ни было, исследование этого контекста не входит в задачи данной статьи.

Базовые сведения по морфемике и синтагматике плюрального показателя

Показатель множественного числа в бамана – вокалический суффикс (или энклитика) *-u*, который в практической орфографии обозначается как *-w*: *mùso* ‘женщина’ – *mùsow* [mùsòù] ‘женщины’. Если конечный гласный основы, к которой присоединяется этот суффикс, носовой, то назализуется и гласный суффикса (что, впрочем, не отражается в практической орфографии): *fèn* [fɛ̃] ‘вещь’ – *fènw* [fɛ̃w̃] ‘вещи’. Плюрализатор не имеет своего лексического тона (иначе говоря, он представляет собой тонально-рецессивный слог, см. подробнее о подразделении слогов на доминантные и рецессивные в [Vydrin 2016]). В подавляющем большинстве случаев он реализуется с низким тоном, однако это объясняется тем, что ему предшествует артикль, представленный плавающим низким тоном, и низкий тон артикля распространяется на вокалический суффикс: *mùso-`u* → [mùsòù], *fèn-`u* → [fɛ̃w̃]. В тех немногих контекстах (при правосторонней релятивизации, при некоторых детерминативах), где тонового артикля слева от плюрализатора нет, на него распространяется тон предшествующего слова, например: *wérew* [wɛ́rɛ̀w̃] ‘другие’, *dów* [dó̀w̃] ‘некоторые’. В письменных текстах тоновый артикль перед показателем множественного числа практически никогда не отмечается; в данном исследовании он также не будет приниматься во внимание, тем более что для темы данного исследования его наличие или отсутствие не играет роли.

В атрибутивной именной конструкции определение (прилагательное, причастие) следует за определяемым существительным. Показатель множественного числа присоединяется в таком случае к определению (т.е. оказывается в крайне правой позиции), при этом сферой его действия оказывается вся именная группа: *mùso òuman-`w* [mùsò òúmáw̃] ‘хорошие женщины’.

В иллюстративных примерах тоны обозначаются только на доминантных слогах; отсутствие знака тона на гласной означает, что данному слогу тон приписывается автоматически, в соответствии с правилами тональной реализации, см. [Vydrin 2016]. Все примеры взяты из Справочного Корпуса Бамана; при каждом из них дана в квадратных скобках ссылка на источник; список источников дается в конце статьи, перед библиографией.

Как уже было сказано, названия парных частей тела почти всегда употребляются без плюрального показателя, при этом по контек-

сту видно, что может иметься в виду как единичный объект (1, 2), так и множественный (3, 4); нередки также и ситуации, когда обе интерпретации оказываются допустимыми (5, 6).

(1) *M̀̀g̀g̀ sebe-` káburu-` be jira ní bólo` yé,*
 человек серьезный-ART могила-ART IPFV показывать и рука-ART PP
m̀̀g̀g̀ lankolon-` káburu-` be jira ní b̀̀nbon-` yé.
 человек пустой-ART могила-ART IPFV показывать и подбородок-ART PP
 ‘Могилу серьезного человека указывают рукой, а могилу человека никчемного – подбородком’ [Sagesse bambara].

(2) *Bàmakò d̀̀g̀g̀t̀̀r̀̀ẁ t̀̀ǹ b'` à s̀̀ǹ in t̀̀g̀e, Gasire k'` à*
 Бамако врач-PL PST IPFV 3SG нога этот резать Гасире говорить 3SG
te sé kà t̀̀g̀e.
 IPFV.NEG мочь INF резать
 ‘В Бамако врачи собирались отрезать эту ногу, но Гасире сказал, что ее нельзя отрезать’ [Sunjata Keyita].

(3) *Nininkali-` bàla kójugu móri-ke-` lá, ò y'` à*
 вопрос-ART удивлять ужасно марабут-мужской-ART в это PFV.TR 3SG
лэ-` bóso.
 глаз-ART сдирать
 ‘Этот вопрос так изумил марабута, что он выпучил глаза’ [An ka yele].

(4) *Bólo-` f̀̀ j̀̀g̀g̀n kó d̀̀ be dùnun-ba-`*
 рука-ART следовать RECP после FOC IPFV барабан-AUGM-ART
dí-ya.
 приятный-DEQU
 ‘Когда руки следуют друг за другом, это делает звук барабана приятным’ [Kibaru 12 4banba-bolofò nyogon].

(5) *Né-jalan-dimi-` be lá-sé m̀̀g̀g̀ wére mà, ní í*
 глаз-сухой-болезнь-ART IPFV CAUS-достигать человек другой к если 2SG
be tó k'` í jé dímito-` cónko.
 IPFV оставаться INF 2SG глаз болеть-PTCP.PRG-ART тереть
 ‘Конъюнктивит может передаваться другому человеку, если ты постоянно трешь больной глаз / больные глаза’ [Jí ní keneya].

(6) *Kó dén-nin ó, é ka í túlo-` nà yàn.*
 QUOT ребенок-DIM EMPHATIC 2SG.EMPH SBJV 2SG ухо-ART приходить здесь
 ‘Он сказал: «Девушка, послушай-ка!» (букв.: «Придвинь сюда свое ухо/свои уши»)» [Bakarijan janfa].

Очевидным образом, для названий парных частей тела форма без показателя множественного числа не должна считаться сингулярной: по сути дела она представляет собой форму «общего числа» (general number в том смысле, который вкладывает в этот термин Корбет [Corbett 2000: 9–18]). Эта форма сама по себе не выражает ни единственности, ни множественности; в тех случаях, когда необходимо уточнить, что речь идет именно об одной из парных частей тела, это делается лексически, при помощи числительного *kélen* ‘один’ (7, 8).

(7) *À ye bá-muso-` sɛn kélen tige kà bòli.*

3SG PFV.TR мать-женский-ART грудь один резать INF бежать
‘Он отрезал матери (одну) грудь и убежал’ [Görög 1979].

(8) *Bilisi sɛn kélen kári-len-` bàga-` wíli-la*

Билиси нога один ломать-PTCP.RES-ART яд-ART подниматься-PFV.INTR
à fɛ sá...

3SG с наконец

‘Наконец боль в сломанной ноге стала невыносимой для Билиси...’ [Bakarigan ni Bilisi].

Таким образом, бамана оказывается в весьма многочисленной группе языков мира, где общее число имеет ту же форму, что и сингулярис, противопоставляясь формально множественному числу [Corbett 2000: 14–16], с той особенностью, что такое совпадение затрагивает в основном лишь очень небольшую семантическую группу – названия парных частей тела.

В то же время при более внимательном анализе материала оказывается, что плюральные формы названий парных частей тела всё же встречаются. Поиск по подкорпусу со снятой омонимией³ Справочного Корпуса Бамана дает следующие цифры (см. Таблицу 1)⁴.

³ На момент проведения исследования объем подкорпуса со снятой омонимией составлял более 563 тыс. слов, а общий объем Корпуса – 2 941 508 слов.

⁴ Количество сингулярных форм по всему Корпусу в таблице не дается, поскольку в подкорпусе с неснятой омонимией (где, вдобавок к полной омонимии, не различается и квазиомонимия, поскольку тоны там игнорируются) имеется весьма ощутимый «шум»: с сингулярной формой *bólo* ‘рука’ совпадает послелог *bólo* и существительное *bólo* ‘ветвь’, с сингулярной формой *lé* ‘глаз’ совпадают послелог *lé* и глагол *lé* ‘удаваться’, с сингулярной формой *sɛn* ‘нога’ совпадают глагол *sɛn* ‘копать’ и существительное *sɛn* ‘мост’ и т.д. В сплошной выборке по плюральным формам отсеиваются омонимичные и

	Подкорпус со снятой омонимией			По всему Корпусу
	Ед.ч.	Мн.ч.	Мн.:Ед.	Мн.ч.
<i>bíŋe</i> ‘рог’	17	2	8,5:1	3
<i>bólo</i> ‘рука’	616	21	29:1	190
<i>dáfuruku</i> ‘щека (внешняя)’	0	0	–	0
<i>gére</i> ‘рог’	7	0	–	3
<i>kúnbere</i> ‘колено’	4	0	–	0
<i>nkènken</i> ‘щека (внутренняя)’	1	0	–	0
<i>nkènkenfuru</i> ‘щека (внутренняя)’	0	0	–	0
<i>ǹ̀nk̀̀n</i> ‘локоть’	16	0	–	0
<i>ǹ̀nk̀̀nkuru</i> ‘локоть’	4	1	4:1	1
<i>ɲé</i> ‘глаз’	600	21	28,5:1	113
<i>sèn</i> ‘нога’	586	26	22,5:1	230
<i>sín</i> ‘грудь (женская)’	32	1	32:1	13
<i>tége</i> ‘ладонь’	113	7	16:1	44
<i>túlo</i> ‘ухо’	142	7	20:1	55

Таблица 1: Количество употреблений названий парных частей тела в сингулярной и плюральной формах

Как видно из таблицы, для тех лексем, высокая встречаемость которых позволяет говорить о релевантности статистики (*bólo* ‘рука’, *ɲé* ‘глаз’, *sèn* ‘нога’, *tége* ‘ладонь’, *túlo* ‘ухо’), сингулярные формы оказываются частотнее плюральных в 15–30 раз, так что правомерным кажется вопрос: не следует ли признать формы с показателем множественного числа просто ошибками или кальками с французского?

квазиомонимичные глаголы и послелоги (поскольку они не имеют форм множественного числа), а омонимичные и квазиомонимичные существительные (*bólo* ‘ветвь’, *sén* ‘мост’), сравнительно немногочисленные, устраняются ручной сортировкой.

В подкорпусе со снятой омонимией, где возможен поиск по нескольким строкам аннотации одновременно, ненужные примеры легко отсеиваются, поэтому здесь автоматический поиск позволяет достоверно определить и число сингулярных употреблений.

Против отнесения этих форм к банальным орфографическим ошибкам свидетельствует, во-первых, их довольно значительное число, и, во-вторых, тот факт, что они попадаются и в авторитетных изданиях, прошедших тщательную редакционную подготовку – в частности, в собрании эпических текстов Жерара Дюестра (например, [Douga de Koré], [Avenement de Da]). Против объяснения их влиянием французского или арабского говорит то, что такие плюральные формы обнаруживаются не только в газетах (тексты которых нередко действительно оказываются переводами с французского, что сказывается на их морфосинтаксисе) или в переводе Корана и Библии, но и в публикациях фольклорных текстов: сказок, загадок, эпоса, где иноязычного влияния ожидать не приходится.

Для того чтобы выявить типичные контексты, в которых употребляются формы множественного числа названий парных частей тела, была сделана сплошная выборка предложений, в которых такие формы встретились в Справочном Корпусе Бамана (объем этой выборки показан в последней колонке Таблицы 1). Анализ этой выборки показывает, что главный фактор здесь семантический, а именно: употребление названия парной части тела в плюральной форме чаще всего сигнализирует о том, что соответствующие части тела «не используются по назначению»: вместо того, чтобы выполнять свою естественную функцию, они подвергаются внешнему воздействию, оказываются объектами наблюдения, подвергаются заболеваниям или оказываются лишены возможности действовать. Иначе говоря, они выступают не как активные органы, а как пассивные объекты воздействия внешних сил.

Рассмотрим это положение более детально, взяв в качестве примера лексику *bólo* ‘рука/руки’.

Прототипическая функция руки – основное орудие физического воздействия на объекты окружающего мира. По-видимому, к числу естественных функций можно отнести и манипуляции руками («поднять/опустить руки», «размахивать руками» и т.п.), а также иные действия, где руки выступают как активные органы (например, «опереться на руки»).

Наиболее частотные контексты, в которых встречается форма мн. числа *bólou*:

- руки связаны (9) или закованы в наручники (10);
- руки ломают (11) или отрубает (12);
- руки пачкаются (13), их моют (14);

- руки оказываются объектом наблюдения, осмотра (15), размышления (16);
- на положение или функционирование рук обращается специальное внимание, оно оказывается маркированным (17, 18);
- руки используются не вполне прототипическим образом (19);
- руки болят (20) или не выполняют должным образом своих естественных функций (21);
- утверждается (или ставится под вопрос) наличие рук (22).

(9) *Yáli ò béé tùn te kóori-sene-na bólo-w*
 Q это всё PST IPFV.NEG хлопок-возделывать-AG.PRM рука-PL
sìri-len yé à kó kà dòn kóori-sene-waati yèrè
 вязать-PTCP.RES PP 3SG сзади INF входить хлопок-возделывать-время сам
kónò, mín b' à bàli kà sòrò ké kóori lá?
 внутри REL IPFV 3SG мешать INF доход делать хлопок-ART в
 ‘Разве всё это не приводило к тому, что руки хлопкороба оказывались связанными за спиной в тот момент, когда он как раз входил в сезон полевых работ, что и не позволяло ему получать доход от хлопка?’ [Jekabaaga 280].

(10) *Mádù Sìrun-nin kó ní pòlisi-w be síga*
 Маду короткий-DIM говорить если полицейский-PL IPFV сомневаться
àlè kàná nà tíla ù lá, ù ka nège-` ké à
 3SG.EMPH PRON приходить делить 3PL в 3PL SBJV железо-ART делать 3SG
sèn-` n' à bólo-w lá k' à bila ù kùn Bàmakò.
 нога-ART и 3SG рука-PL в INF 3SG класть 3PL на Бамако
 ‘Мамаду-Коротышка сказал: если полицейские сомневаются (и боятся), как бы он не убежал от них, пусть они наденут ему на руки и на ноги кандалы и несут его в Бамако [Kibaru 391 09jara-sonkuntigi_sasi].⁵

(11) *Dén-misen cáman fàga-ra, dɔ-w sèn-w*
 ребенок-маленький многочисленный убивать-PFV.INTR некий-PL нога-PL

⁵ Интересно, что в сочинительной конструкции *à sèn n' à bólow* ‘его руки и ноги’, несмотря на абсолютно тождественный синтаксический и семантический контекст, первое существительное употреблено в сингулярной форме, второе – в плюралной. По-видимому, здесь вступает в действие факультативное правило «сочинительного сокращения плюралного показателя», т.е. показатель множественного числа относится ко всей сочинительной конструкции. Впрочем, в других совершенно аналогичных контекстах показатель множественного числа может присоединяться к обоим существительным, ср. (12, 14, 15).

kári-la, dɔ-w bólo-w kári-la k' ù ké
ломать-PFV.INTR некий-PL рука-PL ломать-PFV.INTR INF 3PL делать

lújura-tɔ-w yé ù mása-w bólo.
трудность-ST-PL PP 3PL родитель-PL CNTRL

‘Многие дети были убиты, у некоторых были сломаны ноги, у других были сломаны руки, и они остались инвалидами на руках у своих родителей’ [Kibaru 392 07jalo-poyi_marisikalo].

(12) *Jɔn-feere-ba in ké-ra sábabu yé kà Fàrafinna-`*
раб-продавать-AUGM этот делать-PFV.INTR причина PP INF Африка-ART

bólo-w n' à sèn-w tige, k' à nàbara-ya.
рука-PL и 3SG нога-PL резать INF 3SG безногий-ABSTR

‘Эта великая работоторговля стала причиной того, что Африке отрезали руки и ноги и превратили ее в безногую калеку’ [Kibaru 395 09nuwiligibeto_konta-farafinna_jonfeereba].

(13) *N' ù jigin-na, ù be nɔɔ mɔgɔ-` bólo-w*
если 3PL намакать-PFV.INTR 3PL IPFV прилипнуть человек-ART рука-PL

àní báara-ke-minen-w ná.

и работа-делать-орудие-PL в

‘Когда/если они намакают, они прилипают к рукам человека и к инструментам’ [Dugukolonon].

(14) *...kà sɔɔ k' án jé-` n' án bólo-w n' án sèn-w kó*
INF получать INF 1PL глаз-ART и 1PL рука-PL и 1PL нога-PL мыть

k' ù jé ní sáfine-` yé.

INF 3PL белить и мыло-ART PP

‘... затем вымыть дочиста наши глаза, наши руки и наши ноги мылом’ [Kibaru 6 02kooori_furakeli].

(15) *Û kó nà ân ka í sèn-w ní í bólo-w yé.*

3SG говорить приходить 1PL SBJV 2SG нога-PL и 2SG рука-PL видеть

‘Они сказали: иди сюда, мы посмотрим на твои ноги и руки’ [Görög 1979 kungo_sogow_ye].

(16) *Hadu y' í múri fàri-kolo-` fàn kélen-kélenna kàn, bólo-w,*
Хаду PFV.TR REFL думать тело-кость-ART сторона один-один на рука-PL

sèn-w, jé-w, túlo-w, dùsu-kun-`, fàn kélen-kélen bée.

нога-PL глаз-PL ухо-PL сердце-голова-ART сторона один-один все

‘Хаду подумал о каждой части тела, о руках, о ногах, о глазах, об ушах, о сердце, о каждой части’ [Masalabolo].

(17) *Áw ye à fǝ à yé à ka à bólo-w*
 2PL IMP 3SG говорить 3SG PP 3SG SBJV 3SG рука-PL
lá-tílen-nen tó kà sǝrǝ kà à tége-w lámàga.
 CAUS-выпрямлять-PTCP.RES оставлять INF получать INF 3SG ладонь-PL шевелить
 ‘Скажи ему подержать руки выпрямленными, затем пошевелить кистями
 рук’ [Dǝgǝrǝ te sigida].

(18) *Kàbini ù ye cǝkǝrǝba-` bólo-w túru-len yé tása-`*
 с 3PL PFV.TR старец-ART рука-PL втыкать-PTCP.RES видеть миска
kǝnǝ dǝrǝn, ù bée tége-` kò-bali` gírín-na kà
 внутри только 3PL все ладонь мыть-PTCP.NEG-ART спешить-PFV.INTR INF
dúmuni-` fǝ-li-` dá-mìne.
 еда-ART расхватать-NMLZ-ART рот-хватать

‘Как только они увидели, что старец ткнулся руками в миску, они все, не помыв руки, набросились на еду и стали ее расхватывать’ [An ka yeɛ].
 (В описываемой ситуации старец, готовясь к трапезе, потерял равновесие и стал падать вперед, выставив перед собой руки. У бамана обычно люди едят вместе из одной большой миски или таза.)

(19) *Í dǝn-nama, í be ñúnuma í sǝn-w fila, n’í bólo-w*
 2SG ребенок-STAT 2SG IPFV ползать 2SG нога-PL два и 2SG рука-PL
fila kàn.
 два на

‘Когда ты ребенок, ты ползаешь на своих двух руках и двух ногах’
 [Malélices].

(20) *À bólo-w, à sǝn-w, à ñé-da-` fǝna be tǝn tǝma-`*
 3SG рука-PL 3SG нога-PL 3PL глаз-рот-ART тоже IPFV блокировать время-ART
dǝ-w lá.
 некий-PL в

‘Иногда ее ноги, руки или также лицо сводит судорога’ [Kibaru 130
 0bmuso_konoma].

(21) *...à gírín-na íkǝrǝ tǝn kà tǝgǝ-la-muru-` fǝosi kà*
 3SG спешить-PFV.INTR немедленно так INF бедро-в-нож-ART выхватить INF
jùru-w tǝge kà bǝ bǝnkanni-ke-la ìn bólo-w lá.
 веревка-PL резать INF выходить нападение-делать-AG.PRM этот рука-PL в
 ‘... он резко выхватил нож, висевший на бедре, перерезал веревки и вырвал-
 ся из рук этого нападавшего’ [Tabusire].

(22) *Tári bólo-w dǝ b’ ù lá, n’ ù be mìne-ni ké*
 или.же рука-PL FOC IPFV 3PL в если 3PL IPFV хватать-NMLZ делать

n' ò yé?

и это с

‘Есть ли у них руки, которыми они хватали бы?’ [Kurane].

Отметим, что когда функциональность парных органов не ставится под сомнение, то гораздо естественнее оказывается форма единственного/общего числа (23).

(23) *í té dùgu-` lá, í sèn-` ka kéne, í*
2SG COP.NEG земля-ART в 2SG нога-ART QUAL.AFF здоровый 3SG

bólo-` ka kéne!

рука-ART QUAL.AFF здоровый

‘Ты не в земле, твои ноги здоровы, твои руки здоровы!’ [Fatsya ni jigiya].

Тенденция, выявленная здесь применительно к слову *bólo* ‘рука’, верна и для других названий парных частей тела: по плюрализированным ушам бьют, их отрезают, затыкают или закрывают руками, моют, чистят и лечат; подвергшиеся плюрализации глаза осматривают, лечат, закрывают руками и т.п.

Употребление сингулярной формы в «пассивно-дисфункциональных» (перечисленных выше) контекстах не запрещено, но встречается несколько реже. Например, при поиске по всему Корпусу обнаруживается 14 случаев сочетания *bólo* ‘рука, руки’ + *siri* ‘вязать’ (учитываются и словоизменительные формы), при этом в 8 случаях *bólo* оказывается в форме множественного числа, и лишь в 6 – в сингулярной/общей форме, без плюрального показателя (например, 24) – при том что в целом плюральная форма в 29 раз менее употребительна, чем сингулярная (см. Табл. 1). Для сочетания *sèn* ‘нога, ноги’ + *siri* ‘вязать’ обнаруживается 9 употреблений, при этом лишь в двух *sèn* выступает не в плюральной форме.

(24) *Màgò-w ye bòre-` dá-yèle k' à sòrò*

человек-PL PFV.TR мешок-ART рот-открывать INF 3SG получать

dén-misen-nin-` dɔ́, mín si yé sà̀n 4 yé, ò lánkolon

ребенок-маленький-DIM-ART некий REL жизнь EQU год 4 PP этот пустой

sèn-` n' à bólo-` siri-len dòn bòrò in kò̀nɔ́.

нога-ART и 3SG рука-ART вязать-PTCP.RES PRES мешок этот внутри

‘Люди открыли мешок и обнаружили, что в этом мешке был четырехлетний ребенок, голый, его руки и ноги были связаны’ [Saheli 3 06kulibali_danbele_konta_tera-kunnafoniw_kafoyoro].

При этом встречаются и случаи, когда названия парных частей речи в плюралной форме появляются и в контекстах, где часть тела, как представляется, выполняет свою естественную функцию. Например, среди встретившихся в Корпусе употреблений формы *bólow* таких – около 12%. В каких-то из этих случаев могут быть выявлены иные факторы, благоприятные для плюрализации.

Одним из таких факторов, по-видимому, может считаться ситуация, когда выполняют действие несколько человек (множественный субъект характерен примерно для двух третей всех таких случаев), при этом нередко каждый из них действует одной рукой (25, 26), хотя последнее и не обязательно (27). Отметим, что этот фактор – скорее слабый; он разрешает использование плюралной формы, но отнюдь не делает ее обязательной. Так, поиск в Корпусе по последовательности *ù bólo dá* ‘положить их руку/руки’ (который позволяет найти также и флективные формы, в т.ч. *bólow*) дает следующие результаты: найдено 40 употреблений, при этом лишь в 5 случаях использована плюралная форма, *bólow*. Поиск по последовательности *ù bólo(w) dí* ‘дать их руки’ дает 34 употребления (из которых подавляющее большинство – в выражении *ù bólo(w) dí jǒgǒn mà* ‘подать друг другу руки’), в том числе 5 – с плюралной формой.

(25) <...> *kúma-ke-la-w* *y'* *ù bólo-w dá* *ù dùsu-`* *kàn*
говорить-делать-AG.PRM-PL PFV.TR 3PL рука-PL класть 3PL сердце-ART на
wálasa tǐne-` *ká fǒ*.

чтобы правда-ART SBJV говорить

‘... говорящие положили руки на сердца в подтверждение истинности сказанного’ [Jekabaaga 273].

(26) *À dén-muso-`* *n' à táama-jǒgǒn-`* *y'* *ù bólo-w*
2SG ребенок-женщина-ART и 3SG идти-RECP-ART PFV.TR 3PL рука-PL
mǒǒnǒbǒ *k' à dèmen* *kà wúli*.

вытягивать INF 3SG помогать INF подниматься

‘Его дочь и его/ее спутник протянули руки и помогли ему подняться’ [Tabusire].

(27) *Kère-fe-mǒgǒ-w* *gírín-na* *k' ù bólo-w dá* *ù kùn*
сторона-с-человек-PL спешить-PFV.INTR INF 3PL рука-PL класть 3PL голова
kà kúle.

INF кричать

‘Находившиеся рядом люди схватились за головы (букв.: положили свои руки на головы) и закричали’ [Kanuwa walew 2].

В остальных случаях, когда деятель один, наличие показателя множественности, очевидно, сигнализирует особую значимость того факта, что действие выполняется именно обеими руками, а не одной (28, 29).

(28) *N' à b' à fê k' à fɔ* «Nous», à *be béé*
если 3SG IPFV 3SG с INF 3SG говорить nous 3SG IPFV все

jira n' à bólo-w yé.

показывать и 3SG рука-PL PP

‘Если он хочет сказать «nous», он показывает на всех руками’ [Kibaru 395 08watare_konta-tubabukan_kalancogo] (из методических рекомендаций преподавателю французского языка).

(29) *À y' à bólo-w wíli sán-fê, k' à né-w fili*

3SG PFV.TR 3SG рука-PL поднимать небо-с INF 3SG глаз-PL бросать

sán-fê kà jíri-sun-ba-` lá-je.

небо-с INF дерево-ствол-AUGM-ART CAUS-белить

‘Он поднял руки вверх, он возвел очи горе и посмотрел на большое дерево’ [Masasi].

* * *

Подведем итоги.

Для названий парных частей тела форму без показателя множественности следует считать не столько сингулярной, сколько «формой общего числа»; сингулярность же выражается лексически, при помощи числительного *kélen* ‘один’. Плюральная форма для таких существительных выражает не столько множественность саму по себе, сколько «маркированную множественность», чаще всего с семантическим компонентом пассивности/дисфункциональности.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо;

ABSTR – суффикс имени статуса или состояния;

AFF – утвердительность;

AG.PRM – суффикс имени профессии;

ART – тоновый артикль;

AUGM – суффикс аугментатива;

CAUS – каузативный префикс;

CNTRL – послелог контролера ситуации;

COP – копула;

DEQU – суффикс, образующий динамические глаголы и имена качеств от качественных глаголов;

DIM – диминутивный суффикс;

EMPH – местоимение эмфатической серии;

- EMPHATIE – частица эмпатии;
 EQU – копула конструкции тождества;
 FOC – фокализатор;
 IMP – предикативный показатель императива мн.ч.;
 INF – инфинитив;
 INTR – непереходность;
 IPFV – предикативный показатель имперфектива;
 NEG – отрицание;
 NMLZ – суффикс имени действия;
 PFV – перфектив;
 PL – множественное число;
 PP – полифункциональный послелог (выражает значения комитатива, инструмента, тождества, сравнения и др.);
 PRES – копула презентативной конструкции;
 PRON – предикативный показатель отрицательного конъюнктива;
 PST – оператор ретроспективного сдвига;
 PTCP.PRG – прогрессивно-перспективное деепричастие;
 PTCP.RES – результативно-стативное причастие;
 Q – частица общего вопроса;
 QUAL – предикативный показатель качественной глагольной конструкции;
 QUOT – показатель квататива;
 RECP – взаимное местоимение; суффиксоид «имени партнера по деятельности»;
 REFL – рефлексивное местоимение;
 REL – релятивизатор;
 SBJV – предикативный показатель конъюнктива;
 SG – единственное число;
 ST – имя субъекта состояния;
 STAT – суффикс отыменных прилагательных со значением «под видом X», «в качестве X», «сделанный из X», «будучи X»;
 TR – переходность.

Источники

- [*An ka yeŋe*] – Dunbiya, Siyaka; Sangare, Bakari. *An ka yeŋe doonin*. Bamako: Jamana, 1996.
 [*Avenement de Da*] – Avenement de Da. In: Dumestre, Gérard. *Geste de Ségo*. Paris : Armand Colin, 1979. Pp. 266–357.
 [*Bakarijan janfa*] – Trahison de Bakari Dian (par Diéli Baba Sissoko). In: Dumestre, Gérard. *Geste de Ségo*. Paris : Armand Colin, 1979. Pp. 61–109.
 [*Bakarijan ni Bilisi*] – Bakari Dian et Bilissi. (par Baba Cissoko) In: Dumestre, Gérard. *Geste de Ségo*. Paris : Armand Colin, 1979. Pp. 111–181.
 [*Dɔgɔtɔrɔ tɛ sigida*] – Werner, David. *Dɔgɔtɔrɔ tɛ sigida min na: Wulakonɔmɔgɔw ka yerefurakegafe*. Trad. par Bengali, Salifou; Bouaré, Fatoumata; Coulibaly, Abdoulaye; Dembélé, Diatrou. Bamako, 2016.
 [*Douga de Koré*] – Douga de Koré. In: Dumestre, Gérard. *Geste de Ségo*. Paris: Armand Colin, 1979. Pp. 183–263.
 [*Dugukolonɔn*] – Bagayogo, Cemogo; Coulibaly, Daniel. *Dugukolonɔn kɛlɛli cogo*. Inades-Formation.
 [*Fatɔya ni jigiya*] – Dukure, Mamadu. *Fatɔya ni jigiya*. Dakar, 1988.

- [*Görög 1979*] – Görög, Veronika. Contes bambara du Mali. Paris : Publications orientalistes de France, 1979.
- [*Ji ni keneya*] – Audibert, Andrée. Ji ni keneya. Bamako: EDIM, 1976.
- [*Kanuya walew 2*] – Nare, Sanba. Kanuya wale. 2. Parantike. Traduction par Jobu Tera. Bamako: EDIS, 2010.
- [*Maléfices*] – Dumestre, Gérard; Touré, Seydou. Maléfices et manigances: Chroniques maliennes.
- [*Masalabolo*] – Tarawele, Daramani. Masalabolo. Bamako: Kalan diya.
- [*Masaki*] – Nare, Sanba. Masasi. Traduction par Jobu Tera. Bamako: EDIS, 2010.
- [*Sagesse bambara*] – Bailleul Ch. Sagesse bambara: proverbes et sentences. Bamako : Editions Donniya, 2005.
- [*Sunjata Keyita*] – Keyita, Gabukoro. Sunjata Keyita ka maana. Bamako: EDIM, 1979.
- [*Tabusire*] – Tarawele, Mamadu Daramani. Tabusire. Traduit par Tera, Jobu; Ture, Baasiriki. Bamako: EDIS, 2010.
- Периодика*: ежесечасные газеты *Jekabaara*, *Sahieli* и *Kibaru*.

Литература

- Справочный Корпус Бамана. 2012–2016. URL:
<http://maslinsky.spb.ru/corbama/index.html> (Дата обращения: 01.04.2016).
- Corbett G. G.* Number. Cambridge University Press, 2000.
- Vydrin V.* Tonal inflection in Mande languages: The cases of Bamana and Dangweetaa // Enrique L. Palancar, Jean Léo Léonard (Eds.). Tone and Inflection: New facts and new perspectives. [Trends in linguistics studies and monographs. Vol. 296.] De Gruyter – Mouton, 2016. Pp. 83–105.

*Ю.Е. Галямина
(НИВЦ МГУ)*

СИСТЕМЫ МАРКИРОВКИ АКТАНТОВ И СИРКОНСТАНТОВ В СОНГАЙ И КЕТСКОМ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ¹

Типологические исследования предполагают в качестве материала исследования данные из научно организованной выборки языков. Такая выборка содержит несколько десятков языков, не имеющих контактных и родственных связей, что снижает нетипологические факторы сходства языковых явлений.

Кроме того, традиционно в лингвистике существует и направление сопоставительных исследований, которое, чаще всего, представлено исследованиями двух языков. При этом к этим языкам не предъявляется столь жестких требований, как к языкам из типологической выборки: они могут быть и родственными, и контактными, и ареально близкими. Дело в том, что цель таких исследований носит более прикладной характер. Они направлены на улучшение методик перевода и преподавания этих языков, а не на выявление того, как устроен человеческий язык вообще и какой набор черт, характеристик и типов существует в языках мира.

Настоящее исследование, однако, не относится ни к первому, ни ко второму типу. В нем сопоставляются только два языка, но притом эти языки не имеют и с огромной долей вероятности никогда не будут иметь переводческой традиции и традиции взаимного преподавания языков. Эти языки никогда не имели и не будут иметь контактов, не являются родственными языками и располагаются в абсолютно разных регионах: в Сибири и в Африке.

При этом методологически представленное исследование ближе к сопоставительным, так как в нем подробно сравнивается то, как устроено в двух языках такое разноуровневое явление, как падежная

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РФФИ № 14-06-00449.

система, которая затрагивает как морфологические и синтаксические, так и семантические аспекты. Однако теоретической основой такого сопоставительного анализа становятся понятия, выработанные типологией.

Такой тип исследования необходим для более глубокого изучения языков не как носителей тех или иных типологических черт, а для анализа сочетаемости разного типа типологических явлений внутри языков как знаковых систем со сложной организацией. Повторение в двух никак не связанных языках одинакового набора черт может послужить сигналом к исследованию причинно-следственных связей между ними. Такой подход похож на забытую ныне теорию характерологии В. Матезиуса [Даниленко 1986]. В то же время еще универсалии Гринберга формулировали связь между, например, порядком слов и наличием падежной системы [Greenberg 1963], а более поздние исследования были связаны с анализом не отдельных падежей и даже не падежных систем, а с выражением актантных и сирконстантных отношений в целом [Malchukov, Spencer (eds.) 2008].

Языки кетский и сонгай являются такой парой языков, которые не связаны друг с другом ни генетически, ни ареально. Кетский язык распространен в Сибири вдоль течения реки Енисей и является единственным живым представителем Енисейской семьи. Сонгай – это группа диалектов (или, по другим описаниям, языков), распространенных вдоль течения реки Нигер, родственные связи которой не установлены (мы опираемся в статье на диалект Гао).

И тот, и другой народ считаются «людьми реки», однако сближает их не только это, но и определенное сходство системы выражения актантных и сирконстантных отношений. Целью настоящей статьи является демонстрация этих параллелей, которая может в будущем послужить основой для более глубоких выводов о сочетании разных типологических явлений внутри языковых систем. Мы предполагаем, что сонгай и кетский языки могут представлять собой два этапа грамматикализации выражения актантных отношений.

Порядок слов и выражение ядерных актантов

И кетский, и сонгай имеют одинаковый порядок слов SOV (примеры 1 и 2). Кроме того, в сонгай не прямой объект также выражается порядком слов и находится после глагола. Однако если в сон-

гай порядок слов жестко закреплен, то в кетском наблюдается тенденция к тому, чтобы порядок слов становился менее жестким [Крюкова 2011]. Это связано с выражением коммуникативной информации. Дело в том, что в сонгай порядок слов служит прежде всего для выражения синтаксических отношений между глаголом и ядерными актантами (S, O, Oin), а в кетском языке эти ядерные синтаксические отношения маркируются на вершине прономинальными маркерами.

(1) Сонгай [Heath 1998: 122]

a. *ay na kouya senne čow*
 1Sg TR.PERF сонгай учить
 ‘Я учил сонгай’

b. *zanka ∅ hēē*
 ребенок-SG PERF плакать
 ‘Ребенок плакал’

c. *ay ∅ dii baaba*
 1Sg PERF увидеть отец
 ‘Я увидел отца’

d. *ay ∅ nee baaba še*
 1Sg PERF сказать отец DAT
 ‘Я сказал отцу’

(2) Кетский²

a. *qīb qaje doʹn d-kaj-b-n-am-∅*
 дед потом нож S1.3M-конечность-O2.3SG.TH-PST-LV-S1.SG
 ‘Дед потом нож взял’

b. *yda d-si-t-o-n-aq-∅*
 весна S1.3M-существовать-DET-T.PST-PST-LV-S1.SG
 ‘Весна наступила’

c. *ab ḡb d-a-t-o-l-oŋ-∅*
 1Sg отец S1.1-O3.3SG.M-DET-T.PST-PST-видеть-S1.SG
 ‘Я увидел отца’

d. *ḡb bara deʹŋ-da-ŋa*
 отец говорить.3SG.M люди-GEN.SG.NM-DATALL
 ‘Отец говорит людям’

² Здесь и далее кетские примеры из полевых материалов автора.

И хотя мы видим заметную разницу между этими системами, их роднит то, что и в том, и в другом случае отсутствует падежное маркирование ядерных актантов.

При этом, как мы покажем ниже, и в том, и в другом языках имеются специальные постпозитивные маркеры более периферийных синтаксических отношений и семантических ролей, которые в иерархии Гринберга [Greenberg 1963] и Блейка [Blake 2001] занимают менее обязательную позицию:

NOM > ERG, ACC > GEN > DAT > LOC > INS, ABL > Others
[Blake 2001: 155–60]

То есть, оба языка нарушают данную иерархию, демонстрируя тенденцию к выражению с помощью суффиксов или клитик периферийных, а не ядерных актантных отношений.

Однако такое поведение больше согласуется с наблюдениями [Whaley 1997: 154] о том, что периферийные актантные отношения более склонны к выражению падежными маркерами или послелогоми, чем ядерные.

Subject > Direct object > Indirect object > Other
Agreement ←————→ Case/Adposition

И хотя ни порядок слов, ни местоименные актанты не являются согласованием, с последним их роднит отсутствие зависимостного маркирования ядерных актантов.

Этим наблюдением сходство кетского и сонгай не заканчивается, так как мы можем заметить еще одно сходное явление, но только на ограниченном классе конструкций. Как было сказано, в кетском в качестве показателей ядерных актантных отношений используются местоименные маркеры в словоформе глагола. Исторически они, предположительно, произошли из местоимений [Решетников 1999]. В сонгай мы наблюдаем этап грамматикализации, который, возможно, логически предшествует системе вершинного выражения актантов.

В сонгай представлено такое инновативное явление, как связанное выражение субъекта первого и второго лица с глаголом-связкой аналитического комплекса.

(3) Сонгай

- a. **ay* *mana* *goy* > b. *yana* *goy*
 1SG NEG.PERF работать > 1SG.NEG.PERF работать
 ‘Я не работал’

Кроме того, местоимения 1Sg, 3Sg, 3Pl имеют по два типа форм – полные и редуцированные. В большинстве контекстов используются редуцированные формы, образующие одно фонетическое слово с главным. А для местоимений третьего лица различаются формы для выражения субъекта и объекта.

3SG.S: *-a*
 3SG.O: *-ga* [Heath 1999]

И поскольку объект линейно расположен между глагольными показателями с грамматической информацией и лексическим глаголом, такая конструкция при дальнейшем стяжении могла бы превратиться в полисинтетическую словоформу с местоименными показателями или с инкорпорированным объектом.

(4) Сонгай

- a. *yana* *hawo* *dey*
 1SG.NEG.PERF корова покупать
 ‘Я не купил корову’

- b. *yana* *ga* *dey*³
 1Sg.NEG.PERF 3SG.O покупать
 ‘Я ее не купил’

Если развернуть глагольный комплекс кетского языка, мы видим похожую картину, когда местоименные показатели прямого и непрямого (в отличие от сонгай) объекта вставляются между корнем и показателями, модифицирующими его значение. (см. пример 2а). Кроме того, в кетском языке наблюдается (на данном этапе в ограниченных типах конструкций, а в прошлом – более широко) инкорпорация прямого объекта внутрь глагола. В сонгай мы хоть не морфологически, но позиционно видим ту же картину: прямой объект попадает между двумя частями глагола и происходит стяжение субъектного показателя со словоизменительными маркерами глагола.

³ Пример получен от информанта.

(5) Кетский
qĩb qaje d-doʔn-i-l-bed-∅
дед потом S1.3M-нож-T.PST -PST-сделать-S1.SG
'Дед потом нож сделал'

То есть мы наблюдаем два этапа процесса грамматикализации местоимений для выражения актантных отношений без использования падежных показателей. В сонгай появляются новые грамматические паттерны, которые используются только для местоимений, референтно связанных с существительными вне клаузы. Можно предположить, что изначально в кетском языке мы наблюдали такое же явление, а затем произошло распространение паттерна на предложения с полнзначным маркированием референта: обозначение его референтных и синтаксических свойств расщепляется, и местоименный показатель внутри глагола начинает выполнять функции синтаксического маркирования (вместо порядка слов, который начинает использоваться только для передачи коммуникативной информации) [Даль 2009].

Что касается коммуникативного маркирования, то стоит сказать, что в обоих языках для этого существуют дополнительные механизмы. Если в сонгай такое маркирование более грамматикализовано через использование специальных частиц, в кетском эту функцию начинают брать на себя не только дискурсивные частицы, но и, как было сказано выше, порядок слов.

Таким образом, в сонгай и в кетском мы видим расщепленное маркирование референтности, синтаксических отношений и коммуникативной информации, которое берет на себя разные механизмы, в отличие от многих языков с падежным маркированием, где именные группы с ядерными падежами используются сразу в трех функциях.

Периферия: движение к падежной системе

При обозначении более периферийных актантных и сирконстантных отношений мы также наблюдаем определенный параллелизм в кетской и сонгай падежных системах. И там, и там периферийные семантические падежи маркируются в постпозиции по отношению к имени. Эти показатели могут различаться только по степени грамматикализации:

Сонгай	Кетский
послелогии: поссессив, датив-бенефактив, латив, локатив, различные локативные значения	падежные клитики (присоединение к основе): генитив, инструменталис-комитатив, каритив, локатив, пролатив
предлог: инструменталис-комитатив	падежные клитики (присоединение к генитивной основе): датив-локатив, бенефактив, аблатив
наречные послелогии: более точные локативные значения	послелогии (присоединение к генитивной основе): более точные локативные значения

И в том, и в другом языках некоторые из маркеров актантных отношений входят в парадигму глагола. Показатели из первых двух групп имеют тенденцию к превращению из свободных элементов в более связанные, в частности это проявляется в том, что местоимения в обоих языках имеют особые формы для генитива-поссессива, которые являются основой для присоединения некоторых падежных показателей. При этом в кетском языке эта тенденция к превращению маркеров актантных отношений в полноценные падежные показатели выражена сильнее. В частности, генитивно-поссессивные формы местоимений становятся основой для присоединения падежных показателей к любому имени.

Однако эта тенденция к грамматикализации показателей актантных отношений не касается специфических сирконстантных показателей, которые в обоих языках являются послелогамии, не имея тенденции становиться суффиксами. Особое место в сонгай занимает показатель комитатива-инструменталиса, который может выражать отношения внутри именной группы. Такие же свойства проявляет и показатель комитатива в кетском языке. Однако в отличие от сонгай, в кетском показатель комитатива-инструменталиса не отличается от серии других маркеров.

Заключение

Сравнение двух систем выражения актантных и сирконстантных отношений в двух генетически и ареально неблизких языках подтверждает идею о том, что языковые системы могут развиваться по своим внутренним законам, демонстрируя удивительный параллелизм на путях грамматикализации.

Сокращения

1 – 1 лицо;	NM – немужской класс;
3 – 3 лицо;	O – объект;
3M – 3 лицо, мужской класс;	O2 – объект второй серии;
DAT – датив;	PERF – перфект;
DATALL – датив-аллатив;	PST – прошедшее время;
DET – определенность;	S1 – субъект первой серии;
GEN – генитив;	SG – единственное число;
LV – легкий глагол;	T – тематический гласный;
M – мужской класс;	TH – вещный класс;
NEG – отрицание;	TR – транзитивность.
NEG.PERF – отрицание перфекта;	

Литература

- Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М., 2009.
- Даниленко В.П. Лингвистическая характеристология в концепции В. Матезиуса // Вопросы языкознания, №4. Сс. 120–128.
- Крюкова Е.А. Коммуникативная организация предложения в кетском языке: сравнительный аспект // Сборник тезисов докладов 26-ой Международной конференции «Дульзоновские чтения». Томск, 2011. Сс. 48–49.
- Решетников К.Ю. Морфология праенисейского глагола: некоторые результаты грамматической реконструкции // *Studia Linguarum*, II, 1999. Сс. 304–480.
- Blake, B.J. Case (2nd edition). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Greenberg, J.H. Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements. // J. H. Greenberg (ed.). *Universals of Language*. Cambridge, MA: MIT Press. 1963. Pp. 73–113.
- Heath J. Dictionnaire songhay-anglais-français. T. 1: Koyra Chiini. T. 2: Djenné Chiini. T. 3: Koroboro Senni. Montreal: L'Harmattan, 1998.
- Heath J. A grammar of Koyraboro Senni / *The Songhay of Gao, Mali*. Köln: Rudiger Koppe Verlag, 1999.
- Malchukov A., Spencer S. (eds.) *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2008.
- Whaley L. *Introduction to Typology: The Unity and Diversity of Languages*. Thousand Oakes: Sage Publications, 1997.

Н.В. Громова
(ИСАА МГУ)

М.Р. Урб
(ИСАА МГУ)

О ФОЛЬКЛОРЕ НДОНДЕ (ПОЛЕВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)¹

В октябре 2014 года авторы проводили полевое исследование миноритарного языка ндонде в Объединенной Республике Танзания. Задачей нашей работы была, в том числе, и подборка фольклорного материала по этому языку. Грант Фонда фундаментальных лингвистических исследований был выделен нам по теме «Исследование малых языков», каковым и является язык ндонде.

Этот язык находится на грани исчезновения: если в 1987 г. численность говорящих на нем составляла приблизительно 33 000 человек [Philip, Sands 2002: 203], то в 2007–2008 гг. она снизилась до 2458 человек [Atlasi ya lugha za Tanzania 2009: 2]. По численности говорящих ндонде занимает 140 позицию среди всех 150 языков Танзании [Atlasi ya lugha za Tanzania 2009: 3]. В число 150 языков Танзании включены 6 кушитских, 6 нилотских и 2 койсанских языка, а также ряд бантуских языков, обычно не включаемых в список языков Танзании. Это «приграничные» языки, такие как лингала (13326 говорящих), луо (18517 говорящих), ганда (26244 говорящих), камба (11790 говорящих) и др. Таким образом, если исключить из списка названные выше небантуские языки и «приграничные» банту, то ндонде займет последнее место в списке банту языков Танзании, и, по нашим наблюдениям, число владеющих языком ндонде продолжает сокращаться. Так, крестьянка 55 лет, родной язык которой ндонде, проживающая в окрестностях г. Мтвара и занимающаяся торговлей, уже не знает многих слов базового списка, в том числе числительных на языке ндонде, а ее дети уже не говорят на этом языке.

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А-21-14 «Полевое исследование языка ндонде».

Еще один пример: студент 2 курса университетского колледжа в г. Мтвара, который родился в районе проживания этноса ндонде, вырос там и родители которого сейчас там живут, слабо знает этнический язык: помнит две-три пословицы на языке ндонде и может рассказать содержание одной из сказок, но на языке суахили. Таким образом, язык ндонде и культуру этого этноса хранят лишь люди старшего поколения. Приходится, к сожалению, констатировать, что «сейчас мы живем в эпоху, когда многие из африканских обществ уже исчезли, а остальные обречены на гибель» [Дэвидсон 1975].

Такая ситуация, известная под названием ‘language death’, имеет в условиях Танзании простое объяснение: многолетняя широкая экспансия государственного языка суахили, на котором по всей стране ведется обучение в семи классах обычной (не элитной) начальной школы, каковых в Танзании большинство. Далее, масштабное использование в прессе, радио- и телевещании языка суахили, растущая урбанизация с притоком сельской молодежи в большие города, увеличение числа межэтнических браков и т.п. – все это приводит к широкому использованию языка суахили. Мультиэтническую мозаику Танзании с ее 150 языками усугубляют массовые миграционные потоки. Как совершенно справедливо отмечает А.Е. Кибрик, «чем больше контактов с другими этносами, тем это хуже для жизнедеятельности данного этнического языка... Этноты, сохраняющие в значительной степени традиционную форму существования (уклад семьи, трудовая деятельность, жилище и т.п.) имеют больше шансов сохранить язык; при социальной адаптации к современным формам существования сохранение языка затруднено» [Кибрик 1992: 69–70].

Этнолингвистическая карта на юге Танзании, где в основном проживают ндонде, очень сложна. Границы между соседними языками практически мало ощутимы. Живущие бок о бок носители разных языков являются в большинстве своем полилингвами: помимо родного языка и государственного языка суахили (и реже английского), они владеют еще двумя-тремя языками соседних бантуских этносов. Так, один из наших собеседников в южной Танзании, считающий себя представителем этноса мвера, знает или в достаточной степени понимает языки маконде, нгиндо и ндонде, не говоря о суахили.

Это как раз те языки, которые по классификации М. Гасри, входят в зону юго-восточных банту в группу Р.20. В отличие от других языков группы, довольно полно исследованных и зафиксированных

в научной литературе по бантуистике, язык ндонде не был подвергнут систематическому анализу ни в лингвистических трудах, ни в исследованиях по истории и этнографии. По языку ндонде нет практически никаких работ [Maho, Sands 2002: 203].

Ндонде является бесписьменным языком, не имеющим длительной и устойчивой письменной традиции. Отсутствие письменности и записанных каких-либо текстов на ндонде осложняло нашу задачу. Нашими информантами по языку ндонде были 6 человек: один из них *Rajab Mfaume*, крестьянин 56 лет, проживает в деревне недалеко от Дар-эс-Салама, остальные пять (*Mohamed Selemani Chido*, крестьянин 70 лет, *Zuhura Mohamedi Kipendili*, крестьянка 60 лет, *Asha Saidi Mwamed*, крестьянка 65 лет, *Masa Majaliwa*, помощница секретаря в университетской администрации 36 лет, *Mfaume Saidi*, студент 25 лет) проживают на юго-востоке Танзании в г. Мтвара и его окрестностях, где и проводилось наше исследование.

При аудиофиксации фольклорных текстов мы обращались к информантам с просьбой рассказывать известные им сказки на языке ндонде. Шесть сказок записаны на ндонде и переведены самим рассказчиком на язык суахили. Остальные восемь сказок информанты рассказывали на суахили, объясняя это тем, что они должны видеть реакцию слушающего. Поскольку в сказке имеет место акт коммуникации, направленной от сказителя к слушателю, рассказчик должен получать обратную связь, видеть изменения поведения слушающего под воздействием информации, полученной из сказки. Рассказчик ожидает, что слушатель будет реагировать на повороты сюжета и сказочные коллизии. Умение рассказывать сказки просто поразительно – это небольшой спектакль одного актера, вовлекающего в сюжет всех слушающих. Каждый из рассказчиков то и дело обращался к нам с вопросами: *Waonaje alivyotenda?* («Понимаешь, как он поступил?»); *Waona afanyaje?* («Видишь, что он делает?»); *Unafikiriye?* («А как ты считаешь?») и мн. др. Также рассказчики перемежали свое повествование эмоциональными высказываниями: *Loo!* («Подумать только!»); *Si mjanja huyu!* («Ну и хитрец!»); *Eboo!* («Надо же!») и др. Все эти вопросы и эмоции были направлены на усиление воздействия сказки на слушателя. А так как мы только приступили к изучению языка ндонде, рассказчик не мог рассчитывать на прямой эффект воздействия сказки, рассказываемой на языке ндонде, и поэтому переходил на язык суахили.

Кроме сказок ндонде, также были записаны на языке суахили по две сказки, начитанные представителями этносов яо (*Shukuru Steven Mpesi*, сторож 50 лет) и мвера (*Andrew Chitanda*, продавец 48 лет), проживающих на юге Танзании.

Все собранные нами сказки являются оригинальным фольклорным материалом ндонде. Они были записаны частично на ндонде, частично на суахили. Затем был выполнен литературный перевод на русский язык с минимальной стилистической правкой. Наша цель состояла, прежде всего, в том, чтобы максимально сохранить особенности оригинального текста. Переводы приближены к оригиналу настолько, насколько позволяют нормы русского языка.

Одним из текстов является рассказ о происхождении ндонде, который представляет собой наиболее древнее мифологическое предание. В нем рассказчик *M.S. Chido*, старший по возрасту, излагает сведения о событиях, случившихся в давние времена. Прародительница ндонде – женщина по имени *Iyionde* – появилась из водной стихии – «большой воды», и само ее имя *Iyonde* переводится как «внутренность воды». Эта женщина встретила на берегу с человекоподобными существами, которые возжелали ее. Как результат этой связи появились люди ндонде, и их стало так много, как песчинок в море.

Другой рассказчик *R. Mfaume*, говоря о современных границах распространения этноса ндонде, отмечает с горечью межплеменные столкновения, приведшие к сокращению территорий проживания и численности этноса. Подтверждение этой мифической истории происхождения этноса ндонде и его расселения в пределах Восточной Африки обнаружилось в суахилийской газете *Mzalendo* («Патриот») [Mzalendo 2015: 9], где автор статьи отмечает, что в самом начале XIX века (1800 г.) основным местом проживания ндонде (*makao ta-kuu* ‘резиденция’) были северо-западные районы современного города Сонгеа, затем часть этноса переселилась в Мозамбик, а другие бежали в Килву (на побережье Индийского океана – возможно, это и есть мифическая «большая вода»?!).

Большинство собранных нами сказок [Громова, Урб 2015] – это сказки о животных, занимающие значительное место в фольклоре всех африканских народов. Этот жанр по-прежнему популярен, имеет свои особенности, свои сюжеты и своих героев. Все основные герои животного эпоса ндонде проживают в африканской саванне. Это слон, заяц или кролик, гиена, мангуст, змея, паук и др.

В основном, все сказки ндонде архаичны. К архаическим признакам относятся следующие.

а) Специальный зачин типа *zamani za kale / enzi ya kale* ‘в стародавние времена’, *palitokea* на ‘жил-был’ и *palikuwa na / kulikuwa na* ‘жили-были’; или зачином может быть также сообщение о дружбе двух животных (сказки «Гиена и Слон», «Паук и Заяц»), строящейся по формуле «трикстер=хозяин – друг=жертва».

б) «Ломаный» или запутанный сюжет, как, например, в сказке «Гиена и Слон», где основная линия сюжета вдруг прерывается с появлением новых персонажей, не имеющих отношения к излагаемому вначале событию (гиена дружит со слоном и служит ему носильщиком, принося ему овощи; после того как слон поедает детей гиены, их феодально-вассальные отношения переходят на новую стадию: пострадавшая гиена предлагает быть не только слугой-носильщиком, но и стать охранником слона. На этом сказочный сюжет прерывается, появляются новые участники событий – мангусты, охотящиеся на змей, и приглашающие других животных жить в своей пещере). В нелогичной концовке сказки сообщается о том, что гиена всю эту историю услышала от слона.

в) Нечеткость или противоречивость сюжета: в той же сказке «Гиена и Слон» представляются противоречивыми поведение основных героев и неопределенность их отношений: травоядный слон съедает детенышей гиены, грозит утопить ее в своих экскрементах, а та после всего этого не мстит своему врагу, а напротив, предлагает слону охранять его покой.

г) Наличие в сказках потусторонних сил, например, джинна в сказке «Женщина и джинн», при этом это чудовище скрывает свою «чудесную» природу и при первом знакомстве с людьми принимает человеческий облик, чтобы обмануть девушку и стать ее женихом. Некоторое время ему удается вести себя как человек и даже получить признание у невесты и ее родных. От опасности быть съеденной женихом-оборотнем девушку спасает младший брат, увидевший пашущего на поле жениха в его истинном облике джинна.

д) Браки между людьми и животными: так, в сказке «Богач и его дочери» служанка не выполнила наказ хозяев петь определенную песню, предупреждая их о начале дождя. Не предупрежденные заранее хозяева, попав под дождь, превращаются в бабуинов.

е) Герои-трикстеры: кроме зайца (сказка «Паук и Заяц»), часто встречающегося во многих фольклорных текстах народов Восточной

Африки, такими героями оказываются орел («Лев и Орел») и слон («Гиена и Слон»). При этом крупные животные, входящие в состав знаменитой «большой пятерки» Африки, лев и слон в ряде сказок из героев-агрессоров превращаются в жертву. Так, в сказке «Лев и Орел» орел, у которого лев съел детенышей, умышленно наказывает льва гибелью от жажды. В сказке «Лягушка и Слон» храбрая лягушка жертвует собой ради спасения своего рода, забравшись в желудок слона, в результате чего слон гибнет от жажды и голода. Весьма распространенный сюжет о состязании трикстера с другим героем находит отражение в сказке «Паук и Заяц». В сказке оказываются два трикстера: лекарь-паук, поднявшийся на паутине на небо, и заяц, спрятавшийся в коробе паука. Хитрый паук обманывает зайца и оставляет того на небе. На эту проделку заяц отвечает еще большей хитростью, придумав способ спуститься с неба по пальмовой веревке. По пути на землю заяц оказывается всеящим между небом и землей и на него нападает орел, но трикстер-заяц успешно выпутывается из сложившейся почти «летальной» ситуации, обманув орла, который на своих крыльях спустил зайца на землю. Придумав очередную уловку, заяц спасается от неминуемой гибели.

ж) Волшебные мотивы: в сказке «О красоте девушек» непослушной девушке, выгнанной родителями из дома, помогает орел, приютивший ее и чудесным образом вставивший ей новые красивые зубы.

з) Описание древних обычаев, отмирающих в настоящее время, таких как обпиливание зубов (сказка «О красоте девушек»). Считается, что даже дурнушка, но имеющая щель между передними зубами, выглядит красивой и ее быстрее возьмут замуж. Дочь, отказавшуюся от болезненной процедуры обпиливания зубов, родители выгоняют из дома, и после ряда приключений она пропадает в безвестности.

и) Непонятные или трудно переводимые песни: например, в сказке «Девушка и жадный султан» девушка-сирота, дочь богатых родителей после их смерти вынужденная идти в прислуги к султану, поет жалобную песню с обращением к вселенной или жизни (?) (*dunia* «1) вселенная, земной шар; мир, свет; 2) существование; жизнь») [Громова, Мячина, Петренко 2012: 103].

к) Отсутствие морали или морализаторской концовки²: практически во всех сказках ндонде. С одной стороны, герои-трикстеры

² По мнению Е.С. Котляр, «для классической африканской животной сказки не характерна морализующая концовка, что соответствует самому духу африканского животного эпоса и характеру трикстера. Герой-трикстер не отстаивает какие-то моральные нормы, не борется за справедливость, а, наоборот,

(заяц, слон, паук, орел и др.) обычно не бросают друзей в беде, но в то же время, руководствуясь своими собственными интересами, хитрыми уловками одурачивают их, легко расстаются с ними и даже жестоко наказывают своих бывших «друзей».

В то же время в ряде сказок ндонде с типичным составом персонажей (действуют животные, люди и фантастические существа) отмечаются черты более позднего жанра, характерного для развитого фольклора, такие как:

а) концовка в виде нравоучения: надо слушаться старших и родителей («О красоте девушек»), не быть жадным, делиться тем, что имеешь, с друзьями («Заяц и Гиена»);

б) широкое использование прямой речи и диалогов, когда сказчик говорит за персонажей разными голосами;

в) использование атрибутов современной жизни (лифт, нижнее белье, скорость движения и др.).

Сказки яо и мвера по своей стилистике и сказочной семантике (по сравнению с фольклором ндонде) выступают как более развитый жанр нарративного искусства. В этих сказках действуют те же персонажи (люди, животные, оборотни и др.), но их сюжеты более структурированы, что, возможно, объясняется как многочисленностью и более высоким социальным статусом этих этносов, так и ранним влиянием мусульманской культуры, затем христианизацией и влиянием современной европейской культуры.

Литература

- Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М.: Наука, 1975.
- Atlasi ya lugha za Tanzania* («Атлас языков Танзании»). Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, 2009.
- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Издательство МГУ, 1992.
- Mafo, J.F. Sands B. The languages of Tanzania: A bibliography. Gothenburg: ACTA Universitatis Gothoburgensis, 2002.
- Mzalendo* («Патриот»), 21–27 июня, 2015. Р. 9.
- Громова Н.В., Урб М.Р. Сказки ндонде и их соседей. ИД «Ключ-С», М., 2015.
- Громова Н.В., Мячина Е.Н., Петренко Н.Т. Суахили-русский словарь. М.: ИД «Ключ-С», 2012.
- Котляр Е.С. Миф и сказка Африки. М.: ИД «Наука», 1975.

рот, его поведение является прямым нарушением морали – он обманом завладевает скотом или добычей своего «друга», хитрая уловка помогает ему одурачить стражей колодца ... и т.д. и т.п.». См. [Котляр 1975:140].

ПРИНЦИПЫ ТОНОВЫХ НАЛОЖЕНИЙ В ИМЕННОЙ ГРУППЕ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТОМО-КАН

Данная работа посвящена особенностям языка томо-кан (семья догон, нигер-конго), которые выделяют его тонологическую систему среди остальных языков семьи. Как большинство языков нигер-конго и все языки догон, томо-кан располагает некоторым инвентарем тонов, которые могут тем или иным образом изменяться в зависимости от синтаксического контекста.

Уникальность языка томо-кан по сравнению с остальными языками семьи заключается в наличии иных, чем в других языках догон, принципов, регулирующих тоновые модификации. Типичная для догон система была подробно рассмотрена в [McPherson, Heath 2013] (в первую очередь) на примере языка томмо-со. Основа тоновых модификаций в языках догон – влияние некоторого элемента синтаксической группы на другие. В настоящей работе мы рассматриваем только именную группу, поэтому ниже будут рассмотрены особенности ее тонологии:

- (1) *bàbà kóm mó* ‘худой дядя’
 mí bábé ‘мой дядя’
 mí bábè kóm mó ‘мой худой дядя’

Как видно из примеров, посессивное местоимение и прилагательное накладывают различные тональные схемы на существительное, однако при одновременном употреблении первого и второго предпочтение отдается по некоторым принципам именно прилагательному, что означает, что прилагательное является более значимым по сравнению с местоимением контроллером тоновых наложений. В других языках контроллеры наложений могут быть ранжированы иным образом, т.е. предпочтение при возможном конфликте контроллеров отдается другой составляющей (см. подробное обсуждение в [McPherson, Heath 2013]).

Поскольку на русском языке еще не сложилась особая терминология для описания рассмотренных выше явлений, представляется

целесообразным ввести некоторые термины для дальнейших рассуждений о предмете нашего рассмотрения (при этом любое несоответствие значений наших терминов значению аналогичных терминов, применяемых в других работах по африканистике, остается целиком на совести автора).

Тоновая мелодия – последовательность базовых тоновых характеристик H и L, которые несет на себе словоформа. Тоновую мелодию мы отличаем от **тонового (тонального) контура**, под которым подразумеваем последовательность тоновых характеристик, наложение которых на лексему обусловлено контекстом. Например, если мы говорим, что «составляющая X вызывает наложение низкотонового контура на все составляющие именной группы в препозиции к X», это означает, что все слоги всех составляющих, расположенных слева от X, приобретают тоновую характеристику L.

Тоновый (тональный) контроллер – составляющая, которая вызывает наложение определенного тонового контура на другой составляющей.

Тоносинтаксис (термин, используемый в работах [Cole-Beuchat 1961], [Hetzron 1980] и [McPherson, Heath 2013]) – тонологическая система, в которой тоновые наложения определяются исключительно синтаксической категорией и позицией контроллера и, возможно, контролируемой составляющей.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 1 мы опишем базовую тонологическую систему томо-кан. В разделе 2 будут рассмотрены отклонения от этой модели, выявленные в ходе анализа записей текстов на томо-кан. В разделе 3 будет предпринята попытка сформулировать общие принципы отклонений.

1. Общие принципы наложения тоновых контуров в томо-кан

Порядок составляющих в именной группе отображен в (i):

(i) DEM POSS N ADJ NUM/PL DISTR QUANT TOPIC,

где DEM – демонстративное местоимение, POSS – группа possessора, N – вершина-существительное, ADJ – прилагательное, NUM – числительное, PL – показатель множественного числа, DISTR – частица с дистрибутивным значением, QUANT – квантор со значением ‘каждый’ или ‘все’, TOPIC – топикальная частица.

Разные тоновые контроллеры производят разный эффект на составляющие именной группы. Так, числительное и дистрибутивная частица не оказывают никакого тонового эффекта на предшествующие составляющие. Элементы правой периферии (QUANT и TOPIC), а также прилагательные и показатель множественного числа вызывают наложение низкотонового контура на всю именную группу. Посессоры различаются по эффекту в зависимости от характера: местоименные посессоры вызывают высокотоновое наложение на правые элементы, в то время как посессоры-существительные ведут себя так же, как прилагательные и элементы правой периферии. Наборы схем представлены в (ii) и (iii):

- (ii) {L}: ← POSS (N) ← ADJ ← PL ← QUANT ← TOPIC
(iii) {H}: POSS (PRO) →

Примеры некоторых «канонических» тоновых наложений приведены в (2)–(5):

- (2) [[kò àndà nà⁼ⁿ] fú:] lwér-è:
Dem деревня Sub.L все спать-Pfv.3Pl
Все в деревне заснули.
- (3) ká [ùnú-wè bó:ⁿ] tà:-tà:-kó
Quot ребенок-Pl.L отец быть.горячим-Rdp-Cop
О отец детей, очень жарко!
- (4) [lùʔùrè-wé sìgé] [lùgèrè màná wé]
змея-Pl змея большой Pl
Змеи, большие змеи... (lùʔùré, màná)
- (5) hùl-é: tá: k-é l-è [làʔàjí mè
сказать-Ch гиена Quot-Pl Logo-Pl расколоть.Pfv если
l-é [[kò gòndò] swè:-bùndé] lò:-má]
Logo-Pl.H Nonh.Poss голова.L мозг есть-Hort
Гиена сказала: нужно разбить ему голову и съесть мозг.

2. Отклонения от общих принципов тоновых наложений

Вместе с тем, некоторые частицы не демонстрируют единообразного тонологического поведения. К их числу относятся падежные показатели и элементы правой периферии.

Формант дательного падежа, несущий на себе высокий тон, в общем случае вызывает, как и большинство других тоновых контроллеров, наложение низкотонового контура на всю именную группу, находящуюся перед ним. Однако в некоторых случаях наложение происходит по другим принципам, см. пример ниже:

- (6) [mwèjɪⁿ lò] dólò-lé
 моси Dat.L продавать-Proh.Sg
 Не нужно продавать его моси.

Подобная дистрибуция может быть легко объяснена наличием в языке разных классов основ. Альтернации тонов у основ, находящихся в одной синтаксической позиции / имеющих показатель одной и той же грамматической категории, зафиксированы, бесспорно, во многих африканских языках. Широко известны, в частности, падежные показатели в ряде восточноафриканских языков: падеж выражается сменой тонов исходной лексемы, причем тоновых мелодий существует как минимум четыре, и выбор мелодии зависит от класса исходной основы. Тоновые мелодии (по крайней мере, при поверхностном синхронном анализе) несводимы друг к другу, и, таким образом, способность принимать один из четырех тоновых контуров становится словарной характеристикой лексемы:

- (7) Масаи, нилотская семья
	<i>номинатив</i>	<i>аккузатив</i>	
class II:	èndèròni	èndèróni	‘крыса’
	ènkòlòpà	ènkòlópà	‘тысяченожка’
class III:	òlmérégèsh	òlmérègèsh	‘баран’
	òlósówùàn	òlósòwùàn	‘бык’
class IV:	òmótònyî	òmòtònyî	‘птица’
	òsíkkirî	òsíkkirî	‘рыба’

[Tucker, Ole Mpaayei 1955]

Примеры групп с дативным показателем приведены ниже:

- (8) *bon* [lùʔùrè fú:] [hà lɛ:rɛ lò] kó
 змея.L все Refl.H час Dat Cop
 Ну, каждой змее свое время.
- (9) wò lɛ:má lò ùb-é: k-wá: tɛrɪ
 3Sg.Poss 2-Poss Dat.L дать-Pfv.Ch Nonh-Loc прилеить.Pfv
 Когда он ударил второй [рукой], она тоже приклеилась.

- (10) hà jé:-nì hɔ́ⁿ
 Refl.Poss старший.брат-Асс Topic
mwèjìⁿ-ʔáⁿ lò dwélé
 моси-мужчина Dat продать.Pfv
 Он продал своего брата моси.

При анализе поведения этих синтаксических групп допустима гипотеза об иерархичности наложения тоновых контуров, аналогично с работой [McPherson, Heath 2013]. Однако характер обсуждаемых здесь наложений отличен от рассмотренных в этой работе. Видно, что в нашем случае речь идет не о воздействии нескольких тоновых контроллеров на одну лексему, а о изменении тоновой характеристики самого контроллера (в данном случае – дативного форманта). Рассмотрим в (11) именную группу из (9):

- (11) wò lɔ́:-má lò
 3Sg.Poss 2-Poss Dat.L
 его второй

Рассматриваемый случай может быть квалифицирован как тоновая диссимиляция, при которой контроллеры последовательно могут влиять друг на друга, причем самый правый элемент именной группы должен быть расподоблен по тоновой характеристике предшествующей составляющей – если она становится высокой (H) в силу каких-либо причин, то контроллер с правой периферии должен стать низким (L).

Похожие принципы соблюдаются при образовании локативных групп:

- (12) kándá lùʔùrè gàrá
 теперь змея.L большой
 [hà lé:ré wà] góʔⁿó-sò
 Refl час Loc.L гулять-Fut
 Теперь змеи выходят надолго в свою пору.

- (13) bè cè gélé wà
 1Pl.Poss Poss.L местность Loc.L
 в нашей местности

- (14) hinà [wò gwéréⁿ wà] kó
 один 3Sg.Poss затылок Loc.L Cop
 Один – у него на затылке.

При этом следующие два примера демонстрируют, казалось бы, диаметрально противоположное поведение:

- (15) [wòʔò-à:ⁿ jèmbè wá] lwì
 вождь-мужчина сумка Loc войти.Pfv
 (Листок) упал в сумку вождя.

- (16) wò jémbé wà
 3Sg.Poss сумка Loc
 в его сумку

Однако строго говоря, эти случаи не являются аналогичными: в (15) высокотоновое существительное *jémbé* правомерно получает низкий тон от локативного показателя и не должно испытывать влияния от препозитивной к нему генитивной составляющей. В (16) препозитивный местоименный посессор по общему правилу должен вызывать наложение высокого тонового контура; на уровне фонетики этого не происходит, поскольку существительное изначально имеет тоновую мелодию НН. Этот факт, тем не менее, не мешает постулировать само наличие влияния посессивного местоимения – просто в данном случае тоновый контур и исходная мелодия существительного на поверхностном уровне совпадают. Высокий тон вершины, в свою очередь, вызывает тоновую диссимилиацию на локативном фронте.

Предположение о том, что мена тоновых контуров происходит не только по тоносинтаксическим правилам, но в определенной мере обусловлена тоновыми характеристиками контекста, находит свое подтверждение в следующих случаях, где генитивных синтагм нет, однако правила поведения групп похожи на описанные выше:

- (17) bè [bàlà gémbé wà] yò-kó
 1Pl саванна.L другой Loc.L Exist-Cop
 Мы находим [в других местах] саванны.

- (18) [[bàlà hú:] wà] kò:-lò
 саванна.L все Loc.L Cop-Neg
 Не во всех саваннах это есть.

- (19) **bè gwélé^hjó wé wà**
1Sg.Poss река.Н Pl Loc.L
в наших реках
- (20) **kùmà-cú cùg^h jìnà wé wà tàbè-gé mé**
лестница Dem дом Pl Loc.L трогать-Caus.Pfv если
kùmà-álá ùlò cé=:
крыша подняться.Nom Poss
Лестница – для того чтобы прислонить ее к дому и взобраться
на крышу.

Низкий тон на локативе не может быть после высокого (как следует из корпусных данных) и не зависит от категории предшествующей составляющей: примеры (13) – (16) демонстрируют, что перед локативным формантом могут находиться составляющие различных категорий: существительные, кванторные местоимения, показатель множественного числа. Из этого следует, что правило изменения тональных характеристик локативного показателя должно быть сформулировано в более общих, чем синтаксические составляющие, терминах. Сформулируем это правило следующим образом.

Правило длинной последовательности:

Если в именной группе длиной более двух терминальных составляющих предшествующая локативу составляющая несет лексический тоновый контур H или приобретает его в результате воздействия более левых составляющих, должна произойти тоновая диссимилиция.

Стоит отметить, что сформулированное правило действует именно для «длинных» составляющих и не работает в случае единичных составляющих, которые присваивают тон локативу в зависимости от собственного тонового контура. Вместе с тем понятие «длинной» составляющей весьма условно, поскольку не имеет (по крайней мере на данном этапе исследования) количественного выражения. Мы лишь можем констатировать зафиксированные различия в тоновых контурах в отличающихся лишь одной составляющей синтагмах, одна из которых короче другой:

- (21) èⁿ tòⁿ wá
 место холодный Loc
 когда холодно
- (22) èⁿ tòⁿ lé:ré wà
 место холодный время Loc
 [во время], когда холодно

Далее, само наличие достаточно «длинной» составляющей не является обязательным условием для последовательных тоновых модификаций. Рассмотрим это на следующих примерах.

По нашим сведениям, существительные делятся на классы в зависимости от влияния на тон локатива: формально не отличающиеся тоновыми характеристиками и количеством слогов и мор существительные могут вести себя по-разному. К сожалению, причина подобного варьирования неясна, а сами границы классов не установлены. Однако сами существительные фигурируют в следующих примерах:

- (23) lùʔùrè cé tàngú wà
 змея.L Poss сторона Loc.L
 по поводу змей
- (24) kò bálà-gòʔòⁿ cè jètí wà
 Dem саванна.L-гулять Poss.L Rel Loc.L
 по поводу охоты
- (25) è [kò jìnà dùgó-wà] yèlè
 2Pl Dem дом зад-Loc.L идти.Pfv
 Вы подошли к деревне.

Именные группы *tàngú wà*, *jètí wà* и *dùgó wà* имеют такие же тоновые контуры и в отсутствие располагающихся слева зависимых. Вместе с тем следует отметить, что в рассматриваемых случаях, несмотря на то что последовательность составляющих является достаточно длинной, существительные накладывают на показатель локатива те же самые тоны, что и должны в отсутствие левой периферии именной группы. Левая периферия не влияет на тоновое поведение сочетания существительного с формантом, поскольку в (23) и (24) частица *cé*, которая имеет эмфатическое и посессивное значения, не должна оказывать влияния на соседнее существительное, а указательное местоимение *kò* накладывает низкий тоновый контур

на составляющие, относящиеся к его сфере действия. Таким образом, в данных «длинных» последовательностях нет никаких условий, которые способствовали бы чередованию тонов.

Сформулированное правило представляется верным и для других классов грамматических элементов. Например, частица *né* находится на правой периферии именной группы и доминирует тонологически над более левыми составляющими, однако ее тоны тоже расподобляются с тонами предшествующих составляющих:

- (26) *ká* [[gòⁿ-àⁿ **wà**] **né**]
 Quot гриот-мужчина.L Loc.L Rel
 [yò-kò jó] ùbà má
 WH.L вещь любить Q
 У него спросили: «Гриот, что ты хочешь?»
- (27) [[cùgò nìʔiná] kà:ⁿ-célé=:] jèⁿ-wé
 Dem день начиная.с старший.брат-Pl
ñjàⁿ **wé nè** ká-sè hóⁿ
 младший.брат Pl Rel.L разделить-Fut.3Pl Topic
 С этого дня разделились младший брат и старший брат.
- (28) [bè **cé fúrí** nè] kó^{:=:}ⁿ
 1Pl.Poss у Rel.L Cop=Ptpl
 то, что есть у нас
- (29) *ká* [[là **bóⁿ**] **wà** **né**]
 Quot Logo.Poss отец Loc.L Rel
 tù só hóⁿ
 одежда быть.внутри Topic
 Он сказал: «Бубу, которое носит мой отец...»

Стоит отметить еще один важный момент: влияние тонов друг на друга с последующим их чередованием в результате диссимиляции имеет направление (слева направо), а значит, отличается от принципов, сформулированных в [McPherson, Heath 2013], согласно которым влияние предопределено относительным ранжированием составляющих и может проявляться в любом направлении. Попробуем понять, чем тонологическая система томо-кан принципиально отличается от других языков догон.

3. Общие принципы наложения тоновых контуров

Описанные выше ограничения могут быть лишь подклассом ограничения более широкого характера, которое мы можем предварительно сформулировать как «запрет на длинные стечения слогов с одинаковыми тоновыми характеристиками». Запрет носит гипотетический характер, и ниже мы перечислим причины, которые позволяют предположить его существование.

Во-первых, в томо-кан не зафиксировано (на данный момент) ни одной лексемы с тоновой мелодией НННН. Данные, собранные автором в тонологически размеченном словаре [Дьячков рук.], демонстрируют отсутствие в словнике лексем с высоким тоновым контуром, которые имели бы четыре (или более) слога. Исключения составляют лишь некоторые производные глаголы в форме императива, который, как правило, несет на себе Н-контур (все слоги в этой словоформе являются высокими). При этом четырехсложные лексемы с низким тоном на всех слогах вполне допустимы, хотя тоже редки.

Во-вторых, явление тоновой диссимилиации в томо-кан также позволяет предположить существование указанного выше запрета. Рассмотрим, в чем заключается это явление. Наиболее простое его выражение можно увидеть в правилах тоновых изменений при сочетании имени существительного с числительным:

(30) nàʔⁿà l̩:
 корова два
 две коровы

(31) yògòⁿ l̩:
 чужак два.L
 два чужака

(32) yáǵá l̩:
 лев два.L
 два льва

Как видно, во всех трех случаях тон числительного зависит от тона предшествующего слога, причем зависимость эта диссимилиативная по своей природе: если слог высокий (Н), то односложное числительное приобретает тоновую характеристику L, и наоборот.

Данные показывают, что принцип распространяющегося влево диссимилиативного влияния работает также в других синтаксических

контекстах. Например, личные местоимения в томо-кан обладают так называемыми «плавающими тонами» – они, будучи лексически низкотоновыми, вызывают повышение тона на соседнем слове. В примере (33) высокий тон приобретает рефлексивное местоимение, которое имеет начальную форму *há*; при этом последующий правый контекст не затрагивается:

- (33) *kò* [há góndó] *nàʔàⁿ* *jíri-mé*
Nonh Refl.N голова поднять когда
Когда он (= осел) поднял голову...

Однако иногда правый контекст затрагивается – в примере (36) тоновое влияние последовательно распространяется слева направо:

- (34) [*à ʔwé=:*] [*à délé mé*]
2Sg voir.Pfv 2Sg убить.Pfv если.L
Ты видишь и убиваешь.

Местоимение *à* сначала вызывает повышение тона на основе перфективного глагола. Строго говоря, тоновые характеристики основы перфектива не являются постоянными и зависят от качества предшествующего слога, причем зависимость опять-таки имеет диссимилятивный характер. При этом известно, что условной частице *mé* перфективная форма может предшествовать только в низкотоновом варианте, т. е. в данном примере при отсутствии левого контекста с местоимением правильной была бы последовательность слогов *délé mé*. Однако при наличии влияния плавающего тона местоимения картина становится иной: местоимение вызывает повышение тона на глаголе, который, в свою очередь, диссимилятивно влияет на союз и понижает его тон. Теоретически ничто не препятствовало бы сохранению исходной тоновой характеристики союза, однако фактически происходит то же, что при образовании именных групп с падежными формантами: в синтагме начинают чередоваться последовательности высоких и низких слогов.

Однако этим тенденции тоновой системы томо-кан не исчерпываются. Выше мы рассматривали случаи, где контекстное влияние тонов распространялось слева направо «по цепочке». Возможны и другие варианты тоновых модуляций. Так, в генитивно-посессивных группах посессор всегда низкотоновый, а понижение тона является,

по сути, единственным способом зависимостного маркирования посессивности:

- (35) $lùʔùré + tǝgù = lùʔùrè tǝgù$
 змея вид
 вид змей

Однако в контекстах возможны следующие модуляции тона:

- (36) $lùʔùrè tǝgù kó=ˀ$
 змея.L вид.NL быть=Ptpl
 виды змей, которые существуют

Наложение вида NL, которое претерпевает существительное *tǝgù*, не зафиксировано для подобных синтаксических позиций. Возможное объяснение состоит в следующем. В причастных клаузах причастие, находящееся на правой периферии, может вызывать наложение низкого тонового контура на предшествующие составляющие (впрочем, параметры этого влияния до конца не изучены). Таким образом, посессивная группа должна стать низкотоновой, и этим объясняется появление низкого тона на втором слоге существительного *tǝgù*. Таким образом, в синтагме появляется пять идущих подряд слогов с низким тоном, что противоречит предполагаемой тенденции к запрету на длинные стечения слогов с одинаковыми тоновыми характеристиками. Противоречие разрешается путем повышения тона на первом слоге вершины посессивной группы. Никакой тоносинтаксический процесс в томо-кан не может затрагивать середины слога, что автоматически исключает возможность выбора средних слогов. Важным представляется также то, что не может быть повышен слог на существительном *lùʔùré*, поскольку такое понижение тона отменило бы генитивное маркирование зависимой составляющей. Подобный принцип, как следует из известных нам данных, неукоснительно соблюдается в любой ситуации, при которой имеется «опасность» появления длинных последовательностей низких слогов. В таких случаях повышение тона наблюдается на первых слогах словоформ, находящихся в середине синтагмы.

При этом стоит отметить, что описанные выше принципы не имеют абсолютного характера – либо, если имеют, до конца неясна их количественная природа. Так, ряд имеющихся в корпусе томо-кан примеров показывает отсутствие соблюдения описанных выше запретов:

(37) ká là ná: lá-li
Quot Logo.Poss мать Logo-Acc
ólómá-jì: wá néné
poca Loc родить.Pfv
Он сказал: «Моя мать родила меня в воде».

(38) ká=: [là újǎⁿ wá]
Quot Logo.Poss младший.брат Loc
(Он сказал) своему младшему брату...

(39) wò úⁿjú^{rú} wá hóⁿ
3Sg.Poss моча Loc Topic
Вместе с мочой?

Причина несоответствия этих данных декларируемым принципам может заключаться в том, что эти принципы могут быть нестрогими, т.е. выражать некоторую тенденцию развития тонологической системы языка, но при этом не иметь абсолютного характера. Для окончательной формулировки принципов тонологических чередований необходимо, видимо, отдельное исследование количественных характеристик и их влияние на формирование тонового контура.

4. Заключение

Итак, мы попытались обрисовать в общих чертах особенности тонологической системы томо-кан, в частности, одного ее обширного фрагмента – тонологических наложений внутри именной группы. Как показывают исследования в области именной группы в догон, тонологические наложения регулируются синтаксическими категориями составляющих, что означает, что характер тоновых модификаций в синтагме зависит в первую очередь от синтаксических классов взаимодействующих составляющих, а не от автоматических фонологических правил. В томо-кан эта система в целом соблюдается, однако обладает некоторыми особенностями, которые не были обнаружены в других языках догон. Эта особенность выражается в принципе тоновой диссимилиации, которая, распространяясь в именной группе слева направо, приводит к чередованию последовательностей слогов с полярными характеристиками (низких и высоких). При этом подобные последовательности должны быть

достаточно длинными, чтобы на них реализовывались подобные правила – в противном случае действуют стандартные правила тоновых наложений. Однако в настоящем неясно, какими количественными характеристиками должны обладать именные группы, чтобы подвергаться правилам тоновой диссимилиации.

Сокращения

Caus – каузатив;	Nonh – неличное имя;
Ch – показатель глагольной формы в полипредикативной конструкции;	Pfv – перфектив;
Cop – связочный глагол;	Pl – множественное число;
Dat – датив;	Poss – посессор / посессивная частица;
Dem – указательное местоимение;	Proh – прохибитив;
Exist – экзистенциальный глагол;	Ptpl – причастие;
Fut – футурум-хабитуалис;	Q – вопросительная частица;
H – наложение высокого тонового контура;	Quot – цитативная частица;
Hort – гортатив;	Rdp – редупликация;
L – наложение низкого тонового контура;	Rel – показатель субъекта относительного предложения;
Logo – логофорическое местоимение;	Refl – рефлексивное местоимение;
Loc – локатив;	Sg – единственное число;
Neg – отрицание;	Sub – частица со значением субстантивной множественности;
Nom – номинализация;	Topic – топикальная частица;
	WH – вопросительное слово.

Литература

- Cole-Beuchat P.D.* The qualificative and the pronoun in tsonga // *African Studies* 20, 1961. Pp. 175–193.
- Heath J., McPherson L.* Tonosyntax and reference restriction in Dogon NPs // *Language* 89.2 2013. Pp. 265–296.
- Hetzron, R.* Hungarian tonosyntax // *Nyelvtudom anyi Nyelvtudományi Értekezések* 1980. P.104.
- Tucker A.N., Mpaayei J.T.O.* A Maasai Grammar with Vocabulary. London: Longmans, Green and Company, 1955.
- Дьячков В.В.* (рук.) Томо-кан – французско-русский словарь. URL: www.dogonlanguages.org (дата обращения: 24.04.2016)

КОНСТИТУЦИЯ НАМИБИИ И ВОПРОС О СОХРАНЕНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ¹

Конституция Республики Намибия была принята 21 марта 1990 г.

В соответствии со Статьей 16 Пунктом 1 Конституции, Намибия является «суверенной, секулярной и унитарной республикой» [Constitution, 2012].

Статья 102 Конституции предусматривает административное деление на регионы и административные единицы – деление, которое имеет чисто географическое значение и ни в коей мере не зависит от расы, цвета кожи и этнической принадлежности местных жителей. Границы регионов и административных единиц могут быть в случае необходимости изменены. При этом следует отметить, что полномочия и компетенции местных органов власти достаточно ограничены и сводятся в основном к налоговой сфере.

Основные места проживания носителей местных языков и их приблизительная численность:

- овамбо (более 800 тысяч) – собирательное название ряда субэтносов, проживающих в центре северной части страны;
- нама (порядка 200 тысяч) проживают в северо-западной части и в центре восточной части страны;
- гереро (более 200 тысяч) проживают в северо-западной части и центре восточной части страны (соседствуют с нама, но предпочитают кочевой образ ведения скотоводства);
- каванго (более 180 тысяч) проживают в северо-восточной части страны, на границе с Анголой;
- каприви (более 80 тысяч человек) проживают в восточном клине, граничащим с Анголой, Замбией и Ботсваной;
- тсваны (менее 8 тысяч человек) проживают в северной части страны на границе с Ботсваной [The Map of Namibia 2011].

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФНФ №14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

Следует особо сказать о своеобразной этнической группе бастеров, которая появилась в результате смешанных браков между нидерландскими мужчинами (первыми поселенцами) и койсанскими женщинами. В 1872 году они всей общиной переселились из Южной Африки в немецкую Юго-Западную Африку, где в настоящее время проживают южнее Виндхука с центром в городе Рехобот и насчитывают около 35 тысяч человек. Регион обладает небольшой степенью территориальной автономии, которую бастерам приходилось неоднократно отстаивать, в том числе и перед Комиссией ООН по правам человека [Я.Г.А. Диргаарт против Намибии 2006]. Родным языком бастеров, которым они пользуются и в местном делопроизводстве, является африкаанс (стандартный африкаанс в письменной форме и собственный диалект языка в устной). Имеется несколько школ с преподаванием на начальном и среднем уровнях на языке африкаанс.

Местный вариант языка африкаанс (намибийский африкаанс), отличающийся от языка бастеров, широко распространен в южной части страны и используется представителями различных этнических групп.

Известную роль в жизни страны играет немецкая община (в настоящее время около 20 тысяч человек), возникшая в период существования немецкой колонии Юго-Западная Африка [Дьячков 2016]. Намибийские немцы при поддержке метрополии способствуют сохранению функций немецкого языка в Намибии. Активно работает намибийское отделение Гёте-Института, функционирует Союз учителей немецкого языка. В ряде школ немецкий язык как иностранный, а в некоторых и как родной, преподается до девятого класса. В стране имеется 20 специализированных курсов немецкого языка для взрослых, в том числе и курсы для полицейских. Проблема состоит в том, что все вышеперечисленные организации признают и используют только стандартный немецкий язык, в то время как в стране, наряду со стандартным, существует и местный вариант немецкого языка, в значительной степени отличающийся от стандартного [Дьячков 2014]. Это, по словам, Х.Ю. Бекера, «местный *Sudwesterdeutsch*, на котором сегодня говорят только местные жители, и который является исключением и вызывает интерес только у благожелательных лингвистов» [Becker 1993].

Помимо перечисленных групп, в стране проживает несколько десятков других этносов и субэтнических групп.

Следует отметить, что границы регионов и административных единиц в Намибии не совпадают с границами расселения этносов. Помимо этого, нельзя не учитывать возрастающую мобильность местного населения. Это в известной степени ограничивает возможности местных административных органов в осуществлении языковой политики на местах. В основном все вопросы, связанные с языковой политикой, решаются на центральном уровне.

Статья 3 Конституции озаглавлена «Язык». В соответствии с этой Статьей, официальным языком Намибии является английский. В то же время отмечается, что провозглашение английского языка официальным не исключает при необходимости возможности использования в качестве языка обучения в частных, а также финансируемых и субсидируемых государством школах какого-либо другого языка. Также не исключается принятие решений относительно использования в отдельных регионах других языков, кроме английского, в законодательной, административной и юридической практике, если на этих языках говорит значительная (*substantial*) часть населения. (При этом не поясняется, что имеется в виду под словами «значительная часть» – *М. Д.*)

К сожалению, до сих пор не принят государственный закон о языках, который уточнял бы и конкретизировал положения Конституции.

Статья 20 Конституции озаглавлена «Образование». В ней предусматривается обязательное бесплатное начальное образование при обеспечении Государством средств и возможностей для его осуществления. Детям запрещается прекращать обучение в школе до получения свидетельства о начальном образовании.

В этой статье Конституции ничего не говорится о языке обучения.

Введение всеобщего начального образования стало одной из приоритетных задач государства. В подавляющем большинстве школ обучение стало проводиться на английском языке вместо африкаанс, что до сих пор вызывает трудности у определенной части учащихся, но, тем не менее, способствует консолидации намибийского общества. Надо признать, что в известной степени это замедляет развитие стандартных форм местных языков.

Количество школ, по сравнению с колониальным периодом, выросло более чем на 20%. По официальной статистике грамотность

среди взрослого населения составляет 66%. Однако не указывается, грамотность на каком языке или языках принимается во внимание.

В современной Намибии сохранение и развитие местных языков, а они составляют неразрывную часть культуры намибийского народа в целом, затрудняется отсутствием их стандартизации, отсутствием издания необходимых учебников и, в немалой степени, отсутствием законодательной разработки положений Конституции (Статей 3 и 20).

Конечно, в немалой степени (а может быть, и в решающей степени) этому могли бы способствовать разработки местных лингвистов и педагогов, которые в настоящее время этим не занимаются. Более того, если местные африканские языки существуют сами по себе при нейтральном отношении к ним общества, то местные варианты немецкого языка и языка африкаанс зачастую рассматриваются как нечто второсортное, вызывающее пренебрежение, а зачастую и насмешку.

В этом случае переломить ситуацию могло бы только осознание того, насколько ценно для культуры страны и общечеловеческой культуры в целом сохранение и развитие всех без исключения местных языков, включая намибийский африкаанс, африкаанс бастеров и намибийский немецкий. Пока что, к сожалению, в стране понимание этого отсутствует, несмотря на четко выраженные, но детально не разработанные положения Конституции.

Вспоминаются слова известного лингвиста И. Вайсгербера о том, что «если бы у человечества был только один язык, то его субъективность определила бы раз и навсегда пути познания человеком окружающего мира. Эту опасность, однако, предотвращает многообразие языков... в противоположность неизбежной односторонности каждого из них, их множественность способствует объективности знания, получаемого посредством множественности способов видения мира» [Weisberger 1951: 170–171].

Возможная утрата в Намибии языка бастеров, намибийского немецкого, описанных и неописанных африканских языков привела бы только к утрате культурных традиций страны, но ни в коей мере не способствовала бы консолидации намибийского общества.

Литература

- Constitution of the Republic of Namibia.* Windhoek, 2012. URL:
http://www.gov.na/documents/10181/14134/Namibia_Constitution.pdf/37b70b76-c15c-45d4-9095-b25d8b8aa0fb (дата обращения 21.07.2016).
- The Map of Namibia.* The Governmental Edition. Windhoek, 2011.
- Я.Г.А. Диргаарт против Намибии. Жалоба № 760/1997. 1997. // Подборка решений комитета по правам человека в соответствии с факультативным протоколом. Т.7. Нью-Йорк, Женева: ООН, 2006. С. 98–112
- Дьячков М.В. Особенности вариантов немецкого языка и языка африкаанс в Намибии. М., СПб., 2016.
- Дьячков М.В. Немецкий язык в Намибии. М., 2014.
- Becker H.J. The Teaching of German As a Mothertongue.// The Identity and Role of the German-Speaking Community in Namibia. Windhoek, 1993.
- Weisgerber J. Das Gesetz der Sprache. Heidelberg, 1951.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

К моменту ликвидации системы апартеида в 1994 г. состав населения ЮАР выглядел следующим образом:

- белые южноафриканцы европейского происхождения (в основном англичане и африканеры) – более 10%;
- небелые южноафриканцы (представители местных этносов) – 79%;
- цветные (colored) южноафриканцы (представители смешанных этносов) – 9%;
- индийцы (выходцы из различных частей Индии) – 2%.

В общей сложности население ЮАР составляло 47,4 миллиона человек.

ЮАР, с учетом ее территории и численности населения, является одной из самых многоязычных стран мира. По Конституции страны, принятой в 1996 г., одиннадцать языков считаются официальными. К ним относятся (в порядке убывания числа носителей и в соответствии с названиями, данными в Конституции):

- исизулу – 8,5 млн носителей (23,8 %);
- исикоса – 6,4 млн (17,6%);
- африкаанс – 5,8 млн (13,3%);
- сепеди – 3,6 млн (9,4%);
- английский – 3,5 млн (8,2 %);
- сетсвана – 2,8 млн (8,2%);
- сесото – 2,6 млн (7,9%);
- ситсонга – 1,6 млн (4,4%) ,
- сисвати – 0,98 млн (2,7%);
- тсивенда – 0,6 млн (2,3%);
- исиндебеле – 0,6 млн (1,6%).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00488.

Несомненно, с течением времени численность носителей могла меняться и меняется, однако их соотношение сохраняется. Помимо этого имеется более 20 языков, число носителей которых составляет порядка полумиллиона человек.

В Главе 2, Статье 29 Конституции говорится:

«Каждый имеет право на основное образование, включая основное образование для взрослых.

Каждый имеет право получить образование на официальном языке или языке по выбору в государственных образовательных учреждениях, в которых подобное образование предоставляется в разумных пределах» [Constitution 2007: 4].

В Законе о школах (SASA) от 1996 г. предусматривается демократическое преобразование школьной системы с целью предоставления высококачественного образования всем учащимся [Lemer et al. 2004: 184]. Впервые были введены в обиход термины «нерасовое образование» (non-racial education) и «мультикультурное образование» (multicultural education). Были сформулированы восемь принципов мультикультурного образования:

- юридическое признание существования различных культурных групп;
- сохранение различных культур;
- взаимодействие и сотрудничество между ними;
- культурное разнообразие как преимущество, а не недостаток;
- равные права для всех культурных групп;
- равные возможности для получения образования;
- многообразие различий между людьми;
- полная реформа школьной жизни.

Также подчеркивалась необходимость отказа от ассимиляционного образования в пользу интеграционного, присутствие одной доминирующей культуры должно быть заменено на присутствие нескольких равноценных культур.

Однако положение осложняется тем, что далеко не на всех официальных языках имеются учебные пособия и книги для чтения, что мешает полноценному использованию этих языков в системе образования. Во всех школах после четвертого года обучения преподавание ведется только на английском языке и в меньшей степени на языке африкаанс. На языке африкаанс преподавание чаще всего ве-

дется в исторически «цветных» школах, которые в настоящее время формально таковыми не являются, но в которых исторически преобладает небелый контингент учащихся. В этом случае некоторые родители опасаются, что обучение на языке африкаанс с использованием английского в качестве дополнительного может привести к отрыве выпускников от общей тенденции развития страны.

О возможности развития письменности на других языках и об их использовании в системе образования говорится, что это долгосрочный и трудоемкий процесс, возможный только при наличии устойчивой политической воли, которой в настоящее время не наблюдается [Meier 2002].

Учителям рекомендуется в процессе занятий осуществлять в классе социализацию тех носителей различных языков и культур страны, которые пришли в школу с определенными представлениями, далеко не всегда положительными, о языках и культурах своих одноклассников. Однако как осуществлять такую социализацию при отсутствии адекватных учебных пособий, в инструкциях ничего не говорится.

Кроме того, для руководства таким процессом учитель сам должен быть соответствующим образом социализирован. Конкретно это значит, что учитель данного класса должен быть в достаточной мере знаком с языками и культурами своих учеников.

В 1999 г. Комиссия ЮАР по правам человека установила, что процесс расовой интеграции проходит далеко не во всех школах страны; в большинстве школ при осуществлении интеграционного процесса используется ассимиляционный подход. В связи с этим Министерством образования была выпущена специальная инструкция «Директивы относительно расовых проблем и человеческих ценностей в образовании». Директива, как и многие другие правительственные документы, ставит интеграционные задачи, не давая конкретных пошаговых рекомендаций к их исполнению.

Полная реализация принятых документов затрудняется наличием таких факторов, как отношение учителей к предложенным изменениям и преобладание английского языка в школах в качестве языка обучения. Принятые документы на данный момент являются скорее идеализацией, протоколом о намерениях, поскольку далеко не всегда реализуются или просто не могут реализоваться. Например, в традиционно «черных» школах процесс интеграции фактически не осуществляется вследствие их территориального расположения в

«черных» регионах, ограниченных ресурсов и низкого уровня преподавания. В большом числе школ интеграция ограничивается проведением «Дня культур» один или два раза в течение учебного года.

В силу исторических причин в большинстве школ, независимо от семейного языка учащихся, в качестве языка обучения преобладает английский, причем языковые предпочтения учащихся учитываются далеко не всегда. При этом многие учащиеся владеют английским языком в недостаточной степени или практически им не владеют.

Что касается английского языка, то он представлен в ЮАР на различных уровнях различными вариантами. Многие английские семьи пытаются использовать правильный стандартный (британский) английский язык как элемент семейной традиции, как своего рода признак этнической принадлежности, которой следует гордиться.

Многие представители местных этносов используют английский язык только как язык межэтнического общения, допуская своеобразные акценты и многочисленные грамматические и лексические отклонения. Кроме того, как представляется, начинает постепенно формироваться специфический южноафриканский вариант английского языка со своими фонетическими, лексическими и грамматическими нормами [Diachkov 2012].

В качестве примеров можно привести, в частности, следующие особенности.

- Использование глагольной формы Present Perfect при отнесении последовательных действий или событий к прошлому: In the late 1990s no one **has forced** him to account for his money [Cape Times, 23.06.2011] ‘В конце 1990-х никто не заставлял его отчитываться за свои деньги’; In the past year the authorities **have not accused** him of stagnation [Cape Times, 17.08.2013] ‘За прошедшие год власти не обвиняли его в стагнации’.

- Отсутствие обязательного согласования времен: If he **knew** what **has happened**, he never came there [Brink 2006: 70] ‘Если бы он знал, что случилось, он никогда не приехал бы туда’; Ms Sitole said she **is not sure** whether she **will reopen** Nzolo Brand [The Capetowner, 23.06.2015] ‘Г-жа Ситоле сказала, что не уверена в том, возобновит ли деятельность Нзоло Брэнд’.

- Использование глагольной формы Past Perfect для подчеркивания какого-либо действия: Melanie **had told** us that Cobie came from Swaziland [Meyer 2010: 102] ‘Мелани (**все-таки**) сказала нам, что Коби приехала из Свазиленда’, He **offered** his hand, but Jarvis **had sat down** again and **had not seen** it [Paton 2002: 116] ‘Он протянул ему руку, но Джарвис (**продолжал**) сидеть и (**во-все**) не видел ее’.

Количество подобных примеров можно было бы продолжить, причем они носят не случайный, а систематический характер. В приведенных примерах налицо тенденция к перераспределению ТМА форм глагола, что не соответствует норме стандартного английского. Вполне возможно, что тенденция к формированию местного варианта английского языка продолжится в будущем, однако следует иметь в виду, что традиционные приверженцы стандартного английского, а их в стране не так уж и мало, ни в коем случае не согласятся на изменение своих языковых предпочтений. Таким образом, различия в подходе к нормам английского языка неминуемо сохранятся в обозримом будущем. Все это затрудняет эффективное использование этого языка в качестве языка обучения в многоязычных коллективах.

Судьба формирующегося местного варианта языка представляется весьма неясной. С одной стороны, он наблюдается и в разговорной практике и в художественной литературе, с другой – представители английского этноса (а это около 10% населения страны), как представляется, никогда не откажутся от своих ригористических языковых традиций, что может привести с течением времени лишь к функционированию в стране параллельно по меньшей мере двух вариантов английского языка.

Характерной является ситуация, когда учитель владеет нестандартным вариантом английского языка, а учащиеся слабо владеют английским языком. Процесс обучения в этом случае еще более затрудняется и становится малоэффективным. Южноафриканские педагоги и лингвисты признают, что в случаях, когда неанглоязычные ученики слушают объяснения на английском языке, они воспринимают материал значительно хуже, чем их англоязычные одноклассники. К сожалению, южноафриканские педагоги и языковеды не знакомы с мыслями крупнейшего российского социолингвиста советского периода В.А. Аврорина, который еще в 1975 г. писал, что когда с подобного рода лицами говорят на неродном для них языке,

то «на них падает двойная нагрузка: они должны, во-первых, успевать мысленно переводить речь оратора на родной язык, как привычный для них инструмент мышления, и, во-вторых, усваивать передаваемую им информацию. Эти две мыслительные операции по затратам умственной энергии стоят одна другой. Если же речь ведется на родном языке, то первая из этих двух операций отпадает» [Аврорин 1975: 96].

Такая дополнительная нагрузка падает и на восприятие учеников при обучении их на неродном языке, если знание этого языка неодинаково для каждого из них. В школах ЮАР для таких учеников создаются дополнительные классы или группы по обучению английскому языку по программе «Основы навыков межличностного общения (BICS)». Однако анализ показал ограниченность этой программы, поскольку она фактически рассчитана на овладение английским языком для взаимного общения, но это далеко не всегда помогает им быстро и правильно усваивать на английском языке разнообразный учебный материал. Считается, что программа дополнительного обучения английскому языку в школе должна предусматривать индивидуальные потребности учащихся, но сделать это удастся далеко не всегда.

В южноафриканской образовательной системе признается необходимость учета в школьной деятельности и школьной жизни родных языков учащихся. В этом случае, как представляется, учитель должен владеть или, по крайней мере, иметь достаточное представление о тех языках, которые используются учениками. В ином случае учитель выглядит беспомощным в целом ряде ситуаций и утрачивает авторитет у своих учеников. На практике это условие выполняется не всегда и не полностью.

Различия в культурах проявляются даже в манере обращения к учителю. Носители одних культур могут предпочитать при обращении к учителю такие слова, как «дядя, тетя, брат, сестра», другие – «сэр, мадам, профессор, доктор». Причем следует отметить, что как те, так и другие несут совершенно одинаковую семантическую нагрузку и ни в коем случае не должны озадачивать учителя.

В различных культурных традициях наблюдается различный подход к определению времени. Так понятия «сейчас», «немедленно» могут обозначать различную временную протяженность в различных

культурах, а следовательно, и языках. Это обстоятельство, несомненно, должно учитываться учителем при общении с учениками.

Дети и молодые люди, независимо от своей этноязыковой принадлежности, чувствительно относятся к правильному произнесению учителем своих имен и фамилий. Если имя несет какую-либо положительную семантическую окраску, это становится предметом дополнительной гордости. Учитель, независимо от степени владения языками учеников, должен знать значение их имен и фамилий и произносить их без запинки и правильно. Ненамеренные искажения, незнание значения имени вызывают у учеников отрицательную реакцию, часто смех или обиду, а учитель теряет значительную часть своего авторитета. А подобное происходит далеко не так редко.

Как представляется автору статьи, в наши дни южноафриканская система образования излишне децентрализована. Помимо общереспубликанского Министерства образования в каждой провинции имеется свой департамент образования, который ведет разработку общих установок в сфере образования для данной провинции. Кроме того, большая ответственность в формировании учебного процесса и составлении учебных планов возлагается на отдельные школьные советы и каждого отдельного учителя. С одной стороны, это реакция на сверхцентрализованную систему образования в период апартеида, но с другой – во время становления новой системы без достаточной централизации обойтись трудно.

Документы Министерства образования предусматривают, что учитель должен самостоятельно подбирать материалы по мультикультурному образованию, сам должен знакомить учеников с языками и культурами одноклассников. С одной стороны, это повышает роль и ответственность учителя, но в то же время это пускает процесс на самотек, не дает четких и недвусмысленных установок, которые в этом случае необходимы. Многие вопросы, в частности, связанные с языками учеников, решаются на местном уровне в рамках педагогического совета данной школы, которому предоставлено право разрабатывать собственные учебные программы и учебные планы, причем решаются подобные вопросы зачастую без учета интересов конкретных учеников. В то же время не существует подробных и конкретных общенациональных документов, например, о роли в отдельной школе семейных языков и культур конкретных учеников [Bethlem 2010].

Имеется ограниченное число новых общепризнанных учебников и учебных пособий, целый ряд учебников издан еще в период апартеида. Ситуация такова: учитель устно вносит поправки и изменения в текст учебника, который в печатном виде имеется в распоряжении учеников. А если учитель по рассеянности или недостатку компетенции не внесет необходимые поправки?..

Что касается учебных пособий по местным языкам, то с ними, как говорилось, дело обстоит еще хуже. Учебные пособия по всем официальным языкам, не говоря об остальных, не только не изданы, но еще и не написаны. По словам преподавателей английского языка Кейптаунского университета, в преподавании английского языка как родного, так и как неродного, не уделяется внимания грамматике и изучению правил, а основное внимание уделяется языковой практике.

Поэтому практические вопросы равноправия языков и равноправия учеников, несмотря на положения Конституции, отдельных законов и общесмысловых министерских инструкций, далеко не всегда находят свое решение.

Нельзя забывать, что с момента демонтажа апартеида прошло всего только двадцать два года. Еще не только живы, но и трудоспособны люди, достаточно успешно функционировавшие при апартеиде. Последствия Закона об образовании банту (*Bantu Education Act*), принятого в 1953 г., полностью не устранены до сих пор. Многие небелые родители получили урезанное образование в соответствии с положениями этого закона. Многие белые и небелые учителя получили образование и воспитывались при системе апартеида. Многие учителя вольно или невольно испытывают в той или иной степени расовые предрассудки, многие небелые учителя обладают недостаточной профессиональной подготовкой и недостаточным объемом знаний. Многие школы, расположенные в небелых регионах страны, по данным министерства образования, очень плохо оборудованы: в 35,5% не имеется телефонов, в 41,8% не проведено электричество, в 70% не имеется компьютеров [Vooysee 2015: 208]. Вполне понятно, что такая недооборудованность не может не влиять и на уровень преподавания, особенно преподавания языков.

Для устранения всех этих последствий апартеида предпринимаются определенные шаги, создаются курсы повышения квалификации учителей без отрыва от работы. Но часто это носит чисто формальный характер: курсы создаются, но кому на них преподавать? Частично эту проблему пытаются решить посредством специализированных радио- и телепрограмм.

В целом в школах ЮАР в настоящее время ощущается нехватка квалифицированных учителей. Так, в мае 2008 г. из общего числа учительских должностей 433280, 62616 были вакантными и 31949 были заняты временными преподавателями (зачастую в этой роли выступают образованные родители, дети которых учатся в данной школе).

Идеи мультикультурного образования в стране еще далеки от своей реализации. До сих пор местные этносы страны, такие как зулу, сото, коса, тсонга, венда, индийцы, цветные², африканеры, англичане и другие, как правило, не владеют языками друг друга и не знакомы с культурными традициями, включая и религиозные, своих близких соседей.

У значительной части населения проявляется эмоционально отрицательные отношения к английскому языку, с одной стороны, и к другим языкам страны, включая и официальные, с другой. В этой связи заслуживает внимания произнесенное с известной долей юмора и сарказма высказывание известного профессора и переводчика Леона де Кука (Leon de Koek) о том, что «английский язык презирается всеми добропорядочными африканерами» [Cape Times 24.06.2011: 12].

Что же в таком случае можно сказать об отношении к «белым» языкам (английскому и африкаанс) со стороны многих представителей других этносов или об отношении англичан к языку африкаанс?

В целом отношения между языками английским и африкаанс сильно политизированы и уходят корнями в прошлое страны. Африканеры всегда считали, да и продолжают считать, причем иногда обоснованно, а иногда нет, что англичане стремятся подчинить их, ассимилировать их культуру, ущемить их язык. Многие африканеры опасались и опасаются, что африкаанс, подобно многим другим официальным языкам, будет вообще исключен из школьного обучения. Это, конечно, не может не сказаться на чисто межъязыковых отношениях. Всем ясно, что в настоящий момент страна не готова ко всеобщему билингвизму (английский/африкаанс), а следовательно, конкуренция между языками английским и африкаанс будет неминуемо продолжаться.

Несмотря на то, что в документах Министерства образования значительное место уделяется роли родителей, во многих общинах современной ЮАР нормальная семейная структура (отец, мать, дети)

² Coloureds – общепринятое официальное название смешанной этнической группы, родным языком которой является английский или африкаанс.

нарушена. Как в городе, так и в сельской местности имеется много матерей-одиночек, а также опекунов, воспитывающих неродных детей. Школа вряд ли может добиться существенного эффекта, переключив на этих людей существенную долю своих функций. Школе приходится не столько рассчитывать на их помощь, сколько самой оказывать им помощь.

Что касается профессиональной подготовки учителей, которая в этих условиях должна быть достаточно обширной и достаточно специализированной, то об этом достаточно много говорится, но недостаточно много делается. До сих пор не удается добиться, чтобы все без исключения учителя были этнически нейтральными, т.е. признавали необходимость беспристрастного личного отношения к представителям всех этносов страны, и чтобы они были хотя бы в какой-то степени знакомы с семейными языками и культурами своих учеников. Более того, нет уверенности в том, что все учителя страны хорошо знакомы с культурой своего собственного этноса. А ведь овладеть чужим языком и культурой или хотя бы понять их, невозможно без достаточного владения своими.

По пути преодоления расовых предрассудков, межэтнического непонимания, недооценки положительного значения существующего в стране языкового разнообразия Южной Африке предстоит идти еще очень долго. Нам, россиянам, как никому другому, понятны все трудности, стоящие перед Южно-Африканской Республикой.

Газетные источники

Cape Times
The Capetowner

Литература

- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975.
- Bethlehem R.W.* Education and Economy // South African Education in 2009. Pretoria, 2010.
- Booysee J.J.* A History of Schooling in South Africa: Method and Context. Pretoria: Van Schaik Publishers. 2015. P. 208.
- Brink A.* A Dry White Season. New York: Harper Perennial, 2006.
- Cape Times.* 24.06. 2011.
- Constitution of the Republic of South Africa.* Cape Town. 2007.

- Diachkov M.V.* Syntactic Peculiarities of South African English // Social Science. №2. Moscow, 2012. Pp. 219–221.
- Lemmer E., Van Wyk N.* Home-school communication in South African primary schools. South African Journal of Education, 24(3): 2004. Pp. 183–188.
- Meier C.* Coping with Diversity in Desegregated Schools in South Africa // Transferring the South African Experience. New York: 2002.
- Meyer D.* Blood Safari. New York: Grove Press, 2010.
- Paton A.* Cey, the Bloved Country. Vintage, 2002.

А.Ю. Желтов
(СПбГУ / МАЭ РАН)

ЭЛЕМЕНТЫ МОРФОСИНТАКСИСА ЯЗЫКА МАЙА (АДАМАУА, НИГЕР-КОНГО)

Майа – общее название для диалектного (языкового?) кластера, зона которого включает в себя два десятка населенных пунктов к западу от Йолы (столица провинции Адамауа, Восточная Нигерия), самым крупным из которых является Бали. Название этого населенного пункта используется в ряде обзорных работ для обозначения того, что в данной работе обозначается как майа. Идиомы йоти и кпашам, также иногда включаемые в майа, возможно, следует считать отдельными языками. Языковые различия между говорами других населенных пунктов, по словам информантов, незначительны. Термин «майа» используется для объединения идиомов всех населенных пунктов и был предпочтительным для информантов по сравнению с термином «бали». Возможно, закрепление этого названия связано с деятельностью по переводу Библии, сопряженной с попыткой выработать единую литературную норму для всех этих идиомов. В данной работе мы используем идиом майа, который был предпочтителен для наших информантов. В классификации языков адамауа Раймонда Бойда [Boyd 1989] язык майа не отмечен. По классификациям Бленча [Blench 2015] и электронного справочного издания Этнолог [Lewis et al. (eds.) 2016], язык относится к подгруппе языков йенданг группы мумуйе-йенданг. Работа над языком проходила в ходе лингвистической экспедиции в Нигерию в январе-феврале 2012 и 2013 гг. Автор выражает искреннюю благодарность своим информантам Зенону Джозлю и Дауде Мартину. По результатам сравнительного анализа собранных в ходе экспедиции стословных списков базовой лексики, майа имеет около 50 % общих корней с йенданг, вака, теме и генгле, около 40% – с кумба, около 25% – с ньонг (этот язык относится к другой подгруппе адамауа – леко).

Фонология и тонология майа требуют дальнейшего изучения. Можно с уверенностью зафиксировать 3 регистровых тона, но при помощи компьютерной программы Speech Analyzer в некоторых контекстах фиксируются и модулированные тоны, а их фонологич-

ность пока остается под вопросом. К интересным особенностям фонетической системы относятся наличие фонологически значимых имплозивных *b* и *d*, а также финальной гортанной смычки (только после гласных заднего ряда).

1. Множественное число в майя

Примеры из размещенных на сайте Р. Бленча [Blench n/d] списков слов идиома бали, собранных Барау Като и Захария Йодером¹ дают последовательное множественное число с суффиксом *-rə̀* для некоторых лексем:

‘лоб’ ед. ч. *pà̀rəm*, мн.ч. *pò̀rə̀*

‘ухо’ ед.ч. *té* мн. ч. *térə̀*

‘рот’ ед.ч. *jé* мн.ч. *jérə̀*

‘отец’ ед.ч. *tón* мн.ч. *tónrə̀*

‘мать’ ед.ч. *júj* мн.ч. *jújrə̀*.

Однако анализ парадигматики притяжательных местоимений показал, что это не маркер множественного числа, а притяжательное местоимение 1 лица множественного числа. Подборка лексем с данным местоимением (части тела и термины родства) выглядит вполне логичной: именно эти лексические группы практически не употребляются без указания посессора, который выступает в данном случае в качестве показателя неотчуждаемой принадлежности.

При этом в майя есть несколько форм собственно множественного числа (как правило, названий людей), образованных при помощи суффикса *-a*, присоединение которого иногда сопровождается чередованиями в основе ассимилятивного или диссимилятивного характера: *ɲsé(e) – ɲsià* (‘женщина – женщины’), *ɲbi – ɲbià* (‘мужчина – мужчины’), *wen – wanà* (‘человек – люди’). Существует также особая модель для диминутивов, где используется префикс *bi-* (иногда произносится как *bə-*; факультативный это вариант или позиционный, на данный момент не ясно) для ед. ч. и *zi-* – для мн. ч.:

¹ Наряду с очень краткой брошюрой о языке майя, подготовленной в ходе работы семинара по разработке орфографии для этого языка [A Guide... 2007], данный список – единственный известный автору источник данных о языке майя.

bi-see – zi-sià ('дочь – дочери') от *ɲsé(e) – ɲsià* ('женщина – женщины');
bi-bii – zi-bià ('сын – сыновья') от *ɲbi – ɲbià* ('мужчина – мужчины');
bi-be – zi-be ('козленок – козлята') от *be* ('козел/ козлы') и т.д.

Модель является достаточно регулярной. Возможно, к этой же модели относятся и формы *ba – zàà* 'ребенок – дети'. От них можно образовать «вторичные» диминутивы: *bàba – zizàà* 'маленький ребенок – маленькие дети'.

Интересно, что омонимичная (или та же?) форма *bi* используется в качестве анафорического местоимения 3 лица ед. и мн. ч., для лексем с неличной семантикой (вещи и животные), при этом нейтрализуется оппозиция по числу. Семантическая связь диминутива с неличным (неодушевленным) классом хорошо известна в лингвистической типологии (ср. форму среднего рода для 'девушки' в немецком и для 'мальчика' в древнегреческом и новогреческом).

Значительно более регулярно множественное число выражается в майа не на вершине именной группы, а в зависимом определении:

ɲsee gelee 'большая женщина' – *ɲsi(a) gel-a* 'большие женщины';
wen gelee = ɲgelee 'большой человек' – *wana gel-a* 'большие люди'.

При этом данная модель работает и для других существительных – тех, которые не имеют маркировки множественного числа на вершине:

ti gele 'большое дерево' – *ti gel-a* 'большие деревья'.

В форме *ɲgelee* слово *wen* 'человек' заменяется на номинализатор со значением 'личность' *ɲ*. Во множественном числе такая замена информантом не предлагалась.

2. Атрибутив / квалитатив в майа

Форма типа *gele* может быть и прилагательным, и квалификативным глаголом, который употребляется в качестве предиката квалификативной конструкции без копулы и с местоимениями глагольной, а не независимой серии (ср. *m* 1SG для глагольной серии и *to* 1SG – для именной предикации). В предикативной функции, в отличие от атрибутивной, формы типа *gele* не изменяются в зависимости от числа:

ŋsee	a	gelee
женщина	3SG	большая
ŋsi(a)	n	gelee
женщины	3PL	большая

Возможно, изменение по числу блокируется наличием соответствующего местоимения.

Видимо, подобные формы следует называть не местоимениями, а местоименно-предикативными показателями, так как они не исчезают при употреблении субъекта, выраженного именем. На данный момент можно зафиксировать возможность их употребления вместе с именем, но обязательность этого пока не очевидна – в некоторых примерах они опускались. В данных формах не выражаются такие глагольные категории, как ТАМ. Возможность сочинительного и подчинительного сокращения этих форм требует проверки.

3. Прономинальные парадигмы майа

Независимые серии субъектных местоимений используются при именной предикации, глагольные – при глагольной предикации. Объектное местоимение всегда суффицируется к глаголу. Исключения представляют собой конструкции с трехвалентными глаголами с аргументами в роли темы и реципиента, выраженными местоимениями в обеих ролях. В таком случае реципиент (косвенное дополнение) суффицируется к «предлогу» *men* и образует отдельную серию. Две серии притяжательных местоимений различаются аналогично английским сериям с *my* и *mine*, употребление которых зависит от наличия/отсутствия конструкционной вершины – принадлежащего. Части тела и термины родства имеют тенденцию обязательного указания посессора.

	Субъект		Объект		Посессив	
	Независимый	Предикативный	Прямой / косвенный (с топе 'показывать')	Косвенный (mep 'to'+суффикс)	Независимый ('мое', etc)	Суффиксальный
1sg	mo	m-	-m	-m	amò	-m
2sg	nyoŋ	ŋ-	-oŋ	-é	aó	-gé
3sg human	nyoŋ/a	a-	-aŋ	-aŋ	yaŋo	-aŋ
3sg non-human	au/bi (бо, бэ)	b-, bi (бо, бэ)	-aŋ	-aŋ	yaŋo	-aŋ
1pl	tó	dí-	-roʔ	-roʔ	eròʔ	-roʔ
2 pl	nyóŋ	i-	-ne	né	eó	-é
3 pl human	nyóŋ	ni/i-	-ne	né/òŋ	eŋó	-uŋ
3 pl non-human	au/bi (бо, бэ)	b-, bi (бо, бэ)	aŋ	-aŋ	yaŋo	-uŋ

Таблица 1: Прономинальные парадигмы майа

Особую сложность представляют фузионные (ассимиляционные) процессы на стыке глагольных основ и объектных суффиксов, что создает проблему унифицированного выделения определенной формы местоимения:

OBJ	Он показал (toŋne) + OBJ	Он убил (yib) + OBJ
1 sg	A toŋnem	A yimmè
2 sg	A toŋnoŋ	A yuŋ nè
3 sg human	A toŋnaŋ	A yiraŋ nè
3 sg non-human	A toŋnaŋ	A yibaŋ nè
1 pl	A toŋroʔ	A yiruʔ wé
2 pl	A toŋne	A yiruŋ nè
3 pl human	A toŋne	A yiruŋ nè
3 pl non-human	A toŋnaŋ	A yibaŋ nè

Таблица 2: Фузионные (ассимиляционные) процессы на стыке глагольных основ и объектных суффиксов

Еще одним интересным явлением в местоименной системе языка майя являются морфемные нейтрализации семантических оппозиций между местоимениями. Некоторые парадигмы являются контекстом нейтрализации определенных семантических оппозиций: ед./мн. число (выделено в Таблице 3 темно-серым) для субъектных неодушевленных местоимений 3 лица, 2/3 лицо (выделено в Таблице 3 серым) для субъектных местоимений ед. и мн. числа и объектных местоимений мн. числа, личность / неличность (выделено в Таблице 3 светло-серым) для объектных и притяжательных местоимений 3 лица ед. ч. и притяжательных суффиксов мн. ч. Можно заметить, что подобные нейтрализации находятся в дополнительной дистрибуции друг к другу.

	Субъект		Объект		Посессив	
	Независимый	Предикативный	Прямой / косвенный суффикс (с toje 'показывать')	Косвенный (men 'to' + суффикс)	Независимый ('мое' etc.)	Суффикс
1 sg	mo	m-	-m	-m	amò	-m
2 sg	nyoŋ	ŋ-	-oŋ	-é	aó	-té
3 sg human	nyoŋ/a	a-	-aŋ	-aŋ	yaŋo	-aŋ
3 sg non-human	au/bi (бо, бэ)	b-, bi (бо, бэ)	-aŋ	-aŋ	yaŋo	-aŋ
1 pl	tó	dí-	-roʔ	-roʔ	eròʔ	-roʔ
2 pl	nyóŋ	i-	-ne	né	eó	-é
3 pl human	nyóŋ	ni/i-	-ne	né/òŋ	eŋó	-uŋ
3 pl non-human	au/bi (бо, бэ)	b-, bi (бо, бэ)	aŋ	-aŋ	yaŋo	-uŋ

Таблица 3: Морфемные нейтрализации семантических оппозиций между местоимениями в майя

4. Дитранзитивные (трехвалентные) конструкции в майя

Дитранзитивные конструкции часто оказываются чувствительными к так называемой «иерархии одушевленности», поэтому их

анализ должен учитывать различные комбинации аргументов в роли темы и реципиента.

1. Тема (Имя) + Реципиент (Имя):

ɲbida toŋne b̥aadaŋ- ɲe men n̥sedaŋ
 ЧЕЛОВЕК показывать ребенок- OBJ DAT женщина
 Человек показывает ребенка женщине.

2. Реципиент (Местоимение) + Тема (Имя):

a toŋne- m b̥aadaŋ- (ɲe)
 он показывать- 1SG.OBJ ребенок- (OBJ)
 Он показывает мне ребенка.

3. Тема (Местоимение) + Реципиент (Имя):

a toŋne- m men b̥aadaŋ
 он показывать- 1SG.OBJ DAT ребенок
 Он показывает меня ребенку.

4. Тема (Местоимение) + Реципиент (Местоимение):

a toŋne- m m̥en- é
 он показывать- 1SG.OBJ DAT- 2SG
 Он показывает меня тебе.

Можно сделать вывод о том, что, когда тема выше или равна реципиенту в иерархии одушевленности (дейктической иерархии) (примеры 1, 3, 4), порядок всегда следующий: тема + *men* + реципиент. Когда реципиент выше темы (пример 2): порядок реципиент + тема. При этом иерархическая граница проходит именно между именными и прономинальными актантами: проверка комбинаций с различными (например, одушевленными/ неодушевленными) именными актантами или с различными (локуторы/ нелокуторы) прономинальными актантами дальнейших различий не выявила. Как тема (3, 4), так и реципиент (2) могут индексироваться в глаголе – при местоимении в роли темы индексация всегда по теме, при местоимении в роли реципиента его индексация имеет место только при отсутствии прономинальной темы. Если в предложении и тема, и реципиент выражаются местоимениями, в глаголе (4) индексируется тема, а прономинальный реципиент индексируется на служебном элементе с «дательной» семантикой *men* (Реципиентивный предлог?).

5. Краткие предварительные замечания о глагольных формах и ТАМ

На данный момент очевидным представляется выделение трех глагольных форм – инфинитив, причастие, личная форма.

Причастие (форма *-ɲe/-ɲ*) используется при образовании прогрессива:

m de ‘я хожу’ = ‘I walk’, *m deɲ-ɲe* = *m deɲ-ɲ* ‘я иду’ = ‘I am walking’

Личная форма используется для фактитива (сообщение о самом факте действия без темпоральной или аспектуальной конкретизации):

m uib *nodaje*
я убиваю/убил/убивал корову

Будущее время строится по модели *ye + Inf*:

nsewo *a* *ye* *zee.*
женщина 3SG FUT быть.плохим
Женщина будет (станет) плохой.

6. Базовые числительные в майя

Система числительных сочетает элементы пятеричной, десятичной и двадцатеричной систем: $6 = ni+1$, $7 = ni+2$, $8 = ni+3$, $9 = ni+4$, $11-19 = 10+1\dots$, $30 = 20+10$, $40 = 20 \times 2$, $100 = 20 \times 5$.

Числительные 2–5 очевидно восходят к общему корню не только для языков адамауа, но и, с большой вероятностью, соотносимы с соответствующими корнями многих других семей нигер-конго.

1	<i>bini</i>
2	<i>iyi/iyet</i>
3	<i>tat</i>
4	<i>nat</i>
5	<i>noɲ</i>
6	<i>niɓini</i>
7	<i>niiyi</i>
8	<i>nitat</i>
9	<i>ninat</i>
10	<i>kop</i>
20	<i>kar bini</i>
30	<i>kar bini nyan / kop</i>
40	<i>kar-iyi</i>
100	<i>ka-noɲ</i>
1000	<i>ka-noɲ kop bini</i>

Таблица 4: Базовые числительные в майя

7. Особенности терминов родства

Многие языки нигер-конго обладают специфической особенностью обозначения сиблингов. Они являются реляционными, а не абсолютными: пол сиблинга не может быть ясен без знания о поле говорящего. Язык майя относится именно к таким системам: лексемы «сестра» или «брат» фактически отсутствуют, но есть термины «сиблинг одного пола с говорящим (с дифференциацией по возрасту)» и «сиблинг противоположного пола с говорящим (без такой дифференциации)».

	Один пол с эго	Противоположный пол эго	
		Говорит мужчина	Говорит женщина
старший	byam	bisuam	
равный	uwam		
младший	bam		

Таблица 5: Обозначения сиблингов в языке майя

Из других особенностей терминологии родства майя можно отметить общие термины для отца и брата отца – *tuam* (с притяжательным суффиксом «мой») – ирокезский тип; для матери, сестры матери и сестры отца *nuene-m* (для младших – добавляется диминутивный префикс) – малайский тип. Для брата матери – особый термин *kuene-m*, тот же термин он сам использует для племянника (сына сестры). Подобные терминологические особенности сопровождаются соответствующим культурным контекстом: первый родившийся ребенок должен быть похоронен в деревне матери, брачный выкуп за него платит дядя по материнской линии.

Литература

- Boyd R. Adamawa-Ubangi // The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family. Lanham, MD: University Press of America, 1989. Pp. 178–215.
- A Guide prepared at the Maya orthography workshop.* Bali, Maya Language Development Board, 2007.
- Blench R. The Maya [Yendang] languages wordlists collected by Barau Kato and Zachariah Yoder analysis by Roger Blench.
<http://www.rogerblench.info/Language/Niger-Congo/AU/Yandang%20group/Comparatie%20Yandang.pdf> (Дата обращения 10.04.2015)
- Lewis M. P., Simons G.F., Fennig C.D. (eds.). Ethnologue: languages of the world. 19th ed. Dallas, Texas: SIL International, 2016. URL: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения: 10.04.2016).

Г.Л. Капчиц
(Государственная радиовещательная компания
«Голос России»)

К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ СОМАЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «ДОРОГА»

1. До введения письменности языка сомали существовали только два иностранно-сомалийских словаря. Это “Somali-English Dictionary” и “English-Somali Dictionary”, составленные выдающимся британским лингвистом Р.С. Абрахамом и изданные, соответственно, в 1964 и 1967 гг. [Abraham 1964, 1967]. В их сомалийской части лексика и примеры ее употребления напечатаны латинской графикой, несколько отличной от принятой в 1972 г. сомалийской орфографии, что, однако, не затрудняет пользование этими словарями.

С тех пор в Сомали, Европе и США появилось более десятка словарей, в том числе – четыре толковых словаря языка сомали: “Qaamuus kooban ee Af Soomaaliga” [Quamuus 1976], “Qaamuuska af-Soomaaliga” [Yaasiin Cismaan Keenaadiid 1976], “Qaamuuska Af-Soomaaliga” [Khaalid Cali-Guul-Warsame 2008] и “Qaamuuska af-Soomaaliga” [Puglielli, Cabdalla Cumar Mansur 2012].

Среди двуязычных (сомали-иностранных) словарей общего типа следует отметить “Robles Wörterbuch der deutschen und somalischen Sprache” [Rooble, Mähner 1989], “Somali-English Dictionary” [Zorc, Madina M. Osman 1993], “Abwaan cusub oo af-Soomaali iyo af-Ingriisii ah / A modern Somali-English dictionary” [Abdiraxmaan A. Farah ‘Barwaaqo’ 1995]. Кроме того, вышел в свет “A Dictionary of Somali Verbs in Everyday Contexts” [Liban A. Ahmad 2012].

Известных нам иностранно-сомалийских словарей, изданных на Западе (кроме упоминавшегося выше словаря Абрахама), всего три: “Dizionario Italiano-Somalo” [Banti, Cabdinasser Shek Mohamed, Puglielli 1985], “English-Somali Dictionary / Qaamuus Ingriisii-Soomaali” [Haan Associates 1993] и “Advanced English-Somali Dictionary” [Ahmed Hussein Mire 2008].

В нашей стране первый лексикографический опыт в отношении языка сомали оказался неудачным. «Краткий сомали-русский и русско-сомалийский словарь», изданный в 1969 году журналистами Д. Степанченко и Мохамедом Хаджи Османом, [Степанченко, Мохамед Хаджи Осман 1969] содержал такое большое число ошибок, что пользоваться им было нельзя [Капчиц 1975].

В 1977 г. был опубликован безымянный «Сомалийско-русский и русско-сомалийский военный и технический словарь» [Сомалийско-русский и русско-сомалийский военный и технический словарь 1977], а в 2012 г. – «Сомалийско-русский словарь / Graykoobka Soomaali-Ruush ah» (составитель В.С. Алейников) [Алейников 2012]. Русско-сомалийский словарь, который бы содержал перевод русской общелитературной лексики и фразеологии на язык сомали, пока не создан.

2. Все перечисленные выше сомали-иностранные словари, хотя и различаются полнотой и точностью представленного в них лексического материала, отвечают своему назначению – с их помощью человек, знакомый с грамматикой языка сомали, может читать и понимать сомалийские тексты. В отличие от этих словарей, “English-Somali Dictionary” Абрахама, “Dizionario Italiano-Somalo”, “English-Somali Dictionary / Qaamuus Ingriisi-Soomaali” и “Advanced English-Somali Dictionary” отвечают заявленной цели лишь частично: по ним можно учить сомалийские слова, но делать с их помощью переводы на сомали нельзя. Дело в том, что все они составлены без учета одной важной особенности сомалийского синтаксиса, которая диктует нетривиальный способ лексикографического описания сомалийских существительных. О ней в свое время писал пионер отечественного сомаловедения А. Жолковский: «... предглагольные частицы, или превербы, с помощью которых в сомали выражаются предложно-падежные значения европейских языков, присоединяются только к предикативным членам предложения – глаголам и прилагательным¹... В связи с этим существительное в сомали... почти совершенно не может присоединять зависимые типа актантов и сирконстантов, т.е. слова, обозначающие участников и обстоятельства называемой им ситуации...» [Жолковский 1974: 171] Это значит, что

¹ На самом деле в сомали прилагательных нет, а есть так называемые adjectival verbs: *cas* ‘быть красным’, *wanaagsan* ‘быть хорошим’ и т.д.

прямой перевод на сомали такой, например, фразы, как ‘дорога в Могадишо’ невозможен – предлога ‘в’ (как и других предлогов) в сомали нет, а есть превербы. Их четыре: *u* со значением ‘к’, ‘для’, *ku* ‘на’, ‘в’, ‘посредством’, ‘из-за’, *ka* ‘в’, ‘от’, ‘через’, ‘про’ и *la* ‘с’. Один из них (но не *ku* или *ka*, как можно предположить) и следует употребить – вместе с так называемым пустым глаголом Vp^2 (его роль чисто синтаксическая), которого нет в русской фразе. Для этого ее следует преобразовать в конструкцию с определительным придаточным предложением к существительному ‘дорога’ и ввести в него неопределенный субъект *la* ‘некто’ (грамматически 3 л. м. р.) и предикат – Vp *mari* ‘идти’ вместе с превербом *u* ‘к’: *Waddada [Waddo + опр. артикль ж.р. -da] loo [la+u] maro Muqdisho* – ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которой / некто к идет Могадишо’).

Существует два типа определительных придаточных предложений с Vp : 1) определительное придаточное предложение, в котором определяемое слово является дополнением (как в нашем примере); 2) определительное придаточное предложение, в котором определяемое слово является подлежащим, например: *Waddada u baxda Muqdisho* – ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога, / которая / к выходит Могадишо’). Как видим, в этой конструкции использован другой глагол – *bixi* ‘выходить’ с тем же превербом – *u* ‘к’.

Пустые глаголы различны для различных существительных, так что для каждого существительного их надо запоминать отдельно. По прикидкам Жолковского, число глаголов, «способных выступать в роли... Vp » не превышает сорока [Жолковский 1974: 176]. Однако, по моим наблюдениям, их значительно больше.

Mari и *bixi* из предыдущих примеров – далеко не единственные Vp , используемые со словом *waddo* ‘дорога’, которое, кстати, в языке сомали имеет много синонимов или близких по значению слов (см. об этом в разделе 3.)

Ниже даются примеры употребления всех известных нам Vp при существительном *waddada* (далее в примерах – *w.*) ‘дорога’, ‘путь’, ‘улица’ (‘the road’, ‘the way’, ‘the street’). Рубрику А составляют предложения, в которых это слово является дополнением, рубрику В – предложения, в которых оно является подлежащим:

² Такое обозначение пустого (служебного) глагола использовалось А. Жолковским и И. Мельчуком в серии публикаций, связанных с разработкой модели «Смысл-Текст».

A.

(u) *mari* ‘идти к’; *W. Muqdisho loo [la + u] maro*³ ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которой / Могадишо некто к идет’);⁴

(ka) *bixi* ‘выходить из’; *Waddada Muqdishu looga / lagaga baxo [la + ku + ka]* ‘Дорога из Могадишо’ (букв.: ‘Дорога Могадишо некто посредством / которой / из выходит’);

B.

*tegi / aadi*⁵ / *mari* ‘идти’; *W. Muqdisho takta / aadda / marta* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо / в / идет’);

(u) *socon* ‘идти к’; *W. Muqdisho u socota* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо к идет’);

geli ‘входить в’; *W. Muqdisho gasha* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо в входит’);

(u) *bixi* ‘выходить к’; *W. Muqdisho u baxda* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога, / которая / Могадишо к выходит’);

qaban ‘брат (на)’; *W. Muqdisho qabata* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо / на / берет’);

(ka) *iman* ‘приходить из’; *W. Muqdisho ka timaadda* ‘Дорога из Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо из приходит’);

(ka) *bixi* ‘выходить из’; *W. Muqdisho ka baxda* ‘Дорога из Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо из выходит’);

³ Здесь и далее возможен и другой порядок слов (см. этот же пример, изложенный выше).

⁴ Для перевода этого предложения на сомали с использованием неопределенного субъекта *la* возможно, по-видимому, употребление и других *Vp*: (u) *qaadi* ‘брат для’; *W. Muqdisho loo qaado* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога Могадишо / которую / некто для берет’); (ku) *tegi* ‘идти чем’; *W. Muqdisho lagu [la + ku] tago* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога Могадишо / которую / некто посредством / в / идет’). Правомерность употребления этих и ряда других *Vp* подтверждена информантом, говорящим на одном из диалектов группы дарод, но подверглась сомнению информантом, для которого родным является один из северных диалектов. Ответ на вопрос, имеет ли употребление / неупотребление этих *Vp* диалектную природу, требует дополнительного изучения.

⁵ *tegi* ‘идти’ употребляется в северных диалектах и диалектах группы дарод, тогда как *aadi* ‘идти’ – в диалектах группы бенадир (т.е. южных диалектах).

(*ka*) *soo geli* ‘входить (сюда) из’; *W. Muqdisho ka soo gasha* ‘Дорога из Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо из сюда входит’);

(*ka*) *mari* ‘проходить (к северу / югу и т.д.) от’; *W. waqooyi / koonfur ka marta Muqdisho* ‘Дорога к северу / югу от Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / север / юг от проходит Могадишо’);

(*dhex*) *mari* ‘проходить через’; *W. dhex marta Muqdisho* ‘Дорога / Улица в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / через проходит Могадишо’);

(*ag / dhinac / hareer*) *mari* ‘проходить у’; *W. ag / dhinac / hareer marta Muqdisho* ‘Дорога у Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / рядом проходит Могадишо’);

(*ku*) *oolli* ‘находиться в’; *W. ku taalla Muqdisho* ‘Дорога / Улица в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / Улица / которая / в находится Могадишо’);

(*ka*) *dhisan* ‘быть построенным в’; *W. ka dhisan Muqdisho* ‘Дорога в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / в построена (т.е. проложена) Могадишо’);

geyn / (ku) ridi ‘вести / в / ’; *W. Muqdisho geysa / ku ridda* ‘Дорога, ведущая в Могадишо’ (букв.: ‘Дорога / которая / Могадишо (в) ведет / кладет’);

(*isku*) *xiri* ‘соединять’; *W. isku xirta Muqdisho iyo Kismaayo* ‘Дорога между Могадишо и Кисмайо’ (букв.: ‘Дорога / которая / между собой связывает Могадишо и Кисмайо’);

(*u / ka*) *dhexeyn / dhex mari* ‘находиться между / проходить между’; *W. u / ka dhexeysa / dhex marta Muqdisho iyo Kismaayo* ‘Дорога между Могадишо и Кисмайо’ (букв.: ‘Дорога / которая / находится / проходит между Могадишо и Кисмайо’).

Очевидно, что не все *Vp* следует помещать в словарную статью ‘дорога’, однако наиболее употребительные из них должны сопровождать это существительное непременно.

Кроме того, полезно знать (и помещать в словаре) ряд других (не пустых) глаголов, связанных с существительным *waddo* (далее в примерах – *w.*) ‘дорога’:

w. raaci / haysan / (ku) socon ‘идти по дороге’;

w. (ka) fali / yeeli / sameyn ‘прокладывать дорогу в’;

w. (ka) dhisi ‘строить дорогу в’;

w. (ka) gudbi ‘переходить через дорогу’;

w. (ka) leexan / bayri ‘свернуть с дороги’;

w. cagta saari ‘отправляться в путь’ (букв.: ‘поставить на дорогу ступню’);

w. *ku dhici* ‘отправляться в путь’ (букв.: ‘упасть на дорогу’);

w. *qaadi* ‘отправляться в путь’ (букв.: ‘брать дорогу’);

w. (*ka*) *dhumi / lumi* ‘сбиться с пути’;

w. *gudbin* ‘отправлять в путь’;

w. *istaagi* ‘делать остановку в пути’;

w. (*ku*) *wadi* ‘продолжать путь’;

w. (*ku*) *joogi / jiri* ‘быть (букв.: находиться) в пути’;

w. *dhexe joogi* ‘быть (букв.: находиться) на полпути’;

w. *banneyn* ‘освободить дорогу’;

laba w. meel ay iska gooyaan ‘перекресток’ (букв.: ‘две дороги место они в / котором / друг друга пересекают’).

3. Значения русских слов ‘дорога’ и ‘путь’ передаются в сомали множественном слов: *waddo-da* (употребляется, главным образом в северных диалектах и диалектах группы дарод), *jid-ka* (употребляется, в основном, в южных диалектах группы бенадир), *dhabbe-ha*; *marinka*; *hilin-ka*; *daw-ga*; *dariiq-a*; *dil-sha*; *tub-ta*; *majare-ha*. При этом *waddo-da* и *jid-ka* обозначают также ‘улицу’, *hilin-ka*, *daw-ga*, *dil-sha* и *tub-ta* – также ‘тропу’.

Кроме того, имеются слова для обозначения ‘главной дороги’ – *xagaaf-ka*, ‘новой дороги’ – *bajis-ka*, ‘прямой дороги’ – *toobiye-ha* и *bogox-da*, ‘широкой и прямой дороги’ – *haloosi-da / haloodi-ga*, ‘грунтовой дороги’ – *shag-ga*, *jidcadde-ha*, ‘дороги с интенсивным движением’ (‘загруженной дороги’) – *waddoohiye-ha*, ‘дороги, протоптанной животными и людьми’ – *jebis-ka*, ‘ответвления от дороги’ – *bogdoox-da*, ‘опасного пути’ – *maaro-da*.

‘Шоссе’ на сомали – *rasto-da* и *waddo-da / jid-ka laami-ga ah*.

Трудно перечислить все сомалийские слова со значением ‘дорожка’, ‘тропа’ и ‘тропинка’. Кроме упомянутых выше, это – *wadiiqo-da*, *surin-ka*, *budul-sha*, *dardar-ta*, *dhigdhig-ta*, *diqdiqo-da / diqdiq-da*, *gudmo-ha*, *jiqjiq-a*, *luuq-a*, *gurood-da*, *mur-ta*, *qallaal-sha*, *suryo-da*, *araari-da* и *doqosh-ka* (‘дорожка между двумя строениями’), *dhabbagacal-ka* (‘дорожка между двумя соседними домами’), *tafaal-ka* (‘тропинка, соединяющая две дороги’), *qoode-ha* ‘коровья тропа’, *falfal-ka*, *sud-da* ‘просека’, *waddo / jid-caanood-ka / hunguri-ga* ‘тропинка между домом и загоном для верблюдов’ (букв.: ‘молочная тропа’), *waddo-dhaan-ta* ‘тропа, ведущая к колодцу, и др’.

Автор благодарит информантов Мохамеда Хасана ‘Альто’ и Абдирахмана Фараха ‘Барвако’, а также З.Н. Казарян, прочитавшую статью в рукописи и сделавшую ряд ценных замечаний.

Литература

- Алейников В.С.* Сомалийско-русский словарь / Eраукообка Soomaali-Ruush ah. Москва, 2012.
- Жолковский А.К.* К лексикографическому описанию сомалийских существительных // Народы Азии и Африки №1, 1967.
- Жолковский А.К.* Материалы к русско-сомалийскому словарю. // Вопросы африканской филологии. Москва, 1974.
- Капчиц Г.Л.* Краткий сомали-русский и русско-сомалийский словарь // Folia Orientalia, 16. Krakow, 1975
- Сомалийско-русский и русско-сомалийский военный и технический словарь. Москва, 1977.
- Степанченко Д., Мохамед Хаджи Осман.* Краткий сомали-русский и русско-сомалийский словарь. Москва, 1969.
- Abdiraxmaan A. Farah 'Barwaaqo'.* Abwaan cusub oo af-Soomaali iyo af-Ingriisi ah / A modern Somali-English dictionary. Ottawa, 1995.
- Abraham R.C.* English-Somali Dictionary. London, 1967.
- Abraham R.C.* Somali-English Dictionary. London, 1964.
- Ahmed Hussein Mire.* Advanced English-Somali Dictionary. China, 2008.
- Banti G., Cabdinasser Shek Mohamed, Puglielli A. (eds.).* Dizionario Italiano-Somalo. Roma, 1985.
- English-Somali Dictionary / Qaamuus Ingriisi-Soomaali. London, 1993.
- Haan Associates.* English-Somali Dictionary. London: Haan Publishing, 1993.
- Kapchits G.* Sentence particles in the Somali language and their usage in proverbs. Aahen, 2005.
- Khaalid Cali-Guul-Warsame.* Qaamuuska Af-Soomaaliga. Nairobi, 2008.
- Liban.A. Ahmad* A Dictionary of Somali Verbs in Everyday Contexts. USA, 2012.
- Puglielli A., Cabdalla Cumar Mansur.* Qaamuuska af-Soomaaliga”. Roma, 2012.
- Qaamuus kooban ee Af Soomaaliga. Xamar: Guddiga af-Soomaaliga, 1976.
- Rooble A., Mähner E.* Robles Wörterbuch der deutschen und somalischen Sprache, Bonn, 1989.
- Yaasiin Cismaan Keenaadiid.* Qaamuuska af-Soomaaliga. Firenze, 1976.
- Zorc R.D., Madina M. Osman* Somali-English Dictionary. Kensington, 1993.

Ф. Кассюто
(Университет Прованса)

В.Я. Порхомовский
(ИЯЗ РАН)

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ВЕТХОГО ЗАВЕТА НА ЯЗЫК ХАУСА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Настоящая статья продолжает цикл исследований авторов в области проблем перевода Ветхого Завета. Для типологического анализа переводов Библии безусловный интерес представляют критерии, которые выходят за рамки общепринятой проблематики переводоведения. Речь идет о проблемах, возникающих в связи с теми пассажами текста Ветхого Завета, где имеются очевидные отступления от принципов монотеизма. Эти проблемы являются следствием того обстоятельства, что текст *Biblia Hebraica* складывался на протяжении длительного времени и отражает различные аспекты социальных и культурных парадигм соответствующих эпох, в том числе традиционных политеистических представлений и культов. Здесь переводчики сталкиваются с проблемой выбора между двумя стратегиями: 1) жестким соблюдением принципов монотеизма и, следовательно, сознательным искажением оригинального канонического текста, 2) по возможности максимально точным отражением в переводе всех сторон оригинального текста, имеющего статус канона и более не подлежащего какому-либо редактированию, что приводит к противоречиям с принципами монотеизма и может вызывать когнитивный диссонанс. Необходимо подчеркнуть, что в подобных случаях речь отнюдь не идет о выборе между динамической или формальной эквивалентностью текстов оригинала и перевода по модели Ю. Найды [Nida 1964], поскольку первая стратегия означает сознательный отказ от принципа эквивалентности во имя идеологических или теологических принципов.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций» (2016–2018 гг.).

В предыдущих работах авторов настоящей статьи [Кассюто, Порхомовский 2008, 2010, 2013; Порхомовский 2014, 2015; Порхомовский, Кассюто 2013; Порхомовский, Урб 2015; Cassuto, Porkhovovskiy 2009, 2014] эта проблема рассматривалась на материале переводов Библии на язык хауса, а также на английский, французский и другие языки. Проведенные исследования легли в основу типологической классификации переводов Ветхого Завета, базирующейся на указанных выше двух стратегиях перевода в качестве критериев. Мы классифицировали первую стратегию, предполагающую редактирование и, следовательно, искажение оригинального текста ради жесткого соблюдения принципов монотеизма, как идеологическую, а вторую стратегию, ориентированную на максимально точное воспроизведение оригинального текста даже в случаях несоответствия принципам монотеизма, – как филологическую.

На языке хауса имеются три версии Библии. Первый перевод, далее обозначаемый как *Hausa 1*, был сделан в 30-е гг. прошлого века и многократно переиздавался. Второй перевод, далее обозначаемый как *Hausa 2*, появился в 70-е гг., также получил широкое признание и выдержал ряд переизданий (см. ниже список источников). Именно эти две версии Ветхого Завета на языке хауса были в фокусе наших исследований, упомянутых выше, и послужили основой для предложенной в этих работах типологии стратегий перевода Библии. Язык *Hausa 1* отличается богатым и разнообразным лексиконом и достаточно сложным синтаксисом, так что этот перевод предполагает хорошее владение языком хауса. Поскольку среди носителей хауса преобладает ислам, христианская проповедь могла быть обращена преимущественно к неисламизированным этническим группам, использующим хауса как второй язык и основное средство межэтнической коммуникации. Поэтому возникла потребность в новом переводе на более простой и доступный язык. Эту функцию и должен был выполнять второй перевод – *Hausa 2*. При этом переводы Библии на язык хауса осуществлялись в контексте общества с безусловным преобладанием ислама, что определило отличия этой ситуации от той, что имела место при первых переводах Библии на европейские языки.

Следует особо отметить, что среди рассмотренных в ходе этих исследований материалов две версии Ветхого Завета на языке хауса занимают особое место в контексте нашего типологического анализа. Первый перевод (*Hausa 1*) полностью, без каких-либо исключений,

представляет филологическую стратегию, а второй перевод (*Hausa 2*) целиком выдержан в рамках идеологической стратегии. Во всех остальных рассмотренных нами переводах Библии на другие языки одна из этих стратегий часто оказывается преобладающей, но всегда имеются колебания и отклонения от основной стратегии. Отметим, что в некоторых случаях версия *Hausa 1* даже более точно передает особенности масоретского текста, чем переводы на европейские языки. Недавно был подготовлен и опубликован третий перевод Библии на язык хауса, далее обозначаемый как *Hausa 3*, что существенно расширяет возможности для типологического анализа стратегий перевода. В настоящей статье представлены первые результаты типологического анализа стратегий перевода, учитывающие материалы новой версии Ветхого Завета на языке хауса, для чего из собранной нами базы данных были отобраны наиболее релевантные пассажи.

Представленные далее лексические материалы представляют две наиболее показательные для нашей типологии семантические группы: (1) антропоморфизмы, (2) имена древних семитских богинь Ашеры и Ашторет. В рамках идеологической стратегии устраняются антропоморфизмы и не упоминается имя 'Ашера', хотя сохраняется имя 'Ашторет', которое даже заменяет в отдельных случаях имя 'Ашера'. Филологическая стратегия означает сохранение всех лексических характеристик оригинального масоретского текста. Иллюстративные материалы представлены ниже по следующей схеме: в случае антропоморфизмов приводятся оригинальные фрагменты масоретского текста с нашим максимально близким к оригиналу переводом на русский язык, а также три варианта на языке хауса с нашими русскими переводами. Для анализа стратегий перевода, когда в масоретском тексте встречается имя богини Ашеры, необходимо представлять более развернутые фрагменты, позволяющие оценить конкретные способы соблюдения выбранной стратегии перевода. Кроме того цитируются английские и французские варианты из некоторых авторитетных изданий Библии на этих языках, чтобы представить более широкую перспективу используемых стратегий перевода. Варианты именно на этих языках были выбраны для настоящей публикации по причине их высокого коммуникативного статуса в ареалах распространения языка хауса. Выходные данные в списке источников соответствуют изданиям, имеющимся в распоряжении авторов. Цитаты из версий Ветхого Завета на языке хауса,

а также из Библии короля Иакова приводятся в орфографии источников. Оригинальный масоретский текст цитируется по BIBLIA HEBRAICA STUTTGARTENSIA.

Сокращенные обозначения источников.

Переводы Библии на язык хауса:

Hausa 1 LITTAFI MAI-TSARKI. Tsofon Alkawali da Sabon Alkawali. Lagos. The Bible Society of Nigeria. N.d. (First published 1932).

Hausa 2 LITTAFI MAI TSARKI duk da AFOKIRIFA. Lagos. The Bible Society of Nigeria. 2004. (First published 1979).

Hausa 3 LITTAFI MAI TSARKI. Juyi Mai Fitar da Ma'ana. Lagos. The Bible Society of Nigeria. 2014.

Переводы на английский язык:

KJB King James Bible. Online authorized version 1611.

REB THE REVISED ENGLISH BIBLE with the APOCRYPHA. Oxford University Press. 1997 (First published 1989).

NIV THE HOLY BIBLE. New International Version. Zondervan Bible Publishers. Grand Rapids (Mich.). 1989. (First published 1973).

Переводы на французский язык:

BJ LA BIBLE DE JÉRUSALEM. Nouvelle édition revue et augmentée. Les éditions du CERF. Paris, 2001.

BS LA SAINTE BIBLE par Louis Second. Nouvelle édition revue. La Maison de la Bible. Genève, 1946.

1. Антропоморфизмы.

regle 'elohenu [1 Chronicles 28, 2]

[ноги нашего Бога]

Hausa1. matashin sawu na Allahnmu [подушка для ноги (foot) нашего Бога]

типологический аспект

Hausa 2. wurin zaman zatin Allah [место пребывания длины/высоты Бога]

Hausa 3. wurin sa k'afar Allahnmu [место для ноги (foot, leg) нашего Бога // букв.: 'чтобы поставить ногу']

yad YHWH [Isaiah 41, 20]

[рука Господа]

Hausa 1. hannun Ubangiji ne ya yi wannan [это рука Господа сделала это]

Hausa 2. Ni Ubangiji, na yi shi [Я Господь сделал это]

Hausa 3. da hannuna ni Yahve na yi wannan [своей рукой я Яхве сделал это]

we-yad YHWH hayta 'el 'eliyahu [1 Kings 18, 46]

[рука Господа возложена на Илию]

Hausa 1. hannun Ubangiji kwa yana bisan Iliya [рука Господа возложена на Илию]

Hausa 2. Ubangiji kuwa ya saukar wa Iliya da iko [Господь ниспослал на Илию мощь/силу]

Hausa 3. hannun Yahveh ya ba Iliya wani sabon k'arfi [Рука Яхве дала Илии новую силу]

u-be-'ozne 'elohenu [1 Chronicles 28, 8]

[в уши нашего Бога]

Hausa 1. a kunnen Allahnmu [в уши нашего Бога]

Hausa 2. gaban Allahnmu [перед нашим Богом]

Hausa 3. a gaban Allahnmu [перед нашим Богом]

ki pi YHWH diber [Isaiah 1, 20]

[поскольку рот Господа сказал]

Hausa 1. gama bakin Ubangiji ya fad'i [ртом Господь сказал]

Hausa 2. Ni Ubangiji na fad'i wannan [Я Господь сказал это]

Hausa 3. gama da bakina, ni Yahveh na fada [своим ртом я, Яхве, сказал]

'eyn YHWH [Psalms 33, 18]

[глаз Господа]

Hausa 1. idon Ubangiji yana bisa masu-tsoronsa [глаз Господа на тех, кто боится его]

Hausa 2. Ubangiji yana kiyaye masu tsoronsa [Господь оберегает тех, кто боится его]

Hausa 3. Idanun Yahveh suna a kan masu tsoronsa [глаза Яхве на тех, кто боится его]

shiva‘ ‘eleh ‘eyne YHWH [Zechariah 4, 10]

[эти семь глаза Господа²]

Hausa 1. wad’annan bakwai da suke idanun Ubangiji [эти семь, которые являются глазами Господа]

Hausa 2. wad’annan fitilu bakwai su ne alama Ubangiji [эти семь ламп, они есть знак Господа]

Hausa 3. Game da wad’annan fitilu bakwai, su ne alamar idanun Yahweh [с этими семью лампами, которые являются знаком глаз Яхве]

Из приведенных выше примеров видно, что версия *Hausa 1* последовательно отражает филологическую стратегию перевода, т. е. антропоморфизмы сохраняются во всех случаях их употребления в оригинальном тексте, тогда как в версии *Hausa 2* была выбрана идеологическая стратегия, так что эти антропоморфизмы полностью заменяются перифразами и эвфемизмами. Что касается версии *Hausa 3*, то здесь наблюдается ситуация, характерная для переводов Ветхого Завета на различные языки, а именно использование обеих стратегий перевода. Причем можно отметить существенное преобладание филологической стратегии. Идеологическая стратегия отмечена только в следующей ситуации: словосочетание ‘в уши нашего Бога’ в версии *Hausa 3* переведено как ‘перед нашим Богом’. Остальные антропоморфизмы сохраняются.

2. Ашера и Ашторет

Ашера является одной из богинь древнего семитского пантеона, спутницей и супругой Эла, верховного бога Ханаана, отца Баала. В других традициях Ашера рассматривалась как спутница и супруга

² По наиболее распространенной интерпретации семь глаз Господа являются символами звезд Большой Медведицы, но предлагались и другие интерпретации, например, что это символы видимых небесных тел.

Баала, а также Яхве, видимо, в результате отождествления Баала и Яхве³.

Известны надписи VIII в. до н. э., где упоминаются «Яхве и его Ашера», см., например, [Römer 2009: 36–44, раздел «YHWH и его Ашера: библейские и археологические свидетельства»]. Культ Ашеры получил широкое распространение, ее священные деревянные символы, шести и столбы, устанавливались в алтарях, на возвышенностях, в священных рощах. Библейские пророки вели ожесточенную борьбу с культом Ашеры, что получило подробное отражение в Ветхом Завете. Подробней о культе Ашеры и ее упоминаниях в *Biblia Hebraica* см. [Порхомовский, Кассюто 2013; Bottéro, Kramer 1989; Römer 2009].

Эта ситуация получила отражение в рамках противопоставления филологической и идеологической стратегий перевода. Филологическая стратегия сохраняет имя Ашера, представленное в масоретской версии, тогда как идеологическая стратегия устраняет это имя или заменяет его на *'столбы, шести, рощи'* (иногда с эпитетом *'священный'*), т. е. на наименования объектов и мест культа Ашеры. Причина подобной стратегии заключается, по всей видимости, в широко распространенном в соответствующих эпохах представлении о связи Ашеры и Яхве, поскольку имена других языческих богов, например, Баала подобному редактированию не подвергаются.

В этом контексте показательным является сохранение в переводах имени богини *'Ashtoret'* независимо от выбора стратегии перевода. В тексте *BIBLIA HEBRAICA* это имя встречается гораздо реже, чем Ашера. Ашторет – это ветхозаветный вариант имени главной богини Древнего Ближнего Востока, более известной как Астарта или Иштар [Bottéro & Kramer 1989]. В отличие от Ашеры Ашторет не была связана с Яхве и, следовательно, не представляла угрозы для утверждения монотеистического культа Яхве. Это отразилось и в сохранении ее имени независимо от выбора стратегии перевода.

При передаче имени Ашера в переводах Ветхого Завета на язык хауса в версии *Hausa I* всегда выбирается филологическая стратегия, т. е. имя Ашера сохраняется во всех случаях, когда оно представлено

³ В нашем авторском тексте непроизносимый тетраграмматон YHWH, обозначающий Единого Бога Израиля, передается как Яхве. Подробней об именах Бога в Ветхом Завете и проблемах их передачи в переводах Библии см. [Кассюто, Порхомовский 2010, 2016].

в масоретском тексте. Что касается версии *Hausa 2*, то здесь полностью выдержана идеологическая стратегия. Имя Ашера последовательно заменяется парафразами, аналогичными тем, которые используются в тех же контекстах при переводах на различные европейские языки: деревянные столбы, шести, деревья, рощи, т. е. названия мест и объектов культа Ашеры, а также используется лексема со значением ‘злой дух, идол, фетиш’ – хауса: ‘*gunki, gunkiya*’, мн. ч. ‘*gumaka*’. Как уже говорилось выше, в масоретском тексте собственное имя Ашера часто обозначает именно культовые объекты Ашеры, перечисленные выше, и лишь таким косвенным образом указывает на богиню. Очень часто в версии *Hausa 2* используется и другой прием, а именно имя Ашера заменяется на весьма сходное фонетически имя Ашторет, которое не было табуировано. Этот же прием используется и в некоторых версиях на европейских языках, где ‘*Ашера*’ заменяется на ‘*Астарта*’. Следует подчеркнуть, что имена этих двух разных богинь в классических семитских языках различаются более заметно, чем во многих других языках, поскольку они начинаются на разные ларингальные согласные – ‘*ayin* в случае Ашторет и ‘*alef* в имени Ашера. Эту замену имен в версии *Hausa 2* нельзя не признать удачной, поскольку в современном контексте представления о пантеоне Древнего Востока безусловно не являются актуальными, а подобный подход позволяет сохранять табу на имя Ашера, но при этом обеспечить достаточно высокую степень филологической точности благодаря тому, что удастся избежать замены имени богини на названия неодушевленных предметов. Что касается версии *Hausa 3*, то, как уже говорилось выше, для нее характерными являются колебания между филологической и идеологической стратегиями с преобладанием первой. Так, в приводимых ниже примерах чаще сохраняется имя *Ashera*, но оно сопровождается эпитетом ‘*gunki, gunkiya*’ – ‘злой дух, идол, фетиш’.

Как уже отмечалось выше, собственное имя Ашторет не вызывает столь негативных ассоциаций и сохраняется во всех трех версиях Ветхого Завета на языке хауса. Ниже приводятся некоторые примеры, иллюстрирующие сказанное выше.

wa-ya’as a’ahav ’et ha-’ashera [1 Rois 16, 33]

[и Ахав сделал Ашеру]

Hausa 1. Ahab ya yi Ashera [Ахаб сделал Ашеру]

типологический аспект

Hausa 2. Ahab kuma ya yi gunkiyar nan Ashtoret [Ахаб сделал этот фетиш Ашторет]

Hausa 3. Ya kuma kafa gunkin nan Ashera [он установил этот фетиш Ашеру]

BJ. Achab installa aussi le pieu sacré

BS. et il fit une idole d’Astarté

KJV. And Ahab made a groue

REB. He also set up a sacred pole

NIV. Ahab also made an Asherah pole

**lo’ tita’ lekha ’ashera kol ’ets ’etsel mizbah YHWH ’elohekha
’asher ta’ase lakh [Deutéronome 16, 21]**

[не устанавливай Ашеру из любого дерева рядом с алтарем Господа Бога твоего, который ты построишь]

Hausa 1. Ba za ka kafa Asherah ta kowane irin itache kusa da bagadi na Ubangi ji Allahna ba, wanda za ku gina [не устанавливай Ашеру из любого дерева рядом с алтарем Господа Бога нашего, который вы постройте]

Hausa 2. kada ku dasa kowane irin itace na tsafi kusa da bagaden Ubangi ji Allahnku, wanda za ku gina [не устанавливайте фетиш из любого дерева рядом с алтарем Господа Бога вашего, который вы постройте]

Hausa 3. Ba za ku ta sa wani itachen da aka keb’e na gumaka kusa da bagaden da za ku yi domin Yahweh Allahnku ba. [Не устанавливайте никакого дерева, которое представляет идолов, рядом с алтарем, который вы соорудите ради Господа Бога вашего]

BJ. tu ne planteras pas de pieu sacré de quelque bois que ce soit, à côté de l’autel de Yahvé ton Dieu que tu te seras bâti

BS. tu ne fixeras aucune idole de bois à côté de l’autel que tu élèveras à l’Eternel, ton Dieu

KJV. Thou shalt not plant thee a groue of any trees neere vnto the Altar of the Lord thy God, which thou shalt make thee

REB. Do not plant any kind of tree as a sacred pole beside the altar of the LORD your God which you will build (*note*: sacred pole: Heb. Asherah)

NIV. Do not set up any wooden Ashera pole (*note*: any tree dedicated to Asherah) beside the altar you build to the LORD your God

**wa-yaqem mizbehot la-ba'al wa-ya'as 'ashera ka-'asher 'asa 'ahav
melekh yisrael [2 Rois 21, 3]**

[и он воздвиг алтари Ваалу, и он сделал Ашеру, как делал Ахав, царь
Израиля]

Hausa 1. ya kwa gina bagada domin Baal ya yi Ashera kuma, kamar yad-
da Ahab sarkin Israila ya yi [и он построил алтари Баалу, он также
сделал Ашеру, как сделал Ахаб, царь Израиля]

Hausa 2. ya kuma gina wa Ba'al bagadai, ya kuma yi gunkiyan nan, wato
Ashtoret kamar yadda Ahab, Sarkin Isra'ila, ya yi [и он построил
алтари Баалу, он также сделал этот фетиш, а именно Ашторет,
как сделал Ахаб, царь Израиля]

Hausa 3. ya kuma gina bagadai domin gunkin nan Ba'al, ya kuma yi gun-
kin Ashera [и он построил алтари этому идолу Баалу, он также
сделал идола Ашеру]

BJ. il éleva des autels à Baal et fabriqua un pieu sacré comme avait fait
Achab, roi d'Israël

BS. il éleva des autels à Baal, il fit une idole d'Astarté, comme avait fait
Achab, roi d'Israël

KJV. and hee reared vp altars for Baal, and made a groue, as did Ahab
king of Israel

REB. he erected altars to the Baal, made a sacred pole as Ahab king of
Israel has done

NIV. he also erected altars to Baal and made an Asherah pole as Ahab
king of Israel has done

**we-harasta 'et mizbah ha-ba'al 'asher le-'avikha we-'et ha-'ashera
'asher 'alaw tikhrot [Juges 6, 25]**

[и ты опрокинешь алтарь Ваала, который твоего отца, и ты сбросишь
Ашеру, которая сверху]

Hausa 1. ka rushi bagadi na Baal na ubanka, ka kuma sassare Asherah da
ke kansa [ты разрушишь алтарь твоего отца, посвященный Баалу,
и ты разрубишь Ашеру, которая сверху]

Hausa 2. ka rushe bagaden gunkin nan Baal na mahaifinka, ka sare gu-
makan da ke kusa da shi [ты разрушишь алтари твоего родителя,
посвященные этому злему духу Баалу, и ты срубишь фетиши,
которые рядом с ним]

типологический аспект

- Hausa 3. ka rushe bagaden Ba'al na babanka, ka kuma sassare gunkin nan na Ashera wanda yake kusa da shi [ты разрушишь алтари твоего отца, посвященные Баалу, ты также срубишь этого идола Ашереу]
- BJ. et tu démoliras l'autel de Baal qui appartient à ton père et tu couperas le pieu sacré qui est à côté
- BS. renverse l'autel de Baal qui est à ton père, et abats le pieu sacré qui est dessus
- KJV. and throw downe the altar of Baal that thy father hath, and cut downe the groue that is by it
- REB. Tear down the altar of Baal belonging to your father, and cut down the sacred pole which stands beside it
- NIV. Tear down your father's altar to Baal and cut down the Asherah pole beside it (*note*: that is a symbol of the goddess Asherah)

wa-ya'asu 'ashera wa-yshtahawu le-khol tseva' ha-shamayim wa-ya'vdu 'et ha-ba'al [2 Rois 17, 16]

[и они сделали Ашереу, и они преклонились перед всей армией небес, и они служили Баалу]

- Hausa 1. suka yi Asherah, suka yi sujada ga dukan rundunar sama, suka bauta wa Ba'al [и они сделали Ашереу, и они простерлись перед всей армией неба, и они служили Баалу]
- Hausa 2. suka yi gunkiyan nan Ashtoret suka yi wa taurari sujada, suka bauta wa Ba'al [и они сделали этого идола Ашторет, и они простерлись перед звездами, и они служили Баалу]
- Hausa 3. suka yi siffofin zubi na 'yan bijimai biyu da kuma gunkin nan Ashera domin kansu. [они сделали для себя идолов, посвященных двум гигантам и идолу этому Ашереу]
- BJ. ils se firent un pieu sacré, ils se prosternèrent devant toute l'armée du ciel et rendirent un culte à Baal
- BS. ils fabriquèrent des idoles d'Astarté, ils se prosternèrent devant toute l'armée des cieux et ils servirent Baal.
- KJV. and made a groue, and worshipped all the hoste of heauen, and serued Baal
- REB. they made themselves ... a sacred pole. They prostrated themselves to all the host of heaven and worshipped Baal
- NIV. and made for themselves ... an Asherah pole. They bowed down to all the starry hosts, and they worshiped Baal

**we-'et nevi'e ha-ba'al 'arba' me'ot wa-hamishim u-nevi'e ha-'ashera
'arba' me'ot 'okhle shulhan 'izavel [1 Rois 18, 19]**

[и пророков Ваала четыреста пятьдесят и пророков Ашеры четыреста, которые едят за столом Иезавели]

Hausa 1. da annabawa na Baal guda arbamina da hamsin da annabawan Asherah guda arbamina, wad'anda ke chi a table na Yezebel [и пророков Баала четыреста пятьдесят и пророков Ашеры четыреста, которые едят за столом Йезебели]

Hausa 2. da annabawan Ba'al, su d'ari hud'u da hamsin da annabawan Ashtarot kuma, su d'ari hud'u wad'anda Yezebel ke kula da su [и пророков Баала четыреста пятьдесят и пророков Аштарот четыреста, о которых заботилась Йезебель]

Hausa 3. da annabawa d'ari hud'u da hamsin na Ba'al da annabawa d'ari hud'u na Ashera, wad'anda suke cin abinci a hannun Yezebel. [и пророков Баала четыреста пятьдесят и пророков Ашеры четыреста, которые едят из рук Йезебель]

BJ. avec les 450 prophètes de Baal et les 400 prophètes d'Ashéra, qui mangent à la table de Jézabel

BS. et aussi les 450 prophètes de Baal et les 400 prophètes d'Astarté qui mangent à la table de Jézabel

KJV. and the prophets of Baal four hundred and fiftie, and the prophets of the groues four hundred, which eate at Iezebels table.

REB. the four hundred and fifty prophets of Baal and the four hundred prophets of the goddess Asherah, who are attached to Jezebel's household

NIV. the four hundred and fifty prophets of Baal and the four hundred prophets of Asherah, who eat at Jezebel's table

'ashtoret

'ashtoret 'elohe tsidonim [1 Rois 11, 5]

[Астарта, божество Сидонское]

Hausa 1. Ashtoreth allahiya ta Zidoniyaawa [Ашторет, богиня сидонцев]

Hausa 2. Ashtoret ta Zidoniyaawa [Ашторет сидонцев]

Hausa 3. gunkin nan Ashtoret, sifar wata allah ta mutanen Sidon [этот идол Ашторет, символ одной богини людей Сидона]

BJ. Astarté, la divinité des Sidoniens

BS. Astarté, divinité des Sidoniens

KJV. Ashtoreth the goddess of the Zidonians

REB. Ashtoreth, goddess of the Sidonians

NIV. Ashtoreth the goddess of the Sidonians

Литература

- Кассюто Ф., Порхомовский В.Я.* Библейские истории Иосифа и Моисея и их переводы на язык хауса // Африканский сборник – 2007. СПб.: Наука, 2008. Сс. 499–510.
- Кассюто Ф., Порхомовский В.Я.* Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода // «В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл». М.: Языки славянских культур, 2010. Сс. 363–375.
- Кассюто Ф., Порхомовский В.Я.* Библия короля Иакова: о стратегии перевода в диахронической перспективе // Библия короля Иакова: 1611–2011. Москва, 2013. Сс. 135–156.
- Кассюто Ф., Порхомовский В.Я.* Поэзия и философия в Ветхом Завете. Книга Иова, глава «*ɔtyot teluoyot*» // Поэтический и философский дискурсы. История взаимодействия и современное состояние. М., 2016. Сс. 7–25.
- Порхомовский В.Я.* Лексический аспект перевода канонических текстов // Динамика культурно-эстетической парадигмы: человек, слово, текст, Москва, 2014. Сс. 56–70.
- Порхомовский В.Я.* Переводы Библии на язык хауса (исторический и типологический аспекты) // Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Вып.7. Москва; Ключ-С, 2015. Сс. 92–104.
- Порхомовский В.Я., Кассюто Ф.* Версии Ветхого Завета на языке хауса в типологическом освещении // Африканский сборник – 2013. СПб., 2013. Сс. 160–171.
- Порхомовский В.Я., Урб М.Р.* Стратегии перевода канонических текстов в типологической перспективе: версии Ветхого Завета на нидерландском языке и языке африкаанс // Профили языка. Социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. М., 2015. Сс. 207–242.
- Cassuto P., Porkhomovsky V. Ya.* Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible // Studi Magrebini. Nuova Serie. Vol. VII. Napoli, 2009. Pp. 135–143.
- Cassuto P., Porkhomovsky V. Ya.* Les noms des parties du corps dans les versions haoussa de la Bible // Hausa and Chadic Studies in honour of professor Stanislaw Pilaszewicz. Warsaw, 2014. Pp. 141–151.
- Bottéro J., Kramer S.N.* Lorsque les dieux faisaient l'homme: mythologie mésopotamienne. Paris: Editions Gallimard, 1989.
- Nida E.* Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964.
- Römer T.* Dieu obscur, cruauté, sexe et violence dans l'Ancien Testament. Genève: Labor et Fides, 2009.

*А.И. Коваль
(ИЯЗ РАН)*

‘КОРОВА’ В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ ПУЛАР-ФУЛЬФУЛЬДЕ

*Pasteurs de bovidés, les Peuls – ou comme ils se nomment eux-mêmes les **fulbe** (singulier: **pullo**) – sont actuellement dispersés en communautés d’importance variable à travers le continent africain, des rives de l’Atlantique au Nil, dans les steppes et les savanes qui s’étendent entre le 15e et le 8e degré de latitude Nord.*

*Pierre-François Lacroix.
Le PEUL // Le Langage. Encyclopédie de la Pléiade.*

Эпиграфом послужила первая фраза из самой знаменитой энциклопедической статьи о языке народа фульбе. Эта начальная фраза прямо и непосредственно обозначает связь между базовым для данного этноса скотоводством, изначально номадным, и той экстремально широкой дисперсией многомиллионного народа с их языком (пулар-фульфульде), заметно выделяющимся среди других языков Субсахарской Африки.

1. КОРОВА и «картина мира» фульбе

Едва ли среди объектов окружающего мира можно найти объект, который столь же тесно, как КОРОВА, ассоциировался бы с народом фульбе. Ассоциативно-этническую конкуренцию КОРОВЕ могла бы составить разве что *sawru* ‘пастушья палица’, этот неизменный атрибут пастуха-пулло, но *sawru* лишь возвращает нас к теме коровьего стада. Коровы, коровье стадо составляют самодовлеющий предмет этнического хозяйствования этого народа, исконных скотоводов-кочевников. Нельзя не напомнить, что в этногонических легендах, множество версий которых бытует в фульбской среде и сегодня, сама изначальная фаза сложения этноса устойчиво связыва-

ется с первообретением коровьего стада (по большинству версий – коровы выходили из воды на свет костра).

В этническое сознание этого народа, можно сказать, вмонтирована идея жизненной взаимопредназначенности фульбе и коров, коров и фульбе. Вот лаконичная формула, вложенная в уста героя эпоса прославленным малийским сказителем Хусейни Ам-Бамбагал:

Nayi di fulbe ndimanaa dùm,
fulbe paltii dùm,
fulbe naftortoo dùm,
dùm ngu(u?)reeji fulbe worbe e fulbe rewbe [Коваль 1990: 48].

В переводе [там же: 110]:

Для нас, для фульбе коровы созданы на свет,
их фульбе охраняют и фульбе кормятся от них,
для фульбе – и мужчин, и женщин –
лишь в них одних источник жизни.

Сколь бы ни было велико значение этой, скажем условно, «хозяйственно-практической» оценки, к ней одной отнюдь не сводятся предпосылки того **особого отношения** к коровам, которым знаменит данный этнос. В рамках пулааку – фульбского мира – коровы почитаются как **родственники**. О существовании этих родственных связей можно услышать едва ли не от каждого. Сошлемся, однако, на самые авторитетные определения, цитируя комментарии известного знатока традиций фульбе писателя Амаду Хам-Пате Ба и нигерского историка Бубу Хама.

Pour les Peuls, l'élevage n'avait pas de but économique. Le Peul considérait le bovidé comme son parent, son frère. Il ne le tuait pas, ne le vendait pas, ne le mangeait pas. Il consommait son lait et son beurre et les échangeait pour obtenir d'autres produits de base. A la limite, pour les Peuls pasteurs de jadis, on pouvait parler de boolâtrie.

[Bâ 1985: 143].

Quant au Peul, il s'identifie avec le bœuf qui, pour lui, plus qu'un compagnon est son "frère", un "lambeau de sa chair".

[Hama 1968: 275].

Эти родственные связи получают у рядовых фульбе истолкование, приближенное к профаническому (хотя, по сути, и не вполне профаническое): обычно говорят о «родстве по молоку», поскольку все фульбе с детского возраста пьют то же молоко, что и телята. Родственницы-коровы наделяются многими человеческими чертами.

Коровы, конечно, умеют говорить и понимают речь пастухов и обращенные к ним – коровам – хвалебные стихи и песни (и не только в сказках, но будто бы и в реальности). Хозяева стад прослеживают по поколениям потомство коровы-прародительницы, известны даже генеалогии наиболее выдающихся коров.

Коровы имеют персональные имена, и – вновь *конечно* – они отлично их знают и каждая отзывается на свое имя. Данный момент выдвигается на первый план авторами, претендующими на осмысление этнического философского базиса фульбе: «Взаимоотношения между фульбе-номадами и их скотом таковы, что каждое животное имеет имя и пастух знает каждое животное по его имени. Он может позвать любую корову по имени, и она выйдет к нему из стада. Таким образом, владелец скота не только знает свой скот вообще, но он знает лично каждую корову, знает ее имя и ее отличительные свойства» [Ezeomah 1991: 269].

Весьма примечательно, что имена коров могут интродуцироваться еще и в личные имена людей. Один из таких примеров известен (хотя, боюсь, безотчетно) практически каждому африканисту, знакомому с историей Западной Африки. Речь идет о шейхе-реформаторе, крупнейшем политическом деятеле, имя которого обычно известно в хаусанизированной форме *Осман дан Фоддио*, в исконно фульбском виде – Usmaanu bii-Foo⁽ⁿ⁾duye. Это имя перешло к шейху Усману от его деда, который в пору его пастушеской жизни был прозван, по имени его самой замечательной коровы, Usmaanu то Foonduye. Имя Foonduye буквально означает ‘Голубиная [корова]’ (ср. русскую кличку *Голубка* – о корове соответствующей, пепельно-голубой масти). Foondu-ye – это производное прилагательное (именной класс NGE), образованное от существительного foondu (именной класс NDU) ‘голубь’:

Usmaanu	bii-	NOccFoo-	(n)du-	ye
Усман	дитя-	NDUголубь-	sgNDU-	sgNGE
‘Усман	сын	Фoо(н)дуйе	(= Голубиной	Коровы)’.

Именем Foonduye корова называется либо по масти (сероголубой, сизой, темносерой с синеватым оттенком), либо по стремительному, быстрому, как у голубя, нраву, благодаря чему она, как лидер, увлекает стадо за собой (либо, чаще, по обоим мотивам – ср. вполне аналогичное foondu-wu, именной класс NGU – о сероголубом быстроходном коне). Переозвучивание Foonduye →

Fooduye с утратой преназализации обусловлено тем, что преназальность не обозначалась в графике аджами (см. [Noye 1989: 121]; в историко-генеалогических текстах отмечается наследственный характер имени шейха, иногда в хаусанизированной форме, как, например, в [Nana 1968: 337, 339], иногда также в форме арабизированной или в форме, приближенной к исконно фульбской, см., например, Usumaanu bii Fuuduye [Jungraithmayr, Günther 1978]).

Коровы не могут не быть темой произведений устного поэтического творчества фульбе, отличающегося богатством и разнообразием жанров. Во внесловном жанре *виришей* (именуемых в Северном Камеруне *mantooje* или *jobbitooje*) корова составляет лишь одну из многих тем, привлекаемых автором. Среди десятков виришей, записанных в Маруа от известного стихотворца Хаммаду Баа Занду, корове посвящен один из текстов (*Jobbitooje pagge* 'Восхваление корове') [Noye 1976: 86–87]; содержательно текст ориентирован на хвалы той *пользы*, которую приносит корова, причем непосредственно воспеваются всеобъемлющий характер полезных свойств коровы.

Что касается жанра *пастушеской* поэзии фульбе, то здесь КОРОВА составляет главную тему. Стихи (своего рода гимны коровам) традиционно слагаются пастухами, а их публичное исполнение приурочивается к особым празднествам по встрече стад из долгого сезонного кочевья. Знаменательно, что влиятельное «жюри» оценивает достоинства пастырей сразу по двум статьям – по качествам их коров и по качествам оглашаемых стихов; пальма первенства присуждается тому из пастухов, чьи коровы лучше откормлены и лучше ухожены и чьи стихи наиболее талантливы и совершенны.

Как уже ясно из всего сказанного, лексическая единица *pagge* 'корова' экстра-высоко отмечена на этнической шкале ценностей фульбе. Тема 'КОРОВА и (этническая) картина мира', представленная нами для фульбе в обзорной, краткой форме, приобретет дополнительное развитие в разделе 3 «Вместо приложения», где тема получит яркие типологические акценты. Непосредственно следующий далее более обширный раздел 2 посвящен центральной для нас проблеме – показать, какое место занимает концепт 'корова' в языковой системе пулар-фульфульде.

2. КОРОВА в лексиконе и грамматике пулар-фульфульде

Итак, в настоящем разделе статьи главный интерес для нас – посмотреть, каким образом такая высоко отмеченная аксиологически лексическая единица, как ‘корова’, встраивается в языковую систему, в словарь и в грамматику языка.

Понятие ‘корова’ лексикализовано во всех диалектах устойчивой именной формой единственного числа *pagge*, во множественном числе – *pa'i*. По поводу плюральной формы заметим, что она получает по диалектам поверхностное фонетическое варьирование: наряду с основным *pa'-i* встречаются: форма *paui* (за счет развития глайда на месте интервокальной глоттальной смычки), форма *paυ* (за счет гоморганного стяжения переднего гласного *-i*, изначально маркирующего плюральность, с предшествующим глайдом), а также более редкая форма *peυ*, отражающая гармонию по ряду корневого гласного с исходным аффиксальным *-i*. В семантическом отношении плюральное *pa'i* (*/paui*, */paυ*, */peυ*) ‘коровы’ демонстрирует определенное расширение, обозначая также и ‘крупный рогатый скот’ вообще (ср. похожее в русском, где, например, выражение *на лугу пасется стадо коров* не исключает, что в стаде, кроме собственно коров, имеются также быки, волы, телки, телята).

Для языка пулар-фульфульде, с его типологической репутацией языка с громоздкой системой именных классов, первоочередным является вопрос о классе, принимающем существительное *pagge* ‘корова’. В грамматиках диалектов на этот счет вполне обычно определение типа того, которое мы находим в учебнике Люсьена Бидо и Андре Проста:

(Classe NGE) Cette classe ne comprend que 3 substantifs: vache, soleil, feu et quelques dérivés [Bidaud, Prost 1982: 32] ‘Этот класс имеет в своем составе только 3 существительных: корова, солнце, огонь и некоторые производные’.

Это лаконичное определение уже говорит о высокой специфичности класса NGE как класса лексически *маломестного*: ведь большинство именных классов пулар-фульфульде включают, каждый, несколько десятков именных лексем, а некоторые из классов содержат, каждый, – многие десятки, если не сотни имен. Заслуживает особого упоминания, что специфичность данного именного класса (относительно его лексико-семантического пространства) не только очевидна для исследователей языка, но была также отмечена и са-

ними носителями языка, проявившими в данном случае незаурядную «метаязыковую» наблюдательность (что отнюдь не банально – специально о проявлениях лингвокогнитивной рефлексии у носителей пулар-фульфульде, в том числе и касательно сферы классификативной семантики, см. статью [Коваль 2007]). Автор словаря [St. Croix 1998] особо отмечает «излюбленную загадку, основанную на том факте, что местоимение *nge* принимают только три основных имени фульфульде»; нельзя не присоединиться к этой характеристике загадки как «излюбленной», поскольку ее постоянно приходится слышать от фульбе, причем она, с небольшими локальными вариациями, встречается в самых разных, даже максимально разобщенных точках ареала пулар-фульфульде. Нигерийская версия разгадки задокументирована в следующем виде:

Nge nagge, nge naange, nge hiite (yiite) – mo waddi nayaabum mi hokkay mo nagge

‘Nge – это корова, это солнце, это огонь, а кто приведет четвертое – я тому дам корову’ [St. Croix 1998: 428].

Задокументированная гвинейская версия загадки отличается тем, что в местном диалекте к классу NGE относится еще и существительное heege ‘голод’:

Ngeejj nay di jeydaa? – Ko yiite, naange, heege e nagge

‘Какие четыре nge-вещи (nge-слова) не связаны между собою (*no смыслу*)? – (Разгадка) Это огонь, солнце, голод и корова’ [De Wolf 1995: F-63].

Но что же это за «некоторые производные», о которых говорят Бидо и Прост? Как naange ‘солнце’, так и yiite ‘огонь’ имеют очень низкую деривационную активность (не более двух-трех производных) – что напрямую контрастирует с именем nagge ‘корова’. Поль Де Вольф, автор «Мультидиалектного англо-фульского словаря», уже в своем предисловии отмечает [De Wolf 1995: XII], что в его словаре упоминается 239 наименований коров. Проверить это нетрудно, так как Де Вольф, не избегающий при подаче материала тезаурусных методик, приводит все эти наименования на четырех страницах при заглавной вокабуле COW ‘корова’ [De Wolf 1995: C: 232–236], где объединены различные именованья, в основном типа «эпитетов», характеризующих коров по различным признакам – по специфичным для особи физиологическим свойствам, по внешним приметам, особенно по масти, с учетом и окраса тела в целом, и

окраса отдельных частей тела – лба, морды, ушей, шеи, плеч и ног, боков, брюха, шерсти и кожи вокруг глаз, вокруг пасти и т. п. Приведенная у Де Вольфа цифра – 239 лексических единиц – впечатляющая и сама по себе, а тем более с учетом того обстоятельства, что эта цифра не исчерпывающая и довольно легко может быть пополнена новыми фактами. Словарь Де Вольфа полидиалектный, суммативно объединяющий данные разных диалектов; однако уже в одном, отдельно взятом диалекте целенаправленный поиск может фиксировать многие десятки «коровьих имен».

Задачу по сбору и анализу этого раздела лексики пуларфульфульде отнюдь нельзя считать в полной мере решенной. Среди работ, специально посвященных данной теме, отметим две статьи – [De Wolf 1985] и [Leger 2014]. Важная статья «О семантике описательных имен скота в фула(ни)» [De Wolf 1985] отражает опыт построения систематизирующей модели наименований коров по линии их лексической семантики. При всем «озадачивающем разнообразии» этой лексики, модель строится на основе ограниченного числа селективных критериев (телесные характеристики коров; продуктивность по удоям и по отелам; возраст; положение в стаде). Наиболее ярко выражены телесные характеристики с их последующим ветвлением (окрас шерсти – в целом и в распределении по частям тела, а также отличительные приметы, касающиеся формы частей тела или иной анатомической специфики, например, отсутствия той или иной «нормальной» части тела). Автор статьи оперирует данными (75 единиц), собранными им среди оседлых фульбе в окрестностях Ниамея, а также частично привлекает материал из словаря Ф. Тейлора (1932) по диалекту адамауа. Подавляющее число анализируемых терминов (50 единиц) связано с особенностями мастей скота, что, как заключает автор, приближает состав этой терминосферы к выдвигаемому типологами универсальному числу ($64 = 2^6$), допускаемому народной таксономией ввиду границ человеческой способности на обработку информации [De Wolf 1985: 37, 46].

Культурологически примечательная работа [Leger 2014] не только сообщает более двух десятков имен скота, собранных автором в Северной Нигерии, но еще и знакомит с особой местной игрой, называемой *sakkiriya* (или *sakkariya* КА, по [St. Croix 1998: 48], < хауса) и служащей источником для пополнения состава имен коров и быков. Фишками в игре служат семена так называемых “*bambaga nuts*”, то есть земляного гороха *Voandzeia subterranea*. Семена воан-

дзейи отличаются разнообразием цвета, размера и формы, и оказавшийся в выигрыше экземпляр служит мотивом для присвоения (молодой) корове с похожими свойствами соответствующего именованья. Автор статьи, кроме того, останавливает внимание на особенностях нрава поименованных коров (и быков), а также на суевериях, сопровождающих ту или иную масть.

Главными, однако, источниками, поставляющими материал по именованию коров, являются те из монодиалектных словарей, в которых данному типу лексики уделено серьезное внимание. Так, в диалектном словаре фульфульде-джамааре Доминика Ноа [Noye 1989], вышедшем уже после кончины автора, насчитывается сто соответствующих лексических единиц класса NGE. Англо-фульский словарь П. Эгучи, составленный на базе фульско-английского словаря Ф. Тейлора (1932) (диалект адамауа), содержит при заглавной вокабуле COW 'корова' восемьдесят характеризующих лексических единиц [Eguchi 1986: 66–68]. Близкое количество NGE-форм, определяющих коров, рассыпано по страницам словаря [St. Croix 1998], где сосредоточены языковые данные, собранные автором в Нигерии в период его ветеринарной службы.

Значительность этих цифр в известной мере обусловлена тем, что при подсчетах принимаются во внимание формы класса 'коровы' (sgNGE), относящиеся к разным грамматическим (частеречным) разрядам – это не только прилагательные, причем с включением как подразряда непроезводных, так и подразряда производных, но еще и причастия от разных глаголов. Следует, однако, иметь в виду, что эти разряды и подразряды характеризуются в пулар-фульфульде значительными отличиями в плане их морфологии и морфонологии. Подробно о морфо(но)логических особенностях моделирования причастий и прилагательных (последние – с разграничением деривационных моделей прилагательных непроезводных и прилагательных производных) см. в работе [Коваль 2010], где проведено последовательное сравнение общезыкового и моно-диалектного состояния.

В плане *дискурсно-синтаксического* поведения, наименования коров, порождаемые по указанным, формально различающимся трем деривационным моделям (модель причастий и две субмодели прилагательных), проявляют одно общее для них свойство – высокую способность к субстантивированному употреблению. Будучи по своей природе определениями-атрибутами, согласованными по классу с вершинным существительным *pagge* NGE 'корова', такие формы

предрасположены к синтаксически самостоятельному употреблению в целостном значении ‘корова со свойством X’ (где семантический компонент ‘корова’ отображается показателем класса, а компонент ‘свойство X’ – основой данной формы). Можно сказать, что и в разговорном жанре, и в текстах обе версии, «эпитетная» и субстантивированная, сбалансированы по употребительности. И отнюдь не случайно, что в лексикографии «коровьи имена» сплошь и рядом подаются то в сочетании с вершинным именем *pagge* ‘корова’, то как самостоятельные лексические единицы. Такая статистическая сбалансированность наглядно указывает на ту узкую особенность данных лексических единиц, согласно которой практически все атрибуты, характеризующие свойства коров, способны употребляться и как согласованные с рядом стоящей лексемой-гиперонимом *pagge* ‘корова’ (типа *pagge wuule* ‘белолобая корова’), и как самостоятельные гипонимы-субстантиваты, без вершинного имени *pagge* ‘корова’, типа *wuule* ‘белолобая корова’ – т. е. фактически с тем же значением, что и полная именная группа. Основания, разрешающие такую свободу субстантивации, очевидны: это, с одной стороны, базовая маломестность класса NGE, где имя *pagge* ‘корова’ является выделенным, доминантным именем-гиперонимом (недаром в рабочем жаргоне лингвистов этот класс называют «классом коровьих»); с другой стороны, на эту смысловую, гиперо-гипонимическую связь вполне отчетливо указывает классная NGE-морфонология атрибута – его суффиксальный показатель, часто усиленный анлаутным маркером – несмысленной ступенью начального согласного, каковая закономерна для именного класса NGE (см. анлаутную помету ^{NOcc} при наших примерах, если таковые начинаются с чередующегося согласного).

Если тенденция к субстантивации сближает NGE-причастия и NGE-прилагательные, то при углубленном изучении их *лексической семантики* мы видим отчетливые различия между этими (под)разрядами. И причастия, и производные прилагательные менее показательны в лексико-семантическом отношении; поскольку и у тех, и у других корень (/основа), то есть собственно лексическая морфологическая составляющая, в общем случае не имеют непосредственной связи с понятиями ‘корова’ или ‘скот’ – в отличие от непродуцированных прилагательных, чей адъективный корень в подавляющем числе случаев такую связь имеет.

2.1. Морфоструктура *причастий* содержит как минимум три морфемы: глагольный корень, срединный кумулятивный показатель залога & вида (в перфективе & активе возможно его нулевое выражение) и завершающий форму аффикс-показатель именного класса. Причастия как грамматическая категория весьма развиты в пулар-фульфульде, от одного глагольного корня могут быть образованы сотни причастий, различающихся видозалоговыми показателями и показателями именных классов. В причастиях, принимающих показатель класса ‘коровы’ NGE, базовый глагол лишь иногда семантически связан с полем физиологии и экстерьеры коров, чаще сам глагол имеет более широкое значение, как, например, в причастии от глагола *уоог-а / жоог-* ‘стать/быть сухим’:

[*пагге*] ^{NOcc}*уоог-Ø-* *nge*
 [корова] ^{NGE}*стать.сухим.Акт.Пfv-* *sg*^{NGE}
 ‘безмолочная (букв. сухая) корова’.

Пример показывает, что в случае, если глагол начинается с чередующегося согласного, несмысленная ступень начального включается в маркирование класса NGE, формируя вместе с конечным аффиксом (*-nge*) характерный для NGE «классный циркумфикс», каковой и служит здесь выразителем значения ‘корова’. Далее приведем примеры типичных NGE-причастий, которые отразят основные партиципальные (видозалоговые) подразряды.

^{NOcc}*faу-Ø-* *nge*
^{NGE}*стать.жирным.Акт.Пfv-* *sg*^{NGE}
 ‘тучная корова’;

ard- *ii-* *nge*
стать.ведущим-Md.Пfv-_{sg}^{NGE}
 ‘корова, идущая во главе стада’;

tuf-aa-nge
прокалывать-Ps.Пfv-_{sg}^{NGE}
 ‘привитая (получившая укол) корова’;

^{NOcc}*haw-oo-we* (*дуал. -ye*)
^{NGE}*бодать-Акт.Пот-_{sg}*^{NGE}
 ‘бодливая корова’;

^{NOcc}*wayl.it-otoo-nge*
^{NGE}*менять.снова-Md.Пот-_{sg}*^{NGE}
 ‘корова, требующая повторной случки’;

bir-etee-*nge*

дойть-Ps.Pot-*sg*-NGE

‘дойная корова’.

Регулярный формализм NGE-причастий, подтверждаемый данными примерами, – их полиморфемная структура (не менее трех морфем, но их может быть и более за счет усложнения глагольной основы). Регулярный формализм маркировки именного класса в причастиях – циркумфиксального типа: требуемая данным классом ступень начального (если он чередующийся) и конечный аффикс класса, выступающий здесь на **максимальной** ступени. Сравните NGE-маркировку ^{NOcc}...-*nge* в приведенном ^{NOcc}yoog.Ø-*nge* ‘безмолочная корова’ с родственными причастиями по другим классам, в частности с причастием класса *sg*(M)BA ^{PrenOcc}njoog.Ø-(m)ba ‘безмолочная коза’ (в тех диалектах, где BA > NGA, имеем, соответственно, ^{PrenOcc}njoog.Ø-nga) или с причастием множественного числа по классу *p*DI: ^{Occ}joog.Ø-dí ‘безмолочные (сухие) коровы / козы’.

Особо важен акцент на **максимальной** ступени аффикса (в нашем случае -*nge*), которая типична для причастий, но не употребляется при прилагательных. В сфере причастий здесь особняком стоит один подразряд – потенциалисные причастия активного залога, где конечный показатель класса выступает на ступени альтернативации – для класса NGE в виде той или другой из двух диалектных версий, -*we* или -*ye*, ср. приведенный выше пример *haw-oo-we*, *диал. haw-oo-ye* ‘бодливая корова’. Последний факт также важно иметь в виду, поскольку данные алломорфы классного показателя встречаются и в составе прилагательных (производных), о чем см. ниже. Что же касается лексического статуса NGE-причастий как именованных коровы, то он фактически обусловлен лишь показателем класса, аффиксальным или циркумфиксальным.

2.2. В отличие от глагола, который является, наряду с существительным, доминирующей частью речи в грамматике пуларфульфульде, прилагательные в этом языке, как и во многих других африканских языках, получают ограниченное развитие. Вместе с тем диалекты свидетельствуют об эволюции этой части речи в сторону ее обогащения. Деривативные модели, по которым формируется подразряд **производных прилагательных**, отмечаются и накапливают продуктивность в разных диалектах, хотя дивергенция диалектных лексических единиц из числа производных говорит о сравни-

тельно позднем их развитии [Коваль 2010: 242–246]. Среди производных NGE-прилагательных общеязыковым примером могут служить отнумеративные формы типа [nagge / wiige] dīdī(i)-we (*диал.* dīdī(i)-ye) ‘двухлетняя корова / телка-двухлетка’, от числительного dīdī ‘два’. Глагольные производящие основы для образования производных прилагательных не типичны; как редкий случай может быть упомянуто диалектное NGE-образование, wāgīwāgī-ye ‘пришлая, прибывшая к стаду корова’, где основой служит редуцированная форма глагола ‘приходить’ [St. Croix 1998: 332].

Главным источником мотивирующих основ для производных прилагательных служат существительные. Тема отсубстантивной деривации прилагательных с функцией именованья коров по сути уже затрагивалась нами ранее при обсуждении ‘Голубиной Коровы’ (foondūye NGE от существительного foondu NDU ‘голубь’). Привлечем еще несколько восточных примеров отсубстантивных NGE-прилагательных:

nyaaak- u- ye
пчела- _{sg}NGU- _{sg}NGE

‘корова с рыжеватыми крапинками (по белому)’, букв. ‘пчелистая [корова]’;

lel- waa- ye
газель- _{sg}NGA- _{sg}NGE

‘корова, похожая на газель (глазами или стройностью тела)’, букв. ‘газелья [корова]’.

Аннотированное представление примеров позволяет видеть регулярную морфологию производных: во-первых, завершающий словоформу аффикс класса «коровы» выступает на *альтернативной* ступени (зд. -ye), во-вторых, существительное основы реализуется в *цельнооформленном* виде, с удержанием собственного аффиксального показателя класса (финальный гласный этого показателя может претерпевать удлинение в преаффиксальной позиции). Как мы помним, однако, полномерным показателем именного класса в общем случае является двусоставный *анлаутно*-аффиксальный циркумфикс. Что касается двух только что приведенных примеров (nyaaakiye и lelwaaeye), то они оба в отношении анлаутной градации не показательны, поскольку и один и другой корень начинаются с согласных, неспособных к начальному чередованию.

Но некоторые из производных, имеющие в анлауте нормально чередующиеся согласные, также могут оказаться непоказательными

– такое возможно, если требуемые классами ступени начального совпадают и у мотивирующего имени, и у формы результирующего класса. Так, например, для класса $sgNDU$ регулярен несмычный начальный (ср. числовые формы $foo-ndu$ $sgNDU$ ‘голубь’, $roo-li$ $plDI$ ‘голуби’), но класс $sgNGE$ также принадлежит группе несмычно-анлаутных. Такое совпадение может быть определено как «случайное», и в силу этого «случайного» совпадения производная форма типа $foondu-ye$ ‘корова, похожая на голубя’ хоть и получает (через аффикс $-ye$) статус NGE -класса, но она не способствует установлению общего правила относительно реализации / нереализации в производных той ступени анлаута, который закономерен для класса NGE . См. еще один аналогичный пример, где мы видим в основе существительное $geedu$ ‘живот’ того же класса NDU :

NOcc gee- du- ye
 NDU живот- $sgNDU$ - $sgNGE$
 ‘стельная корова’, *букв.* ‘брюхатая [корова]’.

Чтобы установить обобщающее формальное правило для деривации производных прилагательных, необходимо обратиться к материалам, где бы в роли мотивирующей основы выступали существительные, имеющие анлаут из категории чередующихся, но при этом относящиеся к именным классам, которые требовали бы иной ступени начального, нежели класс NGE с его несмычной ступенью начального. Так, для класса NGA закономерна пренализированно-смычная ступень начального согласного, как, например, в существительном $ngeelooba$ NGA ‘верблюд’ (ср. $geeloo-di$ $plDI$ ‘верблюды’). От этого (сингулярного) существительного образуется [$nagge$] $nge-looba-ye$ NGE ‘корова с широкой, как у верблюда, спиной’; исходная ступень анлаута, как видим, здесь сохраняется, а согласование с вершинным гиперонимом $nagge$ NGE осуществляется через конечный аффикс, выступающий, как и у всех производных прилагательных, на ступени альтернации. Вершинное имя может быть либо выраженным (и тогда прилагательное исполняет атрибутивную функцию), либо подразумеваемым (в случае субстантивации прилагательного).

К аналогичному выводу приводит и анализ деривации NGE -прилагательного от существительного, чей класс требует (орально-)смычного начального: $gerlaaye$ NGE ‘корова масти, подобной (крапчатому) оперению куропатки, франколина’, *букв.* ‘куропатковая корова’ – от $gerlal$ $NGAL$ ‘куропатка, франколин’. В производ-

ном здесь наблюдаем иногда встречающуюся фонетическую модификацию на новой морфогранице (преаффиксальное усечение финали исходного существительного), однако анлаут вновь показывает наследование начальной ступени от производящей основы. Такое «наследование ступени начального» носит в пулар-фульфульде (т.е. на общеязыковом уровне) регулярный характер для производных прилагательных вообще [Коваль 2010: 244–249]. Отклонения от этого правила крайне редки. В области формирования NGE-единиц одно из редчайших исключений составляет образованная от *kooba* NGA ‘чалая антилопа, коба’ форма *hoobaa-we* ‘корова, чья масть подобна масти чалой антилопы’; анлаут данной формы демонстрирует «подстройку» под закономерный для класса NGE анлаут, реализуя тем самым полномерный NGE-циркумфикс, что не типично для производных прилагательных (и, напротив, типично для прилагательных непроизводных).

В целом для производных прилагательных характерно игнорирование анлаутных мен при оснащении результирующих форм новым аффиксальным показателем класса (в нашем случае – класса NGE). В процессе деривации отмечена *консервация* того вида анлаута, который присущ мотивирующей основе (в субстантивных основах, напомним, сохраняется исходный аффикс класса). Учитывая эту отличительную морфонологическую черту производных прилагательных, можно заключить, что их классификативная морфология сводится лишь к конечному аффиксу, регулярно реализующемуся на *альтернативной* ступени (в нашем случае это *-we* или *-ye*, в зависимости от диалекта).

Нужно отметить, что альтернативный NGE-аффикс встречается и у некоторых «признаковых» NGE-именований, деривационная история которых не раскрывается при синхронном подходе, но требует специальных этимологических разысканий, здесь неуместных. Упомянем лишь несколько из достаточно устойчивых лексем с вокалическим исходом корня/основы:

ledbaa-we ‘косоглазая корова’, pl. *ledbaa-ji* DI;
sayee-we, *sayee-ye* ‘корова золотисто-желтой масти’, pl. *sayee-ji* DI;
niini(i)-ye ‘белолобая корова’, pl. *niinii-ji* DI;
woloo-we ‘корова буроватой масти’.

Опыт обзорного анализа подобных образований в диалекте фульфульде-джамааре см. в работе [Коваль 2010: 303–308].

Нельзя не остановиться, хотя бы вкратце, на четырех общефульских прилагательных (принимающих, при согласовании с существительными разных (любых) именных классов, аффикс на ступени альтернации):

wod-/bod-e(e)- ‘красный’,
 bal-e(e)- ‘черный’,
 ran-/dan-e(e)- ‘белый’,
 paу-e(e)- ‘старый, долго живущий’.

Дискуссия по поводу этих прилагательных уже подробно рассматривалась в [Коваль 2010: 237–242], однако тема остается уместной, поскольку она имеет некоторое отношение к теме КОРОВЫ. Формант -e(e)-, расширяющий основу четырех общеупотребительных прилагательных, служит поводом к гипотезе о том, что данные прилагательные исторически являются *производными* от «коровьих» NGE-именований и что формант – след этой деривации (см., в частности, [Breedveld 1995: 467–469]). Доказательность гипотезы серьезно колеблет то обстоятельство, что для производных прилагательных, как уже было показано, характерна консервация исходной ступени начального корневого согласного. Анлаут производного не реагирует на мену конечного показателя – тогда как общеупотребительные цветковые прилагательные ‘белый’ и ‘красный’ не только регулярно исполняют начальное градуирование при согласовании с именами разных классов, но еще и используются в грамматиках пуларфульфульде как типичнейшие представители этого процесса. См. примеры регулирующей роли имени-контролера:

(класс NDU) suudu *ranee-ru* // *wodèe-ru* ‘белый // красный дом’;
 (класс NGOL) boggol *dane-wol* // *bodè-wol* ‘белая // красная веревка’;
 (класс NDI) njaareendi *ndanee-ri* // *mbodèe-ri* ‘белый // красный песок’ и т.д.

Хотя в источниках и случается встречать определения коров через эти «общезначимые» прилагательные, отмечается тенденция к их вытеснению из скотоводческого лексикона, где имеется специальная, связанная со скотом, с коровами терминология. На это прямо указывал Тейлор в своем замечании – причем замечании, сделанном непосредственно после представленной им многоклассной парадигмы прилагательного *wodè(e)-/(m)bodè(e)-* ‘красный’. Продемонстрировав свободу комбинирования этого определения с существитель-

ными разных именных классов, Тейлор комментирует: «Отметим, что фраза *pagge wodee-ye* не употребляется, вместо этого имеется слово *jabaa-ye*, pl. *jabaa-ji*. Подобным образом *nyaal-e*, pl. *nyaal-i* используется вместо *pagge gape-ye*» [Taylor 1953: 45].

2.3. Далее, наконец, *last but not least*, переходим к **непроизводным прилагательным**, которые могут быть определены как **собственно адективы**. В фульбском лексиконе «коровьих имен» это самое замечательное и в то же время самое существенное подразделение, знакомство с которым не может не наводить на размышления о генезисе, становлении и развитии прилагательных как самостоятельной части речи в пулар-фульфульде. Это самое обширное в пулар-фульфульде подразделение лексики по номинированию коров, особенно в речи фульбе, не порвавших связи со скотоводством, а тем более – с кочевым. Это также и самое важное, в общеграмматическом, «частеречном» плане, подразделение: если причастия имеют в основе глагольный корень, а производные прилагательные – в основном корень субстантивный (во всяком случае не-адективный), то непроизводные прилагательные имеют собственно адективный корень с характерным для категории прилагательных «признаковым» значением.

Важнейшее значение в плане формальном имеет тот факт, что морфология (и морфонология) NGE-адективов соответствует «каноническому» морфо(но)-структурному оформлению категории прилагательных как части речи в пулар-фульфульде. Хотя вообще, как уже упоминалось, категория прилагательного получила в пулар-фульфульде ограниченное развитие (сравнительно с высоко развитыми категориями глагола и имени существительного), тем не менее формально-структурный стандарт в сфере адективов достиг единообразия. А именно: грамматический показатель именного класса выступает в адективах на минимальной ступени (ср. типичную для причастий максимальную ступень аффикса и типичную для производных прилагательных ступень альтернации аффикса), а в случае чередующегося начального консонантизма классное маркирование поддержано соответствующей классу ступенью анлаутного элемента. Как покажет последующий материал, для NGE-адективов (единственного числа) закономерны, по согласованию с гиперонимом *pagge* NGE ‘корова’, во-первых, аффикс на **минимальной** ступени (то есть **-e** для класса NGE) и, во-вторых, **несмысленная** ступень чере-

дующегося начального; во множественном числе, соответственно, имеем аффикс также минимальной ступени (*-i* для класса DI), но ступень анлаута смычная.

В плане лексической семантики адективы, именующие коров, связаны с обозначением био-физических признаков (окрас шерсти, особенности анатомии, производительность), а также признаков, характеризующих коров по их поведению и нраву. Сравнительно немногие NGE-адективы базируются на «общезначимом» корне, употребляемом и за пределами анимальной сферы и достаточно свободно комбинируемом с именами разных классов, типа цветového прилагательного *fug-rug-* ‘серый’ или «размерного» прилагательного с основой *famar-/pamar-* ‘маленький’. Более ограниченную лексическую сочетаемость показывают адективы, называющие признак, применимый к живым существам, включая людей, типа *fah-/pah-* ‘глухой’ (ср. *nagge* ^{NOcc}*fah-e* ‘глухая корова’ и русси ^{Occ}*pah-u* ‘глухая лошадь’) или *haab-/kaab-* ‘проявившая родоспособность’ (ср. [*nagge*] ^{NOcc}*haab-e* ‘(молодая) корова, уже (о)телившаяся’ и ^{Occ}*kaab-o* ‘(молодая) женщина, уже родившая / рожавшая’). В случае еще более узкой лексической сочетаемости признак может относиться только к животным (например, *lah-* ‘черный’, ср. [*nagge*] *lah-e* ‘черная корова’ и *gawaandu laa-ru* ‘черная собака’) или, еще уже, только к домашним животным или только к крупному рогатому скоту (коровам / быкам). Наконец, у некоторых единиц значение корня увязано только с коровой. Авторы словарей, что естественно, часто останавливают внимание на сочетаемости лексики, особенно если эта сочетаемость ограничена. Многие из таких ремарок находят отражение и в предлагаемом далее большом списке непроеизводных прилагательных, служащих именованию коров.

Прежде чем перейти непосредственно к фактологическому показу адективной лексики, участвующей в номинировании коров по характеризующим их признакам, нужно предпослать общие сведения и общие соображения по составу списка и по формату подачи лексических единиц. Ввиду того, что непроеизводные прилагательные составляют самый обширный и важный подраздел лексики, относящейся к данной терминосфере, исследование было сознательно нацелено на трудоемкую задачу по поиску, сбору и регистрации в едином формате максимально широкого слоя языковых фактов, затронутых данной проблемой. Иными словами, преследовалась зада-

ча *сосредоточить ресурс* адъективных лексических единиц, задействованных в сфере номинирования коров. С целью сделать шаг вперед в задаче сосредоточения относящихся сюда языковых фактов, в составе общего перечня «коровых» адъективных лексем приведены данные разных диалектов пулар-фульфульде. В составе перечня учитывались как собственные данные, полученные автором в работе с носителями диалектов из разных регионов, так и факты, документированные в обследованной литературе.

Ввиду указанной нацеленности, а также ввиду того, что данный раздел лексики характерен для всех ареалов пулар-фульфульде (вероятно, он более обширен у групп, активно поддерживающих традицию скотоводства), было принято решение на данном этапе не давать тотально диалектной атрибуции для каждой из учтенных единиц. Как рабочий использовался принцип 'однократной vs. не-однократной документированности' единицы. А именно: помета о диалекте / источнике отсутствует при тех лексических единицах, которые уже засвидетельствованы неоднократно, но для тех лексем, которые отмечены лишь в одном из источников, приводится соответствующее указание. Собранный ресурс отражает информацию, которая оказалась доступной сегодня, но использование этих данных в последующих исследованиях мыслится, разумеется, в перспективе дальнейшего уточнения лексических изоглосс, ареала распространения каждой из лексем, а также в перспективе верификации семантики корня, если таковая окажется необходимой или полезной.

В представляемом далее списке адъективные лексические единицы следуют в алфавитном порядке, причем «заглавная» вокабула дается в форме класса гиперонима, то есть s_g NGE, востребующего *несмычную* ступень чередующегося начального. Это решение продиктовано отнюдь не идеей о (диахронической) первичности несмычного анлаута, но следующими соображениями. Прежде всего – высокой вероятностью субстантивации: как и у других NGE-атрибутов, подвергшихся субстантивации, смысл 'корова' обеспечен уже самим показателем класса. Если в документирующем источнике представлена полная именная группа (имя 'корова' плюс согласованное определение), в таком случае вершинное пагге помещаем в скобках перед специфицирующим адъективом. Кроме того, не следует упускать из виду, что практически любая из сингулярных еди-

ниц может быть использована пастухами-фульбе как «личное» («персональное») имя коровы¹.

Для пользования списком «коровьих» адективов, вероятно, бесполезны примечания более технического характера. В составе каждой единицы использовалось шрифтовое выделение аффиксального маркера класса, а в необходимых случаях выделение распространялось на двустороннее, циркумфиксальное маркирование класса. Ср. морфонологическую разметку в формах единственного и множественного числа – если последние получили отражение (множественное число приводится, если эта форма документирована). При упоминании источника однократной фиксации термина страница указывается в том случае, когда это облегчает поиск (в этом не нуждаются случаи, когда источником служит алфавитный словарь). Комментирующая часть дескрипции может быть расширена либо за счет привлечения однокоренных лексических единиц из иной терминиферы (что в дальнейшем может оказаться полезным для изучения этимологических связей адективов), либо за счет упоминания регулярно производных (с суффиксом производности *-(i)ɕ-*) отадективных глаголов, которые с очевидностью подтверждают частеречный статус нерпроизводного прилагательного. Что касается отмечаемых в списке сомнений относительно лексической семантики изучаемых адективов, то для уточнения этих вопросов нужны дополнительные обследования на местах.

2.3.1. Далее приводим обобщающий список **непроизводных прилагательных**, или **собственно адективов**, используемых в диалектах пулар-фульфульде для характеризующих обозначений коровы:

aamaɣe ‘белая корова (с пятнами)’ (*aamaɣ* ‘белой масти (с пятнами, *красными или черными – на боках?*)’);

ajje ‘корова с рогами, направленными к горбу’ [Aan 1992: 32], pl. *gajji* DI – см. *gajje*;

¹ Ср. отчасти похожие русские клички коров, имеющие, однако, иной частеречный статус: кличка *Лыска* традиционно присваивается корове с белым пятном на голове, *Зорька* – корове с белым лбом или родившейся на заре, *Ночка* – черной корове или родившейся ночью, *Марта*, *Майка* – коровам, родившимся в марте, мае, *Рыжуха*, *Пеструха* и т.д., ср. еще русское *буренка*, ставшее скорее стилистическим синонимом слова корова.

babe ‘корова в красных и черных крапинках’, pl. *babi* DI [Leger 2014];

[nagge] *batte* ‘корова, вяло ходящая’ (*batt-* ‘вялый в ходьбе’, тж. о человеке, лошади) [Noye 1989];

[nagge] *cinnde* ‘корова с третьим рогом (растущим рядом с нормальным)’ (*sinnd-/cinnd-* ‘раздвоенный’, тж. ‘с рудиментарным органом’ – ср. *cinnd-o* О ‘шестипалый [человек] (т.е. с удвоенным пальцем)’, pl. *sinnd|u-be* BE; *sinnd|u-ru* NDU ‘шестой палец’);

[nagge] *daake* ‘корова с шеей цвета, отличного от окраса тела’, см. композит *daake wode* ‘корова (белая) с красной шеей (и головой?)’ (*daak-* ‘с шеей особого цвета (отличного от окраса тела)’ – о животных; ср. суц. *daande* NDE ‘шея’, pl. *daafe* DE);

daalaale ‘беломордая корова’, pl. *daalaali* DI, см., напр., *sooyi daalaali* [Sow 1966: 318–319];

[nagge] *darge* ‘белоногая корова’ (*darg-* ‘с белыми ногами’ – о животных);

[nagge] *dawoore* ‘корова мощного телосложения’ (*dawoog-* ‘мощный, мускулистый’) [Noye 1989];

diile ‘корова, вверенная заботам товарища’, pl. *diili* DI (тж. *diilaaye*; тж. *diilnge* –причастие от глагола *diila* ‘доверить корову попечению другого лица’);

[nagge] *dikke* ‘первотельная корова’, pl. *dikki* DI (*dikk-* ‘принесшая первый приплод, впервые родившая’ – о животных);

dumare ‘(белая) корова, у которой передняя и задняя части тела отличаются по цвету’; см. композиты: *dumare wode* // *dumare bale* ‘голова и перед тела красные // черные’; *dumare siinge* // *dumare wune* // *dumare oole* ‘голова и зад темнобурые // сивые // палевожелтые’;

duule ‘корова с округлыми пятнами’, pl. *duuli* DI (тж. *duuleye* ‘корова с шерстью, окрас которой напоминает небо в тучах’, ср. суц. pl. *duule* DE ‘тучи, облака’);

daakaale ‘малодойная корова’, pl. *na’i daakaali* DI (*daakaal-* ‘маломолочная’);

eere ‘белая корова’ (диал. ‘корова с белым на шее?’) (ср. отадъективный глагол *eer-d-a* ‘быть белым’, диал. ‘иметь шею с белыми вкраплениями’ [Seydou 1998: 17]);

egge ‘корова, родившаяся во время перекочевья’ [Leger 2014] (ср. когнатный глагол *egg-a* ‘перемещаться, кочевать’);

fadale ‘белохвостая корова (черная или красная)’, pl. *padali* DI (*fadal-/padal-* ‘?’; ср. суц. sg. *padala* NGA ‘тростниковая антилопа’, pl. *padali* DI);

- [nagge] **fāhe** ‘глухая корова’ (fah-/pah- ‘глухой’);
- bii-nagge **famare** ‘маленький теленок’ (корень fam-/ram-, основа famag-/ramag- ‘маленький’, *ср. глагол* fam-d-a ‘(стать) быть маленьким’);
- [nagge] **felle** ‘корова с белым пятном на голове, на лбу’, pl. **pellī** DI (fell-/pell- *о людях* ‘лысый, плешивый’, *о животных* ‘с белым пятном на голове, на лбу’; *ср. суц. sg.* fellere NDE ‘место’, ‘плешь’);
- [nagge] **fulfule** ‘фульбская корова’ (fulful-/pulful- ‘фульбский, характерный для фульбе’);
- [nagge] **fure** ‘серая корова, серовато-коричневой масти’, pl. **purī** DI (fur-/pur- ‘серый’);
- gajje ‘корова с рогами, изогнутыми назад’ (*диал.* ajje ‘с рогами, направленными к горбу’ [Aan 1992: 32]), pl. **gajjī** DI (*ср. глагол* (w)ajj-oo/gajj- ‘лечь на спину’);
- haabe** ‘(молодая) корова уже отелившаяся’, pl. DI: na’i **kaabi** (haab-/kaab- ‘детородная’, kaab-о О ‘женщина, родившая ребенка’); *диал. тж.* haange NGE, pl. kaabi или haangee-ji DI;
- nagge (danunge, *диал.* besnge / beynge) **hesse** ‘новотельная корова, отелившаяся только что’ (hess-/kess- ‘свежий, сырой, незатверделый...’);
- hibbe** ‘корова, у которой рога обращены вперед’, pl. **kibbi** DI [Aan 1992: 32]; *см. также след.*;
- [nagge] **hippe** ‘корова с обращенными вперед рогами’, pl. **kīppī** DI (hipp-/kīpp- ‘с рогами, повернутыми вперед’, *ср. глагол* hipp-a ‘перевернуть (в обратном порядке)’);
- nagge **hobbē** ‘корова с черным кольцом вокруг глаз’ (hobb-/kobb- ‘с черными кругами вокруг глаз’);
- [nagge] **hogole** ‘корова с рогами, загнутыми один к другому’, pl. **kogolī** DI (hogol-/kogol- ‘с загнутыми друг к другу рогами’ – *только о рогах* (также у быка, козы); *ср. глагол* hog(g)-a ‘загибать’, hog(g)-oo ‘загибаться’);
- [nagge] **hoshose** ‘высокомолочная корова’ (hoshos-/koskos- ‘изобилующая молоком (кормящая мать или самка)’ – *ср. суц. sg.* kos-am DAM ‘молоко’);
- jaake ‘корова, дающая мало молока, оттого что теленок слишком долго допускался к вымени’, pl. **jaakī** DI;

- jadde ‘куцая корова, с обрезанным (укороченным) хвостом’, тж. ja(a)tde (?), тж. yatde (?) (ср. *отадъективный глагол* jadd-id-a ‘укоротить, обрубить’ (тж. о хвосте) [Seydou 1998: 330]);
- [nagge] jagge ‘хромая корова, хромоножка’ (jagg- ‘с искалеченной ногой, хромой’) (ср. *когнатный глагол* jagg-a ‘подпрыгивать’, ‘прихрамывать’ – см. *отадъективный глагол* jagg-id-a ‘стать хромым, иметь искривленную ступню’ [Seydou 1998]);
- [nagge] jamale ‘крупнопятнистая корова’ (jamal- ‘двухцветной масти, с большими пятнами, белыми и черными (jamale bale) или белыми и рыжими (jamale wode)’ – ср. sg. njamala (M)BA ‘жираф’ в диалектах);
- jebe (debe?) ‘трудная, особенно в дойке, корова’, pl. jebi DI;
- jodde ‘корова с неполноценным выменем, с атрофией или утратой соска’; (ср. *диал. отадъективный глагол* jodd-id-a ‘иметь атрофию соска/сосков’ [Seydou 1998]);
- lahе ‘черная корова’, pl. lahi DI (lah- ‘черный – о шерсти, оперении’);
- [nagge] lappe ‘колченогая корова’ (ср. *когнатный глагол* lapp-a ‘ходить с деформацией ноги/ног, с вывернутыми внутрь коленями’) [St. Croix 1998];
- lette ‘корова с несимметричными рогами (скошенными вперед)’, pl. letti DI [Aan 1992: 32] (lett- ‘косой’, см. *отадъективный глагол* lett-id-a ‘быть косым’); (см. еще *диал. (причастие?)* lettooye ‘корова, у которой один рог с наклоном, а другой стоит прямо’, pl. lettooji DI [De Wolf 1985];
- loode ‘корова «чалой» масти, с шерстью смешанного, красновато-черноватого колера’, pl. loodi DI (lood- ‘смешанной, серобурой масти’, ср. *квзисиноним* hoobaaye NGE – производное *прилагательное* от kooba ‘коба, чалая антилопа’); (ср. *иную трактовку пассивного глагола* lood-ee ‘(о животных, о скоте) иметь как отметку черное пятно на одной стороне шеи’ [Seydou 1998]);
- moomore ‘корова с шерстью разных колеров’, pl. moomori DI; (см. с *идеофоном – интенсификатором для белого*: moomore fen ‘корова с чисто белыми вкраплениями’ [Sow 1966: 320]);
- паawe ‘рыжая (красная) корова’; (в [Leger 2014] встречаем иное толкование: паawe ‘корова с белесыми глазами, обрамленными густой шерстью’);
- nolle ‘корова бурой масти’ pl. nollu DI (noll- ‘бурый’);

- [nagge] *pooge* ‘чапранная корова – с «ремнем», полосой особого цвета по хребту», pl. *poogi* DI (*poog-* ‘?’ – *ср. суц. poogol* NGOL ‘линия по хребту’);
- nyaale* ‘корова белой масти’, pl. *nyaali* DI (*согласно* [Noye 1989] *использование адъектива nyaal-* *ограничивается данными классами* – *ср. суц. nyaalal* NGAL ‘белая» птица *Bubulcus ibis*’, pl. *nyaale* DE);
- [nagge] *nyaawe* ‘пятнистая корова’, pl. *nyaawi* DI (*nyaaw-* ‘пятнистый’ – *ср. fowgu nyaaw-gu* NDU ‘пятнистая гиена’);
- [nagge] *ɲalle* ‘строптивая корова’ (*ɲall-* ‘наглый, сварливый, строптивый, с норовом’) [Noye 1989];
- [nagge] *oole* ‘корова желтоватой, палевой масти’, pl. *ooli* DI (*ool-* ‘желтый’; *ср. в композ. с усечением первого компонента: nya’oole* ‘корова с желтыми пятнами’);
- [nagge] *ramare* ‘малорослая корова’ (*ramar-/damar-* ‘малорослый’, *ср. глагол ramt-a* ‘быть коротким’) [Noye 1989];
- nagge rewe* ‘корова-самка’, pl. DI: *na’i deyi* (*rew-/dey-* ‘женского пола’ (*употребляется, как объясняют, если нужно подчеркнуть пол особи*));
- rimare* ‘переставшая телиться, ояловелая, яловая корова’, pl. *ɖimari* DI (*rimar-/dimar-* ‘бесплодная’, *о женщине* – *dimar-o* O ‘ставшая бесплодной’);
- [nagge] *rime* ‘крепкая, хорошего здоровья корова’ [St. Croix 1998];
- saaje* ‘корова с белым подгрудком и брюхом (*т.ж. с белыми ногами*)’, pl. *saaji* DI (*saaj-/caaj-* ‘с белым подгрудком и брюхом при спине иного окраса’, *см. отадъективный глагол saaj-d-a* ‘(о масти скота) иметь белый подгрудок и брюхо’ [Seydou 1998]; *ср. композиты: saaje wode* ‘корова с белыми подгрудком и брюхом и с красной спиной’, *saaje bale* ‘черная с белым низом тела’); *по другим источникам* [De Wolf 1985; St. Croix 1998] – *saaje* ‘корова с красным подгрудком и брюхом’;
- [nagge] *saye* (*т.ж. sayee-we*) ‘корова золотисто-желтой масти’, pl. *sayee-ji* DI (*say-* ‘золотисто-желтого цвета’ – *о животных, плодах, листве*) (*ср. отадъективный глагол sa(a)y-d-a* ‘быть охристой масти, с охристыми прожилками, вкраплениями’ [Seydou 1998]);
- sayge* ‘пегая корова’, pl. *saygi* DI (*sayg-/caug-* ‘пегой, (двухцветной?) масти, обычно с пятнами по белому’, *ср. композиты: sayge bale // sayge wode* ‘корова с черными // красными пятнами по белому’); (*ср. отадъективный глагол sayg-ic-a* ‘иметь пегую, пятнистую масть’ [Seydou 1998]);

- [nagge] samale ‘красивая корова’ (samal-/camal- ‘очень красивый’ – о живых существах) [Noye 1989];
- serngel(l)e ‘корова неоднотонной масти (с черными или красными пятнами по белому?)’, pl. serngel(l)i DI;
- siinge ‘корова темнотонной, «шоколадной» масти’, см. композит wuule siinge ‘«шоколадная» корова с белым лбом или белым лицом’;
- [nagge] siiwе ‘полосатая корова’ (siiw-/ciiw- ‘полосатый’) [Noye 1989];
- sirge ‘(полосато-)пятнистая корова’, pl. cirgi DI (sirg-/cirg- ‘полосато-)пятнистой масти’ – ср. суц. sg. cirgu (cir-gu?) NGU ‘леопард’, pl. cir-di DI);
- [nagge] siwte ‘корова из двойни’ (siwt-/ciwt- ‘происходящий из двойни’, ср. когнатный глагол siwt-а ‘иметь двойню, родить близнецов’);
- [nagge] sole ‘рябая, крапчатая корова’, pl. colli DI (sol-/col- ‘рябой, испещренный пятнышками’ – то же sul-/cul- ?, ср. о человеке col-о О / cul-о О ‘рябой, со следами оспы’);
- sonye ‘корова, богатая молоком’, pl. conyi DI;
- sooye ‘корова рыжеватой, буроватой масти’;
- [nagge] sule ‘крапчатая корова’ (sul-/cul- ‘мелко-пятнистой масти, в мушках, крапинах’), ср. выше sole;
- [nagge] suhne ‘корова с черными губами, с черной шерстью на морде, на ушах и/или вокруг глаз’, pl. DI: na’i suhni (suum-/siuhm-, о человеке – ‘с черными губами’, о животных – ‘с чернотой у рта’);
- [nagge] taanye ‘злая корова’ (taanu- ‘злой’) [Noye 1989];
- [nagge] tolle ‘однорогая корова (потерявшая другой рог)’ (toll- ‘лишенный нормально парного элемента’, ср., например, fadō toll-о NGO ‘распаренный башмак’);
- [nagge] tehte ‘корова со скудным удоем’ (teht-, var-m teet- ‘бедный, скудный’) [Noye 1989];
- [nagge] tomme ‘малорослая худосочная корова’ (tommm- ‘малого роста и худосочный’) [Noye 1989];
- tummbе ‘стельная корова’ (ср. глагол tummb-а ‘помещать в середину’);
- uure ‘белая корова с красными ушами и ободками вокруг глаз’, pl. uugi DI [Eguchi 1986];

- [nagge] **waage** ‘корова наполовину темного, наполовину белого окраса’, pl. DI: na’i **baagi** (waag-/baag- ‘полутемного, полубелого окраса’ – *о животных*);
- [nagge] **wagge** ‘молоденькая корова, телка’ (wagg-/bagg- ‘еще юный, растущий, незрелый...’);
- [nagge] **wajje** ‘единственная корова’ (wajj-/bajj- ‘единственный; одинокий; уникальный’);
- [nagge] **wane** ‘корова темной масти’, pl. **bani** DI (wan-/ban- ‘темный, смуглый (не черный)’);
- [nagge] **welle** ‘бесподобная корова’ (well-/bell- ‘уникальный’) [Noye 1989];
wiige ‘нетель, половозрелая телка, еще не телившаяся’, pl. **biji** или **biji** DI;
wille ‘корова светлой серовато-буроватой масти’, pl. **billi** DI;
- [nagge] **wonngge** **wornyoille** ‘корова злая презлая’ (wornyoil-/bornyoil- ‘(злой) презлой’ – *усиливает значение причастия wonngge ‘злой’*) [Noye 1989];
- nagge **woge** ‘самец коровы’, т.е. ‘бык’, pl. DI: na’i **gogi** (wog-/gog- ‘мужской’ (*употребляется, если нужно подчеркнуть пол особи*));
- wudaale** ‘корова, идущая в хвосте стада’, pl. **gudaali** DI [Eguchi 1986: 68];
- [nagge] **wudde** ‘бесхвостая корова’, pl. **guddi** DI (wudd-/gudd- ‘усеченный, урезанный, укороченный – *о выступающей части тела*’);
- wumale** ‘комолая, безрогая корова’, pl. **gumali** DI;
- wupe** ‘корова сивой масти’, т.ж. **wupee-we**, **wupee-ye**, pl. **bunee-ji** DI (т.ж. **wupa-we** ‘корова, у которой шерсть смешанного тумано-подобного колера, отдающего серым и черным’ [Lexique 1979: 158]); *см. композит wupe wode* ‘корова, у которой шерсть сивая с рыжеватыми прожилками’; (*ср. отадеквативный глагол wup-d-a* ‘быть серо-коричневого цвета’ [Seydou 1998]; *ср. еще русское фольклорное «сивка-бурка» (о лошади)*);
- [nagge] **wuile** ‘корова со светлой (белой) мордой, белолобая’, pl. **buuli** DI (wuul-/buul- ‘светлый, ясный, чистый, белый’, *ср.: о женщине – buul-o* О ‘ясноликая, очень красивая’, pl. **wuul-be**; **derewol buul-ol** NGOL ‘чистый лист бумаги’; **maayu wuul-o** NGO ‘река со светлыми водами’);
- [nagge] **wuue** ‘вороватая корова’ [Noye 1989] (*ср. когнатный глагол wujj-a* ‘красть’);

[nagge] *yam-e* 'здоровая корова' (*yam-/jam-* 'здоровый', *ср. отадъективный глагол yam-d-a* 'стать/быть здоровым');

bii-nagge yarne 'теленоч, вскормленный не его матерью', pl. DI: *bibbe-na'i jarni* (*yarn-/jarn-* 'вскормленный не матерью, а кормилицей' [Noye 1989], *ср. глаг. yag-a* (*/jag-*) 'пить', *yag-n-a* 'поить');

[nagge] *yete* 'живая корова' (*yeh(t)-/geh(t)-* 'живой, живущий');

[nagge] *yimmb-e* 'корова с выдающимся лбом', pl. DI: *na'i gimmbi* (*yimmb-/gimmb-* 'с выпуклым лбом (и глубоко сидящими глазами)' [Noye 1989];

yaake 'корова с подростим теленком в пору его отлучения от вымени', *bii-nagge yaake* 'подростий теленок, отлучаемый от вымени', pl. DI: *bibbe na'i yaaki* (*yaak-* 'относящийся к периоду отлучения отпрыска от сосания' (*о детях и телятах*)).

Представленный список включает около сотни адъективных единиц, относящихся к ограниченному лексическому полю, каковым и является поле именований *коровы*. Список не следует воспринимать как исчерпывающий, ведь его состав определяется информацией, оказавшейся доступной на сегодняшнем уровне знания. А как подсказывает накопленный опыт, в дальнейшем можно ожидать пополнения списка NGE-адъективов при условии более специальных, более широких и более углубленных разысканий. Другое немаловажное наблюдение, подсказанное опытом по сбору и сосредоточению NGE-адъективов, состоит в том, что немалое число адъективных корней, трактуемых в источниках как локальные диалектизмы, на поверку носят общезыковой характер и исторически восходят к додивергентному периоду. Например, последний в нашем списке корень *yaak-* 'относящийся к периоду (предстоящего) отлучения сосунка от вымени' атрибутируется в обобщающем перечне [De Wolf 1995: С: 235–236] как принадлежащий восточной диалектной зоне, однако данный корень известен во всех диалектных зонах пулар-фульфульде, в том числе и в максимально отдаленном западном диалекте фута-джаллон. Подобные свидетельства, при всей их важности, отнюдь не предполагают игнорирования возможных расхождений в диалектных «коровых» лексиконах, демонстрирующих эволюционную дивергенцию в ходе независимого развития диалектов. Среди инноваций не исключены и заимствования из соседствующих языков, уже в условиях несовпадающих языковых контактов; впрочем, заимствования в данной терминосфере, скорее всего, немного-

численны. В целом сложившаяся ситуация говорит о преждевременности жесткого маркирования диалектной принадлежности каждой из единиц списка, хотя в перспективе такая задача будет востребована и представляемый список составит полезную платформу для ее решения.

Однако уже и при наличествующем составе списка очевиден разительный контраст между суммарным количеством «коровьих» адекватных и малочисленностью общеязыковых («общезначимых») производных прилагательных – при том, что те и другие регулярно используют единую (и специфичную для производных прилагательных) технику кодирования именного класса (минимальная степень конечного аффикса плюс закономерная для каждого класса степень корневого начального). Очевидно, что «коровьи» адекватные корни, расширяя свою лексическую сочетаемость и выходя за пределы «коровьего» гиперо-гипонимического узла, кратно (если не **много**-кратно) увеличивают состав производных прилагательных в словаре пулар-фульфуде. А если сопоставить скудость общеязыковой («общезначимой») адекватной лексики, с одной стороны, а с другой стороны – трудно обозримое изобилие в диалектах адекватных единиц, связанных с ‘коровой’, нельзя не прийти к умозаключению, что языковая сфера КОРОВОЫ предстает как некое, образно выражаясь, *горнило*, выплавляющее, производящее адекватную лексику.

В порядке обобщающего итога можно с уверенностью констатировать, что корова способствовала формированию категории прилагательного, а возможно – что констатируем с меньшей степенью уверенности – а возможно исторически даже послужила основой данной – «признаковой» – части речи в пулар-фульфуде. Иными словами, необходимость маркировать лексически признаки аксиологически сильно выделенного объекта послужила толчком к становлению особого «признакового» раздела, обеспеченного особой морфологией.

3. Вместо типологического приложения: В.Н. Топоров о КОРОВОЕ

Статья Владимира Николаевича Топорова «Об одной мифоритуальной “коровье-бычьей” конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах» [Топоров 1999: 491–532] отражает попытку реконструкции архаического

смысла связанного с КОРОВОЙ ритуала у восточных славян. Отправляясь от анализа восточнославянских фольклорных текстов, сопровождающих детские игры, и действий, соотносящихся с этими словесными текстами, В.Н. Топоров далее расширяет поле исследования примерами типологического характера с привлечением свидетельств индоевропейских традиций. Исследуемый мифоритуальный комплекс смыкается с «основным» мифом, реконструированным по текстам, засвидетельствованным в индо-иранской, балтийской и славянской традициях и гласящим о передаче собственности, где центральное место занимает, цитирую,

«скот и прежде всего **коровы**, составляющие в большинстве случаев наиболее ценную часть стада, которой особенно дорожили и роль которой не ограничивалась хозяйственно-экономической сферой, но была существенна и в духовном плане – религиозном, мифологическом, поэтическом и, более того, весьма во многом определяла весь жизненный уклад скотоводческих племен» [Топоров 1999: 509].

Принятие того, что «славянская “коровья” перспектива» (как выражается Владимир Николаевич) соединяется своими истоками с соответствующей индоевропейской, помогает глубже понять «коровий» слой в восточнославянском свадебном обряде, где отмечаются следы солнечной символики и соотносятся образы солнца и коровы.

В статье В.Н. Топорова упоминаются или обсуждаются целый ряд мотивов, сопряженных с «благодатной силой, искони присущей коровам». Отдельное внимание уделяется мотиву, отчасти наметившемуся в восточнославянских обрядовых текстах, шире представленному в древнеиранских авестийских текстах и еще шире в ведийских текстах, – это мотив связи коров с речью, словом, поэтическим творчеством. Приводя убедительные текстовые цитаты из Ригvedы, В.Н. Топоров подчеркивает (с. 516), что здесь находят проявления «открытое отождествление поэтической Речи и дойной коровы» и представление о том, что «поэтический дар певца усиливается молоком коровы».

В заключительной части статьи подводится итог о существовании своего рода «коровьей» идеологии: «Вероятно, эта идеология свидетельствует об особой роли скотоводства и, в частности, крупного рогатого скота в жизни наших предков. В данном случае речь могла бы идти о племенах, для которых разведение коров было более важным, чем земледельческие занятия ...» [Топоров 1999: 518–519]. Последняя типологическая параллель, привлекаемая в статье,

выходит за пределы индоевропейстики и касается африканского сугубо скотоводческого народа, если и занимающегося земледелием, то лишь по необходимости, да и то весьма ограниченно и неохотно. Речь идет о традициях и образе жизни восточноафриканского (нилотского) народа – нуэров, чьи пастушеские племена сосредоточены на обоих берегах Белого Нила в зоне его слияния с реками Бахр-эль-Газаль и Собат. Интересы нуэров сосредоточены на крупном рогатом скоте, на коровьем стаде, и чтобы получить представление о значении скотоводства и роли коровы и соответствующей «идеологии», нуэры составляют, по оценке Николаевича, «может быть, самый удивительный пример этого рода» [Топоров 1999: 519].

Сведения о нуэрах В.Н. Топоров почерпнул из обстоятельных исследований известного теоретика социальной антропологии Эдварда Эванс-Причарда, предпринявшего в 1930-е годы несколько экспедиций в Южный Судан и прожившего в среде нуэров в общей сложности около года. Особый интерес у Топорова вызывают суждения Эванс-Причарда о страстной, можно сказать, гипертрофированной связи этого народа с пастушеством – причем связи, определяемой, с одной стороны, экономической заинтересованностью в коровьем стаде как источнике средств жизнеобеспечения, а с другой стороны – тем интимным, «чревным» чувством, проще говоря, той *любовью* к коровам, которая свойственна нуэрам. Эта мысль о двояко мотивированной связи людей со скотом представляется Топорову столь важной, что он дважды цитирует Эванс-Причарда (по русскому переводу книги «Нуэры» 1985 года издания < E.E. Evans-Pritchard. The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1953). Приведем эти цитаты ввиду их типологической важности.

«Единственный труд, в котором они [нуэры] находят удовлетворение, это уход за скотом. Они не только получают от скота почти все необходимое для жизни, но им присуще пастушеское мировоззрение. Скот – самое дорогое их имущество, и они с готовностью рискуют жизнью ради защиты скота или ради захвата скота у соседей. Почти вся их общественная деятельность связана со скотом, и тем, кто хочет понять поведение нуэров, можно дать прекрасный совет: *Cherchez la vache*» [Топоров 1999: 519 < Эванс-Причард 1985: 26].

Второе цитирование, более экономное, но и более красноречивое, размещено в примечаниях к статье:

«Увлечение нуэров пастушеским искусством порождено значительно более широкими интересами, чем простая потребность в продуктах питания» [Топоров 1999: 530 < Эванс-Причард 1985: 29].

Замечательно умозаключение В.Н. Топорова на эту тему:

«В данном случае, очевидно, нет смысла рассматривать вопрос, что было раньше – практическая заинтересованность в скотоводстве или любовь к коровам. Важно другое – в жизни нуэров это любовь стала самодостаточной и определяющей многое, что уже не имеет отношения к пользе и выгоде. Разумеется, что забота о скоте, о его защите сплачивает разные территориальные группы, не способные обеспечить безопасность скота, в некое «социальное» единство. Но в данном случае важнее следствия. Скот, коровы и быки, определяет всю жизнь нуэров» [Топоров 1999: 519].

Среди типологически значимых примет В.Н. Топоров выделяет также нуэрские принципы имянаречения с переносом имен коров и быков на людей – что, цитируем, «также свидетельствует о роли скота и дает известные основания говорить о своего рода «коровливании» человека, о соотнесении и даже частичном отождествлении человека и скота» [Топоров 1999: 520]. Обычай присваивания имени коровы или быка человеку находит проявление даже в играх нуэрских детей; этот обычай может соблюдаться и при рождении ребенка, а в тех случаях, когда при рождении ребенка ему было присвоено имя из числа «человеческих», впоследствии оно может быть вытеснено «коровьим» или «бычьим» именем, которое и закрепляется за человеком навечно.

В моем тексте основное внимание было уделено тем моментам из традиций скотоводов-нуэров, которые В.Н. Топоров выделил как типологически наиболее существенные и интересные; причем, следует признать, что нуэрская параллель особо ценна для нас, африканистов, – тем более что для творчества этого выдающегося ученого вообще не очень характерно привлечение африканских материалов. Нужно, однако, отметить, что дополнительного внимания заслуживают еще и другие содержащиеся в книге Э. Эванс-Причарда свидетельства, которые представляются очевидно полезными и типологически значимыми для нашей собственной темы – темы о месте КОРОВА в этнической картине мира у фульбе и в лексической системе их языка. Сюда, в частности, относятся многократные упоминания о том, что пастухи-нуэры слагают и распевают песни о коровах [Эванс-Причард 1985: 41, 42, 43, 48]. Типологически сопоставимой

информацией насыщен, например, следующий период: «Человек знает каждое животное своего стада и стад соседей и родичей: их масть, форму рогов, особые приметы, число сосцов, сколько они дают молока, их родословную, предков и потомков. <...> нуэры знают все отличительные черты матери и бабушки каждой коровы, а некоторые знают приметы их предков за пять предыдущих поколений» [Эванс-Причард 1985: 42].

Наконец, невозможно не упомянуть еще об одном тематическом аспекте, который освещен в труде Эванс-Причарда и который имеет для нас ценность как важная типологическая параллель. В книге «Нуэры» выделен особый, причем насыщенный фактичским материалом подраздел, посвященный той части скотоводческого лексикона, которая касается *описательных наименований* скота [Эванс-Причард 1985: 44–51]. Коров описывают и называют по форме рогов или по их полу и возрасту, но самая обширная часть этой лексики относится к описанию масти, расцветки коров. Описательные термины учитывают прежде всего общий окрас коровы, и если шерсть животного одноцветная, то лишь к этому содержанию термина и сводится. Для двуцветных коров необходимо обозначить тип пятен, их окрас и их расположение на теле – окрас морды и головы, пятна на туловище, окрас лопатки (и передней ноги), окрас брюха, спины, ушей, окрас передней и задней части тела и т. д. Терминологически отмечены также размер и форма пятен – крупные или среднего размера пятна, крапинки, полосы и т. д. Комбинация основного окраса шерсти и пятен (с их цветом и расположением) выражается составными терминами, композитами. «Некоторые цвета и комбинации цветов, – отмечает Эванс-Причард на с. 46, – ассоциируются с животными, птицами, рептилиями и рыбами, и эта ассоциация часто имеет связь с определенными ритуалами и обозначается особыми вторичными терминами».

В сумме терминология мастей и цветовых комбинаций, относящихся к животным из стада нуэров, исчисляется сотнями (если не тысячами) лексических единиц, составляя, как определяет Эванс-Причард, «внушительную и сложную систему, которая лишней раз подтверждает социальную ценность скота». От себя отметим, что эти данные особо наглядно демонстрируют типологическое сходение традиций двух (не контактирующих) пастушеских народов.

Стимулированные находками Владимира Николаевича Топорова сближения очень яркие, но они принадлежат скорее области ти-

пологии культурно-этнографической, нежели области типологии лингво-культурной, и тем самым не входят в прямое соприкосновение с нашей завершающей идеей о том, что КОРОВА повлияла на систему частей речи в пулар-фульфульде.

Сокращения

Act – активный залог;

Md – медиальный залог;

NOcc – несмычная ступень начального согласного;

Occ – смычная ступень начального согласного;

Pfv – перфектив;

pl – множественное число;

_{pl}DI, _{pl}DE, _{pl}BE – именные классы множественного числа;

Pot – потенциалис;

_{Pren}, _{PrenOcc} – преназализованно-смычная ступень начального согласного;

Ps – пассивный залог;

sg – единственное число;

_{sg}O, _{sg}NDE, _{sg}NDI, _{sg}NDU, _{sg}BA (*диал.* MBA), _{sg}NGA, _{sg}NGE, _{sg}NGO, _{sg}NGU, _{sg}NGAL, _{sg}NGOL, _{sg}DAM – именные классы единственного числа.

Литература

Коваль А.И. Эпос и литература фульбе. К исследованию литературных форм младописьменного языка. М., 1990.

Коваль А.И. Из заметок африканиста: Элементы метаязыкового сознания носителей в контексте полевой работы // Полевая лингвистика (Ин-т языкознания РАН, ред. М.Е. Алексеев). М. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007.

Коваль А.И. Согласование в именной группе пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010.

Топоров В.Н. Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник статей к юбилею С.М. Толстой. М.: Издательство «ИНДРИК», 1999.

Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1985.

Aan Aamadu. Ngaaynaaka e ngaaynaandi // Soo A.I. Maanditorde annde e pine pul-pule Hiimaange Afrik. Paris: Nubia, 1992.

- Bâ Amadou Hampâté*. Njeddou Dewal. Mère de la Calamité. Conte initiatique peul. Abidjan – Dakar – Lomé: Les Nouvelles Editions Africaines, 1985.
- Bettison J. & Bettison K.* Dictionnaire Pular – Français. Labé, 2004. (2-me éd. 2006).
- Bidaud L., Prost A.* Manuel de la langue peule. Dialecte du Liptako (Dori – Haute-Volta). Paris: INALCO, 1982.
- Breedveld J.O.* Form and meaning in Fulfulde. Leiden, 1995.
- De Wolf P.P.* On the Semantics of Descriptive Cattle Names in Fulani // *Africanistische Arbeitspapiere* 3. Köln, 1985. Ss. 37–49.
- De Wolf P.P.* English – Fula dictionary (A multidialectal approach). Tt. 1 - 3. Berlin, 1995.
- Eguchi P.K.* An English – Fulfulde dictionary. Tokyo, 1986.
- Ezeomah C.* The Philosophical Base of Nomadic Fulbe Education in Nigeria // *Studies in Fulfulde Language, Literature and Culture*. Editors: I.A. Abba, I. Mukoshy, G. Tahir. Kano, 1991.
- Hama Boubou.* Contribution à la connaissance de l'histoire des Peul. Paris: Présence Africaine, 1968.
- Jungraithmayr H., Günther W., eds.* Sultan Sa'ïdu bi Hayatu tells the Story of his and his Father's Life. München: Wilhelm Fink Verlag, 1978.
- Lacroix P.-F.* Le PEUL // *Le Langage*. Encyclopédie de la Pléiade.
- Leger R.* "I want to be my own Cow" – Fulani Names and Superstitions about their Cows // *From Tana River to Lake Chad – Research in African Oratures and Literatures*. In memoriam Thomas Geider. Edited by: H. Vögele, U. Reuster-Jahn, R. Kastholz, L. Diegner. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2014.
- Lexique Fulfulde – Français* (Konngi fulfulde – maanda majji e faransi). Bamako: Imprimerie DNAFLA, 1979.
- Noye D.* Blasons peuls. Eloges et satires du Nord-Cameroun. Paris: P. Geuthner, 1976.
- Noye D.* Dictionnaire Foulfouldé – Français. Dialecte Peul du Diamaré, Nord-Cameroun. Garoua – Paris, 1989.
- Seydou C.* Dictionnaire pluridialectal des racines verbales du peul (peul – français – anglais). Paris: Editions KARTALA, 1998.
- Soo A.I.* Maanditorde annde e pine pulpule Hiirnaange Afrik. Paris: *nubia*, 1992.
- Sow A.I.* La Femme, la Vache, la Foi. Paris: Julliard, 1966.
- St. Croix F.W. de.* Fulfulde – English Dictionary. Kano: Bayero University, 1998.
- Taylor F.W.* Grammar of the Adamawa Dialect of the Fulani Language. Oxford, 1953.

ТЕОРЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО РОДА

Светлой памяти профессора Валерия Васильевича Иванова

До сих пор вопрос о происхождении индоевропейского рода остается открытым. Более того, бытует мнение о невозможности решения этого вопроса в принципе. Так, например, после публикации в 1985 г. статьи автора «Формирование родовых отношений на базе форм именного склонения в древнерусском языке» во втором номере журнала «Филологические науки» по рекомендации профессора Валерия Васильевича Иванова и, конечно же, вдохновленный этим обстоятельством, автор пришел к академику Борису Александровичу Серебренникову. Узнав, что автор работает над проблемой происхождения рода, он с интонацией полной обреченности несколько раз повторил: «Этого никто не может». Прочитав статью, Борис Александрович направил автора в отдел африканистики ИЯЗ РАН к Виктору Алексеевичу Виноградову – руководителю этого отдела. В этом отделе, где вопрос о согласовательных классах занимает одно из центральных мест, автора приняли дружелюбно и внимательно отнеслись к его докладам о проблемах происхождения и развития индоевропейского грамматического рода. Сотрудничество с учеными-африканистами оказалось достаточно плодотворным и позволило понять, что, несмотря на некоторые важные типологические сходства на уровне современного функционирования, происхождение согласовательных отношений и характер классообразования в индоевропейских и африканских языках представляют собой совершенно разные явления [Копелиович 2008: 88–109]. Именно это различие представляет особый интерес в аспекте типологических исследований.

Происхождение индоевропейской грамматической категории рода являет собой пример необыкновенно логичного взаимодействия формы и значения в языке. И тот лингвист, который охарактеризовал грамматический род как самую нелогичную категорию, исходил из сложившихся за многие века неверных о ней представлений, до сих пор занимающих господствующее положение в лингвистике. Всякая

гипотеза, претендующая на вклад в научную теорию, должна подобно математической теореме опираться хотя бы на некоторые наглядные реалии предмета исследования. Считаем необходимым сказать о тех традиционно сложившихся исходных представлениях, которые, по нашему мнению, делают практически невозможным построение общей теории по крайней мере индоевропейского рода.

Начнем с несостоятельного, но широко распространенного мнения о том, что род в качестве категории принадлежит «самой сущности имени существительного» [Лайонз 1978]. Отсюда следует предположение о первичности образования родовых классов субстантивных имен и по этой причине затем последовавшего возникновения соответствующих этому согласовательных отношений. При этом предполагается, что образование в индоевропейских языках трех родовых классов имеет под собой семантическое обоснование, отражающее особенности мышления древнего человека. В связи с этим особое внимание многих лингвистов сосредоточено на изучении лексико-семантического состава родовых классов, хотя семантическое обоснование имеет место лишь (или по крайней мере преимущественно) в системе наименований человека, т.е. именной категории лица и распространяется как отражение этой категории на часть наименований животных. Само представление о женскости или мужскости, которое А. Мейе рассматривал как некое основание для классификации наименований предметов по родовым классам, не могло предвещать происхождение родовых отношений, поскольку явилось следствием развития именной категории лица уже в условиях образовавшихся согласовательных отношений. Ситуация, в которой Береза, в известной песне олицетворяющая женский персонаж и стремящаяся к Дубу прислониться, – яркое отражение развития в индоевропейском именной категории лица не только в качестве явления языка, но и в качестве феномена культуры и менталитета. Именная категория лица оказала влияние на лингвистов, которые распространяли ее семантические особенности на родовые отношения в целом. На этой основе рождались интересные фантастические гипотезы, однако лишенные доказательной базы. Так, например, «нередко выдвигавшееся в прошлом положение о первичности ... разбиения субстантивов на классы одушевленных и неодушевленных по сей день остается фактически декларативным» [Климов 1977: 10–11]. В этой недоказанной диахронической схеме одушевленные субстантивы будто бы разделились на мужской и женский роды,

оставив неодушевленным быть средним родом. Однако данные, например, древнегреческого, новогреческого, немецкого, шведского языков и языка северных русских былин позволяют опровергнуть предположение о том, что средний род когда бы то ни было исключал наличие в своем составе одушевленных субстантивов. К недоказуемым можно отнести «догадку» о том, что категория одушевленности / неодушевленности в славянских языках представляет собой «реинтерпретацию хорошо забытого старого» [Ельмслев 1972]. на наш взгляд, учитывая то многое, что сделано в изучении происхождения грамматического рода особенно в XX в. (об этом [Негрышев 2003]), следует обратиться к достаточно хорошо зафиксированным в письменности реальным языковым фактам.

Так, например, принципиально важно рассматривать анафорический род, формальное согласование по роду (собственно род в его первичном виде), именную категорию лица, которая в своем развитии изменила характер мотивации согласовательных отношений как комплекс синхронно возникших взаимосвязанных и тем не менее разных по своему образованию, характеру развития, внутренней структуре системных явлений в их взаимодействии. Традиционно анафорический род и именная категория лица рассматриваются как грамматические явления, входящие в понятие «грамматический род» в качестве его особых проявлений. Известно, например, высказывание Е. Куриловича о том, что пока в том или ином языке имеет место анафорический род, можно говорить о наличии в этом языке грамматического рода. Что же касается категории лица, или **«естественного рода»**, в традиционной терминологии, то выделенный термин (со всем тем, что за ним стоит) в этом смысле уже сам по себе более чем красноречив. Между этими тремя названными явлениями действительно имеется столь большое и бросающееся в глаза сходство, что различия между ними представляются не заслуживающими особого внимания. Однако для науки различия не менее важны для анализа языковых фактов как в синхронном, так и в диахронном аспекте, чем сходства. Эта в общем-то банальная сентенция достаточно актуальна применительно к рассматриваемой нами языковой ситуации.

Начнем с того, что самостоятельность любой грамматической категории предполагает наличие минимальной единицы (МЕ) со своими формальными и семантическими особенностями. Так, МЕ грамматического рода может быть представлена формулой $S + A$, где S обозначает имя существительное, знак A обозначает флексию

согласуемого слова (именно флексию, так как лексическая семантика согласуемого слова не имеет к выражению рода никакого отношения). МЕ грамматического рода является аналитической и вычленяется из состава согласовательной модели – словосочетания или сочетания подлежащего с родоизменяемым предикативным словом: *свежая газета, публика* молчала.

Что касается МЕ анафорического рода, то она выходит за пределы словосочетания и предикативного центра, ср.: у кабинета **врача**, к **которому** нам рекомендовали обратиться, оказалась большая очередь. Формула выделенной МЕ имеет следующий вид: $S = S_p$, где S обозначает субстантив, а символ S_p обозначает субстантивное местоименное слово, на месте которого могут быть относительные и лично-указательные местоимения. Знак (=) указывает на соотносительность по роду и числу двух элементов формулы, относящихся к одному парадигматическому классу. При этом S_p символизирует слово, а не только флексию, с помощью которой устанавливается формальная или смысловая соотносительность по роду, именной категории лица и числу между замещающим и замещаемым словом. Изоморфизмом грамматической соотносительности компонентов МЕ по грамматическим категориям, по отношению к категории рода, объясняется самая возможность использования для обозначения этой соотносительности термина «согласование», несмотря на различия между названными явлениями. Согласование же в точном значении этого термина предполагает отношение разнофункциональных в синтагматическом и синтаксическом (функциональном) плане частей речи, непереносимое наличие атрибутивных отношений между существительным и зависимыми от него родоизменяемыми словами. МЕ анафорического рода исключает подобные синтаксические отношения, а ее компоненты никогда не образуют равнопадежную группу, поскольку, как правило, управляются разными словами.

Анафорический род, если понимать это как замещение субстантивов соответствующими местоименными словами, явление по своему происхождению иного порядка, чем грамматический род, и имеет место в языках, в которых полностью отсутствуют эксплицированные родовые отношения (нулевой род). Так, например, в тюркских языках, где об эксплицированном грамматическом роде речь не идет, личные и указательные местоимения выполняют заместительную функцию так же, как и в родовых языках, например, в азерб.: *о колди* 'он пришел, она пришла' [Азерб.-рус. словарь 1997].

С возникновением эксплицированного грамматического рода в языке ему уподобляется и система анафорических возможностей языка, как это произошло в индоевропейском.

Анафорический род взаимодействует не только с грамматическим родом, но и с именной категорией лица, в сфере которой провоцирует в ней, например, возникновение смыслового согласования. В этом плане анафорический род занимает некоторое промежуточное положение между грамматическим родом и именной категорией лица (подробно об анафорическом роде см. [Руденкова 2010]).

Именная категория лица представляет собой более сложную систему, чем грамматический род, поскольку включает в себе два уровня и, соответственно, два типа минимальных единиц. На первом уровне системы корреляций по признаку рода и пола ME равна слову. Имеются в виду корреляции типа *мать – отец, дочь – сын, сестра – брат* и т.п. супплетивные пары, получившие различие по роду в связи с его (рода) происхождением в индоевропейском праязыке. Ср.: в латыни сохранились морфологически не различающиеся формы слов, обозначающих лиц мужского и женского пола: *pater, patris* ‘отец’, *mater, matris* ‘мать’, *frater, fratris* ‘брат’, *soror, sororis* ‘сестра’ [Дворецкий 1986]. То же наблюдается, например, в немецком. Родовая отнесенность этих форм приобретена в период развития семантической именной категории лица на базе складывающихся родовых отношений. К лексическому уровню относятся, естественно, и однокоренные коррелятивные пары типа *умница – умник, скромница – скромник, непоседа – непосед, гулена – гулен* и тому подобные, правда, мало сохранившиеся в русском языке корреляции, характеризующиеся немаркированностью по признаку рода-пола форм женского морфологического рода и производностью маркированных по названному признаку форм мужского рода (категория лица мужского пола). Ср. в немецком *Hans Jurgen war eine Weise...* [Вертиев 2002: 14]. В современном русском языке господствует категория лица женского пола, характеризующаяся немаркированностью форм мужского морфологического рода и производностью маркированных по признаку рода-пола форм женского рода: *начальник – начальница, ученик – ученица, волшебник – волшебница, узник – узница, вожатый – вожатая, ведущий – ведущая* и т.п. (подробно об этом в [Копелиович 1991: 40–49]).

В системе лексики, принадлежащей категории лица, весьма широко используется в качестве словообразовательного средства вари-

тивность имени существительного по роду типа *соусник – соусница, метод – метода, рельс – рельса*. Этого типа вариативность особенно широко используется при образовании женских фамилий: *Петров – Петрова, Пушкин – Пушкина, Калюжный – Калюжная* и т.п.

В период развития в индоевропейском родовых отношений вариативность субстантивного имени типа *пéтрō ‘скала’ – пéтрoς ‘камень’* широко использовалась в качестве средства различения близких понятий. на базе данного словообразовательного средства активно развивалась и именная категория лица на первом уровне своего становления (на материале латыни и древнегреческого это показано в [Лабцова 1999]). Использование вариативности субстантивного имени в качестве словообразовательного средства сыграло большую роль в становлении родовых классов и в морфологическом обособлении существительных от прилагательных, вариативность же последних осталась их категориальной особенностью. В свою очередь, именно эта особенность прилагательных создавала возможность для субстантивов закрепляться в разных родовых классах в пределах трехродовой системы.

Именная категория лица принципиально противопоставлена категории рода прежде всего тем, что является в отличие от нее категорией семантической. И в тех языках, в которых на первом уровне развития категории лица, как это прослеживается в греческом, латыни, русском, возникает морфологическая недостаточность, приводящая к невозможности образования маркированных коррелятов на морфологическом уровне; в качестве фактора, восполняющего эту недостаточность, выступает синтаксис. Таким образом, уже в недрах первого уровня категории лица назревает то противоречие, которое разрешается развитием второго (синтаксического) уровня именной категории лица, именуемой общим родом. Возможность смыслового согласования поддерживается в русском языке наличием в нем скрытого формального согласования типа *этот домина* (дом), *сильный ветрище* (ветер).

На синтаксическом уровне МЕ именной категории лица, с одной стороны, сравнилась с МЕ грамматического рода по протяженности и структуре, и в этом плане может быть представлена формулой S + A так же, как МЕ рода. С другой стороны, резко изменился принцип формирования согласовательной модели: принцип выбора формы согласуемого слова изначально по формальному признаку постепенно сменился в рамках категории лица принципом выбора

по смыслу. Компонент указанной формулы A приобрел вариативность по роду относительно компонента S . в окончательном варианте ME именной категории лица должна быть представлена формулой $S+A_{M/F}$. Произошло событие, разрушительное для грамматического рода.

В системе единиц протяженнее слова сохранились те же отношения, которые сложились между производящими и производными словами на первом уровне. Например: *круглая сирота* (она и он) – *круглый сирота* (он), *большая умница* – *большой умница* (категория лица мужского пола); *наш врач* (он и она) – *наша врач* (она), *молодой бухгалтер* – *молодая бухгалтер* (категория лица женского пола). Становление категории лица женского пола на синтаксическом уровне происходило и происходит буквально на глазах нашего поколения (XX век – начало XXI); начало же становления категории лица мужского пола лингвистика относит к XIII-му веку [Азарх 1984]. Тот факт, что смысловое согласование является более поздним явлением по сравнению с формальным, отметил еще Александр Афанасьевич Потебня краткой формулой «*наш воевода* из *наша воевода*» [Потебня 1968: 70]. Теперь мы уже знаем, что эта формула может быть применима к сфере употребления существительных любой морфологической формы, поскольку нам известно, что *наша врач* из *наш врач*. А.А. Потебня нам подсказал, что смысловое согласование предваряется полной индифферентностью синтаксиса (согласовательных отношений) к семантике пола, что наглядно доказывается материалами русских былин (см. [Копелиович 1988: 84–109]). В начальном периоде развития каждой из названных семантических разновидностей именной категории лица отсутствует противоречие с формальным согласованием по роду. Таким образом, сама структура именной категории лица с ее двумя семантическими разновидностями, подобно разрезам археологических раскопок, хранит в себе сведения об истории своего взаимодействия с категорией рода. А между тем именная категория лица в качестве особой системы еще не стала в индоевропейском масштабе предметом исследования (впрочем, в этом плане интерес представляет работа [Новикова 1999]).

Что касается возникновения родовых (согласовательных) отношений, то для понимания этого явления следует обратиться к особенностям такого явления, как падежный параллелизм. Особенности падежного параллелизма, как и сфера применения самого термина не получили должного описания в лингвистической литературе. Более

того, падежный параллелизм не осознается как самостоятельный способ организации текста. Так, например, в статье «Приложение» отношения между семантически зависимым (определяющим) и определяемым именем представлены как «согласование на началах параллелизма» [Кручинина 1990: 398]. Точнее было бы говорить о совпадении грамматических значений благодаря параллелизму. Имеется в виду падежный параллелизм, хотя данный термин вообще не представлен в терминологическом указателе [ЛЭС 1990] (зафиксирован лишь термин «синтаксический параллелизм»). Смешение согласования и падежного параллелизма связано с общим для них признаком – тождеством грамматических значений слов в синтаксической конструкции. С нашей точки зрения, падежный параллелизм предполагает грамматическое сходство двух или более имен, реализующих одну и ту же валентность управляющего слова (об этом подробно в [Копелиович 2008: 4–17]). (См. также [Маркина 2010]). Иначе говоря, согласование – это подчинительная связь, а параллелизм – результат соподчинения двух и более слов одному и тому же главенствующему слову. Сошлемся на следующее высказывание И.И. Мещанинова: «Определение и определяемое могут стоять в одном и том же падеже и роде, получая управляемую форму от другого члена. Вся такая синтаксическая группа объединяется управляемой формой, и члены ее оказываются взаимосогласованными, ср. «(читать) громким голосом», «отцовский дом, отцовскому дому» и т.д.» [Мещанинов 1967: 97]. Падежный параллелизм может быть отделен от согласовательных отношений имен по роду и числу в ряду однородных членов: *Нас угощали яблоками, вишней, арбузом*. Однако в данной статье будет рассматриваться проявление падежного параллелизма в разных двухкомпонентных синтаксических и словообразовательных управляемых конструкциях типа **ИМЯ + ИМЯ**. В этой конструкции возможны сочетания слов разных именных частей речи. Общим признаком двухкомпонентной именной конструкции является грамматическая синонимия флексий лексических составляющих. Так, например, в сложносоставных словах типа *диван-кровать, возле дивана-кровати, с диваном-кроватью* и т.д., в которых сочетаются имена разных склонений, мы наблюдаем грамматическую синонимию флексий при их фонетической разнооформленности. То же в сочетании числительных: *двести, двухсот, двумястами; двадцать три, двадцати трем, двадцатью тремя* и т.д. Подобная ситуация характерна и для сочетания современных прилага-

тельных с существительным: *большой город, из большого города, о большом городе; из большой деревни, о большой деревне.*

Ситуация несколько меняется в тех случаях, когда в конструкции **имя + имя** сочетаются имена одного класса (склонения). В этом случае наблюдается не только тождество грамматической семантики компонентов названной конструкции, но и омонимия (фонетическая равнооформленность) флексий. Это мы видим в конструкциях типа субстантив + субстантив: *врач-окулист, врача-окулиста, врачу-окулисту* и т.д.; *книжка-малютка, книжки-малютки, книжкой-малюткой, о книжке-малютке.* То же в сочетании однотипных числительных в косвенных падежах: *пятидесяти, пятьюдесятью; двадцати пяти, двадцатью пятью.* Омонимия флексий наблюдается и в сочетании прилагательных с существительными адъективного склонения – *юный вожатый, юного вожатого; сапожная мастерская, сапожной мастерской, сапожную мастерскую* и т.д.

Сопоставление конструкций разного частеречного наполнения показывает, что все именные части речи ведут себя относительно падежного параллелизма совершенно одинаково. Прилагательное отличается от существительных только тем, что изменяется по классу (склонению), приспосабливаясь в этом отношении к классу имени существительного: *юный вожатый, юному вожатому; юная вожатая, юной вожатой.* Во-вторых, все компоненты рассматриваемой нами конструкции, включая числительные (в косвенных падежах) и прилагательные, самостоятельно и одинаково подчиняются управляющему слову и находятся благодаря этому в отношениях соподчинения (параллелизма) в ряду с обычно семантически главенствующим компонентом (существительным).

Особую роль в истории русского и многих индоевропейских языков сыграла конструкция **имя + имя** с изменяющимся по родам прилагательным в качестве зависимого компонента. Следует сказать, что реализация принципа омонимии флексий в современном русском языке резко сузилась именно в сфере функционирования названной конструкции в сравнении с древнерусским, что связано с образованием полных (членных) прилагательных и их абсолютным господством в функции определения в конструкции **имя + имя**. Иную картину мы наблюдаем в древности, когда прилагательные в своем абсолютном большинстве относились ко второму и первому именному склонению. В рамках этих двух склонений прилагательные и существительные не различались в плане морфологии. Подобная картина

представлена в латыни и древнегреческом языке, что со всей очевидностью свидетельствует об общеиндоевропейском характере этого явления.

Обратимся к зафиксированным в древней письменности примерам: *въ чръвъгъ китовъ, отъ кваса фарисѣиска* и *отъ кваса Їродова, въ мѣхы вѣтхы* [Дементьев 1975]. В подобном сборнике того же автора, посвященном исторической грамматике русского языка, представлены аналогичные конструкции: *държа роуськоу землю, въ путины железны, Новъ городъ, Нова города, Нову городу, Новъ городъ, на стуль золотъ*. Еще в творчестве Г.Р. Державина использование кратких прилагательных в функции определения было поэтической нормой: *Ручейком ли где журчащим / Зной омоешь летня дня*. Нам в наследство от того времени достались вполне понятные и привычные нам словосочетания типа *на босу ногу, среди бела дня* и т.п.

Именно падежный параллелизм обеспечивал в словосочетании *прилагательное + существительное* омонимию флексий по всей парадигме склонения. В свою очередь омонимия флексий в названной конструкции в системе первого и второго склонения, в древний период получившая статус нормы, определила деление субстантивных склонений на продуктивные и непродуктивные. В условиях, когда прилагательные имели в рассматриваемый период только два склонения [Кузнецов 1953: 41], а существительные значительно больше, последние из непродуктивных склонений начали переходить в первое и второе склонение, починаясь принципу омонимии флексий как установившейся нормы. Существительные, из-за нестойкости склонений и способности к варьированию, по сути согласовались с прилагательными. То же самое происходило в древнегреческом и латыни, с той лишь разницей, что более ранняя письменность этих языков зафиксировала большее количество прилагательных непродуктивных склонений и их переход в продуктивные склонения. Сопоставление древнерусского с названными выше языками позволяет сделать следующие выводы. Перестройка субстантивных склонений по родам и переход непродуктивных склонений во второе и первое склонение под давлением принципа омонимии флексий в качестве складывающейся нормы представляют собой единый процесс. Объединяя эти два кажущихся разными процесса, мы практически отвечаем на до сих пор не нашедший объяснения вопрос о причине и направлении самого процесса. Родовые (согласовательные) отно-

шения сформировались в сфере первого и второго склонения как отражение внутренней структуры в системе древнего индоевропейского имени. Именно падежный параллелизм в условиях принадлежности атрибутивных и субстантивных имен к одним и тем же склонениям оказался организатором родовых (согласовательных) отношений, которые возникли в названных выше индоевропейских языках.

Всё это в значительной мере объясняет, как сложилась современная система субстантивного имени, в которой подавляющее большинство субстантивных имен принадлежит ко второму и первому склонению.

Следует сказать, что когда речь идет о родовой ситуации в том или ином языке, то, естественно, должны быть представлены в описании все три категории в качестве единой системы, но если не учитывать особенностей каждой из этих трех отдельно взятых категорий, что имеет место в большинстве научных работ, посвященных индоевропейскому роду, а тем более без учета взаимодействия между ними, то окажется весьма проблематичным построение общей теории индоевропейского грамматического рода как в синхронном, так и диахронном аспекте.

Литература

- Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984.
- Азербайджано-русский словарь* в 4-х тт. под ред. М. Т. Тагиева. Баку: ЭРГЮН, 1997. Т.3.
- Вертиев С.В.* Общий род как общеиндоевропейская грамматическая категория. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 2002.
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд-е 3. М.: Русский язык, 1986.
- Дементьев А.А.* Сборник задач и упражнений по старославянскому языку. Москва: Просвещение, 1975.
- Ельмслев Л.* О категории личности / безличности, одушевленности / неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. Сс. 114–153.
- Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977.
- Копелиович А.Б.* Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М. – Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГУ. 2008.
- Копелиович А.Б.* Очерки по истории грамматического рода. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988.
- Копелиович А.Б.* Категория лица и грамматический род // НДВШ. Филологические науки, 1991, № 3. Сс. 40–49.

- Кручинина И.Н.* Приложение // ЛЭС. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: АН СССР, 1953.
- Лабцова Е.Е.* Родовая вариативность имени существительного (на материале латинского языка с привлечением фактов древнегреческого языка). Дисс. канд. филол. наук. М., 1999.
- Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
- Лингвистический Энциклопедический Словарь.* Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Маркина С.В.* Параллелизм как вид синтаксической связи. Дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010.
- Мещанинов И.И.* Типология структуры предложения // Вопросы общего языкознания. Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Л., 1967.
- Негрышев А.А.* История изучения индоевропейского рода: концепции, парадигмы, направления. Монография. 2-е изд. стер. Владимир: ВФ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003.
- Новикова М.Р.* Именная категория лица (на материале индоевропейских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Потебня А.А.* из записок по русской грамматике. Т. 3-й. М.: Просвещение, 1968.
- Руденкова И.В.* Анафорический род в его отношении к грамматическому роду и именной категории лица (на материале индоевропейских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДИСТАНТНЫХ ДИАЛЕКТАХ ПУЛАР-ФУЛЬФУЛЬДЕ¹

0. Экспансия арабского языка и культуры в страны Западной Африки началась еще с VIII века, и в течение столетий этот язык прочно занял свое место в числе источников многочисленных заимствований западноафриканских языков. Некоторые исследователи [Hunwick 2004: 133] называют арабский язык «латинским языком Африки, поскольку за прошедшее тысячелетие он играл ту же роль в Африке, что латинский язык в Европе в средние века». Помимо собственно лексических заимствований, арабская экспансия принесла народам Западной Африки ислам и элементы культуры, в том числе систему письма, которая использовалась повсеместно некоторыми народами (например, хауса) до начала XX века.

Народ фульбе (ок. 20 млн. человек) называют «проводником ислама в Африке», поскольку этот народ скотоводов-кочевников не ограничился принятием ислама и адаптацией арабской культуры, а распространил их на весьма обширной территории среди других народов Западной Африки. Закономерно, что язык пулар-фульфульде (фула) и сам принял значительное количество заимствований в разных областях.

Однако ареал пулар-фульфульде (от Сенегала до Сомали, южнее Сахары, но севернее тропического пояса) весьма обширен, и носители разных диалектов имеют языковые контакты с разными языками. Арабский язык является контактным для всех диалектов пулар-фульфульде, но носители некоторых восточных диалектов сталкиваются с ним в повседневной жизни в тех областях, где он является лингва франка, в то время как для многих западных диалектов он остается языком культуры и религии. Из-за этого арабские заимствования могут проникать в западные диалекты в меньшей степени, чем в восточные, и соответственно, охватывать меньшее количество семантических полей.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 14-04-00488.

Тема заимствований из арабского языка в языки Западной Африки в самом общем виде поднимается в работе Дж. Гринберга [Greenberg 1962]. Заимствования же в пулар-фульфульде анализируются в следующих работах:

- в работе [Abu-Manga 1986] приводится анализ фонетических и грамматических процессов при адаптации арабских заимствований (восточные диалекты), социолингвистические стимулы современных заимствований, причины, влияющие на выбор между исконной и заимствованной альтернативами;

- в работе [Leger 1998] приводится анализ системы именных классов с полидиалектной точки зрения, а также рассматривается возможность адаптации арабских заимствований в системы именных классов;

- в работе [Коваль 2010] описываются стратегии грамматической адаптации заимствований в пулар-фульфульде, а в основанной на ней работе [Косогорова 2014] проводится исследование частотности стратегий и предлагаются способы технической обработки заимствований;

- в работе [Коваль 2014] приводится анализ языковых контактов и результирующих заимствований в трех диалектных зонах пулар-фульфульде.

В работе приводится лексико-семантическая классификация арабских заимствований в два дистантных диалекта пулар-фульфульде: гвинейский пулар (юго-западная диалектная зона, Гвинея) и фульфульде джамааре (юго-восточная диалектная зона, Камерун). Эти диалекты не имеют прямых контактов, при этом восточный диалект, в отличие от западного, имеет более близкие контакты с носителями арабского языка. Лексические данные по западному диалекту были взяты из словарей [Zoubko 1996] и [Baldi 2008], а также из корпуса пулар². Данные по восточному диалекту были взяты из словарей [Noye 1989] и [Baldi 2008].

Исследование охватывает 959 заимствованных лексем, что составило около двенадцати процентов проанализированной лексики. Значительную часть заимствований составляют существительные, намного менее обширно представлены глаголы, прочие части речи составляют незначительный объем лексики, но о них будет сказано особо. Распределение по двум диалектам произошло примерно поровну – 467 в западной зоне против 492 в восточной. При этом совпадающей лексики, даже с учетом разницы в кодировании некоторых лексем, из-за диалектных различий, оказалось чуть более десяти процентов, но совпадения распределились неравномерно. Ниже будет приведено распределение семантических полей заимствований с указанием количественных значений для каждого поля.

² Корпус пулар: <http://corpuspulaar.somee.com/>

1. Наиболее объяснимой и определенной семантической категорией заимствований является религиозная лексика. Эта группа насчитывает 147 лексем и делится на четыре подгруппы. Первой из них назовем речевые формулы ислама, включающие в себя всего восемь лексем, все из которых встречаются в восточной диалектной зоне, и всего два – в обеих. Ниже приведена выборка лексем этой категории, в которой общедиалектная пометена полужирным:

baraka ‘благословение’;
salaatu ‘молитва-призыв’;
subhaana ‘воскликание-оберег’;
tasmiiya ‘формула перед действием’;
zikiri ‘формула веры’.

Второй, наиболее крупной, подгруппой стала прочая лексика, связанная с исламом: из 72 лексем в данной категории около 15 процентов лексем совпали в обоих диалектах, при этом из источников по западной диалектной зоне было получено двадцать уникальных лексем, а остальные уникальные лексемы – около половины – из восточной. Ниже приведены примеры лексики из этой подгруппы, разбитые по диалектам, где {FJ} соответствует западному диалекту фута-джаллон, а {JAM} – восточному диалекту джамааре.

{FJ}

ajak ‘потусторонний мир’;
alluwal ‘торжественное чтение Корана’;
baytallaahu ‘обитель бога’;
siraate ‘мост, якобы ведущий в потусторонний мир’;
nahoore ‘муки в аду’;
aaaya ‘стих Корана’;
fkhu ‘учение Ислама, заповедь’;

{JAM}

alkibila ‘направление Мекки’;
annaboojo ‘пророк’;
dala'ilu ‘маленький сборник коранических молитв’;
itikaafu ‘период отшельничества’;
sunna ‘исламская традиция’;
aaaya ‘стих Корана’;
fkhu ‘учение Ислама, заповедь’.

Отметим, что внутрикорневая унификация лексем, то есть приведение их к одному виду вне зависимости от значения показателя именного класса, не проводилась, поскольку именные классы в языке пулар-фульфульде несут значительную семантическую нагрузку и зачастую сложно провести границу между деривацией и двумя независимыми заимствованиями. Хотя такая тактика кажется нам в целом верной с точки зрения статистики и семантики, она, впрочем, ведет к некоторой погрешности в области дерива-

тов: например, лексемы {FJ} *jaami'iire* 'соборная мечеть' и {JAM} *jaami'u* 'большая мечеть' являются однокоренными, но считаются разными, хотя 'большая мечеть' может быть источником деривации для 'соборной мечети'.

В третью подгруппу выделены 33 лексемы, относящиеся к религиозной сфере, но не обязательно к исламу. Лексика подгруппы продемонстрировала 18% совпадений между диалектами, а уникальные лексемы разделены примерно поровну, что делает эту подгруппу наиболее равномерно распределенной среди всех рассмотренных. Примеры лексем этой подгруппы приведены ниже.

{FJ}

aduna 'мир';
jinnaaru 'джинн, дух';
ruhu 'душа';
sanaamu 'идол';
xalwa 'уединение с целью молитвы';
hubbeere 'могила, мавзолей, глинобитный дом';
kabaa'irawol 'смертный грех';

{JAM}

do'a 'молитва';
haawiya 'ад';
ngaybu 'таинство';
rubaaninkeejo 'аскет, монах';
hubbaare 'могила, мавзолей, глинобитный дом';
kabaa'irawol 'смертный грех'.

Наконец, четвертая, самая маленькая, подгруппа, насчитывает всего шесть лексем, которые можно объединить общей направленностью «лексика прочих религий». Все лексемы этой группы находятся в источниках по восточному диалекту, однако две из них относятся и к западному диалекту. Приведем эту подгруппу ниже:

linnjiila 'книга Евангелий';
maryama 'Мария';
mugaddasi 'Священный город (Иерусалим)';
zaabuura 'псалмы Давида';
malaa'ikaajo, ***malaa'yuka*** 'ангел';
tawreeta 'Пятикнижие, Ветхий завет'.

В целом, группа религиозной лексики представлена в обоих рассматриваемых диалектах; вероятно, небольшое количество лексем диалекта фута-джаллон в некоторых подгруппах можно объяснить недостатками источников.

2. Вторую четко определяющуюся группу заимствованных лексем можно охарактеризовать как «группа терминов письменности». Эта группа делится на три подгруппы и насчитывает 92 лексемы. Первая подгруппа включает в себя 36 названий букв и символов письма. Западный диалект

представлен в этой группе лишь одной уникальной лексемой, а также четырьмя повторами. Остальной массив лексики, как кажется, уникален для восточного диалекта, однако гипотеза, что диалект фута-джаллон использует какие-либо другие обозначения для букв арабского алфавита, кажется нам маловероятной, поэтому разумным объяснением этого феномена является дефект источника. Ниже представлены примеры лексем этой подгруппы.

{FJ}

bataake ‘письмо’;
abajada ‘арабский алфавит’;
sarkiiyu ‘курсивное арабское
письмо’;

{JAM}

aynarra ‘изолированная форма
буквы ‘айн’;
keefu ‘буква каф’;
yamlaare ‘огласовка для звука [e]’;
siddugo ‘ставить шадду’;
abajada ‘арабский алфавит’;
sarkiiyu ‘курсивное арабское
письмо’.

Следующая подгруппа лексем насчитывает 25 единиц, ее можно охарактеризовать как «подгруппа грамматики». В нее входят разнообразные грамматические термины, примеры которых приведены ниже. Но как и в предыдущей подгруппе, основной массив лексики представлен восточным диалектом; источники по диалекту фута-джаллон предоставили одну уникальную лексему и три повтора, что подтверждает гипотезу о дефекте источника в области описываемого семантического поля.

{FJ}

lafza ‘речь, язык, выражение, сек-
рет’;
jadwal ‘парадигма’;
lamiiri ‘местоимение’;
luxa ‘язык, речь’;
nahwu ‘грамматика’;

{JAM}

amri ‘императив’;
jam'u ‘множественное число’;
jarra ‘маркер генитива’;
lamar ‘прономинализация’;
liiraabu ‘грамматический анализ’;
masdar ‘инфинитив’;
mubtada ‘подлежащее в именной или
глагольной группе’;
mulaari'i ‘настояще-будущее время’;
mutahaddi ‘переходный глагол’;
nasbugo ‘ставить имя в аккумулятив’;
jadwal ‘парадигма’;
lamiiri ‘местоимение’;
lunga ‘язык, диалект’;
nahwu ‘грамматика’.

Последняя подгруппа включает в себя 31 лексему, связанную со структурой, организацией и типологией текстов. И, в отличие от предыдущих подгрупп этого раздела, больше половины неповторяющихся лексем данной подгруппы происходят из источников по западному диалекту. Забегая вперед, отметим, что такое распределение встречается лишь в нескольких других группах и может считаться показательным.

{FJ}

baabun 'глава в книге';
diiwal 'сборник стихов';
jumla 'сущность, резюме, фраза';
qasiida 'поэма';
quaafiya 'второе полустиише, рифма';
sifirwol 'книга, манускрипт';
tarjama 'раздел книги, важное положение';
ma'na 'значение';
saj'uuwol 'рифмованная проза';

{JAM}

ajamiya 'манускрипт в арабской графике';
baytuwol 'стих (в поэме)';
diiwaanu 'указатель';
kafiyaawol 'рифма';
mas'alaawol 'параграф';
nasru 'проза';
shiru 'поэтическая вставка в прозе';
ma'na 'значение';
saj'uuwol 'рифмованная проза'.

3. В третью, довольно объемную (41), группу входят лексемы, обозначающие исчисление времени. Все их можно разделить на три семантические подгруппы, каждая из которых имеет ряд особенностей.

Первая подгруппа содержит названия дней недели. Это довольно ограниченный подкласс, не имеющий аналогов в языке-реципиенте, и единственным диалектным различием в эти названиях можно считать формальное наличие или отсутствие артикля у заимствованной словоформы и некоторые фонетические особенности, которые, впрочем, были унифицированы при первичной подготовке массива к анализу. Некоторые примеры можно увидеть ниже.

{FJ}

tenen 'понедельник';
alarba 'среда';
asewe 'суббота';

{JAM}

altine 'понедельник';
alarba 'среда';
asewe 'суббота'.

Вторая подгруппа содержит названия месяцев и традиционные созвездия, связанные с ними. Источник, приводящий эти, довольно многочисленные, сведения, представляет диалект джамааре, а по западному диалекту существует только один образец лексемы из этого семантического поля:

{FJ}

badru 'полная луна';

{JAM}

haaram 'первый месяц мусульманского года';

ikliil 'месяц 18–30 октября';

iwaa 'созвездие Пса; месяц с 27 августа по 8 сентября';

kalba 'месяц 31 октября – 12 ноября';

mustari 'планета Юпитер';

nu'aa'itni 'месяц 26 ноября – 8 декабря';

sa'du 'имя звезд, определяющих месяцы';

sawla 'созвездие Скорпиона; месяц 14–25 ноября';

simaaki 'месяц 9–21 сентября';

surifa 'созвездие Льва; месяц 14–16 августа';

udaridu 'планета Меркурий';

zamnaa 'месяц 5–17 октября';

zuhal 'планета Сатурн'.

И наконец, третья подгруппа заимствований содержит лексемы, связанные с исчислением времени. Она довольно многочисленна: в нее входит половина всех заимствований, связанных со временем, и достаточно равномерно распределена по диалектам: 20% совпадающей лексики в двух диалектах и соотношение 1 к 2 уникальных лексем.

{FJ}

alansara 'послеполуденное время, молитва';

sawfa 'будущее';

walluha 'время около 8 часов утра';

mangariba 'закат';

saa'i 'момент времени';

subaha 'заря';

waqtu 'время молитвы, время, час';

zuura 'час послеполуденной молитвы (13 часов)';

{JAM}

asiri 'послеобеденное время (15–18)';

eesaa'i 'вечер (с 7.30 до 9)';

safiyaari 'сумерки';

zawal 'начало полудни';

mangariba 'закат';

saa'i 'момент времени';

subaha 'заря';

wakkati 'момент времени';

zuura 'час послеполуденной молитвы (13 часов)';

Нет сомнений в том, что для исчисления времени оба диалекта используют лексику, заимствованную из арабского языка. Тем не менее, из-за недостатка данных в анализе отсутствуют полностью совпадающие катего-

рии, хотя по индукции можно предположить, что при полном массиве данных они появятся.

4. Следующая серия групп не объединена ни по какому формальному семантическому признаку, она насчитывает 13 отдельных, небольших по объему, но однородных с точки зрения семантического состава групп. Первые три группы включают в себя названия людей, а именно профессии (30 лексем, 5 совпадений), термины родства (16 лексем, 6 совпадений) и качественные названия людей (30 лексем, 2 совпадения). Все эти лексеммы за редким исключением классифицированы как имена существительные личного О-подкласса. Остановимся на каждой из этих трех групп подробнее.

Термины родства – небольшой и достаточно закрытый класс, примечательным свойством которого является количество уникальных лексем западной зоны, превосходящее количество лексем восточной. Примеры этой группы приведены ниже.

{FJ}

jaariyaajo ‘жена сервильного происхождения’;

šaqiiqi ‘брат’;

waladuuru ‘незаконнорожденный ребенок’;

zawjuujo ‘муж’;

zurriya ‘дети, потомство’;

***ajabaajo* ‘свободная женщина (разведенная или вдова)’;**

{JAM}

abba ‘отец’;

atiimeejo ‘сирота’;

sakiikeejo ‘единоутробный брат/сестра’;

***ajabaajo* ‘свободная женщина (разведенная или вдова)’.**

Профессии – это более обширный класс, в который входят два типа лексем: непрямые заимствования и производные от заимствований. Так, {FJ} *saykuujo* ‘шейх’ является прямым заимствованием, в котором все изменения исходной лексеммы (<الشَيْخ> ‘шейх’) обусловлены требованиями классификации и последующей фонетической адаптации: разреживания и ассимиляции. Напротив, лексема *ceedoowo* ‘свидетель’ (<أشْهَد> ‘свидетельствую’) – это причастие, образованное от заимствованного глагола. Ниже можно увидеть примеры, относящиеся к этому семантическому полю.

{FJ}

alahaji ‘паломник’;

alkaliijo ‘судья’;

alkatiijo ‘шпион’;

almamiijo ‘имам’;

manjanlaaji ‘нищий’;

{JAM}

attaajiriijo ‘богатый купец’;

ceedoowo ‘свидетель’;

haajiriijo ‘ученик коранической школы, живущий на милостыню’;

maajuusaajo ‘крестьянин’;

masmuunu ‘покупатель’;
salliijo ‘муэдзин’;
saykuujo ‘шейх’;
askarjo ‘солдат’;
mallam, mallamjo ‘марабут, образованный человек’;

mujaddidiijo ‘реформатор’;
turjuman ‘переводчик’;
waziiriijo ‘приближенный вождя’;
askarjo ‘солдат’;
mallam, mallamjo ‘марабут, образованный человек’.

И, наконец, группа, объединяющая описательные названия людей, также содержит как производные, так и непроизводные заимствования. Несмотря на весьма незначительный процент совпадений в двух диалектах, лексемы этой группы в равной мере встречаются в обоих, что указывает на повсеместный характер заимствования таких лексем.

{FJ}

annasaraajo ‘христианин’;
janabanteejo ‘грешник’;
munaafiqi ‘ханжа’;
sirifuujo ‘мусульманин’;
sowastiijo ‘дикарь’;
wahadaniyanke ‘монотеист’;

{JAM}

faasikiijo ‘обманщик’;
jaahiliijo ‘неграмотный’;
karimiijo ‘щедрый’;
maajuujuujo ‘карлик’;
naafkiijo ‘двуличный’;
saalihiijo ‘добродетельный человек’;
zaahiliijo ‘неграмотный’.

Следующей группой заимствований, обязательной при культурном контакте, является группа артефактов. Области заимствования артефактов указывают на зоны контакта и часто являются объектом лингвокультурологических исследований. К тому же пулар-фульфульде с его семантической системой распределения заимствований по именным классам полностью демонстрирует в «артефактной» группе разнообразие классов, в то время как заимствования, вошедшие, например, в группу «профессии», относятся только к «классу людей». Группа лексем представлена 41 лексемой, часть которых (с указанием при них именных классов, к которым они относятся) находится ниже. Эта группа – еще один пример равнозначного заимствования в оба диалекта: при 14 процентах совпадений уникальная лексика делится ровно пополам.

{FJ}

jogoram O ‘орудие, инструмент’;
kural NGAL ‘игла дикобраза, стрела, дротик’;
lambere NDE ‘ком амбры’;
layaaru NDU ‘фетиш, талисман’;

{JAM}

algaytaaru NDU ‘кларнет’;
barraarru NDU ‘чайник’;
dahuwal NGAL ‘бурдюк’;
heebeere NDE ‘стремя’;
kufaawu NGU ‘чересседельная сумка

meselal NGAL ‘игла’;
sooro NGO ‘этаж’;
***bahar* NGO ‘море, океан’;**

для осла’;
saabulu NDE ‘мыло’;
sunndukru NDU ‘сундук’;
yaakuutu NGU ‘гиацинт (камень)’;
***bahar* NGO ‘море, океан’.**

Из группы артефактов выделяются несколько довольно объемных групп, связанных с тематическими предметами. Вероятно, при увеличении массива анализируемой лексики таких групп было бы намного больше вплоть до исчезновения группы «артефакты». Группы, которые, тем не менее, удалось выделить на сравнительно небольшом объеме информации – это группы «одежда», «растения», «еда» и «оружие». Первые две группы насчитывают по полтора десятка лексем, в то время как вторые две – только по 5–7. Необходимо отметить, что все лексемы, относящиеся к этим группам, происходят из восточного диалекта, в то время как западный диалект фута-джаллон представлен всего лишь в нескольких повторах. Это позволяет предположить, что системное заимствование из арабского языка названий объектов повседневной жизни, происходящее в контактном восточном диалекте не дублируется в западном диалекте, где в качестве источников заимствования повседневной лексики используются другие контактные языки. Ниже представлены примеры из четырех групп.

«Растения»

albasarre ‘чеснок (*Aliumsativum* Linn.)’;
alkamaari ‘пшеница (*Triticum durum* Desf.)’;
ardep ‘тамаринд’;
dabba ‘родосская фиалка (*Securidaca longipedunculata* Fres.)’;
inaboohi ‘виноградник’;
tabaahi ‘табак (*Nicotiana rustica* Linn.)’;
***basalleere* NDE ‘луковица’;**
***misik* ‘растение *Jacinthe Musquée*’;**

«Одежда»

albutta ‘головной платок’;
alkibaare ‘пальто с капюшоном’;
hamilaawol ‘португезя’;
haril ‘шелковая ткань’;
jallaabiyaare ‘длинная рубашка с длинным рукавом’;
laffaaya ‘большая пань из муслина’;
sirla ‘брюки’;
***jiifa* ‘карман’;**

«Оружие»

arsasre ‘пых’;
baruudu ‘порох’;
bunndugaaru ‘карабин’;
zarafre ‘пых’;

«Еда»

alme ‘вода’;
gaawa ‘кофе’;
leemurre ‘лимон’;
saayi ‘чай’;
zirge ‘домашний самогон’.

Следующая группа лексики, которая также тесно связана с культурным влиянием, – это научные термины и понятия. Среди этой лексики можно выделить несколько подгрупп соответственно научным отраслям, но, принимая во внимание небольшой объем исходной группы лексики (23 единицы), дальнейшее деление кажется нам нецелесообразным. С точки зрения диалектного соотношения, научная лексика представляет одну из немногих групп, в которых количество заимствований, найденных в западных диалектах, превышает, хотя и ненамного, число заимствований, найденных в восточных диалектах.

{FJ}

adadu ‘сумма, вычисление, число’;
aljibra ‘алгебра’;
anwaaru ‘познание’;
bul’uuma ‘пищевод’;
dira ‘локоть (мера длины)’;
ka’abayniire ‘лодыжка’;
šari’aare ‘мера ~ 1 л или 1 кг’;
***ilmu* ‘наука, книжные знания’;**

{JAM}

falaku ‘небесные сферы’;
hawa ‘атмосфера’;
hisaabu ‘арифметика’;
lisaafu ‘сумма, счет’;
Maaliya ‘Красное море’;
Misra ‘Египет’;
wadajuwol ‘яремная вена’;
***ilmu* ‘наука, книжные знания’.**

Отдельно отметим небольшую по объему группу лексики, в которую входят значения, связанные со смертью, а также табуированная лексика. Табуированная лексика в пулар-фульфульде часто использует заимствования, но необязательно арабского происхождения. Тем не менее, в обоих диалектах нашлось 8 равномерно распределенных лексем, связанных со смертью. Что касается именно табуированной лексики, то из-за определенного недостатка источника, в западных диалектах системный сбор табуированной лексики был затруднен, поэтому те 8 лексем, которые относятся к этой подгруппе, имеют восточное происхождение.

{FJ}

habriire ‘могила’;
lajal ‘срок, конец, смерть’;
qaburu ‘могила’;
tabuutuwal ‘гроб’;

{JAM}

azal ‘смерть’;
duburu ‘анус’;
hunsayayni ‘тестикулы’;
jazaa’iza ‘похороны’;
lam’aare ‘часть тела, которую забыли омыть’.

И, наконец, в заключительную группу лексики вошли наименования денег, финансовых операций и наследства. Примечательно, что 25 лексем,

вошедших в эту группу, распределены по диалектам с преимуществом в сторону западного диалекта. Ниже приведены некоторые примеры лексики.

{FJ}

asabaaku ‘наследники’;
bayti ‘община, общинное имущество’;
farilla ‘кораническая десятина’;
kaalisi ‘деньги’;
kubbal ‘налог’;
muddo ‘содержимое двух пригоршней (о милостыне)’;
suduusu ‘четверть’;
suluusu ‘треть’;
sumuunu ‘восьмая часть’;
usuru ‘налог’;
wasiya ‘устное завещание умирающего относительно имущества’;
wasiyoo ‘завещать имущество’;
xaraaju ‘поземельный налог’;
***sulusu* ‘треть наследства’;**

{JAM}

alkawal ‘контракт’;
baytal ‘сокровищница местной администрации’;
dammaana ‘гарантия, даваемая кем-то’;
halal ‘частная собственность’;
jarfu ‘власть, которую дает богатство’;
ran ‘залог’;
usru ‘десятая часть наследства’;
wagas ‘дополнение, не включаемое в налогообложение’;
zaar ‘капитал, вложенный в торговлю’;
***sulusu* ‘треть наследства’.**

5. В качестве заключительной крупной группы лексики необходимо назвать группу абстрактных явлений. В эту группу входит 172 лексемы, которые далее можно подразделить на несколько довольно условных подгрупп. Наименьшее сомнение вызывает подгруппа лексики «традиций», которая содержит 21 единицу, равномерно представленную в обоих диалектах:

{FJ}

baa'iniwal ‘временный развод с женой’;
batta ‘окончательный развод’;
fasaadu ‘гражданский брак’;
qadamaaku ‘принцип, закон, мораль’;
sunna ‘обычай, обряд инициация’;
***aadi* ‘традиция, принцип’;**
***sadaaqu* ‘приданое’;**
***waliima* ‘праздник, животное, за-**

{JAM}

dabi'a ‘традиция’;
darseere ‘урок’;
diya ‘месть’;
edda ‘период отшельничества для разведенной женщины’;
hayla ‘правила (для женщин)’;
janaaba ‘ритуальная нечистота’;
tarbi'a ‘образование’;
***al'aada* ‘традиция’;**
***sadaaki* ‘приданое’;**

резанное на праздник’;

**waliima ‘праздник, животное, за-
резанное на праздник’;**

Из оставшейся абстрактной лексики уместно выделить подгруппу «абстрактное, присущее человеку». В эту подгруппу, состоящую из 11 лексем, также вошли данные из обоих диалектов, хотя уникальные данные из западного диалекта отсутствуют.

{FJ}

asngol, asli ‘происхождение’;
hakkilo, hakkil ‘внимание’;
majlisa ‘собрание людей’;
sifa ‘внешность, качество’;
zaahiri ‘внешний вид’;
**zaati ‘внешность, высокое проис-
хождение’;**

{JAM}

haali ‘темперамент’;
himma ‘энергия’;
nasaada ‘занятие’;
sasbuwol ‘шеренга’;
sukla ‘профессия’;
asngol, asli ‘происхождение’;
hakkilo, hakkil ‘внимание’;
majlisa ‘собрание людей’;
sifa ‘внешность, качество’;
zaahiri ‘внешний вид’;
**zaati ‘внешность, высокое проис-
хождение’.**

Оставшиеся лексемы уместно разделить на три подгруппы: «положительное», «отрицательное» и «нейтральное». Подгруппа абстрактно-нейтральных лексем насчитывает 72 единицы, что делает ее наиболее многочисленной из трех. С точки зрения диалектного состава эта подгруппа не отличается от большинства прочих: при небольшом количестве совпадающей лексики, уникальная лексика распределилась по диалектам равномерно, лишь с небольшим (47% к 53%) отклонением в сторону восточного диалекта. Ниже представлены некоторые примеры из этой подгруппы.

{FJ}

buhtaanu ‘шутка’;
burhaanu ‘доказательство’;
doole ‘сила, мощь’;
hasaaba ‘количество’;
raxabiyya ‘желание иметь что-либо’;
xaybu ‘тайна’;
zawra ‘начало’;
haaje ‘необходимость’;
anniya ‘намерение’;

{JAM}

alaama ‘знак’;
haddu ‘конец’;
hasili ‘реальность’;
istidaa’i ‘начало’;
nuuru ‘свет’;
sirrigo ‘поверять секрет’;
dalila ‘причина’;
haaje ‘необходимость’;
anniya ‘намерение’.

Подгруппа абстрактно-положительной лексики насчитывает 37 лексических единиц, среди которых, при небольшом количестве совпадающей лексики, значительная часть имеет западное происхождение. Примечательно, что все уникальные лексемы восточной зоны имеют материальное значение:

{FJ}

aafiya ‘выздоровление, здоровье, успех’;
alhaali ‘вещь, добро’;
arsike ‘удача’;
barke ‘благодать’;
basira ‘благоразумие’;
damaaw ‘надежда’;
fatuhu ‘качества, присушие благородному человеку’;
hamdu ‘хвала, благодарность’;
malal ‘счастье, спасение’;
***riba* ‘прибыль’;**
***alfaalu* ‘предсказание, надежда’;**
***karaama* ‘слава, чудо’;**

{JAM}

annasuwa ‘благосостояние’;
ayiibe ‘недостаток’;
dawla ‘богатство’;
hadiya ‘подарок’;
hayru ‘цветение’;
maslaha ‘польза’;
neema ‘благоденствие’;
uulago ‘оценивать части наследства’;
***riba* ‘прибыль’;**
***alfaalu* ‘предсказание, надежда’;**
***karaama* ‘слава, чудо’.**

И, наконец, абстрактные лексемы с отрицательной коннотацией составляют подгруппу, насчитывающую 31 единицу. Эта подгруппа – еще один случай лексики преимущественно западного диалекта. Таким образом, вся группа абстрактной лексики в целом распределена по диалектам с преимущественно в сторону западного диалекта.

{FJ}

dawuna ‘холера’;
ella ‘недостаток’;
fitina ‘дерзость’;
gantara ‘деталь, недостаток’;
hakkee ‘вина’;
hasidaagu ‘зависть’;
li'aanu ‘проклятье’;
munaafiqaaku ‘ханжество, лицемерие’;
suhtu ‘нечто, заслуживающее порицания’;
tahta ‘потерпеть неудачу’;

{JAM}

azaaba ‘страдание’;
haasadaaku ‘злоба’;
laru ‘помеха’;
masiibo ‘несчастье’;
nahiisa ‘невезение’;
wasuwaasu ‘плохие мысли’;
***albalaawol* ‘бедствие, эпидемия, чума’.**

tampude ‘быть усталым, страдать’;
albalaawol ‘бедствие, эпидемия,
чума’;

6. Отдельно можно выделить группу так называемых «речевых маркеров», то есть, междометий, союзов, речевых формул, а также группу прилагательных. Группа речевых маркеров насчитывает 25 лексем, из которых все, кроме трех совпадений, относятся к восточному диалекту. Такое распределение позволяет предположить высокий социальный статус арабского языка в восточном ареале пулар-фульфульде, что побуждает носителей использовать в речи заимствованные из этого языка речевые маркеры.

{JAM}

abada ‘всегда’;
ajamiina ‘полностью’;
albisir ‘ура’;
ammaa ‘но’;
asee ‘ах’;
fakat ‘точно’;
hattaa ‘даже’;
immaa ‘или’;
laa ‘нет’;
labbayka ‘да’;
masalan ‘например’;
kallaa ‘никогда’;
laabidda, labudda ‘без сомнения’;
walla ‘или’.

Что касается прилагательных, то необходимость выделить их в отдельный, хоть и многочисленный, разряд обусловлена особым статусом прилагательного как части речи в пулар-фульфульде. Его особенность заключается в ограниченности и непродуктивности, в то время как продуктивная функция приименного атрибута выполняется причастиями. Поэтому заимствования глаголов в пулар-фульфульде чаще всего означают появление в языке нового словообразовательного гнезда, в то время как редкое заимствование прилагательных помещает их в замкнутый класс. Ниже приведены четыре прилагательных, обнаруженных в данных по восточному диалекту. В западном диалекте заимствованные из арабского языка прилагательные отсутствуют.

{JAM}

laazimijum ‘обязательный’;

nadiirijum ‘редкий’;
ngaribijum ‘необычное’;
tamat ‘совершенный’.

Из обозначенного выше анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, средний процент общей заимствованной лексики для двух диалектов составил около 12 процентов. Эта незначительная, вопреки ожиданиям, цифра, а также (даже в большей степени) количество уникальной лексики в неконтактном диалекте, позволяет утверждать разные источники заимствования для разных ареалов пулар-фульфульде. Восточные диалекты контактируют с носителями языка напрямую (в некоторых ареалах пулар-фульфульде арабский язык используется как лингва франка), в то время как западные диалекты заимствуют арабскую лексику в основном через письменные труды. Во-вторых, семантическая классификация заимствований позволяет сделать вывод относительно функциональных сфер арабского языка в разных диалектах – для западных диалектов это научные и религиозные тексты (куда, очевидно, входит подгруппа «смерть»), а также денежные расчеты: в основном упоминается дележ наследства. Литературную природу заимствований доказывает и обилие в абстрактной лексике среди западных заимствований. В-третьих, высокий социальный статус арабского языка в восточных диалектах подтверждается наличием значительного количества заимствованных речевых маркеров, союзов и частиц. И наконец, особое внимание можно обратить на большое количество лексики с отрицательной коннотацией (в абсолютном исчислении) в группах абстрактно-отрицательной и табуированной лексики.

Литература

- Коваль А.И. О внутренней классификации языковой группы пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки. М.: Языки славянской культуры, 2014. Сс. 311–354.
- Коваль А.И. Согласование в именной группе пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. Отв. ред. В.А. Виноградов. М.: Academia, 2010. С. 211–384.
- Косогорова М.А. Имена существительные, заимствованные в язык пулар, и возможность их автоматической обработки // Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции. Сборник статей. СПб.: Издательство «Студия НП-Принт», 2014. Сс. 51–58.
- Abu-Manga Al-A. Fulfulde in the Sudan: Process of Adaptation to Arabic. Frankfurt-am-Main: Dietrich Reimer, 1986.

- Baldi S.* Dictionnaire des emprunts arabes dans les langues de l'Afrique de l'Ouest et en swahili (Dictionnaires et Langues). Paris: Karthala, 2008.
- Greenberg J.* The Study of Language Contact in Africa // Colloque sur le multilinguisme. Symposium on multilingualism. Brazzaville, 1962. Pp. 167–176.
- Hunwick J.* West Africa and the Arabic Language // Sudanic Africa vol. 15. Bergen, 2004. Pp. 133–144.
- Leger R.* Noun Classes in Fulfulde: the «Pular» of Guinea and the «Fulfulde» of Sudan // Язык. Африка. Фульбе: сборник научных статей в честь А.И. Коваль. М.: Европейский Дом, 1998. Pp. 323–334.
- Noye D.* Dictionnaire foulfouldé-français, dialecte peul du Diamaré du Nord-Cameroun. Paris: Librairie Orientaliste, 1989.
- Zoubko G.* Dictionnaire peul-français. Osaka: National museum of Ethnology, 1996.

А.Д. Луцков
(ИЯЗ РАН)

М.Р. Урб
(ИСАА МГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ ЗУЛУ

В процессе становления многофункциональных языков складывается и система научно-технической терминологии. В языке зулу это происходит в основном на английском лексическом материале, а само развитие функционального научного стиля – это, прежде всего, его обогащение научно-технической терминологией для реализации возможности его использования во всех сферах общественной жизни.

Большим удельным весом обладает терминологическая лексика в текстах естественных и точных наук, что обусловлено быстрыми темпами развития мировой науки и техники. Здесь наиболее интенсивно проявляется воздействие английского языка как источника заимствованных терминов.

В старших классах средней школы ЮАР, где зулу – родной язык учеников, а преподавание естественно-научных дисциплин ведется на английском языке, важно, чтобы учащиеся правильно понимали как речь преподавателя, так и тексты в учебнике на английском языке. Для этого разработаны специальные пособия в виде краткого толкового словаря, где разъясняется само понятие на английском, а также на родном языке ученика [Fricke, Van Lingen 2005a]. Одновременно предлагается и перевод этого понятия в виде термина на зулу. Как правило, это английское слово с именным префиксом и в разной степени ассимиляции. Вот несколько примеров в качестве подтверждения:

atom *i-atomu*;
(атом) *isicucwana esincanyana kakhulu se-elementi equkethe izimpawu zamakhemikhali ezivama kuleyo elementi* ‘мельчайшая часть элемента, которая содержит химические свойства, присущие этому элементу’.

В англо-зулусском словаре К. Доука, Д. Малколма и Дж. Сиканканы [Doke et al. 1990] это слово также дается в форме *i-atomu* и в виде слов на зулу *isincinci*, *invithimvithi* и *okuncsi*, которые терминами не стали. Атомная же бомба в этом словаре будет *ibhomu lama-atomu*.

acid *i-esidi*;
(кислота) *umbhubhudlo osemanzini one-Ph engaphansi kwe-7, nonokunambitheka okuhlabayo noma okumuncu* ‘водный раствор, у которого Ph менее 7 и имеющий едкий (досл. колющий) или кислый привкус’.

acid rain *invula eyi-esidi*;
(кислотный дождь) *invula eyiphenduke i-esidi ngenxa yokunukubezeka kotoya okuqhatuka ezimbonini* ‘дождь, превратившийся в кислоту по причине загрязнения воздуха, исходящего от (действия) промышленности’.

В словаре [Doke et al. 1990], этот термин зафиксирован как *i-asidi*.

В целом термины английского происхождения занимают прочное положение в текстах на зулу в силу того, что английский язык широко используется в различных функциональных сферах. Отсюда и использование через английский уже существующих международных лексических прототипов и словообразовательных моделей.

Вот еще несколько примеров из упоминавшегося выше учебного пособия:

chemical *utho olwenziwe lwaba msulwa, olungaxutshiwe nanoma yiziphi ezinye izinto* ‘вещество, выполненное в чистом виде, не смешанное с каким-либо другим’.

В данном случае пособие не предлагает никакого варианта понятия ‘химикат’, а раскрытие значения термина происходит при помощи развернутого описания. Словарь [Doke et al. 1990] фиксирует термин ‘химия’ как *ikhemisteli*, а слово ‘химикат’ объясняет так: *umuthi owaluphi uhlobo ikakhulu lowo ovezwa yizingcweithi zekhemisteli* ‘любое вещество (досл. лечебное снадобье), особенно открытое (обнаруженное) специалистами в области химии’.

chemist *umuntu ofunda indlela izinto eziguquka ngayo nezihlangana ngayo* ‘лицо (человек), который изучает изменение веществ и их взаимодействие’.

В литературе на зулу понятие ‘химик’ обычно передается словом *umkhemisi*, а термин ‘химия’ как научная дисциплина и вид знаний – лексемой *ubukhemisi*.

compass *isikhali esisetshenziselwa ukuthola ukuthi inyakatho*
(компас) *ingakuphi* ‘инструмент, применяемый для определения, где находится север’.

Согласно [Doke et al. 1990] слово *ikhampasi* со значением ‘компас’ существует со времени первого издания словаря в 1958 г.

В тех случаях, когда английскому термину или понятию найдено соответствие на зулу, предлагается его эквивалент (иногда с вариантами), и его описание может отсутствовать. Например:

- acceleration** *ukusheshisa*
(ускорение)
- brittle** *okufohlakayo / okumproqomproqo;*
(хрупкий, ломкий) *into eqinile eyephuka kalula* ‘нечто твердое, которое ломается легко’.
- consume** *ukusebenzisa; ukudla* ‘потреблять; использовать; есть; поглощать’.
(потреблять;
есть, поедать)
- demonstrate** *ukukhombisa;*
(демонстрировать) *ukukhombisa ubufakazi bokuthile; ukuchaza* ‘приводить (обнарождать) свидетельство чего-либо; разъяснять’.
- filtration** *ukuhluzwa* ‘процеживание’.
(фильтрация)
- fluid** *into engamanzi* ‘нечто, напоминающее воду’.
(жидкость)
- global warming** *ukufudumala komhlaba* ‘потепление, согревание Земли’.
(глобальное
потепление)
- fuel** *okokubasela*
(горючее)

heat energy (тепловая энергия)	<i>amandla okushisa</i>
ideal gas (идеальный газ)	<i>igesi efanelekile</i>
infra red (инфракрасный)	<i>okunombala ongenakubonwa</i>
insulator (изолятор, непроводник)	<i>okuvimbayo</i>

Примеры такого рода не так многочисленны, и в учебном словаре отдается предпочтение простому описанию предмета, явления, процесса или действия, относящемуся к естественным наукам. Вот ряд других примеров:

electron (электрон)	<i>i-electron;</i> <i>isicucwana esincanyana kakhulu esinenhlansi enegative enezimpawu zamagagasi ezitholakala ngaphandle kwenkaba ye-atomu</i> ‘очень мелкая частица с негативным зарядом и волновыми свойствами, которые обнаруживаются за пределами атомного ядра’.
binocular vision (бинокулярное зрение)	<i>ukubona okusebenzisa okwamehlo amabili;</i> <i>ukusetshenziswa kwamehlo womabili ukubona ukujula kanye nebanga</i> ‘использование обоих глаз, чтобы видеть в глубину и вдаль’.

В языках, которые проходят «ускоренный» процесс своего литературного становления, к которым и относится язык зулу, отмечается сходная тенденция. В текстах, предназначенных для широкого круга читателей, вырабатываются и закрепляются общелитературные нормы языка, и через них часть терминологии проникает в центральное ядро словарного состава. В языке зулу сама эта терминология еще далеко не упорядочена и ее состав неустойчив. Тексты естественных и точных наук должны быть строго специализированы, так как закреплены за конкретными научными дисциплинами. Они рассчитаны на узкий круг читателей, специалистов в данной области знания. Эти тексты непосредственно отражают дифференцирован-

ность отраслей быстро развивающейся современной науки. Пока, если говорить о языке зулу, речь может идти только о текстах научно-популярного характера и о школьных учебных материалах. Предстоит еще проделать большую работу в развитии языка зулу, чтобы поспеть за темпами научно-технического развития в мире и освоить поток новой информации.

В англо- и африкаанс-зулусских словарях тема терминологической лексики не была обойдена вниманием. Первые были заметно насыщены английскими заимствованиями, кальками и смысловыми переводами. Однако авторы-составители словарей мало согласовывали свою работу, что заметно по большому числу терминов-синонимов.

Уже упоминавшийся здесь словарь, составленный [Doke et al. 1990], свидетельствует в пользу этого мнения. Многие термины в нем даются уже в виде вариантов. Вот несколько примеров оттуда:

ikheji ‘клетка’, *ikhamera* ‘(фото)камера’, *imoto* ‘автомобиль’, *ikhabhuletha* (вариант *umthumbakhulu*, *isimila*) ‘карбюратор’, *ukheshe* ‘наличные деньги’, *ishadi* ‘морская карта’, *ikhophi* ‘копия’, *isilinda* ‘цилиндр’, *njengesilinda* ‘цилиндрический’, *idelekethe* (вариант *isithunyuwa*) ‘послание’, *idivishini* ‘деление’ (математ.), *-joyina*, *-joyinisa* (*-butha*, *-bhala*) ‘брать на службу, вербовать’.

Как видно из вышесказанного, в ЮАР ведется работа – в данном случае на примере языка зулу – по обогащению языков автохтонного населения терминологической лексикой (прочие языки, для которых разработаны подобные пособия, – это языки сото [Fricke, Van Lingen, 2005b], коса [Fricke, Van Lingen, 2005d] и венда [Fricke, Van Lingen, 2005c]). Но при этом сказывается и отсутствие официальной словарной политики, при которой происходил бы отбор научных и технических терминов при издании современных словарей. Быстрые темпы мирового научно-технического прогресса стимулируют поливалентное развитие литературных языков. Но для этого в стране должны быть ученые, представители того или иного народа ЮАР, пишущие на специальные научные темы на родном языке. Они-то и должны выработать образцы унифицированного современного научного языка. Но таких ученых в стране пока нет. Остается надеяться на тех, кто постигает естественные науки в средней и высшей школе пока еще на английском языке, постепенно осваивая терминологическую лексику и на родных языках, которая уже создана и продолжает создаваться.

Литература

- Doke C.M., Malcolm D.M., Sikakana J.M.A., Vilakazi B.W., Khumalo J.* English-Zulu / Zulu-English Dictionary. 3rd ed. Johannesburg: Wits University Press, 1990.
- Fricke I., Van Lingen N.* Bilingual Pocket Science Dictionary English-Isizulu. Pretoria: Clever Books, 2005a.
- Fricke I., Van Lingen N.* Bilingual Pocket Science Dictionary English, Sesotho. Pretoria: Clever Books, 2005b.
- Fricke I., Van Lingen N.* Bilingual Pocket Science Dictionary English-Tshivenda. Pretoria: Clever Books, 2005c.
- Fricke I., Van Lingen N.* Bilingual Pocket Science Dictionary English-IsiXhosa. Pretoria: Clever Books, 2005d.

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ КЛА-ДАН¹

0. Основные сведения о языке кла-дан

Кла-дан входит в южную группу юго-восточной ветви семьи манде. Число его носителей составляет порядка 25000 человек на северо-западе Республики Кот-д'Ивуар и на востоке Республики Гвинея. Кла-дан имеет следующие зоны распространения:

восемнадцать деревень (Санта, Кпо-I, Кпо-II, Кпо-III, Гбагбадугу, Дродугу, Сефесо и др.) на юго-западе департамента Ванину респ. Кот-д'Ивуар и две деревни (Факородуу, Гелеколодуу) в префектуре Лола респ. Гвинея, расположенные у границы с Кот-д'Ивуаром;

девять деревень (Годуфума, Силакоро, Зала и др.) в департаменте Туба респ. Кот-д'Ивуар, расположенные к югу и юго-востоку от г. Туба (жители этих деревень идентифицируют себя с дан, но не с кла-дан; тем не менее, диалект этих деревень оказывается близким к кла-дан);

деревня Зузусо-I в департаменте Бианкума респ. Кот-д'Ивуар.

Условно выделяются три диалекта кла-дан, соответствующие зонам его распространения: санта, годуфума, зузусо. В работе использованы данные диалекта санта.

1. Семантическая классификация уступительных значений

Имеются следующие два типа уступительных значений:

1. «Собственно уступка»: ситуация, обозначаемая главным предложением (q), представляет собой неожиданное следствие из ситуации, обозначаемой зависимым предложением (p), при этом обе ситуации фактивны, т.е. представляются как имеющие место в реальности [Чумакина 2001: 23]:

Хотя погода была пасмурной, Петя отправился на прогулку без зонта.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 14-04-00488.

2. Условно-уступительное значение: ситуация *p* не утверждается как имеющая место, а лишь предполагается.

Условно-уступительное значение имеет, в свою очередь, три разновидности.

а) Универсальная разновидность: говорящий утверждает осуществление ситуации *q* на фоне предположения обо всех неблагоприятных для ее осуществления ситуациях *p* [Чумакина 2001: 23]. Универсальной конструкции присуще итеративное значение, она обозначает повторяющееся положение дел, обозначаемое зависимой частью, причем в каждом из них участвует один из разных представителей какого-либо одного обобщенного участника ситуации, обладающего универсальной референцией [Храковский 2004: 21].

За какое бы дело он ни взялся, всё у него получается.

Куда бы мы ни поехали, везде нас ждут приключения.

б) Скалярная разновидность: говорящий утверждает осуществление ситуации *q* на фоне предположения о самой неблагоприятной для *q* ситуации *p* [Чумакина 2001: 23]:

Даже если придет один студент, занятие всё равно состоится.

в) Альтернативная разновидность: осуществление ситуации *p* представляется говорящему нерелевантным для осуществления ситуации *q* [Чумакина 2001: 23]:

Попросит он у меня прощения или не попросит, я всё равно буду считать его своим другом.

2. Собственно уступительные и скалярные конструкции в кла-дан

Собственно уступительные и скалярные условно-уступительные конструкции оформляются союзом *âáîÿ/âáâî* ‘хотя; даже если’, заимствованным из языков манден (бам. *háli ní* ‘даже если’) в сочетании с различными видо-временными конструкциями. Зависимая клауза, как правило, находится в препозиции к главному предположению и оформляется финальным показателем топики *â/ê/ââ/êê*². Главная клауза факультативно вводится противительным союзом *kéé* ‘но’.

² Если предшествующая показателю стопа назализованная, тогда показатель тоже может получать факультативную назализацию. Тон показателя распределяется с предшествующим тоном: после ультранизкого, высокого и ультравысокого тона он получает низкий тон, а после низкого тона – высокий.

2.1. Собственно уступительные конструкции

В собственно уступительных конструкциях уступка оформляется при помощи различных глагольных конструкций, выбор которых осуществляется преимущественно в зависимости от видо-временной и полярной характеристики клаузы.

Если уступка локализуется в будущем, используется конструкция будущего времени 2 «(S –)Aux{PROSP} – (DO) – V³» (1), при отрицании – перфективно-отрицательная конструкция 1 «(S–)Aux{NEG.PFV} – (DO) – V» и перфективно-отрицательная конструкция 3 «(S –)Aux{NEG.PFV} – kà – (DO) – V» (2)

- (1) *Ááŋ Sígí yèé tó tààbà, yì dò-ká*
 хотя Сиги 3SG.PROSP оставаться позади 1PL.EXCL.EXI ждать-INF
 à gò lúéŋŋò.
 3SG.NSBJ у медленно
 ‘Хотя Сиги опоздает, мы ждем его спокойно’.

- (2) *Àáđi bèlé gà è yí kà klééyáà-bò*
 хотя лекарство кость это 3SG.NEG.PFV RETR здоровье-осуществлять
kéé kò báà lé-báŋ.
 но то 1SG.PRF>3SG.NSBJ CAUS-глотать
 ‘Хотя эта таблетка мне не поможет, я всё равно принял ее’.

³ Характерной особенностью кла-дан, как и других южных манде [Выдрин 2012: 570], является то, что категории вида, времени, модальности и полярности являются в них категориями предложения и то или иное значение из этих семантических сфер выражается целой клаузой, где в плане выражения могут быть задействованы: (а) серия спрягаемого предикативного показателя (СПП), (б) оператор, занимающий позицию непосредственно после СПП; (в) вспомогательный глагол, (г) форма смыслового глагола. Под формой смыслового глагола имеется в виду тип глагольной основы (лексическая, низкотоновая или ультранизкотоновая), форма, образованная от лексической основы посредством аффиксов, а также финитная vs. нефинитная форма. Наиболее адекватным представляется описывать эту систему в терминах конструкций, сочетающих в себе названные средства. В формулах глагольных конструкций используются следующие обозначения: Aux – СПП, DO – прямое дополнение, S – подлежащее, V – глагольное сказуемое. В фигурных скобках помещаются серии СПП, а также форма глагола.

При отнесенности уступки к настоящему используются сопряженная нейтральновидовая конструкция «(S–) Aux{JNT} – (DO) – V{JNT}»⁴ (3а), сопряженная имперфективная конструкция «(S –) Aux{JNT} – (DO) – V-*ká*» (3б) и независимая имперфективная конструкция «(S –)Aux{EXI} – (DO) – V-*ká*» (4):

(3а) *Ááŋ kúá* *běŋ-sù* *zǝǝlɔ̀* *yèé* *zù*
 хотя 1INCL.AUG.JNT бег-брать быстро 3SG.PROSP догонять
kùà *bǎ*.
 1INCL.AUG.NSBJ на

(3б) *Ááŋ kúá* *běŋ-sú-ká* *zǝǝlɔ̀* *yèé* *zù*
 хотя 1INCL.AUG.JNT бег-брать-INF быстро 3SG.PROSP догонять
kùà *bǎ*.
 1INCL.AUG.NSBJ на

‘Хотя мы бежим быстро, Сиги всё равно нас догонит’.

(4) *Ááŋ ñ* *yǎ-dò-ká* *à* *wɔ̀ɔ̀ lɔ̀ tó yá*
 хотя 1SG.EXI глаз-ставить-INF 3SG.NSBJ лицо в то 3SG.PRF
dè kɔ̀ *lè yáá* *ñ* *yè-ká*.
 сам делать что 3SG.NEG.IPFV 1SG.NSBJ видеть-INF

‘Хотя я смотрю ему в лицо, он ведет себя так, как будто не видит меня’.

При отрицании уступка оформляется отрицательной имперфективной конструкцией 2 «(S –)Aux{NEG.IPFV} – (DO) – V-*ká*»:

(5) *Ááđi ñ* *gǝ* *áá* *wú-ká* *ñ* *tà zú*
 хотя 1SG.NSBJ голова 3SG.NEG.IPFV разбиваться-INF 1SG.NSBJ на больше.не
à kée bǎá *sùdè-ká* *à* *lé* *ñ* *yì-zl*.
 МТ но 1SG.NEG.IPFV мочь-INF 1SG.NSBJ перед 1SG.OPT сон-бить

⁴ Сопряженные конструкции являются коррелятами соответствующих независимых конструкций в синтаксически зависимых клаузах. Кроме того, они употребляются в двух типах простых предложений, которые восходят к зависимым клаузам полипредикативных конструкций. Первый случай – стратегия фокализации с выносом фокализованной составляющей в крайнюю левую позицию, второй случай – употребление сопряженной имперфективной конструкции в хабитуальном квалитативном значении. Противопоставление по независимости / зависимости синтаксического статуса, выраженное в утвердительной парадигме оппозицией независимых и сопряженных конструкций соответственно, в отрицательной парадигме нейтрализуется.

‘Хотя у меня больше не болит голова, я всё равно не могу заснуть’.

Если уступка относится к плану прошлого, то в зависимости от характера протекания ситуации *p*, используются сопряженная нейтрально-видовая конструкция (6), сопряженная ретроспективная конструкция «(S –)Aux{JNT} – *kà* – (DO) – V{JNT}» и перфектная конструкция «(S –)Aux{PRF} – (DO) – V» либо сопряженная имперфектная конструкция «(S –)Aux{JNT} – *kù/gù* – (DO) – V-*ká*» (7):

(6) *Áǎǎlǎ Sígí á rǎ bēē ǎǎ lǎǎ pē*
 хотя Сиги 3SG.JNT вещь хороший есть\JNT утро в
dǎǎ yēē kǎǎ yēēpǎǎē.
 голод 3SG.PROSP хватать вечер

‘Хотя Сиги утром хорошо поел, к вечеру он проголодается’.

(7) *Áǎǎlǎ lǎ á kǎǎ ǎǎ-kǎ yǎǎǎǎ á*
 хотя дождь 3SG.JNT быть.PST\JNT лить-INF вчера MT
kǎ lǎǎ lǎ wǎ trǎǎ-kǎ-kǎ gǎǎǎǎ lǎ.
 то ребенок PL 3PL.EXI игрушка-делать-INF двор в
 ‘Хотя вчера шел дождь, дети всё равно играли во дворе’.

При отрицании используются перфективно-отрицательная конструкция 3 (8) и имперфектно-отрицательная конструкция «(S–)Aux{NEG.IPFV} – *kù/gù* – (DO) – V-*ká*» (9) соответственно:

(8) *Áǎǎlǎ yǎǎ kǎ wǎǎǎǎ Bǎyǎ pǎǎē*
 хотя 1PL.EXCL.NEG.PFV RETR вставить Абиджан рано
yǎǎ yǎǎǎ bǎǎ bǎǎ sǎǎ lǎǎ Bǎǎǎ lǎ.
 1PL.EXCL.PROSP прибывать темнота наступать NMLZ перед Ман в

‘Хотя мы выехали из Абиджана поздно, в Ман мы приедем до темноты’.

(9) *Áǎǎlǎ bē bǎ áǎ kǎǎ ǎ*
 хотя человек некий 3SG.NEG.IPFV быть.PST 1SG.NSBJ
tǎǎǎ-sǎǎ-kǎ yǎǎǎǎ kēē bǎǎ kǎ bǎǎǎǎ bǎ kǎ.
 надоедать-INF вчера но 1SG.NEG.IPFV RETR работа некий делать
 ‘Хотя мне никто вчера не мешал, я всё равно не работал’.

2.2. Скалярные условно-уступительные конструкции

Скалярные условно-уступительные конструкции наследуют от условных все возможности выражения разной степени вероятности наступления события *p*, соответственно различаются скалярные кон-

струкции с (а) реальной (генерической и предположительной), (б) гипотетической и (в) воображаемой (собственно воображаемой и контрфактивной) уступкой.

Типы уступки, кроме генерической, располагаются в зависимости от того, как говорящий оценивает вероятность наступления события p , т. е. в соответствии с расположением уступки на эпистемической шкале.

Дадим краткие характеристики типов уступки.

Предположительная уступка описывает такое событие, достоверность которого теоретически можно оценить, но говорящий в данный момент не способен этого сделать, например, за отсутствием достаточной информации [Чумакина 2001: 33]:

Даже если Петя уже вернулся с работы, сейчас он отдыхает.

Гипотетическая уступка описывает событие, достоверность которого оценить невозможно: поскольку данное положение дел относится к плану будущего, его осуществление и неосуществление оказываются равновероятными [Чумакина 2001: 33, 35]:

Даже если ты будешь хорошо себя вести, я не возьму тебя на прогулку.

Воображаемая уступка описывает событие, у которого еще есть небольшая вероятность наступления:

Даже если бы я был на твоём месте, я бы поступил иначе.

Контрфактивная условно-уступительная клауза описывает событие, которое уже не может наступить и которое говорящий оценивает как не соответствующее действительности [Чумакина 2001: 32, 33]:

Даже если бы я взял зонтик, я бы промок до нитки.

В **генерических** условно-уступительных конструкциях говорящий имеет в виду не ситуацию в будущем или настоящем, в достоверности наступления которой он не уверен, а делает некоторое утверждение о том, как устроен мир, либо на основании общих знаний о мире (генерические условно-уступительные конструкции), либо на основании своего опыта (хабитуальные условно-уступительные конструкции) [Чумакина 2001: 34–35]:

Даже если у него появятся деньги, он всё равно раздает их бедным.

Эпистемический тип уступительного значения, как и условного (см. [Макеева 2013]), маркируется в кла-дан преимущественно в зависимой части. Исключение составляют только воображаемые и контрфактивные условно-уступительные конструкции, где эпистемический статус ситуации p маркируется в обеих частях предложения.

Уступка **предположительных и генерических** условно-уступительных конструкций оформляется при помощи различных глагольных конструкций, выбираемых в зависимости от видо-временной и полярной характеристики клаузы. В утвердительной клаузе, выражающей предположительную уступку, используются сопряженные нейтральновидовая (10) и ретроспективная конструкции, при отрицании используются перфективно-отрицательные конструкции 1 и 3 (11).

Предположительные

- (10) *Áǎŋ Sígí á kíééyáá-òò á kéé*
 даже.если Сиги 3SG.JNT здоровье-осуществлять\JNT MT но
yáá báálá-ká-ká díéé gú.
 3SG.NEG.IPFV работа-делать-INF сейчас в
 ‘Даже если Сиги уже выздоровел, он всё равно сейчас не работает’.

- (11) *Áǎŋ Sèŋgó yí kà wálà sòò-òò kà á kéé*
 даже.если Сенго 3SG.NEG.PFV RETR деньги приобретать еще MT но
yà à bós sàŋ pà ló.
 3SG.PRF 3SG.NSBJ жена подарок вещь\REF покупать
 ‘Даже если Сенго не получил еще денег, он всё равно купил жене подарок’.

Генерические

Генерическая уступка в наших материалах относится к плану прошлого и оформляется сопряженной имперфектной конструкцией «(S –)Aux {JNT} – *kù/gù* – (DO) – V-*ká*»:

- (12) *Áǎŋ àlù dà á kù yí-zá-ká à*
 даже.если 3PL.NSBJ отец 3SG.JNT быть.PST\JNT сон-бить-INF MT
à blí lù wò kù zò-ká à tó gú.
 3SG.NSBJ ребенок PL 3PL.EXI быть.PST\NTR шуметь-INF 3SG.NSBJ ухо в
 ‘Даже если отец спал, дети всё равно шумели’.

Уступка **гипотетических** условно-уступительных конструкций оформляется при помощи сопряженной нейтральновидовой конструкции (13) либо конструкции будущего времени 2 (14), при отрицании – при помощи перфективно-отрицательной конструкции 2 «(S–) Aux {NEG.IPFV} – *kà* – (DO) – V» (15):

- (13) *Áǎŋ bóbílí dò ɣ ló pɣ lɔ*
 даже.если машина один 3SG.JNT идти\JNT деревня в

liàǎ, Fǎtǔ yèé tó Bǎǎ lǎ.

завтра Фату 3SG.PROSP оставаться Ман в

‘Даже если завтра машина поедет в деревню, Фату всё равно останется в Мане’.

(14) *Áǎǎlǎ Sǐgǐ yèé Fǎtǔ yǒ-bò liàǎ, Fǎtǔ*
 даже.если Сиги 3SG.PROSP Фату просить.прощения завтра Фату
ǎǎ gúǎ à bǎ-wǎ-tó.

3SG.NEG.IPFV FUT.NEG 3SG.NSBJ поверхность-дело-оставлять

‘Даже если Сиги попросит завтра прощения у Фату, она всё равно не простит его’.

(15) *Áǎǎlǎ bǎǎ kǎ ló Mǎlǐǎ à, kǎǎ ñ*
 даже.если 1SG.NEG.IPFV RETR идти Мали MT но 1SG.EXI
tǎ wǎǎ bǎǎ-kǎ kǎǎ

путешествие деньг искать-INF чтобы.1SG.OPT>3SG.NSBJ

yǎ ñ kǎ sǎ.

класть 1SG.NSBJ рука около

‘Даже если я не поеду в Мали, я уже сейчас откладываю деньги на поездку’.

В обеих частях собственно воображаемых и контрфактивных условно-уступительных конструкций употребляются проксимативные конструкции: в зависимой части – сопряженная «(S –)Aux{JNT} – *kǎǎ/gǎǎ* – [Aux{PROSP} – (DO) – V]» (16, 19) или независимая «(S–) Aux{EXI} – *kǎǎ/gǎǎ* – [Aux{PROSP} – (DO) – V]»⁵ (17, 20), в главной – независимая. При отрицании употребляется отрицательная проксимативная конструкция «(S –)Aux{NEG.IPFV} – *kǎǎ/gǎǎ*– [Aux{PROSP} – (DO) – V]» (18, 21).

Воображаемые

(16) *Áǎǎlǎ bǎǎbǐ yǎ kǎǎ yèé*
 даже.если машина 3SG.JNT быть.PSTJNT 3SG.PROSP

⁵ Важное формальное отличие условно-уступительных конструкций от условных состоит в том, что в условно-уступительном придаточном, как и в собственно уступительном, возможно употребление не только сопряженных, но и независимых глагольных конструкций, а также других конструкций, не имеющих сопряженных коррелятов, что, по-видимому, свидетельствует о слабоподчинительном характере связи между клаузами в уступительных конструкциях. Это согласуется с типологической особенностью уступительных конструкций, которая заключается в меньшей интегрированности уступительной клаузы в сложное предложение, ослабленной связи между главным и зависимым предложениями по сравнению с другими конструкциями с обстоятельственными придаточными [Crevels 2000].

bɛ̃ŋ-súú *díɛ̃ɛ* *gúú yéélì* *kùà* *kù*
 бег-брать сейчас в медленно 1INCL.AUG.EXI быть.PST\NTR
kùàá *yòò* *liáá* *líáá* *pé* *Kónáákrí.*
 1INCL.AUG.PROSP прибывать завтра утро в Конакри
 ‘Даже если бы машина сейчас ехала очень медленно, мы бы всё равно завтра утром приехали бы в Конакри’.

(17) *Áálfí* *tá* *yè* *kù* *yéé*
 даже.если песня 3SG.EXI быть.PST\NTR 3SG.PROSP
yé *gbàŋgbàŋlì*, *Fátú* *yè* *kù* *yéé* *yì-zà.*
 звучать громко Фату 3SG.EXI быть.PST\NTR 3SG.PROSP сон-бить
 ‘Даже если бы музыка играла громко, Фату всё равно бы спала’.

(18) *Áálfí* *Sígí yáá* *kù* *yéé* *kì*
 даже.если Сиги 3SG.NEG.IPFV быть.PST 3SG.PROSP становиться
yì gúú díɛ̃ɛ *gúú à Sígí áá* *kù* *yéé*
 сон в сейчас в MT Сиги 3SG.NEG.IPFV быть.PST 3SG.PROSP
báálá-kì *díɛ̃ɛ* *gúú.*
 работа-делать сейчас в
 ‘Даже если бы Сиги сейчас не спал, он бы всё равно не работал’.

Контрфактивные

(19) *Áálfí* *Sígí á* *kù* *yéé*
 даже.если Сиги 3SG.JNT быть.PST\JNT 3SG.PROSP
kléeyáá-bò *á yáá* *kù* *yéé*
 здоровье-осуществлять MT 3SG.NEG.IPFV быть.PST 3SG.PROSP
wɔ́ bá *kì* *díɛ̃ɛ* *gúú.*
 дело некий делать сейчас в
 ‘Даже если бы Сиги выздоровел, он бы всё равно сейчас ничего не делал’.

(20) *Áálfí* *Kòpáá yè* *kù* *yéé* *àbà*
 даже.если Копа 3SG.EXI быть.PST\NTR 3SG.PROSP 3SG.POSS
wálì *sòó-bò* *yáá* *kù* *yéé* *hèbà*
 деньги приобретать 3SG.NEG.IPFV быть.PST 3SG.PROSP 1SG.POSS
dɔ́ *bò* *liáá.*
 долг осуществлять завтра
 ‘Даже если бы Копа уже получил деньги, он бы не вернул мне завтра долг’.

- (21) *Áǎǎfí* *Sígí* *yáá* *kùŋ* *yèé* *àbà*
 даже.если Сиги 3SG.NEG.IPFV быть.PST 3SG.PROSP 3SG.POSS
wíǎ *sǎǎ-bò* *yè* *kùŋ* *yèé* *bǎjǎbǎj*
 деньги приобретать 3SG.EXI быть.PST\NTR 3SG.PROSP конфета
ló *kèè* *ló* *Ø* *káà* *bǎj* *lù* *lǎ*.
 покупать чтобы.3SG.OPT идти 3SG.NSBJ c>3SG.NSBJ ребенок PL для
 ‘Даже если бы Сиги не получил денег, он бы всё равно купил детям конфет’.

В зависимой части контрфактивных уступительных конструкций может также использоваться конструкция «(S –)Aux{EXI} – *kùŋ/gùŋ* – (DO) – V{SUP}»:

- (22) *Áǎǎfí* *Sígí* *yè* *kùŋ* *lùŋ* *à*
 даже.если Сиги 3SG.EXI быть.PST\NTR приходиться.SUP MT
yáá *kùŋ* *yèé* *lù*
 3SG.NEG.IPFV быть.PST 3SG.PROSP приходиться
yùàá-kǎǎ *kùà* *ká* *lǎà*.
 приветствие-делать.SUP 1INCL.AUG.NSBJ с завтра
 ‘Даже если бы Сиги уже приехал, он бы не пришел завтра нас поприветствовать’.

3. Универсальные условно-уступительные конструкции

Универсальная уступка оформляется как коррелятивная клауза, причем универсальный статус релятивизуемой ИГ, как правило, оформляется универсально-дистрибутивной конструкцией *X óó X*, где *X* представлен соответствующим существительным. Союз заимствован из языков манден (бам. *ó*, часто реализуется со сверхвысоким тоном, что можно отнести к интонационным явлениям [Выдрин рук.]). Имеется противопоставление реальных, гипотетических и воображаемых конструкций.

В реальных конструкциях уступка может относиться к плану настоящего либо прошлого. В первом случае она имеет хабитуальное значение и оформляется сопряженной нейтральновидовой конструкцией (23), во втором случае она имеет хабитуальное либо мультипликативное значение и оформляется сопряженной имперфектной (24) либо нейтральновидовой (25) конструкциями соответственно:

(23) *Íj Ìò Sígí à gúíí l̩ kò óó kò kèè gúí*
 1SG.JNT идти\JNT Сиги 3SG.NSBJ двор в раз любой раз REL в
 à *kè yè báálá-kì-ká*

MT to 3SG.EXI работа-делать-INF

‘Когда бы я ни пришел к Сиги, он всегда работает’.

(24) *Íj kùr liàj óó liàj kèè zì-káà l̩*
 1SG.JNT быть.PST\JNT речь любой речь REL бить-INF>3SG.NSBJ для
 à *tó yà s̩ Ø l̩*

MT to 3SG.PRF обижаться 3SG.NSBJ для

‘Что бы я ему ни говорил, он всегда обижался’.

(25) *Á zùr b̩ óó b̩ kèè b̩*
 3SG.JNT обращаться\JNT человек\EMPH любой человек\EMPH REL на
 à *tóò t̩n̩ú à k̩*

MT to>3SG.NSBJ человек 3SG.PRF отказывать

‘К кому он ни обращался, все ему отказали’.

Гипотетическая уступка локализуется в будущем и выражается сопряженной нейтральновидовой конструкцией (26) либо конструкцией будущего времени 2 (27):

(26) *ɣ p̩ óó p̩ kèè d̩ à*
 2SG.JNT вещь\EMPH любой вещь\EMPH REL давать\JNT 3SG.NSBJ
g̩ à yèé k̩ w̩lé̩w̩lé̩ l̩.

у MT 3SG.PROSP становиться счастливый.INT FOC

‘Что ты ему ни дашь, он будет счастлив’.

(27) *Íj t̩úá̩nd̩à yèé w̩ óó w̩ kèè p̩*
 1SG.NSBJ друг 3SG.PROSP язык любой язык REL говорить

ì l̩ à b̩áá lá̩j-bòò l̩.

1SG.NSBJ для MT 1SG.PROSP верить>3SG.NSBJ перед

‘Что ни скажет мой друг, я этому поверю’.

Воображаемая уступка выражается сопряженной проксимативной конструкцией:

(28) *Sígí á kùr yèé à b̩w̩*
 Сиги 3SG.JNT быть.PST\JNT 3SG.PROSP 3SG.NSBJ проблема

p̩ b̩ óó b̩ kèè l̩ à àl̩ gb̩
 говорить человек\EMPH любой человек\EMPH REL для MT 3PL.NSBJ весь

wò *kù* *wòb* *yě-ṭò* *bà lè.*
 3PL.EXI быть.PST\NTR 3PL.PROSP смех-оставлять>3SG.NSBJ на FOC
 ‘Кому бы ни рассказал о своей проблеме Сиги, все над ним бы посмеялись’.

В полипредикативных конструкциях с уступительной коррелятивной клаузой главная клауза часто вводится коррелятивными союзами *tó* (29) и *k̀* (31), что отличает их от обычных конструкций с коррелятивными клаузами. Коррелятивные союзы встречаются также в главной части собственно уступительных конструкций (30, 32). Союз *tó* требует употребления перфектной конструкции, вне зависимости от времени и характера протекания описываемой в главной клаузе ситуации:

(29) *ŋ* *kù* *liàj ɔ̀* *liàj kèè zì-kàà* *lã*
 1SG.JNT быть.PST\JNT речь DISTR речь REL бить-INF>3SG.NSBJ для
à tó yà s̀ *∅* *lã.*
 MT то 3SG.PRF обижаться 3SG.NSBJ для
 ‘Что бы я ему ни говорил, он всегда обижался’.

(30) *Ááŋ* *ŋ* *yá-d̀-ka* *à* *wáx l̀ tó yà*
 даже.если 1SG.EXI глаз-ставить-INF 3SG.NSBJ лицо в то 3SG.PRF
dè k̀ lè yáá *ŋ* *yè-ká.*
 сам делать что 3SG.NEG.IPFV 1SG.NSBJ видеть-INF
 ‘Хотя я смотрю ему в лицо, он ведет себя так, как будто не видит меня’.

При наличии союза *k̀* выбор видо-временной конструкции в главной части зависит от временного плана описываемого в ней события: для плана настоящего используется имперфективная конструкция (31), для плана прошлого – перфектная (32):

(31) *ŋ* *lò* *Sígí à* *gúŋ l̀ k̀ ɔ̀* *k̀ kèè gú*
 1SG.JNT идти\JNT Сиги 3SG.NSBJ двор в раз DISTR раз REL в
à k̀ yè báálá-k̀-ká.
 MT то 3SG.EXI работа-делать-INF
 ‘Когда бы я ни пришел к Сиги, он всегда работает’.

(32) *Ááŋ* *bèlè* *gà è yí* *kà*
 даже.если лекарство кость это 3SG.NEG.PRF RETR
kléyáà-bò *kèè k̀ b̀* *lè-b̀ŋ.*
 здоровье-осуществлять но то 1SG.PRF>3SG.NSBJ PRF-глотать
 ‘Хотя эта таблетка мне не поможет, я всё равно уже принял её’.

4. Альтернативные условно-уступительные конструкции

Уступительно-альтернативное сложное предложение включает две уступительные клаузы, находящиеся между собой в отношениях сочинения и вводимые каждая дистрибутивным союзом *òð*, помещаемым в конец клаузы⁶. Союз также заимствован из языков манден (бам. *ó*, возможно, тот же *ó*, что и в универсальной дистрибутивной конструкции [Выдрин рук.]). Первое придаточное содержит нейтральновидовую конструкцию «(S –)Aux{EXI} – (DO) – V{NTR}», второе – перфективно-отрицательные конструкции 1 (33) и 3 (34) или имперфективно-отрицательную конструкцию 1 (35):

(33) *Là yè bə liáá òð là yíí*
дождь 3SG.EXI лить\NTR завтра или дождь 3SG.NEG.PFV

bə liáá òð bəá tó gúúŋ lè.
лечь завтра или 1SG.PROSP оставаться двор в
'Пойдет завтра дождь или не пойдет, я всё равно останусь дома'.

(34) *ŋ ŋ bí òð bí kà ŋ*
1SG.EXI 1SG.NSBJ прятаться\NTR или 1SG.NEG.PFV RETR 1SG.NSBJ

bí òð yéé ŋ yé.
прятаться или 3SG.PROSP 1SG.NSBJ видеть
'Спрячусь я или нет, он всё равно меня найдет'.

(35) *Liáá là yè bə òð là yáá bə òð*
завтра дождь 3SG.EXI лить\NTR или дождь 3SG.NEG.IPFV лить или

kùáá ló búúŋ bá tà.
1INCL.AUG.PROSP идти рис некий сеять

'Пойдет завтра дождь или не пойдет, мы всё равно пойдем сеять рис'.

В наших материалах представлена только гипотетическая уступка.

5. Выводы

Представим средства выражения различных семантических типов уступительных значений в виде таблицы. Отсутствие перечня конструкций для реальных скалярных и универсальных конструкций означает, что выбор конструкции тривиален, будучи обусловлен только видо-временной и полярной характеристикой клаузы.

⁶ Первый тон союза расподобляется с предшествующим тоном: после ультранизкого тона он низкий, после всех остальных тонов – ультранизкий.

нерелевантность события <i>p</i>					
скалярные			универсальные		
реальные	гипотетические	воображаемые	реальные	гипотетические	воображаемые
$\dot{A}\dot{a}\dot{l}\dot{i}/\dot{a}\dot{a}\dot{d}\dot{i}$	$\dot{A}\dot{a}\dot{l}\dot{i}/\dot{a}\dot{a}\dot{d}\dot{i}$ + сопряженная нейтрально-видовая конструкция / конструкция будущего времени 2	$\dot{A}\dot{a}\dot{l}\dot{i}/\dot{a}\dot{a}\dot{d}\dot{i}$ + сопряженная /независимая проксимативная конструкция	коррелятивная клауза (+ \dot{X} $\dot{o}\dot{o}$ \dot{X})	коррелятивная клауза + сопряженная нейтрально-видовая конструкция / конструкция будущего времени 2 (+ \dot{X} $\dot{o}\dot{o}$ \dot{X})	коррелятивная клауза + сопряженная проксимативная конструкция (+ \dot{X} $\dot{o}\dot{o}$ \dot{X})
настоящее и прошлое	будущее				
собственно уступка					альтернативные ... $\dot{o}\dot{o}$, ... $\dot{o}\dot{o}$

Таблица 1: Уступительные конструкции в кла-дан

Итак, в кла-дан формально различаются скалярные, универсальные и альтернативные условно-уступительные конструкции. Кроме того, для скалярных и универсальных конструкций имеется тройное противопоставление реальных, гипотетических и воображаемых конструкций, унаследованное от условных конструкций. В альтернативных условно-уступительных конструкциях реализуется только гипотетический тип.

Собственно уступительные конструкции сближаются с реальными и гипотетическими скалярными конструкциями. И те и другие оформляются союзом $\dot{a}\dot{a}\dot{l}\dot{i}/\dot{a}\dot{a}\dot{d}\dot{i}$, при этом сходный набор конструкций характерен для скалярных условно-уступительных конструкций с предположительной уступкой и собственно уступительных конструкций, где уступка локализуется в настоящем и прошлом, с одной стороны, и для гипотетических скалярных конструкций и собственно уступительных конструкций, где уступка локализуется в будущем, с другой стороны. Так, нейтрально-видовая конструкция употребляется как в собственно уступительной конструкции, где уступка локализуется

ется в настоящем (36), так и в скалярной условно-уступительной конструкции с предположительной уступкой, локализуемой в настоящем (37):

- (36) *Àáǎǎ bǎbǎ á lǎ yééǎ kùàá*
 хотя машина 3SG.JNT идти\JNT медленно 1INCL.AUG.PROSP
yǎðð pǎ lǎ kǎ bǎ yǎ bǎ kǎ:
 прибывать деревня в то темнота 3SG.NEG.PFV наступать еще
 ‘Хотя машина идет медленно, мы всё равно приедем в деревню до ночи’.

- (37) *Àáǎǎ bǎbǎ ǎ bǎǎ-sǎ yééǎ dǎǎ gǎ*
 хотя машина 3SG.JNT бег-брат\JNT медленно сейчас в
kùàá yǎðð pǎ lǎ kǎ bǎ yǎ
 1INCL.AUG.PROSP прибывать деревня в то темнота 3SG.NEG.PFV
bǎ kǎ:
 наступать еще
 ‘Даже если машина едет сейчас медленно, мы всё равно приедем в деревню до темноты’.

Аналогичным образом ретроспективная конструкция употребляется как в собственно уступительной конструкции, где уступка локализуется в прошлом (38), так и в скалярной условно-уступительной конструкции с предположительной уступкой, локализуемой в прошлом (39):

- (38) *Àáǎǎ Sǎǎ á kǎ sǎǎ-bǎ yǎǎǎ lǎ yéé*
 хотя Сиги 3SG.JNT RETR уставать\JNT вчера TOP 3SG.PROSP
bǎ pǎǎ dǎǎ.
 просыпаться рано сегодня
 ‘Хотя Сиги вчера устал, сегодня он встанет рано’.

- (39) *Àáǎǎ Sǎǎǎǎ á kǎ sǎǎ-bǎ Fǎtǎ gǎ à Fǎtǎ*
 даже.если Сенго 3SG.JNT RETR обижать\JNT Фату у MT Фату
yǎ kǎ à bǎ-wǎ-tǎ.
 3SG.EXI RETR 3SG.NSBJ поверхность-дело-оставлять\NTR
 ‘Даже если Сенго обидел Фату, она его простила’.

Аналогичным образом и в собственно уступительных конструкциях, где уступка локализуется в будущем (40), и в гипотетических скалярных конструкциях (где уступка локализуется в будущем по определению) (41) употребляется конструкция будущего времени 2:

(40) *Aáŋ Fātú yéé yé gbéè à, bāá séèlé wò*
 хотя Фату 3SG.PROSP говорить сильно MT 1SG.PROSP бумага голос
pɔ̃.

говорить

‘Хотя Фату будет громко разговаривать, я всё равно буду читать книгу’.

(41) *Aáŋ Fātú yéé ló yì-zl̀ kɔ̃ yá bɔ̃ sù*
 даже.если Фату 3SG.PROSP идти сон-бить.SUP то еда есть NMLZ
à yé á bā lè bāá bāà z̀.
 3SG.PRF заканчиваться MT 1SG.CNTR FOC 1SG.PROSP барабан бить
 ‘Даже если Фату будет после обеда спать, я всё равно буду играть
 на барабана’.

Согласно нашим материалам, данные пары собственно уступительных и условно-уступительных конструкций различаются выбором глагольной конструкции при отрицании. Так, например, в собственно уступительных конструкциях, где уступка локализуется в будущем, при отрицании используются перфективно-отрицательная конструкция 1 или перфективно-отрицательная конструкция 3, тогда как уступка гипотетических условно-уступительных конструкций оформляется при отрицании при помощи перфективно-отрицательной конструкции 2. Это обстоятельство, однако, кажется следствием недостаточного количества материала, поскольку три перфективно-отрицательные конструкции во всех прочих контекстах оказываются взаимозаменяемыми⁷. Дальнейшее исследование должно показать, следует ли вовсе считать уступку и условную уступку в кла-дан различными концептами.

Сокращения

CAUS – показатель каузатива;

CNTR – контрастивная серия местоимений;

EMPH – замена лексического тона высоким, показатель эмфатически-определенной формы некоторых существительных с генерическим значением;

EXCL – эксклюзивное местоимение, эксклюзивный СПП (спрягаемый предикативный показатель);

EXI – экзистенциальная серия;

FOC – показатель фокуса;

⁷ По этой причине отрицательные конструкции не включены в Таблицу 1.

- INCL.AUG – расширенный инклюзив;
 INF – суффикс инфинитива;
 INT – интенсивный дериват прилагательного;
 JNT – сопряженная серия СПП; мена лексического тонального контура глагола в сопряженных конструкциях;
 MT – финальный маркер;
 NEG.IPFV – имперфективно-отрицательная серия СПП;
 NEG.PFV – перфективно-отрицательная серия СПП;
 NMLZ – показатель фразовой номинализации; замена глагольного тона ультранизким при фразовой номинализации;
 NSBJ – несубъектная серия местоимений;
 NTR – мена лексического тонального контура глагола в нейтральновидовой конструкции;
 OPT – оптагивная серия СПП;
 PL – множественное число, показатель множественного числа;
 POSS – посессивная серия местоимений;
 PRF – перфектная серия СПП;
 PROSP – проспективная серия СПП;
 PST – прошлое;
 REF – замена лексического тона существительного ультра-низким, показатель референциального сдвига;
 REL – показатель релятивизации;
 RETR – показатель ретроспективного сдвига;
 SG – единственное число;
 SUP – супин.

Литература

- Выдрин В.Ф.* Бамана язык // Языки мира. Языки манде. Рук.
Выдрин В.Ф. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т.8. Ч.2. СПб.: Наука, 2012. Сс. 566–647.
Макеева Н.В. Условные конструкции в языке кла-дан // Африканский сборник – 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Сс. 377–395.
Храковский В.С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. Сс. 9–91.
Чумакина М.Э. Когнитивная и формальная структура конструкций обусловленности. Дисс. ... канд. фил. наук. М.: МГУ, 2001.
Crevels M. Concessives on different semantic levels: a typological perspective // Clause, Condition, Concession, Contrast: Cognitive and discourse perspective. New York – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Н.А. Муравьев
(Филологический факультет МГУ)

СТРАТЕГИИ КОДИРОВАНИЯ ФИНИТНЫХ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ В ЯЗЫКЕ АКЕБУ¹

1. Введение

Язык акебу представляет собой малоизученный идиом, принадлежащий группе кебу-анимере левобережной ветви семьи ква. В числе существующих письменных источников по данному языку можно назвать работы [Wolf 1907], [Djitovi 2003], [Adjeoda 2008], [Storch, Koffi 2000], [Amoua 2011], [Макеева, Шлуинский 2013, 2015]. Любопытной чертой данного языка является многообразие средств, которые используются для связи двух клауз в полипредикативной конструкции. Наряду с характерным для языков Западной Африки использованием в этой функции сериальных конструкций и бессоюзного соположения клауз, в акебу также широко используются союзные конструкции, а также специализированные финитные (конъюнктив) и нефинитные (номинализация, инфинитив) формы. В этой статье мы рассмотрим некоторые стратегии, используемые для маркирования зависимых клауз в конструкциях с сентенциальными актантами. Анализ данных конструкций с учетом всего многообразия предикатов, формальных средств и стратегий представляет собой достаточно трудоемкую задачу, предполагающую более длительный и детализированный сбор необходимого материала, поэтому здесь мы ограничимся лишь кратким обзором, итоги которого на данном этапе носят предварительный характер. Материал данного исследования собран в полевой работе в с. Джон префектуры Акебу в октябре 2013 г.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15-34-01237.

2. Стратегии маркирования синтаксических актантов в акебу

Язык акебу различает как финитную (s-like в терминологии [Noonan 2007: 59]), так и нефинитную (non-s-like, там же) стратегии оформления синтаксических актантов. К финитным средствам маркирования относятся союзы *ká*, *àkáná* и *àkájí*, а также простое соположение матричной и зависимой клаузы. Так, союз *ká* является универсальным подчинительным союзом, используемым в том числе в функции комплементаризера (1).

- (1) *ná-nūj* *ká* *má* *kéé-yā* *ŋ-yī* *tā*
 1SG.PFV-видеть SUB 1SG.POSS друг-DŪ DŪ.STAT-вставить PREP
fē-wā *sā*
 место-WŪ DEM
 ‘Я вижу, что мой друг стоит здесь’.

Помимо этого, он выступает в качестве обстоятельственного союза с семантикой времени, причины, цели, уступки и замещения. Так, например, в примерах ниже представлены случаи использования *ká* в конструкции с семантикой цели (2) и причины (3).

- (2) *ná-fá* *à-kpō-yā* *ká* *ŋ-kō* *fē-wā* *wá*
 1SG.PFV-взять YƏ-сумка-YƏ SUB 1SG.CONJ-идти место-WŪ DEM
 ‘Я взял сумку, чтобы пойти туда’.
- (3) *ná-fá* *náá-wā* *ká* *kà-lā-cí* *tā* *džŋ-tā*
 1SG.PFV-взять огонь-WŪ SUB GƏ-3.PFV-темнеть PREP улица-DƏ
 ‘Я взял фонарь, потому что на улице стемнело’.

Существуют также специализированные союзы *àkáná* и *àkájí*, ограниченные только актантной функцией. Каких-либо значимых различий в употреблении нам обнаружить не удалось, поэтому далее мы будем рассматривать их как одну союзную единицу.

- (4) *ná-tēj* *àkájí* *má* *tá* *nā-pōyī*
 1SG.PFV-сказать SUB.QUOTE 1SG.POSS отец NASS.3.PFV-уходить
 ‘Он сказал, что мой отец ушел’.

Помимо конструкций с союзными средствами в акебу также имеется две разновидности бессоюзных конструкций. Одной из них является конструкция с зависимым предикатом в форме конъюнктива, как в (5).

- (5) wə-lā-γá ká à-wēlí
WU-3.PFV-нужно SUB 2SG.CONJ-говорить
'Ты должен поговорить'.

Другой такой конструкцией является простое соположение главной и зависимой клауз, или паратакис, как в примере (6).

- (6) ḡ-cī náá-ḡḡḡ kì-fḡḡḡ-kā
1SG.STAT-знать NASS.3.HAB-писать GƏ-письмо-GƏ
'Я знаю, что он пишет письмо'.

Нефинитная стратегия оформления представлена формами номинализации и инфинитива. Номинализация представляет собой глагольную основу с префиксальным и суффиксальным показателями именного класса GƏ, тогда как в качестве инфинитива выступает глагольная основа с только префиксальным показателем того же класса. Номинализация практически всегда возможна в качестве альтернативы финитным конструкциям, а в случае фазового предиката sá 'начинать' она является единственно возможной стратегией. Инфинитив же используется почти исключительно с предикатом 'мочь', при котором также является единственным вариантом оформления в конструкции.

- (7) nó-wūḡ kḡfí lá à-pā-kā
1.PFV-думать Кофи POSS GƏ-приходить-GƏ
'Я думал, что Кофи пришел'.

- (8) nḡḡ-kḡḡḡ à-nḡḡ
1SG.HAB-мочь GƏ-петь
'Я могу петь'.

- (9) nāḡ-sá à-nḡḡ-kā
1SG.PROSP-начать GƏ-петь-GƏ
'Я начну петь'.

Наконец, сентенциальный актант может также маркироваться сериальным глаголом. Из рассмотренных нами в данной работе матричных предикатов такая стратегия в качестве единственно возможной используется с фазовым предикатом lé 'заканчивать'.

- (10) ná-ḡḡḡ kì-fḡḡḡ-kā ná-lé
1SG.PFV-писать GƏ-письмо-GƏ 1SG.PFV-закончить
'Я закончил писать письмо'.

Далее мы сосредоточим внимание на финитных стратегиях оформления сентенциальных аргументов и рассмотрим их употребление в сочетании с различными классами матричных предикатов.

3. Сочетаемость финитных стратегий с классами матричных предикатов

К финитным стратегиям оформления сентенциальных актантов среди перечисленных выше относятся следующие: стратегия с союзом *ká*, бессоюзная стратегия с конъюнктивом зависимого предиката, бессоюзная стратегия с соположением клауз, а также союзные стратегии с единицами *ákánó* / *ákáńí*, которые мы охарактеризуем далее в указанном порядке с точки зрения их сочетаемости с различными матричными предикатами.

Выбор матричных предикатов для исследования представляет собой не самую простую задачу, поскольку в языках мира наблюдается значительная вариативность в количестве и качестве предикатов, присоединяющих сентенциальные аргументы, а также в естественных классах, которые данные предикаты образуют. Попытки определить и описать типологически релевантные классы предпринимаются, к примеру, в работах [Givón 2001] и [Noonan 2007]. В [Givón 2001] приводится наиболее базовая когнитивно-универсальная классификация на три группы:

модальные предикаты ('хотеть', 'начать', 'заканчивать', 'пытаться');
 каузативные предикаты ('заставить', 'сказать', 'приказать', 'попросить');
 перцептивно-ментально-речевые предикаты, или PCU-предикаты ('хорошо', 'трудно').

Как будет показано в дальнейшем, именно последняя группа предикатов в оппозиции к первым двум классам играет важную роль в дистрибуции стратегий оформления сентенциальных актантов в акебу.

В работе [Noonan 2007], напротив, приводится довольно обширный список из 14 классов предикатов с более дробным делением на подклассы. Данная классификация, помимо базовых классов, таких как речевые или модальные предикаты, содержит также частные в семантическом отношении группы, такие как предикаты притворства или боязни, а также типологически более редкие классы, такие как отрицательные и сочинительные предикаты, что говорит о некоторой несбалансированности этого списка.

речевые предикаты ('сказать', 'обещать');
предикаты пропозиционального отношения ('верить', 'думать');
предикаты притворства ('представить', 'притвориться');
комментативные предикаты ('сожалеть', 'грустно');
предикаты знания и получения знания ('знать', 'понять');
предикаты боязни ('бояться', 'беспокоиться');
дезидеративные предикаты ('хотеть', 'надеяться');
каузативные предикаты ('заставить', 'сказать');
модальные предикаты ('мочь', 'должен');
импликативные предикаты ('случаться', 'повезло');
фазовые предикаты ('начать', 'закончить');
предикаты непосредственного восприятия ('видеть', 'слышать');
отрицательные предикаты ('не быть');
сочинительные предикаты ('и (потом)').

Некоторым компромиссом между данными подходами является классификация в работе [Сердобольская и др. 2012] на материале финно-угорских языков, которую мы будем использовать в нашем обзоре. Данная классификация подразделяет матричные предикаты на следующие классы:

модальные предикаты ('хотеть', 'надо');
фазовые предикаты ('начать', 'закончить'),
оценочные предикаты ('хорошо', 'трудно');
эмотивные предикаты ('бояться', 'удивлен');
предикаты восприятия ('видеть', 'слышать');
ментальные предикаты ('знать', 'думать', 'помнить');
предикаты каузации ('научить', 'помочь') и предикаты потенциальной ситуации ('согласен', 'привык');
предикаты речи ('говорить', 'сказать').

Следует оговориться, что данная классификация, как и любая классификация, довольно условна и далеко не всегда совпадает с естественным конкретно-языковым делением матричных предикатов с точки зрения их частных свойств и особенностей употребления. Тем не менее, благодаря ее компактности она, на наш взгляд, лучше всего подходит в качестве начального инструмента, позволяющего рассмотреть релевантное множество предикатов и выявить все основные закономерности маркирования аргументов.

Из вышеупомянутого списка мы рассмотрим все классы предикатов, за исключением фазовых предикатов, которые не присоединяют в акебу финитные зависимые клаузы.

3.1. Финитная стратегия с союзом *ká*

Стратегия с универсальным подчинительным союзом *ká* в том или ином виде используется в сочетании со всеми семантическими классами матричных предикатов. Так, например, данный союз оформляет зависимую клаузу при модальных предикатах *pá* ‘хотеть’ и *yá* ‘нужно’, требуя конъюнктив зависимого предиката.

- (11) *náá-pá ká ŋ-tí tǎtǎŋ*
 1SG.HAB-хотеть SUB 1SG.CONJ-есть что.INDEF
 ‘Я хочу что-нибудь съесть’.

- (12) *wà-lā-yá ká ē-yé ácútmā-yǎ cá*
 WU-3.PFV-нужно SUB 2SG.CONJ-делать работа-УЭ быстро
 ‘Ты должен сделать работу быстро’.

Такое оформление зависимых соотносится с типологической тенденцией, отмечаемой в [Noonan 2007: 110], согласно которой распределение конъюктива vs. индикатива по матричным предикатам основано на оппозиции реализа vs. ирреализа, ассертивности vs. неассертивности и независимой vs. зависимой временной референции. В данном случае конъюнктивное маркирование обусловлено всеми тремя оппозициями: зависимый предикат всегда характеризуется ирреальностью, неассертивностью и зависимостью временной референции от главного предиката.

Также *ká* может маркировать сентенциальные актанты оценочных предикатов *pónú* ‘хорошо’ (13) и *léŋ* ‘трудно’ (14) с конъюнктивом зависимого предиката.

- (13) *wà-pónú ká ā-méè à-mǎtí-yǎ*
 WU.STAT-хорошо SUB 2SG.CONJ-сосать УЭ-апельсин-УЭ
 ‘Хорошо бы тебе поесть апельсинов’.

- (14) *sā wà-léŋ ká wà-cá tǎkōŋbí kēŋū*
 DEM WU.STAT-сложно SUB WU.CONJ-готовить утро еда
 ‘Здесь сложно приготовить завтрак’.

В терминах [Noonan 2007] данные глаголы относятся к комментативным, для которых на основе их реальности и независимости временной референции более характерно индикативное оформление. Здесь, тем не менее, мы видим, что их употребление охватывает только такие контексты, в которых ситуация, которая выступает объектом оценки, имеет место лишь потенциально в ближайшем будущем.

Употребление *ká* с индикативом зависимого предиката при референции к плану прошедшего также возможно, что видно на примере (15), однако в этом случае *ká* используется не как комплементаризатор, а как сирконстантный союз с темпоральной семантикой, поэтому такие контексты остаются за рамками нашего рассмотрения.

- (15) *wà-léŋ ká ná-ŋàŋ kì-fùèè-ká*
 WU.STAT-сложно SUB 1SG.PFV-писать GЭ-письмо-ГЭ
 ‘Было трудно, когда я писал письмо’.

Стратегия с *ká* употребляется и с эмотивными предикатами *vùtá* *yé* ‘бояться’ и *wàléyé yāā* ‘удивлен’. Предикат *vùtá yé* ‘бояться’ может допускать как конъюнктивное, так и индикативное маркирование зависимого предиката. В первом случае речь идет о нереферентной ситуации (16a), во втором – о референтной ситуации (16b) в будущем.

- (16a) *vù-tā léé-yé mí ká ŋ-kùmī*
 страх-ДЭ 3.НАВ-делать 1SG.O SUB 1SG.CONJ-встретить
nì sā
 человек DEM
 ‘Я боюсь встретить этого человека (вообще)’.

- (16b) *vù-tā léé-yé mí ká nòò-kùmī*
 страх-ДЭ 3.НАВ-делать 1SG.O SUB 1SG.PROSP-встретить
nì sā
 человек DEM
 ‘Я боюсь того, что встречу этого человека (скоро)’.

Предикат *wàléyé yāā* ‘удивлен’, в свою очередь, допускает только индикативное маркирование, поскольку сентенциальный актант при данном предикате всегда обозначает референтную ситуацию.

- (17) *wə-lē-yé* *mí* *yāā* *ká* *ā-yā*
 WU-3.PFV-делать 1SG.O удивление SUB 2SG.STAT-PRS
léé-wè *wə*
 2SG.HAB-плакать PTCL
 ‘Я удивлен, что ты плачешь’.

В данном случае в соответствии с [Noonan 2007] противопоставление конъюнктивного и индикативного оформления в данном на оппозициях ирреальности vs. реальности и зависимой vs. независимой временной референции сентенциального аргумента.

Сентенциальный актант при данных предикатах также возможен в косвенно-объектной позиции, которая маркируется предлогом *tə*. Ниже в (18) приведен пример использования данной стратегии при предикате *sūū vūtə* ‘бояться’.

- (18) *nóó-sūū* *vù-tə* *tə* *ká* *ōlōō-kùmī* *ŋù*
 1SG.HAB-бежать страх-ДЭ PREP SUB 2SG.PROSP-встретить ŋU.O
 ‘Я боюсь, что ты его встретишь’.

Перцептивные предикаты *ŋūŋ* ‘видеть’ и *nù* ‘слышать’ с *ká* требуют индикативную форму зависимого предиката, поскольку речь всегда идет о восприятии референтных ситуаций.

- (19) *ná-ŋūŋ* *ká* *yā* *náá-sə* *wə-cí-kpə*
 1SG.PFV-видеть SUB ŋU.STAT.PRS ŋU.HAB-рубить GBƏ-дерево-GBƏ
 ‘Я вижу, что он рубит дерево’.

- (20) *nó-nù* *ká* *má* *kéè-yə* *lámátə lə-pə* *wə*
 1SG.PFV-слышать SUB 1SG.POSS друг-YƏ уже DŪ.PFV-прийти PTCL
 ‘Я слышал, что мой друг уже приехал’.

Аналогичным образом оформляется зависимый предикат с *ká* и при ментальных предикатах *cī* ‘знать’, *wūŋ* ‘думать’ и *tāālə* ‘помнить’.

- (21) *nó-wūŋ* *ká* *kòfí* *lā-cā* *nā* *kéè-yə*
 1SG.PFV-думать SUB Кофи DŪ.PFV-бить 3SG.POSS друг-DŪ
 ‘Я думал, что Кофи ударит своего друга’.

- (22) *ŋ-cī* *ká* *náá-ŋəŋ* *kì-fòèè-kə*
 1SG.STAT-знать SUB DŪ.HAB-писать GƏ-письмо-GƏ
 ‘Я знаю, что он пишет письмо’.

- (23) *yá náá-tààlě ká ñ-pālě*
1SG.STAT.PRS 1SG.HAB-помнить SUB 1PL.CONJ-прийти_{PROF}
‘Я помню, что он пришел’.

Ключевым свойством актантов при перцептивных и ментальных предикатах является их ассертивность, которая в сочетании с реальностью и независимостью временной референции в данном случае, как и в контексте типологии, проявляется в индикативном оформлении зависимого предиката.

Предикаты каузации и потенциальной ситуации делятся на конъюнктивные и индикативные. Так, например, предикат *tó* ‘помочь’ с *ká* оформляет зависимую ситуацию конъюнктивной серией.

- (24) *nó-tó ñò ká ñ-cáá*
1SG.PFV-помогать 1PL.O SUB 1PL.CONJ-готовить
‘Я ему помог готовить’.

В свою очередь, предикаты *káñ* ‘научить’ и *wə̀lāmá* ‘привыкнуть’ требуют при *ká* индикативной формы зависимого предиката.

- (25) *ná-káñ ñò ká pə̀-láá-sə̀ tʃáá-wə̀*
1SG.PFV-учить 1PL.O SUB 3.HAB-рубить дрова-WU
‘Я его научил рубить дрова (букв.: как рубят)’.

- (26) *wə̀-lā-má mí ká nóó-sūū*
WU-3.PFV-стать.привычным 1SG.O SUB 1SG.HAB-бежать
‘Я привык бегать’.

Разница между «конъюнктивными» и «индикативными» предикатами заключается в том, что первые действительно обозначают потенциальную ситуацию, следующую во времени за главной. Вторые же описывают некоторую актуальную в точке отсчета привычную ситуацию. То есть ключевую роль здесь, опять же, играет оппозиция зависимой и не зависимой временной референции: в первом случае сентенциальный актант получает конъюнктивное оформление, во втором – индикативное.

Предикат *tó* ‘помочь’ также допускает конструкцию с косвенно-объектной позицией зависимой клаузы. В этом случае, помимо

конъюнктивного оформления зависимой клаузы, возможно также индикативное².

(27) *nó-tó* *ŋù t̄ā ká ŋ-ŋɔ̄t̄ɔ̄* *kì-fùēē-kā*
 1SG.PFV-помогать ŋU.O PREP SUB ŋU.CONJ-писать GƏ-письмо-GƏ
 ‘Я ему помог писать письмо’.

(28) *nó-tó* *ŋù t̄ā ká nā-ŋɔ̄t̄ɔ̄* *kì-fùēē-kā*
 1SG.PFV-помогать ŋU.O PREP SUB NASS.3.PFV-писать GƏ-письмо-GƏ
 ‘Я ему помог писать письмо’.

Предикаты речи *tēŋ* и *tí* ‘сказать’ в (29, 30) допускают как индикативное, так и конъюнктивное оформление зависимого предиката. В первом случае предикат *tēŋ* ‘сказать’ описывает референтную ситуацию в будущем, тогда как во втором *tí* ‘сказать’ выражает семантику речевой каузации.

(29) *ná-tēŋ* *ká nāð-pā* *kàlàŋ*
 1SG.PFV-сказать SUB 1SG.PROSP-прийти быстро
 ‘Я сказал, что я приду быстро’.

(30) *né-tí* *ká ŋ-tá*
 1SG.PFV-сказать SUB ŋU.CONJ-рисовать
 ‘Я сказал, чтобы он рисовал’.

Здесь распределение оформления обусловлено всеми тремя оппозициями, упоминаемыми в работе [Noonan 2007]. В первом случае речевой предикат характеризуется ассертивностью, реальностью и независимостью временной референции сентенциального аргумента, тогда как во втором случае – напротив, неассертивностью, ирреальностью и зависимостью временной референции.

3.2. Бессоюзная конъюнктивная стратегия

Оформление сентенциальных актантов конъюнктивной формой без *ká* характерно для модальных предикатов *pá* ‘хотеть’ и *yíá* ‘должен’. При этом для *pá* при кореферентности субъектов главной и

² Предположительно, разница может заключаться в имплицативности каузального отношения, однако на настоящий момент мы не располагаем данными, подтверждающими данную гипотезу.

зависимой клауз такая стратегия является даже более употребительной, чем союзная.

(31) *páá-pá à-lààtíyè-pè pá-wáʔè tã dʒíŋ-tã*
1SG.HAB-хотеть вЭ-ребенок-вЭ вЭ.CONJ-играть PREP улица-ДЭ
'Я хочу, чтобы дети играли на улице'.

(32) *wà-lā-yiá ŋ-yé á-sútmā-yá*
WU-3.PFV-нужно 1SG.CONJ-делать YЭ-работа-YЭ
'Я должен делать работу'.

Еще один контекст использования бессоюзной конъюнктивной стратегии представляют собой матричные предикаты с семантикой каузации, и в том числе речевой каузации. Так, например, конъюнктивом оформляется зависимая клауза при предикатах *tó* 'помогать' и *tí* 'сказать' в (33, 34) ниже.

(33) *nó-tó ŋù ŋ-sà nē tʔá*
1SG.PFV-помогать ŋU.O ŋU.CONJ-рубить 3SG.POSS дрова
'Я ему помог рубить его дрова'.

(34) *né-tí ŋ-tá*
1SG.PFV-сказать ŋU.CONJ-рисовать
'Я сказал, чтобы он рисовал'.

Во всех вышеназванных контекстах использование бессоюзной конъюнктивной стратегии закономерно ввиду неассертивности, ирреальности и зависимости временной референции сентенциального актанта.

В редких случаях бессоюзный конъюнктив возможен и в других контекстах употребления конъюнктива с *ká*, как, например, с матричным предикатом *tâàlā* 'помнить' в (35).

(35) *yá náá-tâàlā ŋ-yū má à-kr̄-yá*
1SG.STAT.PRS 1SG.HAB-помнить 1SG.CONJ-забыть 1SG.POSS YЭ-сумка-YЭ
'Я помню, что я забыл свою сумку'.

3.3. Финитные стратегии с союзами *àkápá/àkárí* и соположением клауз

Союз *àkápá / àkárí* имеет более ограниченное употребление, чем *ká*, и используется преимущественно в кватативной функции. Веро-

ятым диахроническим источником данного союза является предикат речи, что соответствовало бы типологической тенденции, согласно которой комплементаризеры развиваются из предиката ‘сказать’ [Heine, Kuteva 2002: 269]. Прототипическое употребление данного союза охватывает предикаты восприятия, ментальные и речевые процессы (PCU verbs по [Givón 2001]), которые характеризуются ассертивностью, реальностью и независимостью временной референции, и поэтому оформляются преимущественно индикативной формой предиката. Так, например, в примерах (36, 37) *àkáná* / *àkání* оформляют sentенциальный актант при ментальных предикатах *cī* ‘знать’ и *wūj* ‘думать’.

(36) *ŋ-cī wə àkáná nō-fūtù*
1SG.STAT-знать PT SUB.QUOT NASS.3.PFV-дойти
‘Я знаю, что он пришел’.

(37) *nó-wūj àkání má tá yā néé-ŋi*
1SG.PFV-думать SUB.QUOT 1SG.POSS отец ŋU.STAT.PRS ŋU.HAB-есть
mɔ̀ɔ̀tə-kpə
рис-ГВƏ
‘Я думаю, что отец ест рис’.

Предикат *tēj* ‘сказать’ также оформляет sentенциальный аргумент при помощи данных союзов.

(38) *ná-tēj àkání má tá nā-pɔ̀yí*
1SG.PFV-сказать SUB.QUOT 1SG.POSS отец NASS.3.PFV-уходить
‘Он сказал, что мой отец ушел’.

Предикаты *tə* ‘слышать’ и *ŋi* ‘видеть’ не допускают маркирование зависимой клаузы союзами *àkáná* / *àkání* в контекстах прямой засвидетельствованности.

(39) **ná náá-tə àkáná tēj ŋ-pə*
1SG.STAT.PROG 1SG-HAB-слышать SUB один ŋU.CONJ-приходить
fé-wə sá
место-WU DEM
‘Я слышу, что кто-то идет сюда’.

(40) **ná-ŋi àkání má kéè-yə ŋ-yí*
1SG.PFV-видеть SUB.QUOT 1SG.POSS друг-ŋU ŋU.STAT-встать
tə fé-wə sá
PREP место-WU DEM
‘Я вижу, что мой друг стоит здесь’.

В цитативном и инферентивном же употреблении предикатов восприятия, как показывают примеры (41) с предикатом *nù* ‘слышать’ и (42) с предикатом *n̄ñ* ‘видеть’, использование данных союзов не ограничивается.

(41) *nó-nù* *àkání* *má* *kéé-yà* *nàmátà*
1SG.PFV-слышать SUB.QUOTE 1SG.POSS друг-ЯЭ уже
nā-pā *fé-wā* *sā*
NASS.3.PFV-прийти место-WU DEM

‘Я слышал, что мой друг уже пришел сюда’.

(42) *ná-n̄ñ* *àkání* *ālā-yí*
1SG.PFV-видеть SUB.QUOTE 2SG.PFV-остановиться

‘Я вижу, что ты остановился’

Эмотивные предикаты, как *sūū vùtā* ‘бояться’ в (43), также допускают *àkáná / àkání* лишь в том случае, если стимулом эмоции является информация не из первых рук. Характерным образом, оформление подчиненного предиката в данном случае конъюнктивное, поскольку он обозначает ситуацию, зависимую в отношении временной референции от главной.

(43) *nó-sūū* *vù-tā* *àkání* *ā-yí* *tā*
1SG.HAB-бежать страх-ДЭ SUB.QUOTE 2SG.CONJ-вставить PREP
fé-wā *sā*
место-WU DEM

‘Я боюсь того, что ты (как говорят) останешься здесь’.

Использование данной стратегии с какими-либо другими классами предикатов хотя и может иногда допускаться, в целом для аргументных конструкций в акебу нехарактерно.

3.4. Бессоюзная стратегия соположения финитных клауз

Еще один распространенный в акебу способ маркирования синтаксического аргумента представляет собой простое соположение матричной и зависимой клауз. Такая стратегия в целом типична для языков Тропической Африки [Noonan 2007: 66]. Использование партаксиса в общих чертах сходно со стратегией с союзом *àkáná / àkání*, так как охватывает контексты PCU-предикатов, но не

ных для инфинитивных форм контекстах при модальных предикатах и предикатах каузации.

Любопытное распределение обнаруживают стратегии с союзами *ḍkáṇá* / *ḍkáṇí* и паратаксис при PCU-предикатах (перцептивные, ментальные и речевые предикаты). Первая стратегия маркирует зависимость информации как вторичную, полученную из косвенного источника, вторая стратегия указывает на прямую засвидетельствованность полученной информации, тогда как все прочие стратегии нейтральны в этом отношении. Итоговое распределение представлено в Таблице 1.

	PCU-предикаты		Прочие предикаты
	Прямой доступ	Непрямой доступ	
Союз <i>ká</i>	+	+	+
Бессоюзная конъюнктивная	?	?	+
Соположение	+	*	?
Союзы <i>ḍkáṇá</i> / <i>ḍkáṇí</i>	*	+	?

Таблица 1: Распределение стратегий в зависимости от типа предиката и статуса информации

Существенно также, что оппозиция индикативного и конъюнктивного маркирования в рассматриваемых конструкциях имеет разную природу в зависимости от класса матричного предиката, и в целом обусловлена теми семантическими оппозициями, которые описаны в работе [Noonan 2007]. Примечателен случай эмотивных предикатов и предикатов каузации/потенциальной ситуации, при которых возможны оба типа оформления зависимого предиката. В обоих случаях разница в маркировании основана на оппозиции независимости vs. зависимости временной референции предиката в подчиненной клаузе.

Сокращения

CONJ – конъюнктив;
DEM – демонстратив;
HAB – хабитуалис;
INDEF – неопределенность;
NASS – неассертивность;
O – объект;
PFV – перфектив;
POSS – посессивность;

PQF – плюсквамперфект;
PREP – предлог;
PROG – прогрессив;
PROSP – проспектив;
PRS – презент;
PT – частица;
PTCL – частица;
QUOT – квотатив;

SG – единственное число;	ḶḶ, WḶ, YƏ, BƏ, DƏ, GƏ, GBƏ –
SUB – подчинительный союз;	класс;
STAT – статив;	1, 2, 3 – лицо.

Литература

- Макеева Н.В., Шлуинский А.Б.* Базовая глагольная система языка акебу // Африканский сборник. СПб: МАЭ РАН, 2013. Сс. 359–376.
- Макеева Н.В., Шлуинский А.Б.* Именные классы и согласование в языке акебу // Исследования по языкам Африки, вып. 5. М.: «Ключ-С», 2015. Сс. 174–200.
- Сердобольская Н.В., Ильевская А.А. и др.* Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. М.: «Studia Philologica», 2012. Сс. 382–476.
- Adjeoda D.* Eléments de morphosyntaxe du kebu, langue dite résiduelle du Togo. Mémoire pour l'obtention du Diplome de Maitrise et ES-lettres. Lomé: Université du Lomé, 2008.
- Amoua K.* Le système nominal du kebu. Maîtrise. Lomé: Univ. de Lomé, 2011.
- Djitovi A.* English and Akebu phonologies: a comparative analysis. Mémoire pour l'obtention du Diplome de Maitrise et ES-lettres. Lomé: Université du Lomé, 2003.
- Givón T.* Syntax: An introduction, vol. 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2001.
- Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Noonan M.* Complementation // Language typology and syntactic description. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 52–150.
- Storch A., Koffi, Y.* Noun Classes and Consonant Alternation in Akebu (Kə̀gbà̀rə̀kà̀) // Nominal Classification in African Languages. Frankfurter Afrikanistische Blätter 12. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2000. Pp. 79–98.
- Wolf F.* Grammatik des Kögörökö (Togo) // Anthropos 2, 1907. Pp. 422–437, 795–820.

Е.В. Перехвальская
(ИЛИ РАН)

НЕГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЮЖНОМ САН (диалект г. Тома)

Южный сан (сан-мака) относится к восточной подгруппе языков манде, он входит в кластер достаточно далеких друг от друга диалектов / языков (основные диалекты сан: мака, макья, майя). По данным Э. Эбермана [Ebermann Ms.], в подгруппе макья-майя можно выделить четыре разные диалектные группы¹. В каждом диалекте отмечаются также различия между говорами разных деревень и городов. Письменность разработана для трех основных диалектов: мака, майя и макья. В основу письменного варианта «диалекта» *мака* положен язык города Тома, административного центра провинции Найала.

Общие сведения о языке

Южный сан (сан-мака) сохраняет следующие основные характерные черты языков манде.

1. В южном сан представлены уровневые тоны, как лексические, так и грамматические. В сан-мака три уровневых тона (низкий, средний, высокий). Тоны являются смыслоразличительными. Есть грамматические тоны, тонально различаются, например, некоторые формы глаголов: ‘приходить’ *dāā* (нейтральная форма) – *dāà* (форма перфектива); в компактной именной синтагме тон второго элемента повышается: *nē* ‘ребенок’, *l̄5* ‘женщина’ → *nē l̄5* ‘дочь’. Тональные изменения имеют и другие грамматические функции.

2. В области фонетики южный сан характеризуется противопоставлением назализованных и неназализованных слогов; имеется гармония гласных по открытости-закрытости в пределах фонетиче-

¹ Местные учителя и активисты продвижения письменности на сан не разделяют этого мнения. Диалектное деление области макья-майя требует проверки.

ского слова (в принятой орфографии встречаются последовательности типа *oe*, но это условность).

3. В сан-мака жесткий порядок слов. Все грамматические слоты должны быть заполнены.

4. Как и для других языках манде для южного сан характерен линейный порядок следования элементов предложения:

Sub Aux OD V OI;

порядок следования элементов в генитивной и посессивной синтагмах:

Определение (обладатель) – определяемое (обладаемое);

порядок следования элементов ИГ

Sub – Adj – Num².

5. В сан-мака имеются послелого, адлоги других типов отсутствуют (показатель комитативной связи *ká* ‘с’ и показатель посессивной связи *ā* / *ŋ* я трактую как союзы).

6. В сан-мака выделяется группа релятивных существительных, не требующих показателя посессивной связи (названия частей тела, некоторых родственников, качеств).

Вместе с тем сан-мака обладает чертами, которые значительно отличают его как от языков группы южные манде, так и от языков манден. Так, его нельзя считать в полной мере изолирующим, он приближается к языку аналитического типа с преобладающей агглютинацией и значительными элементами фузии.

Отметим следующие особенности языка сан-мака.

Черты, отличающие сан от южных манде в области *фонетики*: а) отсутствие имплозивных согласных; б) фонологизация носовых сонантов *m, n, ŋ, ɲ*.

Важной фонетической чертой, отличающей сан-мака от всех других языков манде является распространение сингармонизма гласных по открытости на послелог переменного тона *ne / ne / ni* и омонимичную ему презентативную связку (несущую средний тон) *nē / nē / nī*.

По-видимому, нет смысла выделять в сан-мака стопу как отдельную просодическую единицу. Старые стопы типа CVLV в результате выпадения интервокальных согласных стянулись в долгие

² Sub – субъект; Aux – вспомогательный глагол; OD – прямой объект; V – предикат; OI – непрямой объект; Adj – адъектив; Num – числительное.

гласные CVV или дифтонги CV₁V₂³. В северных сан во многих случаях интервокальные согласные сохранились.

Словообразование. Случаи конверсии «глагол» ↔ «существительное» зарегистрированы, но этот способ словообразования является редким. Такая конверсия к тому же часто сопровождается меной тона. Это отличает сан-мака от языков манден, но сближает с некоторыми южными манде.

Распространена суффиксация, имеется несколько словообразовательных суффиксов.

Именные категории. В сан число, выражаемое в ИГ, а также в некоторых связках, является обязательной категорией.

Глагольные категории.

Глаголы в сан не лабильны – эта черта также является не характерной для большинства языков манде. В сан-мака формально выражается декаузатив, в функции которого выступает «возвратная форма глагола» (форма с возвратным местоимением *ŋ*).

В отличие от большинства языков группы южные манде, в сан-мака отсутствуют превербы, и напротив, имеются «последеложные глаголы», то есть такие, которые полностью меняют значение в зависимости от конкретного последелога; некоторые глаголы без последелога вообще не употребляются.

Широко распространена глагольная редупликация, выражающая глагольную множественность (повторяемость, интенсивность действия или множественность объектов).

В системе глагола в индикативе последовательно выражается вид: перфектив и имперфектив, которые кодируются разными морфологическими формами глагола. В конъюнктиве (не-индикативе) видовые различия не выражены, а глагол представлен нейтральной формой. Эта форма выступает также в отрицательной форме перфектива. Последняя форма принимается мною вслед за М. Паре и С. Платель за исходную [Paré 1999, Platiel 1974].

Таким образом, глагольная лексема представлена тремя формами: нейтральной, перфективной и имперфективной; примеры приведены в Таблице 1.

³ Последовательности типа CV₁V₂ можно считать последовательностью двух гласных, первая из которых произносится сверхкратко.

	Нейтральная форма	Перфектив	Имперфектив
‘есть’	<i>bī</i>	<i>bī̀</i>	<i>bī̄</i>
‘приходить’	<i>dāā</i>	<i>dā̀</i>	<i>dīē</i>
‘бить, убить’	<i>dē</i>	<i>dḕ</i>	<i>dī́</i>
‘посылать’	<i>dīā</i>	<i>dī̀</i>	<i>dīé</i>
‘поучать’	<i>dōrōō</i>	<i>dōrṑ</i>	<i>dōrēè</i>
‘прятать’	<i>dūrū</i>	<i>dūrū̀</i>	<i>dūrī</i>
‘оставаться’	<i>gōā</i>	<i>gṑ</i>	<i>gōē</i>

Таблица 1: Примеры глагольных форм сан-мака

По-видимому, формы перфектива и имперфектива восходят к нефинитным формам (номинализации, причастия и т.п.): они требуют при себе наличия предикативного показателя. Формы перфектива исторически, по-видимому, имели при себе суффикс (последлог), несущий низкий тон; формы имперфектива образовались путем прибавления суффикса *-e/-ε*⁴, который вызвал фонетические изменения основы.

Нейтральная же форма, по-видимому, является этимологически собственно глагольной: она не требует предикативного показателя. В настоящее время она появляется, как уже упоминалось, в неиндикативных формах, а также в отрицательной форме перфектива.

Различное происхождение форм перфектива и имперфектива с одной стороны и нейтральной формы, с другой, подтверждается их различным тональным поведением. В отличие от нейтральной, перфективная и имперфективная формы не повышают тон при наличии прямого непроминального дополнения, см. примеры.

В (1) представлена имперфективная конструкция (используются имперфективный предикативный показатель и имперфективная форма глагола):

- (1) *Mā ī* *wī* *bī̄*.
 1SG PM.IPFV.PR too есть.IPFV
 ‘Я ем too.’

⁴ В северных диалектах суффикс сохранился: в макья – это *-re*, *-re*, *-lere*, *-lere*.

В императиве (2) выступает нейтральная форма (тон глагола повышается, что сигнализирует о наличии прямого непрономинального дополнения):

- (2) *Kà wù bíí.*
 2PL.IMP тоо есть./
 ‘Ешьте тоо’.

В конъюнктиве (3) также выступает нейтральная форма (тон глагола повышается):

- (3) *Í pè mā Kōōdé wù bíí.*
 2SG.PFV сказать.PFV что Кооде тоо есть./
 ‘Ты сказал, чтобы Коде ел тоо’.

Основные глагольные конструкции (индикатив)

В системе индикатива имеются следующие видо-временные конструкции:

Перфектив		Имперфектив	
Утверд.	Отриц.	Утверд.	Отриц.
<i>Í / n̄ / ná + V-PFV</i>	<i>n̄ / 0 wā</i>	<i>tá / á + V-IPFV</i>	<i>bā / ā + V-IPFV wā</i>
<i>bīj V-PFV</i>	<i>bī V-PFV wā</i>	<i>n̄ / j̄ + V-IPFV</i>	<i>bīē + V-IPFV wā</i>

Таблица 2: Основные видо-временные конструкции (индикатив)

Примечания к Таблице 2:

1. Предикативные показатели (далее ПП) могут быть представлены несколькими (обычно двумя) вариантами.
2. Вариантом показателя перфектива *n̄* (положительная полярность) является повышение тона последнего гласного субъектной ИГ.
3. Полные варианты ПП появляются после ИГ с исходом на *-ŋ*, в иных случаях используются краткие варианты.
4. При прономинальном субъекте ПП *j̄* получает низкий тон (*j̄*).
5. ПП *n̄ / j̄* имеет форму 3.PL *màj̄*.
6. Предикативные показатели отрицательной полярности нельзя считать полными отрицательными аналогами соответствующих ПП положительной полярности. ПП *bā / ā* употребляется существенно чаще, чем ПП *bīē* и появляется при отрицании ситуаций, выраженных как *tá / á*, так и *n̄ / j̄*.

7. В отрицательной конструкции перфектива используется нейтральная форма.

Конструкции имперфектива с ПП *tá / á* и *bā / ā* чаще всего выражают длительное действие, актуальное настоящее, прогрессив. Конструкции с *ḡ / nā* и *bīē* выражают хабитуальное значение (обычное или повторяющееся действие). При этом «вечные истины» передаются обычно также ПП *nā / ḡ*.

Приведем примеры.

Перфектив. В (4) и (5) предикативный показатель материально представлен повышением тона последнего слога субъектной ИГ *l̄5 l̄6* ‘эта женщина’ → *l̄5 l̄6* ‘эта женщина + ПП’:

(4) *l̄5* *l̄6* *dāā.*
l̄5 *l̄6-* *dāā*
 женщина DEM.PFV прийти.PFV

‘Женщина пришла.’

(5) *l̄5* *l̄6* *bòé* *l̄6* *sā.*
 женщина DEM.PFV коза DEM продать.PFV

‘Женщина продала козу.’

Имперфектив – во всех конструкциях выступает имперфективная форма глагола. В (6) и (7) она сочетается с ПП *tá / á* (актуальное настоящее), в (8) используется ПП *nā / ḡ* (передается хабитуальное значение):

(6) *l̄5-ḡ* *l̄6-ḡ* *tá* *dīē.*
 женщина-PL DEM.PL PM.IPFV.PR прийти.IPFV

‘Женщины приходят.’

(7) *l̄5-ḡ* *l̄6-ḡ* *tá* *bòé* *sīē.*
 женщина-PL DEM.PL PM.IPFV.PR коза продать.IPFV

‘Женщины продают (сейчас) козу.’

(8) *l̄5* *l̄6* *ḡ* *bòé* *l̄6* *sīē.*
 женщина DEM PM.IPFV.HAB коза DEM продать.PFV

‘Женщина продает козу (все время).’

В отрицательных конструкциях выступают соответствующие ПП:

(9) *l̄5* *l̄6* *bā* *bòé* *l̄6* *sīē* *wā.*
 женщина DEM PM.IPFV.NEG коза DEM продать.IPFV NEG

‘Женщина не продает козу.’

Неглагольные предложения в сан. Связки

Неглагольными предложениями в сан следует считать предложения, где отсутствует глагольная лексема как в нейтральной форме, так и в формах перфектива или имперфектива.

В качестве связок выступают:

- 1) имперфективные предикативные показатели (обе полярности);
- 2) постпозитивные связки: связка существования и презентативная связка.

Имперфективные предикативные показатели в функции связок:

В функции связок неглагольных предложений выступают оба имперфективных показателя положительной полярности:

(10) *Ḍ tá píí ní sísíà.*

3PL COP.IPFV.PR рынок в сейчас

‘Они сейчас на рынке’.

(11) *Màḅ píí ní bārāābārāā.*

3PL.COP.IPFV.HAB рынок в каждый.день

‘Они каждый день на рынке’.

При этом как в глагольных предложениях, в связочной функции *tá / á* передает значение актуального настоящего; а ПП *nā / ḅ* – хабитуальное значение:

(12) *Céḅlé kè á kóó sísíà.*

дверь этот COP.IPFV.PR открытый сейчас

‘Двери этого дома сейчас открыты’.

(13) *Céḅlé màḅ kóó dúdúú.*

дверь 3PL.COP.IPFV.HAB открытый всегда

‘Двери этого дома всегда открыты’.

При отрицании в качестве связки всегда выступает только показатель *bā / ā* (как при передаче значения актуального настоящего, так и хабитуального значения):

(14) *Lṣ lè ā píí ní sísíà wā.*

женщина ART PM.IPFV.PR.NEG рынок в сейчас NEG

‘Эта женщина сейчас не на рынке’.

- (15) *L̄* *l̄è* *ā* *p̄i* *n̄i* *d̄úd̄úú* *w̄ā*.
 женщина ART PM.IPFV.PR.NEG рынок в всегда NEG
 ‘Эта женщина никогда не бывает на рынке’.

Собственно связки

Презентативная связка n̄ē / n̄ē / n̄ī занимает конечную позицию в клаузе – справа может помещаться только показатель отрицания *w̄ā*.

В южном сан презентативная связка выступает в трех сингармонических вариантах в зависимости от подъема предыдущего гласного: *n̄ē* – после открытых гласных (*a, ə, e*); *n̄ē* – после гласных среднего подъема (*o, e*); *n̄ī* – после закрытых гласных (*u, i*).

- (16) *s̄ōj̄* *n̄ē*.
 дом COP

‘Это дом’.

В форме 3 л. мн.ч. презентативная связка имеет вид *m̄ān̄è*.

Связки существования táj̄ (с утвердительной полярностью) и *b̄āj̄b̄āj̄* (с отрицательной полярностью) обычно также занимают конечную позицию в клаузе (исключение, см. (20)). Отрицательная связка *b̄āj̄b̄āj̄* может сочетаться с показателем отрицания *w̄ā*.

- (17) *L̄āw̄à* *t̄āj̄*.
 Бог COP

‘Бог есть’.

- (18) *B̄ōȳō* *ā* *w̄ur̄ù* *b̄āj̄b̄āj̄*.
 Бойо POSS поле COP.NEG

‘У Бойо нет поля’.

Типы неглагольных предложений сан-мака

Конструкции с одним аргументом

Экзистенциальная конструкция утверждает существование, наличие чего-то. Она использует связки существования *t̄āj̄* и *b̄āj̄b̄āj̄*.

- (+) NP *t̄āj̄*
 (–) NP *b̄āj̄b̄āj̄* ... (*w̄ā*)

- (19) *Dōŋ tāj bābārāā gígíá táŋ.*
саванна вещь опасный много COP

‘В саванне много опасных зверей’.

- (20) *Píi bāŋbāŋ kīwí kè-n wā.*
рынок не.имеется деревня этот-в NEG

‘В этой деревне нет рынка’.

Презентативная конструкция указывает на референта ИГ, называет его.

В утвердительных предложениях употребляется презентативная связка *nē*, в отрицательных предложениях – предикативный показатель *bīē* в связочной функции:

+ NP *nē*

– NP *bīē wā*

- (21) *Māsé ā nēnāāŋ-nā mǎnè.*
1 SG.EMPH POSS ребенок-PL PCOP.PL

‘Это мои дети’.

- (22) *Kōō-ná bīé wā, gá-ná mǎnè.*
кураца-PL PM.IPFV.HAB.NEG NEG цесарка-PL PCOP.PL

‘Это не куры, это цесарки’.

Конструкции с двумя аргументами

Квалитативная конструкция выражает приписывание референту ИГ некоторого качества.

(+) NP *tá (nā)* Adj

(–) NP *bā* Adj *wā*

- (23) *Dìi kélè lá á kākā.*
подниматься гора на COP.IPFV.PR твердый

‘Взбираться на гору трудно’.

- (23) *Sōŋ kè gǎnóŋ bā fú wā.*
дом этот тело COP.IPFV.PR.NEG белый NEG

‘Этот дом не белый’.

В квалитативной конструкции чаще используются связки *tá / á* (с утвердительной модальностью) и *bā / ā* (с отрицательной модальностью): пример (24).

Употребление связки *nā / ŋ* (с утвердительной модальностью) также возможно, при этом передается временное качество. В примере (25) качество ‘высокий’ является не абсолютным, а относительным (братья высокие или кажутся таковыми только в данной группе людей).

(24) *Bòyóŋ díé-ŋ tá gólé.*
 Бойо младший.сиблинг-PL COP.IPFV.PR большой
 ‘Братья Бойо высокие’.

(25) *Bòyóŋ díé-ŋ màŋ gólé.*
 Бойо младший.сиблинг-PL 3PL.COP.IPFV.HAB большой
 ‘Братья Бойо высокие (в данной группе людей)’.

Квантификативная конструкция строится аналогично.

(+) NP *nā* Num

(–) NP *bā* Num *wā*

(26) *Māā gíŋ nā màŋ sī.*
 1SG-POSS собака COP.IPFV.HAB вещь четыре
 ‘Моих собак четыре’ (где *màŋ* счетное слово).

Эквативные конструкции указывают на идентичность двух референтов ИГ.

В этих конструкциях используется имперфективный предикативный показатель в функции связки в сочетании с послеложной комитативной группой, представляющей собой рамочную конструкцию.

а) Полные эквативные конструкции. Указывают на полное тождество двух референтов ИГ.

(+) NP₁ *nā ká* NP₂ *né*

(–) NP *bā* Adj *wā*

(27) *Būrkiná Fàsò ā kīwī gólé ŋ ká Wэдзз né.*
 Буркина Фасо POSS деревня большой COP.IPFV.HAB COMIT Уага с
 ‘Столица Буркина Фасо – Уага’.

б) Конструкции ситуативной эквативности. По значению и по форме эти конструкции близки к аскриптивным. В качестве связочного элемента могут выступать все имперфективные показатели (обе полярности). ИГ₂ оформляется послелогом *lēā*, который никаких функций в языке не имеет⁵.

(+) NP₁ *tá*, *nā* NP₂ *lēā*

(-) NP₁ *bā*, *bīē* NP₂ *lēā wā*

(28) *Bálá lè á là lēā.*
поле ART COP.IPFV.PR прибыль EQUAT
‘Индивидуальное поле – это прибыль’.

(29) *Bē tūmàà ĩ dí lēā.*
это все COP.IPFV.HAB работа EQUAT
‘Все это – работа’.

(30) *Wúsú gígíá bīē wù lēā wà.*
мука много COP.IPFV.HAB.NEG тоо EQUAT NEG
‘Много муки – еще не тоо (т.е. нужно приложить труд)’.

Аскриптивные конструкции приписывают референта ИГ к определенному классу.

Используется связка *nā* и послеложная конструкция NP *lēā*.

(+) NP₁ *nā* NP₂ *lēā*

(-) NP₁ *bā* NP₂ *lēā wā*

(31) *Mártí ĩ māā nēlós léá.*
Марта COP.IPFV.HAB 1SG POSS дочь EQUAT
‘Марта – моя дочь’.

(32) *Sálífù ĩ làṅdā-dēnāā lēā.*
Салиф COP.IPFV.HAB традиция-владелец EQUAT
‘Салиф – знаток традиций’.

⁵ Высказывались иные точки зрения на частеречный статус *lēā*. М. Паре считает этот элемент глаголом, имеющим значение ‘быть как’ («être comme») (Paré 1998). Однако, на синхронном уровне это послелог, каким бы ни было его происхождение.

- (33) *Bòyóŋ bā fỳ̀ lēā wà.*
 Бойо COP.IPFV.PR.NEG кузнец EQUAT NEG
 ‘Бойо – не кузнец’.

В *конструкциях спецификации* выделяется отдельный элемент внутри некоторого класса. В качестве связочных элементов используются имперфективные предикативные показатели и послеложная комитативная конструкция.

- (+) NP₁ *nā ká* NP₂ *né*
 (–) NP₁ *bā ká* NP₂ *né wā*

- (34) *Fỳ̀ ĩ́ ká Bōyō né.*
 кузнец COP.IPFV.HAB COMIT Бойо с
 ‘Кузнец – Бойо’.

- (35) *Māā nēlō ĩ́ ká Mār̀ti ní.*
 1SG.POSS дочь COP.IPFV.HAB COMIT Марта с
 ‘Моя дочь – Марта.’

Локативные конструкции указывают на местонахождение референта ИГ.

- (+) NP₁ *tá* Loc
 (–) NP₁ *bā* Loc *wā*

- (36) *Lō tá píí ní.*
 женщина COP.IPFV.PR рынок в
 ‘Женщина (находится) на рынке’.

- (37) *Lō bā píí ní wā.*
 женщина COP.IPFV.PR.NEG рынок в NEG
 ‘Женщина (находится) не на рынке’.

- (38) *Mā-ā nēlō-ĭ́ tá kùŋ māné mā-ā cōĵ.*
 1SG.POSS дочь-PL COP.IPFV.PR вместе 1SG-COMIT 1SG-POSS дом
 ‘Мои дочери находятся со мной в моем доме’.

Темпоральные конструкции локализуют выраженную ИГ ситуацию во времени.

- (39) *Zōĵ kē bā lē bóé wā.*
 праздник этот COP.IPFV.PR.NEG год вернуться.из.IPFV NEG
 ‘Праздника не будет в следующем году’.

Посессивные конструкции

В сан-мака есть две посессивные конструкции: конструкция со связкой существования типа «отец Бойо существует» и конструкция с послелогом. Это сближает сан-мака с южными манде, многие из которых также имеют типологически сходные посессивные конструкции, см, например, [Федотов 2015]. По классификации Л. Стассена [Stassen 2009], это «дополнительный» (то есть более редкий тип), который назван им приименная притяжательная конструкция (*adnominal possessive construction*).

а) Приименная притяжательная конструкция в сан-мака строится аналогично экзистенциальной конструкции (используются связки существования *táŋ* (с утвердительной модальностью) и *bāŋbāŋ* (с отрицательной модальностью)):

(+) NP₁ NP₂ *táŋ*

(-) NP₁ NP₂ *bāŋbāŋ* (*wā*)

(40) *Bōyō ā wùrù bāŋbāŋ.*

Бойо POSS поле COP.NEG

‘У Бойо нет поля.’

(41) *Bōyó ā nēl̄s páá táŋ.*

Бойо POSS дочь два COP

‘У Бойо две дочери.’

б) Послеложная конструкция. По классификации Л. Стассена такие конструкции являются «локативными» (*locational*). В большинстве языков манде в подобных конструкциях используется послелог со значением «рука». В сан-мака послелог *lōŋ* не этимологизируется на синхронном уровне. Таким образом, в сан-мака имеется специализированный посессивный послелог, что для языков манде не характерно.

(+) NP₁ *tá* NP₂ *lōŋ*

(-) NP₁ *bā* NP₂ *lōŋ* *wā*

(42) *Wùrù tá Bōyōŋ lōŋ.*

поле PM.IPFV.1 Бойо во.владении

‘У Бойо есть поле.’

(43) *Wórú bā mā lōŋ wā.*

деньги COM.IPFV.NEG 1SG во.владении NEG

‘У меня нет денег (с собой).’

Различие между двумя посессивными конструкциями заключается, по-видимому, в том, что в первая конструкция выражает постоянное обладание (посессор является «легальным» владельцем), а во втором случае речь идет не о владении как таковом, а о наличии чего-то.

В материалах найден один пример использования локативной конструкции с существительным *gɔ̃ŋ* ‘рука’ для передачи посессивного значения:

- (44) *Bè wórɔ̃ nā à gɔ̃ŋ.*
 когда деньги FOC 3SG рука
 ‘Если бы у него были деньги...’

Возможно, в связи с утратой послелогом *lòŋ* лексического значения, в сан-мака возникает новая посессивная конструкция, построенная по той же модели.

Вспомогательный глагол *gɔ̃ā*

Вспомогательный глагол *gɔ̃ā* (перф. *gòà*, имперф. *gòè*) имеет лексическое значение оставаться (это значение используется в глоссах).

В глагольных предложениях *gɔ̃ā* может передавать значение «ретроспективного сдвига» (действие происходило давно, потеряло актуальность или более не повторяется).

- (45) *Lélé má gɔ̃ā bōé séwò kíē lā.*
 раньше 1SG.PM.PFV остаться.PFV мочь.IPFV бумага писать.OD на
 ‘Раньше я умел писать (а теперь разучился) (комментарий ликвидатора неграмотности «Это часто бывает»)’.

В неглагольных предложениях *gɔ̃ā* употребляется для переноса действия в план прошедшего или будущего. При этом данные предложения становятся формально глагольными. При переносе ситуации в план прошедшего *gɔ̃ā* выступает в форме перфектива:

- (46) *Bòyó gòà wùrù-dēnā léá.*
 Бойо.PFV остаться.PFV поле-владелец EQUAT
 ‘Бойо был (когда-то) владельцем поля’.
- (47) *Còŋ gólé kè gònóŋ nā á gòà fú.*
 дом большой этот тело PCOP 3SG.COP.PFV оставаться.PFV белый
 ‘Этот большой дом был белым’.

- (48) *L̄ṣ gōḡ rīi-n wā.*
 женщина оставаться рынок-в NEG

‘Женщина не была на рынке’.

При переносе действия в план будущего используется имперфективная форма глагола с ПП *tá/á* (49) или *n̄/ṅ* (50) и показателем будущего *rē*:

- (49) *Cōṅ kè gənónj tá rē gōḡḡ fú.*
 дом этот тело COP.IPFV.PR FUT остаться.IMPF белый

‘Этот дом будет белым’.

- (50) *Zón kè ṅ gòḡḡ bṅḡ.*
 праздник этот COP.IMPF.NAV остаться-IPFV завтра

‘Праздник будет завтра’.

Заключение

Конструкции, используемые в неглагольных предложениях южного сан можно представить в виде следующей таблицы.

Форма	Конструкция	Значение
<i>tá</i> (+), <i>bāṅbāṅ</i> (–)	связки существования	экзистенциальная, приименная, притяжательная конструкции
<i>nē</i> (<i>nē</i> , <i>nī</i>)	презентативная связка	презентативная конструкция
<i>tá</i> (+) <i>n̄</i> (+) Adj (Num) <i>bā wā</i> (–)	имперфективные ПП в функции связок	квалитативная, квантитативная конструкции
<i>tá</i> (+) <i>n̄</i> (+) NP + postp <i>bā wā</i> (–)	имперфективные ПП в функции связок с послеложной конструкцией	локативная, темпоральная, притяжательная конструкции
<i>n̄</i> + <i>ká</i> NP <i>né</i>	имперфективный ПП <i>n̄</i> в функции связки с комитативной рамочной конструкцией <i>ká ... né</i>	(полная) эквативная конструкция и конструкция спецификации
<i>n̄</i> + NP <i>lḡā</i>	имперфективный ПП <i>n̄</i> в функции связки с послеложной конструкцией	(ситуативная) эквативная, аскриптивная конструкции

Таблица 3: Конструкции в неглагольных предложениях сан-мака

Из Таблицы 3 следует, что наибольшее распространение имеют конструкции с послелогом, построенные по аналогии с локативной конструкцией. В отдельные рубрики вынесены эквативные и аскриптивная конструкции, а также конструкция спецификации, поскольку в их состав входит только связка (имперфективный ПП) *nā*. Ситуативно эквативные и аскриптивные значения передаются конструкцией со специализированным послелогом *lēā*, а послеложная притяжательная конструкция строится с участием специализированного послелога *lōj*.

Сокращения

1 – 1 лицо;	Num – числительное;
2 – 2 лицо;	OD – прямое дополнение;
3 – 3 лицо;	OI – косвенное дополнение;
Adj – прилагательное;	PCor – презентативная связка;
Art – артикль;	Pfv – перфектив;
Comit – комитатив;	Pl – множественное число;
Cor – связка;	PM – предикативный показатель;
Dem – указательное местоимение;	Poss – союз посессивной связи;
Emph – эмфатическое местоимение;	Postp – послелог;
Equat – эквативный послелог;	Pr – прогрессив;
Hab – хабитуалис;	S – подлежащее;
Imp – императив;	Sg – единственное число;
Ipfv – имперфектив;	V – глагол;
Neg – отрицание;	ИГ – именная группа;
NP – именная группа;	ПП – предикативный показатель.

Литература

- Федотов М.* Петина машина существует: неглагольные предикации в гбан (южные манде) и «приименной» тип предикативных посессивных конструкций. Доклад на юбилейной конференции «Африканское языкознание». Москва, ИЯз РАН, 2–4 дек. 2015.
- Ebermann, E.* Sane subclassification (map, manuscript).
- Paré M.* Derivation, composition et syntagmes nominaux en san (parler de Yaba). Rapport de D.E.A. Ouagadougou: Université d'Ouagadougou, 1999.
- Paré M.* L'énoncé verbal en san (parler de Yaba). Mémoire de maîtrise. Ouagadougou: Université d'Ouagadougou, 1998.
- Platiel S.* Description du parler samo de Toma, Haute-Volta. Phonologie, syntaxe. Thèse pour le doctorat d'Etat, 1974.
- Stassen L.* Predicative possession. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

О СОНГАЙСКИХ ИМЕННЫХ ФОРМАХ И ПРОБЛЕМЕ СИНКРЕТИЗМА В ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

1. Предварительные замечания

Тот факт, что звучание некоторой формы зависит от множества условий (фонетического контекста, регистра речи и пр.), общеизвестен. В большинстве случаев для грамматиста этот факт не является источником проблем: достаточно краткого пояснения, например, о том, что в беглой речи все выглядит немного не так, как должно, но «истинная грамматика» хорошо просматривается при четком произнесении. Более затруднительной оказывается ситуация, если некоторое явление касается основ грамматической структуры языка, но при этом проявляется только в периферийных фонетических контекстах. Здесь грамматисту приходится принимать неоднозначные решения, которые должны определить, как будет выглядеть данная грамматическая система. Одному такому случаю посвящена эта небольшая статья.

Объектом анализа являются именные формы в сонгай Гао¹. Несмотря на кажущуюся предельную простоту сонгайской именной парадигмы, где две бинарных категории – число и определенность – образуют четыре формы (Таблица 1), остается немало вопросов о ее устройстве. Так, например, в работе [Виноградов 1998] была отмечена семантическая мотивированность конечных гласных в неопределенной форме единственного числа.

В настоящей работе будет рассмотрен другой аспект сонгайской именной парадигмы, а именно синкретизм форм.

¹ Сонгай Гао – один из сонгайских языков, самый крупный сонгайский язык на территории Мали. До недавнего времени считался диалектом, а не самостоятельным языком. Относится к восточной ветви сонгайских языков (наряду с зарма, денди, сонгай Хомбори и сонгай тонди). Количество носителей составляет 430 тысяч человек по данным на 2007 год [Lewis et al. (eds.) 2016]. Является младописьменным языком.

Определенность \ Число	Единственное	Множественное
Неопределенная	Indef Sg	Indef Pl
Определенная	Def Sg	Def Pl

Таблица 1: Структура именной парадигмы в сонгай Гао

Общая структура именной парадигмы выглядит следующим образом.

а. Различие парадигматических классов возникает за счет определенных форм единственного и множественного числа и неопределенной формы единственного числа (неопределенная форма множественного числа всегда одинаково образуется при помощи показателя *-yan*);

б. Два основных парадигматических класса различаются вариантами показателя определенной формы единственного числа (*-o* или *-a*), с которыми коррелируют варианты показателей определенной формы множественного числа (*-ey* и *-awey* соответственно). Остальные «нестандартные» парадигматические классы, представленные небольшим числом лексем, допускают различные комбинации показателей, но в данной работе рассматриваться не будут (подробнее про парадигматические классы см. [Rozhanskiy 2007]). Подклассы двух основных классов образуются за счет различных конечных гласных в неопределенной форме единственного числа (Таблица 2).

Класс	Indef Sg	Def Sg	Def Pl	Пример			
				Indef Sg	Def Sg	Def Pl	значение
1	i	o	ey	<i>daasi</i>	<i>daaso</i>	<i>daasey</i>	топор
	u			<i>honda</i>	<i>hondo</i>	<i>hondey</i>	холм
	Ø			<i>hancin</i>	<i>hancino</i>	<i>hanciney</i>	коза
2	a	a	awey	<i>hayla</i>	<i>hayla</i>	<i>haylawey</i>	кошка
	aw			<i>kusaw</i>	<i>kusa</i>	<i>kusawey</i>	пыль
	ey			<i>bondey</i>	<i>bonda</i>	<i>bondawey</i>	волна

Таблица 2: Основные парадигматические классы имен в сонгай Гао

Как видно из Таблицы 2, в большинстве случаев форма имеет уникальное окончание, то есть различие форм обусловлено отличающимся качеством сегментов. Совпадение одного из окончаний не-

определенной формы единственного числа во втором парадигматическом классе с показателем определенной формы множественного числа в первом парадигматическом классе (ср. *bondey* ‘волна.Indef.Sg’ и *daasey* ‘топор.Def.Sg’) не создает какой-либо проблемы, поскольку это различные формы разных классов. Проблема возникает со вторым парадигматическим классом, где показатель *-a* используется для образования определенной формы единственного числа от существительных, оканчивающихся на *-a* в неопределенной форме единственного числа (как, например, у существительного *hayla* ‘кошка’). Данная проблема формулируется так: действительно ли указанные формы совпадают (то есть мы имеем дело с синкретизмом) или же они каким-либо образом различаются?

Если выдвинуть версию о различии форм, то в первую очередь возникает мысль о количественных различиях: во-первых, в сонгай Гао существует противопоставление кратких и долгих гласных (ср., например, *kabe* ‘рука’ и *kaabe* ‘борода’), во-вторых, наиболее авторитетный источник [Heath 1999: 43] недвусмысленно постулирует: «Я теперь считаю суффиксом определенной формы единственного числа *-oo* или *-aa*». Соответственно, практическая транскрипция, используемая в работах [Heath 1998, 1999], предлагает записывать определенные формы единственного числа с долгим гласным: *beena* ‘небо.Indef.Sg’ – *beena* ‘небо.Def.Sg’, *isa* ‘река.Indef.Sg’ – *isaa* ‘река.Def.Sg’, *taasu* ‘зерно.Indef.Sg’ – *taasoo* ‘зерно.Def.Sg’. Казалось бы, на этом основная проблема решена и ответ на вопрос получен: существенного синкретизма в именной парадигме нет, поскольку, определенная форма единственного числа отличается от неопределенной количеством гласного².

Однако, за высказанным утверждением о суффиксе определенной формы единственного числа в [Heath 1999: 43–44] сразу следует оговорка. Автор отмечает, что долгота гласного в определенной форме единственного числа слышна лишь в некоторых фонетических контекстах (а именно, если за именем следует CV-морфема, например, послелог или дискурсивный маркер [Heath 1999: 52]). В прочих же случаях, то есть перед паузой или консонантным кластером, происходит сокращение конечного гласного.

² Сразу заметим, что ударение в сонгай не является смысловоразличительным. Вопрос тоновых различий будет обсуждаться ниже.

Насколько можно понять, данные, приводимые в [Heath 1999], не проверялись экспериментально, и основные выводы делались на основе восприятия длительности гласного исследователем. В результате, некоторые вопросы, касающиеся механизма образования определенных форм, не находят ответа. Так, остается неясным, происходит ли при сокращении долгого гласного его полное совпадение с кратким или нет. Отмечая сокращение конечного гласного перед паузой, автор не проясняет, касается ли это естественной речи или также относится к изолированным намеренно четким произнесениям форм.

Спектр таких вопросов требует детального фонетического исследования. Имеющийся в нашем распоряжении фрагментарный материал не позволяет провести подробный анализ, однако все же дает возможность сделать некоторые выводы об устройстве сонгайской именной парадигмы.

В разделе 2 описываются использованные в статье данные и методы, раздел 3 посвящен описанию проведенных фонетических исследований, а в заключительной части (раздел 4) обобщаются полученные результаты и формулируются выводы.

2. Данные и методы

Для данного исследования использовались следующие аудиозаписи, сделанные автором статьи:

- около трехсот изолированных произнесений именных форм (неопределенной и определенной формы единственного числа и определенной формы множественного числа), полученные от носителя сонгай Гао (говор деревни Чиирисооро возле Гао), далее – Носитель 1; запись сделана на рубеже 1988–1989 годов;

- запись сказки от того же говорящего (сделана в то же время);

- запись 28 произнесений неопределенной и определенной форм единственного числа имен с основой на *-a*, сделанная от носителя сонгай Гао³ (далее – Носитель 2) в 2003 году;

- запись сказки, сделанная в 1999 году от носителя сонгай Гао (родившегося в деревне Кару около Лабезанга и проживавшего в деревне Сиридан района Ансонго), далее – Носитель 3.

³ К сожалению, точные данные о говоре отсутствуют. По всей видимости, это один из говоров в окрестностях Гао.

Все носители – молодые мужчины в возрасте 20–30 лет (на момент записи).

Автор выражает свою благодарность носителям сонгай Гао, от которых были получены языковые данные⁴.

Все записи были сделаны на кассетный магнитофон/диктофон с внешним динамическим микрофоном. Анализ записей производился при помощи программы фонетического анализа Praat [Boersma, Weenink 2016].

Для статистической оценки данных использовался однофакторный анализ ANOVA.

3. Эксперименты и результаты

Предварительный эксперимент на тему различия определенной и неопределенной форм единственного числа был проведен автором еще в 2003 году. Этот эксперимент был не инструментально-фонетическим, а перцептивным. В первой части задания Носителю 2 предлагалось прослушать около трех десятков произнесений сонгайских имен с основой на *-a*, записанных от Носителя 1. Определенные и неопределенные формы, на слух совпадающие по качеству сегментов, давались вперемежку. Носитель 2 должен был определить, какую форму (определенную или неопределенную) он услышал. Во второй части задания аналогичным образом предлагалось установить определенность формы, но только в этом случае использовался набор произнесений, записанных от самого Носителя 2. К сожалению, подробности эксперимента не сохранились, а был зафиксирован только его основной результат. В первой части задания количество правильных ответов было около 50%, то есть Носитель 2 оказался неспособен определить грамматическую характеристику формы, произнесенной Носителем 1. Во второй части задания процент правильных ответов был несколько ниже 80%, то есть примерно в одном случае из двух грамматическая характеристика формы была действительно определена⁵. Такой результат позволил сделать вы-

⁴ Также автор очень признателен коллегам, высказавшим ряд ценных замечаний к статье, – Н.В. Кузнецовой и А.Б. Шлуинскому.

⁵ Когда испытуемый умеет правильно определить половину форм, а в другой половине случаев действует наугад, ожидаемый результат правильных отве-

вод, что при изолированном произнесении не существует четкого фонетического контраста форм. Первая часть эксперимента доказала, что такой контраст у Носителя 1 либо вообще отсутствует, либо имеет специфические диалектные признаки, которые Носитель 2 не распознает. Вторая часть эксперимента показала, что у Носителя 2 существует некоторый нечеткий механизм различения форм, но природа этого механизма неясна.

Перейдем к рассмотрению материала, исследованного инструментально-фонетическими методами.

Эксперимент 1.

Исследуемая гипотеза предполагала, что в изолированных произнесениях слов длительность конечного гласного в определенной и неопределенной формах могла быть различной. В качестве факторов, которые также могли оказать влияние на длительность гласного, учитывалась структура слова и качество конечного гласного. Поэтому из материала, записанного от Носителя 1, было выбрано несколько групп произнесений таким образом, чтобы у форм каждой группы совпадала структура и качество конечного гласного. В эксперименте рассматривались две структуры: CVVCV и CVCCV. Три группы представляли неопределенную форму единственного числа: CVVCV с конечным *i*, CVVCV с конечным *a* и CVCCV с конечным *i*. У каждой из этих групп имелся аналог среди произнесений определенной формы единственного числа: группы с формами структуры CVVCV и конечными *o* и *a* соответственно и группа CVCCV с конечным *o*. Заметим, что полной сопоставимости неопределенных и определенных форм достигнуть невозможно, поскольку в них конечный гласный различается по качеству: только у слов с основой на *-a* в неопределенной форме наблюдается такой же конечный гласный, как и в определенной форме. В остальных случаях конечный гласный меняется (так, слова на *i* в неопределенной форме получают признак *o* в определенной форме)⁶. Кроме того, в список исследуемых произ-

тов составляет 75% (то есть 50% форм определяются правильно, поскольку испытуемый знает ответ, и 25% – т.е. каждая вторая из другой половины – есть результат случайного попадания при выборе из двух вариантов).

⁶ Для того чтобы понять, насколько качество конечного гласного сказывается на его длительности, достаточно сопоставить группы одинаковой струк-

несений была добавлена еще одна группа с определенными формами структуры CVCCV и конечным гласным *a* (соответствующие неопределенные формы этих слов не рассматривались, поскольку оканчивались на дифтонг, ср. *farkey* ‘осел.Indef.Sg’ – *farka* ‘осел.Def.Sg’). Данные эксперимента представлены в Таблице 3 и на Диаграмме 1.

Структура	Кол-во произн.	V2	V1 (мс)	V2 (мс)	См. откл. V2 (мс)	Пример
<i>Indef Sg</i>						
CVVCV	5	i	151	116	27	<i>feeji</i> ‘баран.Indef.Sg’
CVVCV	5	a	138	109	16	<i>beena</i> ‘небо.Indef.Sg’
CVCCV	5	i	80	132	12	<i>gondi</i> ‘змея.Indef.Sg’
<i>Def Sg</i>						
CVVCV	6	o	144	103	18	<i>feejo</i> ‘баран.Def.Sg’
CVVCV	5	a	127	108	20	<i>beena</i> ‘небо.Def.Sg’
CVCCV	5	o	83	130	16	<i>gondo</i> ‘змея.Def.Sg’
CVCCV	4	a	89	119	16	<i>farka</i> ‘осел.Def.Sg’

Таблица 3: Длительность и качество конечных гласных в неопределенных и определенных формах разных структур (Носитель 1)

туры с различным конечным гласным. В нашем материале такое сопоставление было сделано для групп структуры CVVCV (и в неопределенной, и в определенной формах). Как видно из Таблицы 3, средняя длительность конечного гласного в этих группах практически не различается (116 vs. 109 мс и 103 vs. 108 мс).

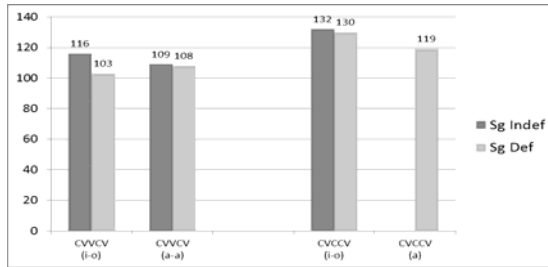

Диаграмма 1: Длительность конечных гласных в неопределенных и определенных формах разных структур (Носитель 1)

Никаких статистически значимых различий между длительностью конечных гласных в определенной и неопределенной формах зафиксировано не было.

Это позволяет сделать вывод, что при изолированном произнесении контраст анализируемых форм по длительности у Носителя 1 отсутствует.

Также полученные результаты демонстрируют отсутствие корреляции между длительностью конечного гласного и его качеством. Несущественным фактором оказывается и различие структур: в большинстве случаев не наблюдается какого-либо статистически значимого различия длительности конечных гласных в формах разных структур, и только при сравнении групп с наиболее разнесенными значениями (132 мс vs. 116 мс и 130 мс vs. 103 мс) Р-значение оказывается ниже 0,05 (0,030 и 0,037 соответственно). При имеющемся небольшом количестве произнесений мы интерпретируем это как статистическую ошибку первого рода (то есть как неверно отвергнутую нулевую гипотезу, «ложное срабатывание»).

Эксперимент 2.

Этот эксперимент также был нацелен на выявление различий в длительности конечного гласного при изолированном произнесении и основывался на материале, записанном от Носителя 2. Поскольку от данного носителя были записаны только формы, заканчивающиеся на *-a*, вопрос о влиянии качества гласного на его длительность был не актуален. Первый эксперимент показал, что структура

слова (по крайней мере, исследованные ее разновидности) не оказывает серьезного влияния на длительность гласного. Это позволило объединить в одну группу все неопределенные, а в другую – все определенные формы. В результате были получены две выборки, каждая из которых содержала по 14 произнесений.

Средняя длительность конечного гласного у неопределенных форм равнялась 120 мс (стандартное отклонение 18 мс), а у определенных форм 124 мс (стандартное отклонение 33 мс). В половине случаев конечный гласный в неопределенной форме был длиннее, чем в соответствующей определенной, а в половине случаев наоборот. Как и следовало предполагать, при такой близости средних длительностей гласных никаких статистически существенных различий между выборками обнаружено не было.

Таким образом, в изолированных произнесениях, записанных от Носителя 2, длительность конечного гласного *-a* тоже не играла роли при противопоставлении определенных и неопределенных форм.

Следующие несколько экспериментов были нацелены на попытку выявить иные факторы, которые могли способствовать различию форм Носителем 2.

Эксперимент 3.

В этом эксперименте было проведено сравнение формант конечных гласных в 14 определенных и 14 неопределенных формах имен с основой на *-a*, записанных от Носителя 2. В Таблице 4 представлены результаты сравнения. Значения средних величин для F1 и F3 в определенных и неопределенных формах очень близки, и статистически значимых различий F1 и F3 обнаружено не было. Для F2 наблюдается небольшое различие значений, которое, скорее всего, следует считать статистической ошибкой первого рода. Таким образом, качество конечных гласных в неопределенных и определенных формах с основой на *-a* совпадает.

		<i>Indef</i>	<i>Def</i>	<i>P-значение</i>	<i>Комментарий</i>
F1	Среднее	715	719	> 0,05	различий нет
	Ст. отклонение	52	27		
F2	Среднее	1458	1511	0,048	вероятность различий очень мала
	Ст. отклонение	74	60		
F3	Среднее (Гц)	2518	2474	> 0,05	различий нет
	Ст. отклонение	303	194		

Таблица 4: Сравнение формант (Гц) конечного гласного в неопределенных и определенных формах

Эксперимент 4.

В этом эксперименте исследовалась интенсивность конечных гласных из записи Носителя 2. Обычно исследование интенсивности сопряжено с рядом сложностей, поскольку этот параметр зависит, в частности, от качества гласного и громкости произнесения. Но в данном случае конечный гласный во всех произнесениях был одинаковый, и все произнесения были записаны в одну сессию с приблизительно одинаковой громкостью голоса.

Сопоставление интенсивности конечного гласного не выявило существенных различий неопределенных и определенных форм: средняя интенсивность составляла соответственно 83,02 и 82,25 дБ. Стандартное отклонение составляло 1,3 и 1,2 дБ соответственно, что позволяет сделать вывод о гомогенности исследуемых произнесений с точки зрения интенсивности.

Эксперимент 5.

Следующий эксперимент представлял собой визуальный анализ контура основного тона в произнесениях, записанных от Носителя 1 и Носителя 2.

При визуальном анализе тонального контура не было обнаружено признаков, которые стабильно отличали бы неопределенную форму единственного числа от определенной. У Носителя 1 иногда наблюдалось понижение основного тона на конечном гласном определенной формы, причем такое понижение имело место и у форм с показателем *-o*, и у форм с показателем *-a* (см. Рис. 1–4). Однако никакой регулярности в понижении тона зафиксировано не было: у

других слов с такими же конечными гласными тон оставался ровным (см. Рис. 5 и 6).

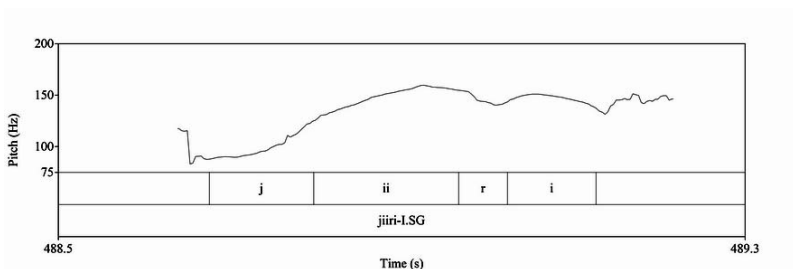

Рисунок 1: F₀ формы *jiiri* ‘год.Indef.Sg’

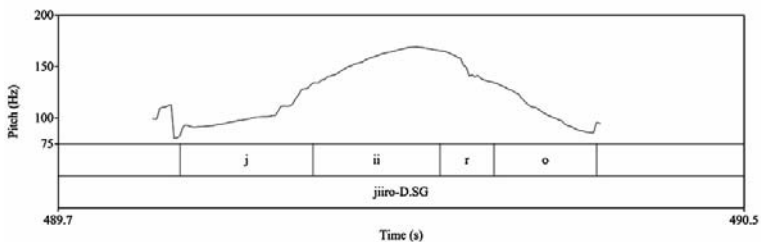

Рисунок 2: F₀ формы *jiiro* ‘год.Def.Sg’

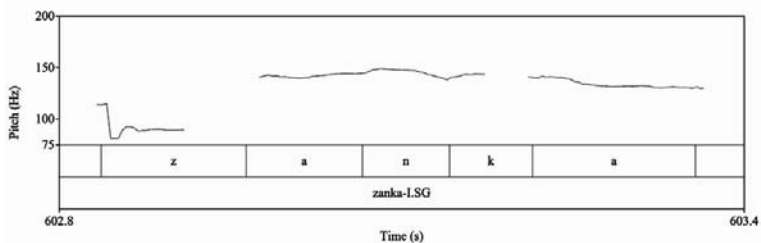
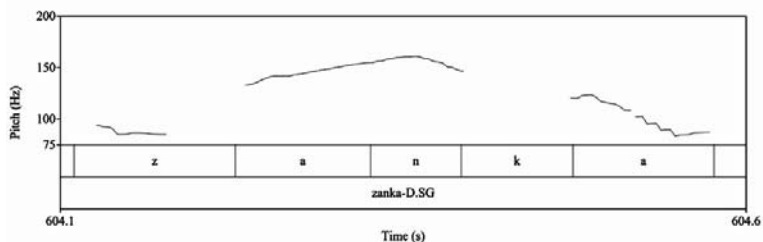
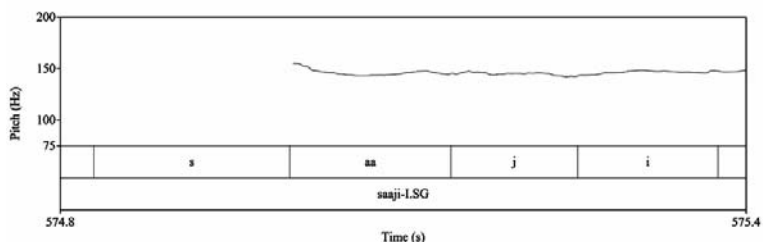
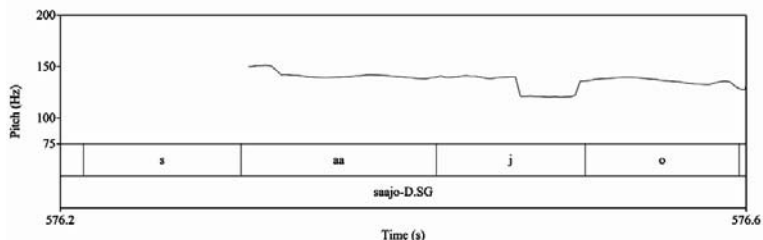

Рисунок 3: F₀ формы *zanka* ‘мальчик.Indef.Sg’

Рисунок 4: F₀ формы *zanka* 'мальчик.Def.Sg'Рисунок 5: F₀ формы *saaji* 'лес.Indef.Sg'⁷Рисунок 6: F₀ формы *saajo* 'лес.Def.Sg'

У Носителя 2 на 14 пар форм было всего два случая, когда можно было заметить некоторое понижение тона в определенной форме.

Таким образом, можно утверждать, что тональные характеристики не различают определенные и неопределенные формы. С этой точки зрения, наши данные поддерживают утверждение, что в сон-

⁷ Условная глосса «лес» используется для обозначения пространства, поросшего кустарником (ср. с фр. *brousse*).

гай Гао отсутствуют лексические или грамматические противопоставления по тону [Heath 1999: 71]⁸.

Эксперимент 6.

В заключительном эксперименте было проведено сопоставление длительности конечных гласных определенных и неопределенных форм в позициях, описанных в [Heath 1999] как дистинктивные, то есть перед последующим словом с начальным CV. В качестве материала использовались сказки, записанные от Носителя 1 и Носителя 3. Рассматривались те слова, у которых имелось сегментное различие определенной и неопределенной формы (например, *tuuri* 'дерево.Indef.Sg' vs. *tuuro* 'дерево.Def.Sg', *subu* 'трава.Indef.Sg' vs. *subo* 'трава.Def.Sg'). Таким образом исключалась возможность ошибочной интерпретации грамматической характеристики формы.

Результаты представлены в Таблице 5.

	<i>Носитель 1</i>		<i>Носитель 3</i>	
	<i>Indef</i>	<i>Def</i>	<i>Indef</i>	<i>Def</i>
Кол-во произнесений	19	21	12	23
Среднее (мс)	62	72	53	79
Ст. отклонение (мс)	12,6	10,3	13,9	16,2
P-значение	~ 0,009		~ 4*10 ⁻⁵	

Таблица 5: Сравнение длительности конечного гласного неопределенных и определенных форм в дистинктивных фонетических контекстах

Как несложно заметить, у Носителя 3 наблюдается ярко выраженное противопоставление определенных и неопределенных форм по длительности конечного гласного: различие средних величин составляет 26 мс и статистически очень существенно.

Однако у Носителя 1 картина выглядит несколько смазанной. Во-первых, различие средних значений составляет всего лишь 10 мс, что нетипично для фонологически существенного противопоставления по длительности. Во-вторых, P-значение, лишь ненамного

⁸ Тоны отсутствуют и во втором из крупнейших сонгайских языков Мали – в сонгай Томбукту. В более мелких разновидностях (тадаксахак, сонгай тонди, сонгай Хомбори), а также в сонгайских языках за пределами Мали (денди, зарма) фонологические тоны существуют [Heath 1999].

меньше 0,01. При имеющемся количестве произнесений ярко выраженный контраст по длительности должен был бы дать меньшую величину Р-значения (ср. с результатом, полученным у Носителя 3).

4. Выводы

Результаты проведенных экспериментов в целом соответствуют описанию [Heath 1999]. Различие неопределенной и определенной форм единственного числа существует и проявляется в длительности конечного гласного, но только в некоторых фонетических контекстах. В других контекстах, в частности, при изолированном произнесении, противопоставление рассматриваемых форм по длительности полностью отсутствует.

Качество конечного гласного и его длительность являются двумя основными фонетическими параметрами, противопоставляющими рассматриваемые формы. Интенсивность и тональный контур не участвуют в этом противопоставлении.

Необъясненным остается тот факт, что Носитель 2 был способен определить для некоторых собственных изолированных произнесений их принадлежность к одному из рассматриваемых грамматических классов. Не следует исключать, что существуют другие, не учтенные в данной статье фонетические признаки, которые могут способствовать различению неопределенных и определенных форм. Однако эти признаки не универсальны (то есть зависят от говора/идиолекта и работают лишь в некоторых случаях).

Длительность конечного долгого гласного может варьировать в зависимости от идиолекта (или говора). В некоторых случаях контраст определенных и неопределенных форм находится на грани исчезновения. Если в первом слоге длительность долгого гласного обычно составляет 160–200% от длительности краткого, то долгий конечный гласный максимум в полтора раза длиннее краткого.

Для слов с основой на *-a* различие неопределенных и определенных форм оказывается латентным⁹, то есть проявляющимся лишь в специфическом фонетическом контексте. Здесь можно говорить о постепенной утрате противопоставления рассматриваемых форм (по крайней мере, для данной группы лексем). Развитие такого рода синкретизма, считающегося нетипичным для агглютинативных языков,

⁹ Если, конечно, такое различие существует. Впрочем, у нас нет причин предполагать обратное.

подтверждает предположение о флективных чертах в системе именного словоизменения сонгай Гао (идея о типологически смешанном характере сонгай Гао высказывалась ранее в [Рожанский 2003]).

Переходное состояние грамматической системы (которое, по всей видимости, наблюдается в сонгай Гао) требует от грамматиста принятия неоднозначных решений. Необходимая для описания грамматики унификация записи грамматических форм может осуществляться с опорой на прошлую либо на будущую стадию в развитии языка. Так, в нашем случае последовательное маркирование определенных форм долгой конечного гласного отражает предшествующий этап развития языка, а отсутствие долгой конечного гласного (по крайней мере, в одном парадигматическом классе) должно представлять будущее именной системы сонгай Гао.

Литература

- Виноградов В.А.* Семантический фон африканского полиморфизма в сонгайском имени // Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь Антонины Ивановны Коваль. Санкт-Петербург, 1998. Сс. 202–207.
- Рожанский Ф.И.* Видо-временная система языка сонгай // Основы африканского языкознания. Глагол. Москва: Восточная литература РАН, 2003. Сс. 530–581.
- Boersma P., Weenink D.* Praat: doing phonetics by computer [компьютерная программа]. Загружено с сайта <http://www.praat.org/>, 2016.
- Lewis M.P., Simons G.F., Fennig C.D. (eds.)*. Ethnologue: languages of the world. 19th ed. Dallas, Texas: SIL International, 2016.
URL: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения: 10.07.2016).
- Heath J.* Dictionnaire Songhay – Anglais – Français. Paris-Montréal: L’Harmattan, 1998.
- Heath J.* A Grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni. Köln: Rüdiger Köppe, 1999.
- Rozhanskiy F.* Morphology and Phonology of Noun Paradigms in Songhay // Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, University of Hamburg, August 22–25, 2001 (Nilo-Saharan Volume 22). Ed. by Doris L. Payne, Mechthild Reh. Köln: Rüdiger Köppe, 2007. Pp. 215–221.

И.В. Саркисов
(НИУ ВШЭ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТРИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ГРИОТСКОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ПОЭЗИИ ФУЛЬБЕ

Настоящая статья представляет собой опыт описания метрических принципов гриотской поэзии на языке фула и их сопоставления с правилами стихосложения в письменной поэзии его носителей – народа фульбе. Фула (пулар, фульфульде, пель) относится к атлантической ветви языков нигер-конго и распространен в Западной Африке. Он насчитывает от 10 до 15 миллионов носителей в большинстве стран региона, также нередко выступаая в роли лингва-франка, что позволяет включать его в число наиболее крупных и значимых языков Африки [Lewis et al. 2016].

Однако фульбе и их язык заслуживают особого внимания не только благодаря своей численности. Фульбе, рано познакомившись с арабо-мусульманской цивилизацией, достигли высокого уровня культурного развития. Они явились одним из немногих африканских народов, еще в доколониальную эпоху получивших письменность (на основе арабской графики) и создавших свою книжную литературу, в частности, поэзию [Коваль, Зубко 1986: 9]. Достаточно богатое поэтическое наследие фульбе, к сожалению, остается малоизученным. Описания метрических законов фульбской поэзии ранее, по-видимому, не предпринималось. Начатое нами исследование фульбской поэзии является единственным в своем роде. Первым его этапом была работа, основанная на материале письменных поэтических текстов. Вторым – настоящая статья, посвященная метрике гриотской поэзии.

Приступая к изучению фульбской поэзии, необходимо понимать, что она подразделяется на три основных жанра, которые, несмотря на тесное взаимодействие и взаимовлияние, всегда сохраняли достаточно четкое разграничение [Коваль, Зубко 1986: 9–10]. Первый из этих жанров – народная, преимущественно пастушеская, поэзия. Она вполне укладывается в традиционные представления о поэ-

тическом фольклоре. Второй жанр – гриотская поэзия, то есть устная поэзия профессиональных певцов и сказителей – гриотов [Chaggy 2000: 90]. В кастовом обществе народов Западной Африки (не только фульбе, но и многих других, в первую очередь манде) гриоты составляли отдельное замкнутое сословие. Однако для того, чтобы стать гриотом, помимо соответствующего происхождения, необходимо было и соответствующее образование, заключавшееся в обучении игре на музыкальных инструментах и песенному и актерскому мастерству [Chaggy 2000: 91–92]. Гриоты, являясь хранителями исторической и культурной памяти народа, передавали из уст в уста древние образцы эпической поэзии, а также постоянно сочиняли новые песни и сказания. Таким образом, их поэтическое искусство, также близкое по своему характеру к фольклорной поэзии других народов, носило элитарный характер вследствие замкнутого статуса гриотов и, с определенной точки зрения, приближалось уже к авторской литературе. Третьим жанром поэзии фульбе была письменная, «книжная» поэзия, сложившаяся в конце XVIII в. как синтез арабской и местной гриотской традиций. Она сочинялась преимущественно профессиональными поэтами, хорошо знакомыми с арабской словесностью и нередко бывшими мусульманскими учеными. В дальнейшем эти три жанра тесно взаимодействовали друг с другом. Например, образцы письменной поэзии нередко исполнялись гриотами и таким образом доносились до народа. Однако разграничение между жанрами сохранялось [Коваль, Зубко 1986: 10]. Поэтому, изучая метрические законы фульбской поэзии, мы должны помнить о ее жанровой неоднородности. В этом контексте наиболее перспективным способом исследования представляется отдельное изучение метрики различных жанров и последующее их сопоставление.

Уже проведенное исследование метрических законов письменной поэзии на языке фула (подробнее см. [Саркисов 2016]) позволило сделать следующие заключения: письменная фульбская поэзия скорее всего является нестрогим силлабическим, то есть размер в ней определяется общим числом слогов в строке в независимости от их долготы и краткости, но число это соблюдается не строго, а примерно. Относительно одного из проанализированных поэтических текстов возникла гипотеза, что в нем метрически значимыми являются одновременно общее количество слогов в строке и количество в ней долгих слогов, но без объединения долгих и кратких слогов в стопы,

как это происходит в силлабо-метрической поэзии. Этот гипотетический тип метрики мы назвали квази-силлабо-метрикой [Саркисов 2016]. Однако уникальность текста с подобной метрической структурой в рассмотренном корпусе не дала нам возможности проверить нашу гипотезу, так как интерпретация его метрики как силлабической также не могла быть исключена.

Полученный результат выглядел несколько неожиданным. Дело в том, что большинство мусульманских народов заимствовало арабскую силлабо-метрическую систему стихосложения аруд (аруз) [Фролов 1991: 215]. Это касается даже носителей тех языков, в которых отсутствует противопоставление гласных по долготе (например, тюркских). В таких случаях силлабо-метрическая схема заменялась на выстроенную по ее образцу силлабо-тоническую [Искандарова 2013: 7]. Однако в поэзии фульбе аруд явно не используется, несмотря на то, что в языке фула, так же как и в классическом арабском, существует смысловоразличительное противопоставление долгих и кратких гласных. В этом контексте исследование метрики гриотской фульбской поэзии представлялось особенно актуальным, так как было бы логично именно ее рассматривать как традицию, чье влияние оказалось сильнее арабского.

Единственным доступным на данный момент материалом для изучения гриотской поэзии фульбе является эпическое сказание «Любовь, или Dingiral». Оно было записано в начале 1990-х годов от мавританского сказителя Сукара Си. Диалект сказания – фута-торо, распространенный в Мавритании. Аудиозапись исполнения сказания под аккомпанемент традиционного гриотского инструмента лютниходу была расшифрована, затранскрибирована и буквально переведена А.А. Кибриком при помощи Абдулая Йеро Ба, носителя диалекта фута-торо. Проверка с последующими исправлениями и пословный перевод текста были осуществлены А.И. Коваль. Этот пословный перевод вместе с оригиналом были опубликованы в сборнике [Кибрик, Ба, Коваль 2005] и использованы нами в качестве материала для исследования.

При публикации текст был разбит на строфы и строки. Границами строф считались длинные музыкальные паузы (от 3 до 20 секунд) [Кибрик, Ба, Коваль 2005: 407]. Деление же на строки осуществлялось на основе элементарных дискурсивных единиц. Согласно общепринятому определению, элементарная дискурсивная единица должна представлять собой предикацию (клаузу) и быть

обособленна просодически, то есть иметь свой особый интонационный контур и, как правило, обрамляться паузами. От 3/4 до 4/5 всех выделенных в тексте строк удовлетворяют обоим этим критериям, однако около 20% составили «большие строки», то есть несколько клауз, очень тесно объединенных с просодической точки зрения и по этой причине выделенные в общую дискурсивную единицу. Некоторое количество строк, напротив, не являются клаузами, но очень четко отделено паузами [там же: 408–409] (подробнее о языковых и литературных особенностях сказания «Dingiral» см. [там же: 399–419]). Таким образом, если в письменной поэзии деление текста на строки изначально устанавливается самим автором и, следовательно, не подлежит сомнению, то в данном случае мы имеем дело с условным разделением, что усложняет изучение метрических закономерностей. Однако, считая идею примерного соответствия поэтических строк и элементарных дискурсивных единиц верной, мы в своем исследовании принимали деление текста на строки как правильное, рассматривая возможные ошибки и неточности как статистически незначимые.

Методы, примененные в ходе работы, были аналогичны тем, с помощью которых исследовались образцы письменной поэзии: для каждой поэтической строки (всего их было 1113) были составлены схемы и подсчитаны количества долгих и кратких слогов. Так как опыт исследования письменной поэзии не дал нам оснований полагать, что долгими слогами могут считаться какие-либо иные слоги, кроме слогов с долгими гласными (например, слоги с геминатами) [Саркисов 2016], мы определяли долготу слога только по долготе его гласной. Схемы и количественные значения заносились в таблицу и анализировались.

Метрика сказания оказалась крайне нестрогой, существенно превосходя с этой точки зрения письменную поэзию. Разброс всех числовых характеристик поэтических строк очень значителен: общее число слогов в строке принимает значения от 1 до 25, а количество долгих слогов в строке – от 0 до 12. Расположение строки в строфе никак не объясняет вариативности этих параметров: нет никаких оснований утверждать, что строки в начале или в конце строфы в среднем длиннее или короче. Тем не менее, тенденции к некоторым закономерностям в тексте все-таки прослеживаются: более 50% строк имеют длину в 4–7 слогов и более 79% строк содержат 1–3

долгих гласных. Также 12% строк не содержат долгих гласных вообще. Если считать вместе строки, содержащие менее 4 долгих гласных, то их будет более 91%. Общий процент долгих гласных среди всех слогов в тексте составляет 23%, в то время как в прозаической речи долгие слоги встречаются в среднем в 13%, а в исследованных нами ранее образцах письменной поэзии – в 14% случаев. Таким образом, можно считать, что частота употребления долгих гласных в «Dingiral» по стандартам фула несколько завышена. Составленные нами схемы однозначно свидетельствуют в пользу того, что долгие и краткие слоги не объединяются в стопы.

При анализе приведенных числовых данных прежде всего приходится на ум гипотеза о том, что метрообразующую роль в тексте играет количество в строке долгих гласных. Если считать, что размер выдержан при наличии в строке одного, двух или трех долгих слогов (если считать нестрогость изначально присущей исследуемой метрике, то такой разброс выглядит вполне допустимым), то более 79% строк в тексте удовлетворяют метрической закономерности. Иными словами процент урегулированности строк в тексте, с точки зрения такого параметра как количество долгих гласных в строке, превышает 79%. Это, во-первых, самый высокий процент урегулированности из всех, которые мы можем наблюдать (критерий общего количества слогов в строке дает лишь 50% урегулированности). Во-вторых, согласно схеме анализа незнакомой метрики, выработанной Т.В. Скулачевой по совету М.Л. Гаспарова, метрообразующим считается параметр, дающий урегулированность свыше 75% [Скулачева 2014: 43]. Количество же долгих слогов в строке является единственным таким параметром в нашем случае. В-третьих, как уже отмечалось, процент долгих гласных в «Dingiral» примерно на 9–10% выше, чем в прозаической речи и в большинстве образцов письменной поэзии с силлабической метрикой. Это можно рассматривать как аргумент в пользу того, что долгие гласные распределены в сказании неслучайно.

В то же время, учитывая, что мы имеем дело с очень нестрогой метрикой, нельзя исключать метрическую роль и общего количества слогов в строке. Если считать размер выдержанным при наличии в строке от четырех до семи слогов, то процент урегулированности более 50%. С точки зрения критерия М.Л. Гаспарова и Т.В. Скулачевой этого, конечно, явно недостаточно для того, чтобы считать длину строки метрообразующим параметром. К тому же, разброс значе-

ний этого параметра весьма велик даже для нестрогой метрики (в письменной поэзии на фула при выдержанном размере количество слогов в строке обычно разнится лишь на единицу). Однако однозначно отвергать значимость этого параметра наряду с параметром количества долгих слогов в строке все-таки не следует.

Таким образом, относительно метрики сказания «Dingiral» можно выдвинуть две гипотезы: метрообразующим параметром является либо количество долгих слогов в строке, и тогда мы имеем дело с метрической поэзией, либо количество долгих слогов и одновременно общее количество слогов в строке при отсутствии стоп – в этом случае речь идет о квази-силлабо-метрике. К сожалению, на данном этапе определить, какая из этих гипотез верна, не представляется возможным. Для решения этой проблемы желательно проанализировать еще несколько образцов гриотской поэзии фульбе и сравнить полученные данные с анализом «Dingiral».

Необходимо заметить, что гипотеза о квази-силлабо-метрическом характере гриотского стиха выглядит более перспективной в контексте данных о письменной поэзии. Можно предположить, что поэзия фульбских гриотов изначально носила квази-силлабо-метрический характер, и в некоторых письменных поэтических текстах использовался тот же тип метрики. Однако в большинстве образцов письменной поэзии утвердились новые силлабические размеры. Это можно объяснить тем, что наличие заимствованной из арабской традиции рифмы усложняло стихосложение и, как следствие, способствовало упрощению метрики: силлабические размеры, зависящие от одного параметра (общего количества слогов в строке) были проще в использовании, чем квази-силлабо-метрические, зависящие сразу от двух (общего количества слогов и количества долгих слогов в строке). Эволюция же фульбского стиха от метрического к силлабическому представляется более странным явлением. Однако, как уже отмечалось, приведенные соображения остаются лишь догадками, а для окончательного разрешения вопроса о характере стиха в гриотской поэзии фульбе необходимы дальнейшие исследования с привлечением нового материала.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что метрика гриотского сказания на диалекте языка фула фута-горо «Dingiral», скорее всего, носит либо метрический, либо квази-силлабо-метрический характер. Сделать какие-либо более информа-

тивные выводы по имеющимся данным оказалось невозможным. Однако можно надеяться, что они будут получены в ходе дальнейших исследований. В то же время, даже эти предварительные результаты представляют немалый интерес: то, что метрика гриотской поэзии, в отличие от большинства образцов письменной, не является силлабической, свидетельствует о весьма нетривиальном пути развития фульбского стиха и необходимости более подробного и тщательного его изучения.

Литература

- Искандарова С.А.* Рифма в метрической системе аруз в башкирской поэзии начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. №2. Сс. 93–96.
- Коваль А.И., Зубко Г.В.* Язык фула. М: Наука, 1986.
- Кибрик А.А., Ба А.Й., Коваль А.И.* Сказание «Любовь, или Dingiral», на языке пулар // Коваль А.И. (ред.). Африканская сказка III. К исследованию языка фольклора. М: Восточная литература РАН, 2005.
- Саркисов И.В.* Принципы метрической организации в поэзии фульбе // Девяткина Е.М. и др. (ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (24–26 сентября 2015). М., 2016. В печати.
- Скулачева Т.В.* Методы анализа стиха при неизвестной системе стихосложения // Вестник ОГУ. Оренбург: ОГУ, 2014. №11. Сс. 41–46.
- Фролов Д.В.* Классический арабский стих. М.: Наука, 1991.
- Charry E.* Mande music. Traditional and Modern Music of the Maninka and Mandinka of Western Africa. Chicago: The University of Chicago Press, 2000.
- Lewis, M.P., Simons G.F., Fennig, C.D. (eds.).* Ethnologue: Languages of the World, Nineteenth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2016. Online version: <http://www.ethnologue.com> (retrieved on 16.04.2016).

Г.С. Старостин
(ИВКА РГГУ / ШАГИ РАНХиГС)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОКОЙСАНСКОЙ (КХОЙ) СЕМЬИ ЯЗЫКОВ

Тщательный анализ материала известных на сегодняшний день языков т.н. «койсанского» ареала, проводившийся в последние 20 лет как западными [Sands 1998; Güldemann 2008], так и отечественными [Старостин 2013] специалистами, показал, что классическая гипотеза Дж. Гринберга [Greenberg 1966], согласно которой все эти языки имеют общее генетическое происхождение, не находит убедительного подтверждения с точки зрения классического сравнительно-исторического метода. Конкретные переоценки гипотезы Гринберга варьируют в зависимости от исследовательских критериев: так, Г. Хонкен [Honken 2013], представляя скорее «сплиттерский» тип парадигмы, склоняется к идее трех отдельных семей – северная (жу-†хоан), южная (!ви-таа), центральная (кхой) – и от одного до трех изолятов (хадза, сандаве и квади, хотя для последних двух допускается возможность родства с кхой), в то время как лексикостатистическое исследование Г.С. Старостина (2013) показывает, что вероятность глубокого родства между северной и южной семьями столь высока, что позволяет принять эту гипотезу в качестве рабочей.

Вопрос об основных причинах, с которыми связаны трудности определения языкового родства койсанских «блоков», остается открытым. Наиболее очевидное предположение заключается в том, что генетическое родство их уходит корнями в столь глубокое прошлое, что ни сравнительно-исторический метод, ни какие-либо другие исследовательские критерии не в состоянии отличить случайные сходства между этими «блоками» от неслучайных, особенно с учетом последующего наложения контактно-ареальных связей, чересчур доверчиво интерпретируемых отдельными исследователями как генетические [Greenberg 1966; Ehret 1986, 2003]. Возможна, однако, и иная альтернатива: генетическое родство между по крайней мере некоторыми из «койсанских» таксонов существует и относится к исторически обозримому периоду, но завуалировано элементами

конвергенции одного или нескольких таких таксонов с языками, представляющими совершенно иные семьи. В такой ситуации, особенно если вслед за конвергенцией последовал многотысячелетний период независимого развития, язык на начальном этапе формирования претерпевает своего рода «ускоренное» развитие (например, вызванное переходом значительного числа носителей языка-субстрата на новый язык), и количество даже среднестатистически стабильных генетических маркеров (в грамматике и базисной лексике), по которым в первую очередь опознается языковое родство, резко сокращается.

Ниже мы попытаемся представить такого рода сценарий для самого крупного и в целом наиболее тщательно описанного из известных на сегодня «койсанских» таксонов – центральной койсанской, или кхой (от общецентр.-койс. *khoe* ‘человек’) семьи.

Согласно основным лингвистическим каталогам ([Lewis et al. (eds.) 2016, Hammarström 2016]), в состав семьи кхой сегодня входит порядка 13 языков, причем семья имеет строго бинарное членение, подразделяясь на ветвь кхойкхой (куда входят языки т.н. «готтентотов», включая нама, наиболее крупный по числу носителей из ныне живущих койсанских языков) и на бушменскую ветвь «не-кхойкхой» (термин Р. Фоссена; сегодня сосуществует наряду с более новым термином «калахари-кхой», предпочитаемым Т. Гюльдеманом и рядом других исследователей), включающую языки наро, кхве, лгви, лгана, шуа и ряд других.

Несмотря на существенные расхождения между кхойкхой и не-кхойкхой языками, особенно в области грамматики и лексики, родство между ними очевидно и позволяет убедительно реконструировать фонологическую систему, несколько сотен элементов базисной и культурной лексики и основные грамматические показатели пракхойского языка [Vossen 1997], а глоттохронологический метод позволяет примерно датировать начало распада кхойской семьи рубежом II–I тыс. до н. э. [Старостин 2013: 408], хотя эта датировка может оказаться несколько завышенной из-за неучета субстратных заимствований в кхойкхой (см. ниже).

В типологическом плане семья кхой обнаруживает как многочисленные переклички с двумя другими основными «койсанскими» семьями (северной и южной), так и не менее важные расхождения.

В области *фонетики* главной «койсанской» характеристикой семьи кхой является, очевидным образом, наличие развитой подси-

стемы щелчковых звуков, хотя одновременно нельзя не отметить, что эта подсистема уже на пракхойском уровне в целом выглядит существенно упрощенной по сравнению с аналогичными системами в жу-†хоан и !ви-таа. Так, в позиции «основы» кликса восстанавливаются четыре типа базовой артикуляции (дентальная *!, палатальная *ʈ, альвеолярная *!, латеральная *l), в то время как для жу-†хоан и для !ви-таа известно по пять типов (в жу представлена также ретрофлексная артикуляция *ʎ, а в †хоан и в !ви-таа – лабиальная *ʋ). Еще хуже обстоит дело с «исходами» кликсов – на пракхойский уровень выносятся лишь самые простые семь типов (нулевой *!, звонкий *gʟ, носовой *nʟ, глоттализированный *ʔ, аспирированный *h, фрикативный велярный *x и исход на велярную аффрикату *kx), в то время как в северных и южных языках число сложных исходов (например, на звонкий фрикативный велярный, различные увулярные согласные и т. п.) значительно выше. При этом отмечается общая тенденция к дальнейшему упрощению этой системы в языках-потомках – например, совпадение нулевого и звонкого исходов в языках кхойкхой или трансформация палатального кликса в палатальную аффрикату в языках шуа-цуа (см. подробный разбор исторической фонологии кхой в [Vossen 1997]).

С другой стороны, важнейшей типологической изоглоссой, сближающей кхойские языки с северно-южными и, наоборот, отдаляющей их от языков-изолятов сандаве и хадза, является базовое устройство корня, имеющего строго определенную структуру *CV/N/ (т. е. слог заканчивается либо на гласный, либо на носовую терминаль) или *C₁VC₂V, где C₂ – один из небольшой группы разрешенных согласных, включающей в основном сонорные (*n, *m, *r) или губные (*b) элементы; щелчковые согласные допускаются строго в начале слова (в отличие от сандаве и хадза, где они встречаются в том числе и в интервокальной позиции).

В области *морфологии* точно так же между кхойскими и некхойскими языками наблюдаются как существенные типологические сходства, так и не менее существенные расхождения. Важнейшим таким расхождением является наличие в кхойских языках системы из трех родов – мужского, женского и общего, т. е. черты, объединяющей кхойские языки с сандаве и хадза, но не с языками жу-†хоан и !ви-таа, для которых характерны более сложные системы именных классов, типологически более близкие к нигер-кордофанским языкам

(впрочем, в языках жу эти классы носят скорее рудиментарный характер). При этом, однако, детальный анализ родовой системы в подробно описанных кхойских языках (в первую очередь нама) показывает, что она, скорее всего, развилась относительно недавно из системы, скорее напоминающей именные классы: так, некоторые именные корни могут оформляться показателями как мужского, так и женского рода, в зависимости не от своей гендерной характеристики, а от тех или иных качественных признаков – ср., например, нама *†are-b* ‘хвост’ (м. р.), но *†are-s* ‘зад (человека); курдюк (овцы)’ (ж. р.), противопоставляемые по оппозиции ‘длинный : округлый’, которая затем уже вторично может переосмысляться как оппозиция ‘мужской : женский’ (ср. *khoe-b* ‘мужчина’, *khoe-s* ‘женщина’ и т. п.; см. подробный разбор ситуации в [Hagman 1977: 22–26]).

Аналогичным образом и глагольная морфология кхойских языков на первый взгляд существенно отличается от жу-†хоан и !ви-таа: последние выражают видо-временные отношения в основном аналитическими способами, за счет различных служебных частиц, в то время как для кхойских языков характерны сложные агглютинативные конструкции. Однако именно строго агглютинативный характер кхойской глагольной морфологии недвусмысленно говорит о том, что она во многом носит инновативный характер – для большинства глагольных показателей нетрудно подыскать внутреннюю этимологию (например, бенефактивный показатель **-ma-* происходит от глагола **ma* ‘давать’, каузативный показатель **-si-* от глагола **si* ‘прибывать; присылать’ и т. п.). Таким образом, как именная, так и глагольная морфология кхойских языков показывает, что в не столь отдаленном прошлом она была типологически близка к не-кхойской, но в какой-то момент (предшествующий распаду общекхойского языка на отдельные ветви) претерпела серьезную типологическую перестройку, которая вряд ли могла иметь место сама по себе, без сильного контактного влияния одной или нескольких других языковых семей.

Особый интерес вызывает устройство кхойской системы личных местоимений в сравнении с аналогичными системами в жу и в !ви-таа. Помимо того, что в кхойских языках эти местоимения (включая формы 2-го и иногда даже 1-го лица) могут изменяться по родам, для них актуальна также троичная оппозиция по числу (ед., мн., дв.), в то время как в не-кхойских языках чаще встречается и проще выводится на разные прауровни категория ключивности (в

отдельных языках жу и !ви-таа могут встречаться прозрачно вторичные двойственные формы, а в языках ветви кхойкхой наряду с числом представлена и ключивность, но всё это – следствия недавних инноваций). Ср., однако, подсистемы местоимений 1-го и 2-го лица, уверенно восстанавливаемые для пра-жу, пра-!ви-таа и пра-кхой:

	Пра-жу	Пра-!ви-таа		Пра-кхой		
‘я’	*mi ~ *ma	*ŋ		*ti		
‘ты’	*a	*a		*ca (м.р.)	*sa (ж.р.)	
‘мы’	*m (инкл.)	*e (экскл.)	*i (инкл.)	*si (экскл.)	*m (дв.ч.)	*e (мн.ч.)
‘вы’	*i	*u		*ca(r)o (м.р.)	*sa(r)o (ж.р.)	

Таблица 1: Система личных местоимений в языках кхой

Здесь налицо два существенных сходства между кхойскими и не-кхойскими языками: (а) местоимение 2-го л. ед. ч., имеющее вид *a как в жу, так и в !ви-таа, может быть сопоставлено с формами *ca ~ *sa в кхой, при условии, что *c- и *s- – застывшие показатели рода (для *s- это достоверно так, т. к. *s – основной показатель женского рода в именной системе кхой; *c- как показатель мужского рода в местоименной системе более сомнителен, но может быть допущен по аналогии); (б) поразительная симметрия между жускими формами 1-го л. *m : *e и кхойскими *m : *e, несмотря на то, что в семантическом плане инклюзиву соответствует двойственное число, а эксклюзиву – множественное (факт, на наш взгляд, чрезвычайно полезный для общей исторической типологии местоименных систем). С другой стороны, например, местоимение 1-го л. ед. ч., формы которого в жу и !ви-таа могут быть сведены друг к другу (с реконструкцией исходного *ŋ, регулярно развивающегося в *m в пра-жу), явно не имеет никакого отношения к кхойским формам вида *ti с корневым дентальным согласным. Таким образом, и здесь мы наблюдаем значимое частичное сходство между сравниваемыми системами с не менее важными значительными расхождениями.

Переходя к важнейшему для установления дальнего родства сравнению подсистем базисной лексики, мы и здесь наблюдаем «смешанную» картину. С одной стороны, набирается довольно существенное число бинарных изоглосс между жу и кхой или !ви-таа и кхой и даже несколько тернарных изоглосс между всеми тремя, ср. следующие примеры из «сверхустойчивого» 50-словного подмноже-

ства списка Сводеша (ниже приводятся лишь наиболее убедительные, на наш взгляд, примеры из предварительного этимологического корпуса, опубликованные в статье [Starostin 2008]):

(1) ‘зуб’: !ви *!ʰāĩ, таа *!(q)ʰan, кхой *!ũ; (2) ‘луна’: жу *n!lui, кхой *n!oe; (3) ‘ноготь’: жу *!uʒuru, !ви-таа *!qUro, кхой *!oro; (4) ‘огонь’: !ви *!ʒi, таа *!ʒā, кхой *!ʒ(a)e; (5) ‘пепел’: жу *toʰ, кхой *tʰau; (6) ‘пить’: !ви-таа *kxa, кхой *kxa; (7) ‘рог’: !ви *!(q)ʰō-, таа *!ā-, кхой *n!a.

С другой стороны, обращают на себя внимание и отдельные, не менее значимые схождения в базисной лексике между кхойскими языками и языками бенуэ-конго. Вот лишь несколько примеров разительных совпадений с реконструкцией, предложенной М. Гасри для прабанту, ср.: ‘глаз / видеть’: кхой *mũ, прабанту *-bón- ~ *-món-; ‘пепел’: кхой *tʰau (фонетически похожее слово есть и в севернокойсанском, см. выше), прабанту *-tó ~ *túé; ‘собака’: кхой *aba, прабанту *-búà; ‘язык’: кхой *lam ~ *dam, прабанту *-dámì ~ *-dimè. При этом, по-видимому, сходства не ограничиваются одними банту – ср., например, дополнительно схождения с реконструкцией К. Симидзу для джукуноидных языков: кхой *tu ‘дождь’ – праджук. *tu; кхой *te ‘стоять’ – праджук. *ti; кхой *te ‘лук’ – праджук. *ta и т. п. (Банту и джукуноидные реконструкции приводятся соответственно по работам [Guthrie 1967] и [Shimizu 1980]).

Отчетливо видно, что параллели между не-кхойскими и кхойскими языками включают как слова с начальными щелчковыми согласными, так и слова на «обычные» согласные, в то время как параллели между кхойскими и бенуэ-конго языками строго ограничены словами без «кликсов», причем эту ситуацию нельзя объяснить простым «пересчетом» (т. е. переходом кликсов в обычные согласные в бенуэ-конго в ситуации языкового родства или контакта), т. к. даже принимая во внимание такую возможность, очевидные схождения в области «щелчковой» базисной лексики между кхой и бенуэ-конго фактически отсутствуют. До тех пор, пока таковые не будут надежно зафиксированы, единственно возможное объяснение ситуации – массовые заимствования в пракойский язык либо из прабенуэ-конго, либо (что хронологически более вероятно) из одной из его ветвей-потомков, в ходе которых, разумеется, заимствоваться могли только слова, начинающиеся на обычные согласные.

Ситуация осложняется еще и тем, что зафиксирована очень небольшая, но чрезвычайно интересная группа схождений между

кхойскими и афразийскими языками, конкретнее – чадскими или даже, может быть, специфически западночадскими. Два самых разительных примера (материал приводится по западночадской этимологической базе данных, составленной О.В. Столбовой в рамках проекта «Вавилонская башня») – это празап.-чад. **k'um*- ~ **k'wam*- ‘ухо, слышать’ = кхой **kum* ‘слышать’ и празап.-чад. **ʔapi*- ‘грудь, молоко’ = кхой **pi* ‘грудь, молоко’ (подчеркнем, кстати, что для не-кхойских языков слова с губными взрывными вообще не свойственны). Если наложить эти примеры на некоторые типологические особенности лексической семантики и грамматики кхойских языков (такие, как наличие базовой оппозиции между глаголами ‘есть мягкую пищу’ и ‘есть жесткую пищу’, типичное для чадских и ряда других северноафриканских семей, но отсутствующее в не-кхойских языках; категория рода, базирующаяся на гендерных признаках – явление, типичное для афразийских языков, но не для койсанских или нигер-конго), становится понятным, почему в свое время К.Р. Лепсиус, К. Майнхоф и другие исследователи столь уверенно причисляли кхойские («готтентотские») языки к хамитским.

Можно ли рассматривать выявленные сходства как свидетельства в пользу «смешанного» характера пракхойского языка и его потомков? Если под «смешанностью» понимать ситуацию, при которой для языка X предполагается наличие не менее двух праязыков **X*₁, **X*₂, лексические и грамматические элементы которых наследуются языком X примерно в равных долях, то данные, которыми мы располагаем, явно недостаточны для такого вывода – даже несмотря на то, что, например, процент схождений между базисной лексикой пракхой и бенуэ-конго (но не афразийской) численно сопоставим с процентом схождений между пракхой и пра-жу / пра-!ви-таа; дело в том, что определить *точный* процент невозможно без тщательной работы над бушменскими реконструкциями, и не исключено, что некоторые важные параллели останутся неопознанными из-за вынужденного игнорирования нетривиальных фонетических соответствий. (Так, например, приведенный выше список можно было бы пополнить такими параллелями, как жу **!ʔaŋ* ≈ кхой **!ʔao* ‘кровь’, !ви-таа **!q^hu(n)*- ≈ кхой **!ʔi* ‘волосы’, жу **g!lau* = †хоан *šiu* ≈ кхой **c^hau* ‘рука’ и др., но все они предполагают фонетические переходы, которые на данном этапе трудно подтвердить дополнительными примерами, тем более из области базисной лексики).

С другой стороны, если под «смешанностью» понимать ситуацию перехода с одного языка на другой, в ходе которого естественно появление субстратных или суперстратных элементов, то для практического языка это вполне реалистично. С антропологической точки зрения не вызывает сомнений тот факт, что по крайней мере кхойкхойская («готтентотская») этническая общность сложилась на основе этнических контактов между автохтонным не-кхойским («бушменским») населением Южной Африки и переселенцами из более северных регионов; ср. недавний анализ результатов генетических исследований койсанских популяций в работе [Pakendorf 2014], с высокой вероятностью показывающий, что по крайней мере кхойкхойская этническая группа дамара не имеет отношения к автохтонному населению Южной Африки и, скорее всего, перешла на местный «койсанский» язык, в то время как носители не-кхойкхойских языков (кхве, шуа и др.) в генетическом плане являются результатом почти равномерного генетического смешения автохтонного населения с бантоидными скотоводами.

Насколько нам известно, специфических связей между какими-либо койсанскими группами и носителями чадских языков ни в плане антропологии, ни в плане генетики до сих пор никто не обнаруживал. В исследовании Б. Пакендорф упоминается, однако, любопытная связь между носителями языка кхве и рядом восточноафриканских народностей, обусловленная редкой общей гаплогруппой E-M293, в наибольшей степени присущей отдельным южнонилотским группам (датога), но также, например, южнокушитскому этносу бурунге. Этот факт не коррелирует напрямую ни с какими лингвистическими данными (очевидных лексических, грамматических или типологических параллелей, эксклюзивных для кхойских и nilотских или для кхойских и южнокушитских языков, мы пока не обнаружили), но по крайней мере показывает, что какое-то участие в складывании кхойской этнической общности могли принимать не только условные «бантоиды», но и переселенцы из более северных (и более восточных) регионов африканского континента, которые не обязательно должны были разговаривать на одном из именно nilотских или кушитских языков.

Отдельный, хотя и тесно связанный вопрос касается генетических связей между кхойскими языками и «потенциально койсанскими» языками-изолятами квади и сандаве. Первый из них, вплоть до середины XX в. еще представленный активными носителями на

юговосточном побережье Анголы и известный в основном по качественным, но ограниченным записям Э. Вестфаля, уверенно связывается генетической общностью с пракхойским языком на основании как грамматических, так и базисно-лексических элементов [Güldemann & Elderkin 2010; Старостин 2013].

С языком сандаве, до сих пор представленным на территории Танзании в тесном окружении нилотских, кушитских и банту языков, дело обстоит сложнее, но и тут есть очень существенные аргументы в пользу древнего генетического родства с кхойской семьей [Güldemann & Elderkin 2010; Старостин 2008, 2013]. Однако в отличие от не-кхойских, кхойских и квади языков, сандаве характеризуется некоторыми типологическими особенностями, существенно отдаляющими его от «южноафриканско-койсанского типа». В первую очередь, это базовая структура именной и глагольной основы, которая в сандаве, как правило, двусложна (CVCV), причем на выбор второго согласного накладываются незначительные ограничения – он может быть даже щелчковым (ср. *m̩l̩l̩ǎ* ‘вошь’ и т. п.), что категорически недопустимо в собственно кхойских языках. Допущение генетического родства между сандаве и кхой поэтому *обязательно* предполагает существенную типологическую перестройку от прасандаве-кхой к пракхойскому языку, в ходе которой структуры *CVCV стягивались в односложные, и отдельные убедительные примеры таких стяжений, действительно, обнаруживаются (наиболее широко цитируемый из них – общесандаве-кхойское слово для ‘рога’: сандаве *tlana* = пракхой **ɲla*, где старая латеральная аффриката и старый носовой согласный предположительно стягиваются в назализованный латеральный щелчковый согласный).

С другой стороны, генетическое сближение кхойских (точнее, квади-кхойских) языков с сандаве одновременно затрудняет их генетическое сближение с не-кхойскими языками, т. к. налицо очевидная «нетранзитивность»: бросаются в глаза точки пересечения кхойских языков с сандаве и кхойских с не-кхойскими, но чрезвычайно немногочисленны аналогичные точки пересечения между сандаве и не-кхойскими языками. В нормальном случае это можно было бы интерпретировать исключительно как результат смешения генетических и ареальных связей, т. е. либо постулировать «сандаве-кхой-квади» семью, последовательно распадающуюся на сандаве, квади и кхойские языки (как это делает, например, Д. Элдеркин), причем

последние в дальнейшем вступают в тесные контакты с не-кхойскими языками и массово заимствуют из них как лексику, так и типологические черты; либо предполагать, что пракхойский язык – это результат перехода «пара-сандаве-язычного» этноса, мигрировавшего из Восточной Африки на юг (и «по дороге» вобравшего в себя как афразийские, так и бенуэ-конголезские элементы), на один из местных не-кхойских языков, с сохранением некоторого количества старой лексики в качестве суперстратной.

Дальнейший прогресс в разрешении этой проблемы, на наш взгляд, невозможен до тех пор, пока не будет проведена обстоятельная работа по историческому анализу лексики и грамматики не-кхойских языков, желательно с выходом на реконструкцию фонологической системы и базисной лексики общего предка современных языков жу и !ви-таа (первичный набросок такой реконструкции опубликован в работе [Starostin 2008]), но система соответствий нуждается в значительных уточнениях, а предложенные потенциальные когнаты не идеально отфильтровывают позднейшие заимствования из кхойских языков, общие для жу и !ви-таа). При наличии такой реконструкции можно будет значительно уточнить число потенциальных когнатов между кхойскими и не-кхойскими языками и, как следствие этого, пропорциональное соотношение в пракхойской базисной лексике «бушмено-образных», «сандаве-образных», бенуэ-конголезских и афразийских элементов.

Литература

- Старостин Г.С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Том I: Методология. Койсанские языки. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Ehret C. Proposals on Khoisan reconstruction. // *Sprache und Geschichte in Afrika*, 7.2, 1986. Pp. 105–130.
- Ehret C. Toward Reconstructing Proto-South Khoisan (PSAK). // *Mother Tongue VIII*, 2003. Pp. 63–80.
- Greenberg J.H. *The Languages of Africa*. Bloomington: Indiana University; Mouton & Co., The Hague, 1966.
- Guthrie M. *Comparative Bantu: an introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*, vols. I–IV. London: Gregg Press Ltd, 1967.
- Güldemann T. Greenberg «case» for Khoisan: the morphological evidence // *Problems of linguistic-historical reconstruction in Africa*. Ed. by Dymitr Ibrizimow and Rainer Voßen. Köln: Rüdiger Köppe, 2008. Pp. 123–155.

- Güldemann T., Elderkin D.* On external genealogical relationships of the Khoe family // Proceedings of the 1st International Symposium, January 4–8, 2003, Riezlern / Kleinwalsertal. Ed. by M. Brenzinger & Ch. König. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2010. Pp. 40–73.
- Hagman R.S.* Nama Hottentot Grammar. Bloomington: Indiana University, 1977.
- Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S.* Glottolog 2.7. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, 2016. URL: <http://glottolog.org> (retrieved on 23.07.2016).
- Honken H.* Genetic relationships: an overview of the evidence // The Khoesan Languages. Ed. by Rainer Vossen. London/New York: Routledge Publishers, 2013.
- Lewis M.P., Simons G.F., Fennig C.D. (eds.)*. Ethnologue: Languages of the World, Nineteenth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2016. URL: <http://www.ethnologue.com> (retrieved on 23.07.2016).
- Pakendorf B.* Molecular anthropological perspectives on the Kalahari Basin area // Beyond 'Khoisan'. Historical relations in the Kalahari Basin. Ed. by T. Güldemann & A. M. Fehn. Amsterdam/New York: John Benjamins Publishing Company, 2014. Pp. 45–68.
- Sands B.* Eastern and Southern African Khoisan: Evaluating Claims in Distant Linguistic Relationships. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1998.
- Shimizu K.* Comparative Jukunoid. Reconstructions and comparative wordlists of the Jukunoid languages. Wien: Afro-Pub, Institut für Afrikanistik, 1980.
- Starostin G.* From Modern Khoisan Languages to Proto-Khoisan: the Value of Intermediate Reconstructions // Аспекты компаративистики III. Orientalia et Classica (Труды Института восточных культур и античности) XIX. M.: RSUH Publishers, 2008. Pp. 337–470.
- Vossen R.* Die Khoe-Sprachen: Ein Beitrag zur Erforschung der Sprachgeschichte Afrikas. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1997.

ЧАДСКО-КУШИТСКО-ОМОТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ (НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА)

Лексические параллели между чадскими с одной стороны и кушитскими и/или омотскими языками с другой никогда не были предметом самостоятельного исследования. Между тем, оно может предоставить решающие аргументы для определения внутренней структуры афразийской семьи языков. Дело в том, что, хотя еще в 1969 г. Г. Флеминг поставил вопрос о выделении западнокушитских языков в самостоятельную – омотскую – ветвь афразийской семьи, эта гипотеза до сих пор вызывает возражения. А. Заборский, например, считает что “Bender’s and Fleming’s hypothesis of ‘Omotiс’ as an independent branch of Afroasiatic has been quite premature and very weak” [Zaborski 2013: 384]. По мнению Заборского, у нас все еще нет ответов на следующие вопросы: «1. Are the so-called ‘Omotiс’ languages really interrelated at all? 2. If so, are they really Afroasiatic? 3. If there are different independent groups, which of them can be Afroasiatic and which might belong to the otherwise also more or less enigmatic Nilo-Saharan family? 4. If some groups of ‘Omotiс’ are Afroasiatic can they be genetically classified as related to Cushitic, i.e. as West Cushitic?» [ibid., 384]¹. Решение может зависеть, в частности, от того, какое количество общей чадско-омотско-кушитской лексики (особенно – базовой) удастся обнаружить. Выбор семантического класса – названия частей тела – определялся обилием материала и доступностью полного списка релевантных семитских корней (см. [Militarev, Kogan 2000]). Предлагаемый ниже список включает две хорошо известные афразийские этимологии: **kVs-* ‘кость’ и **zVm-* ‘кровь’. Несколько параллелей предложено еще А.Б. Долгопольским [Долгопольский 1973]. В обоих случаях чадский материал значительно дополнен, исчерпывающие ссылки даются в тексте. Остальные лексические изоглоссы предлагаются впервые.

¹ О «генетической принадлежности кушитской группы языков и ее составе» см. [Долгопольский 1973: 14–18].

1. Chadic **t-sVn-* ‘nose’: West Tangale *wi-sin*, Ngizim *tán*, Bade, Duwai *àstan* (метареза <**t-sVn*); Fali Kiriya *šinu?*, Lamang *x-cin*, East Somrai *šèn-dé*, Tumak *hùn*, Ndam *tàn*, etc. [Столбова 2016, №704]; ~ **Cushitic** Agaw **ʔa-sa/in-* ‘nose’: Xamir *esiŋ*, Xamta *asən*, Qemant *əssan* [Appleyard 2006, 105]; East **san-/sin-/son-/sun-* ‘nose’: Saho *san*, Afar (Danakil) *san*; Somali *san*, Boni *saŋa*, Rendille *sän*, Arbore *soonó*, Konso *soona*, Bussa *sino*, Gidole *sina*; Sidamo, Darasa *sano*, Hadiya, Kambatta *sane*, Alaba, Tambaro *sano*, Burji *sanna* [Sasse 1982: 63, Hudson 1989: 106]; South Dahalo *sina*; ~ **OmotiC** **sin-ʔ-* ‘nose’: Chara *sintù*, *sinsa*, *sina*, Gimira *sint'*, Anfillo *šuinto*, Shinasha *šint'a*, Mocha *šit'o*, Yemsa *siya*, Dizi (Maji) *sinu*, Nao *sin*, Sheo *sint'* [Bender 2003: 215, 217].

2. Chadic **kas-/t-kas-* ‘bone’: West Hausa *kāšii*; Warji *kāsū-nà*, Central Musgu *két-ké*, East Bidiya *kásko*, и т.д. [Столбова 2016: №238]; ~ **Egyptian** *ks* ‘кость’ [Erman, v. 5: 68]; ~ East **Cushitic** Geleba *kas* ‘bone, leg’; **OmotiC** Nao *kus*, Dime *qoss*, *kuus* [Bender 2003: 207], ~ **Berber** Shilh *iys*, Snus *i-yes*, Qabyle *i-yes*, и т.д. ‘bone’; ~ **Semitic** Arabic *qass-* ‘os du sternum’ [Biberstein 1860: 735].

3. Chadic **dVb-* ‘hand’: Central Margi *mà-ndábá* ‘palm; slap with the palm’; Bana *dàvə* ‘main’, Kapsiki *zìvè*, Higi Wula *daba* ‘hand’; Jimjimen *dabadaba* ‘palm’; Glavda *dàva* ‘hand, arm, branch’, Wandala *darva*, *úrva*, *àrva* (<**da-dva*), Malgwa *àrva*, Chinene *dva*, Dghwede *dávə*, Guduf *dávà*, Hdi *zəvu*, Hitkalanci *zəva*, Lamang *zəva* ‘hand’, Gava *dəva* ‘arm’; Mikiri *dàbà-žì-láy* ‘hand’ (*lay* ‘arm’). К этому же чадскому корню восходят и следующие формы: West Dyarim *dwàbó* ‘leaf’; East Mubi *dùbá* ‘louche (en calebasse)’ [Столбова 2016, №134]; ~ South **Cushitic** Dahalo *dába* ‘hand, paw’, rift **daba* ‘hand, arm’: Iraqw *dawa*, pl. *dabee*, Gorowa *dawa*, Burunge, Alagwa *daba* [Долгопольский 1973: 227, Kiessling 2003: 79]; ~ **Cushitic** Somali *daab(-ka)* ‘handle’, Beja *dáabi* ‘handle’; ~ **OmotiC** Anfillo *diibo* ‘palm’ [Bender 2003: 166].

В нескольких языках представлен производный глагол: **Chadic** **dVb/*dVb-/*dVbb-* ‘to take by hand, to hand’: West Hausa *dib* ‘take out several things or portion from bulk’; Ngas *dap* ‘to hold’; Karekare *dibu* ‘hand over, extend’; Geji *dobi* ‘seize’; Central Ouldem *-ndàb-* ‘attraper’; Sakun *dedava* ‘take out’; East Dangla *dùbbiyè* ‘attraper fortement qqn (avec la main)’; ~ East **Cushitic** Rendille *diiba* ‘hand over’, Somali *daab* ‘make a handle, put a handle on’; ~ **OmotiC** Ari *dib-*, Dime *dib-* ‘steal’ [Bender 1994: 261, 351].

4. Chadic **d(u)b-* ‘(lower) back; tail’: West Mwaghavul *tup* (< **dub*# ‘tail’); Karekare *dībi* ‘lower back’; Central Bana *dábádà̀nà̀* ‘dos de la main’ (*də̀və̀* ‘main’); Gavar *də̀ba* ‘dos’; Chuvok *də̀bà̀* ‘derrière’, Mafa *də̀ba* ‘dos, derrière’, Gisiga *du/ə̀ba* ‘back’, *də̀baŋ* ‘behind’, Ouldem *də̀bà̀*, Mofu *də̀bá̀*, Mefele, Zulgo *də̀ba*, Merey *də̀bà̀*, Mbuko *də̀bā̀*; Munjuk *dībe* ‘back’, *də̀ba* ‘behind’; Gidar *dúbo*; Dari *dūb*, Dzepaw *dùbù* ‘back’; ~ East **Cushitic** **dab-/dib-/dub-* ‘tail, back, behind’: Somali *dabo* ‘tail, buttocks, behind’, Burji *dubbá-kka* ‘younger brother’ = ‘he who is behind’, Rendille *dub*, Boni *tib*, Bayso *deb-e*, Elmolo *dup*, *up* ‘tail’, Oromo *du(u)b-a* ‘back, behind’, Konso *tup-a* ‘behind’, *tupp-aa* ‘upper back’, Dullay *tup* ‘back’ [Sasse 1982: 57], Arbore *dub* ‘buttocks’, Alaba *dubu*; ~ **Omotiic** Shinasha *dusshà̀* ‘tail’ < **dub-sha* [Lamberti 1983: 298].

См. также производный глагол: Central **Chadic** **dVb-* ‘to follow’: Podoko *dabá̀*, Glavda *dab*; Baka *mádə̀bà̀lày*, Muyang *ádə̀bà̀y*; ~ **Omotiic** Kaffa *dab(b)* ‘to follow’ [Столбова 2016, №133].

5. Chadic **har-* ‘arm, hand’: West Kupto *ǵár* ‘hand, forearm’; Central Tera *xar* ‘hand’, Gaǵanda *hèrà̀*, Hona *hà̀ra*, Boka *hà̀rə̀*; Gvoko *xara* ‘arm’, Podoko *hará̀* ‘hand, arm’, Ngweshe *xará̀* ‘hand, arm’; Mada *ahál*, Mofu *hár*, *háhar*, Baka *áha*, Muyang *àxáar* ‘main, bras’, Merey *hə̀lay*, Zulgo *ahár*, Moloko *ahar* ‘hand’ [Столбова 2016, №362]; ~ **Cushitic** Beja *harka* ‘arm’, East Saho *haray*, Oromo *harka*, Konso *harka*, *harga*, Gidole *harka*, Warazi *harko* ‘hand’, Gawwada *harkó̀*, Gobeze *här*, Tsamai *harko* ‘hand’ [Долгопольский 1973: 158–159], dullay Harso, Dobase, Gollango, Gawwada *harkó̀*, Tsamai *harko* ‘arm’ [Amborn 1980: 228]; ~ **Omotiic** Anfillo *hiro* ‘arm’ [Bender, 2003].

6. Chadic *(*k*)*gVn-* ‘cheek(s)’: West Ngas *gün* ‘the inside of the cheek’, Mwaghavul *gən*, Montol *gun* Miship *gin*, Mupun *gən* ‘cheeks’, Kofyar *gən* ‘chin’, Goemai *gen* ‘chin, inner part of chin’; Dera *gə̀ŋgá̀* ‘cheeks’; Paa *gàn-čáka*; Saya *guyən* (< **g-gVn-* < **k-gVn*), Buli *güni*, Guus *gə̀ŋ* ‘cheek’; Central Gude *ko-xōaná̀* (< **ko-g^wana*); Lamang *lá-gə̀n*; Dzepaw *gin*, Dari *gīn*, Peve *ngyen* ‘cheek’; East Lele *gán-ǵí* ‘joue’; ~ **Cushitic** Beja *genúun* ‘Kiefer, Kinnbacken’, Somali *goon* ‘cheekbone’ [Столбова 2016, №212].

7. Chadic **gVz-* ‘hair (on the head)’: West Hausa *gìzoo* ‘long matted hair on a man's head’, cf. *gìzaa-kaa* ‘any hairy caterpillar’; Miya *ágə̀zi/ə̀*, Paa *ŋgèzà̀*, Warji *gə̀zai*, Siri *gə̀zi*, Jimbin *gə̀za*, Mburku *ngə̀zi*, Kariya *gə̀zi*

‘hair’; Central Balda *ngùzò?* ‘hair on the head’, Zulgo *ngúz* ‘poil’; East Dangla *gùzūrū* ‘poilu’; ~ East **Cushitic** Sidamo *gaaze* ‘long hair’, dullai Tsamai *gáazo*, Gawwada *gees-o*, Gollango *kás-o* ‘hair’ [Столбова 2016, №246].

8. Chadic **gVl-* (possibly, < **gVl'-*) ‘lower jaw’: West Goemai *der-goss* ‘(lower) jaw’; Central Mofu *g^wat* ‘maxillaire inférieur, lower jaw’; ~ East **Cushitic** Burji *gacc'o* ‘lower jaw, molar’, **gač'(č)*- ‘chin’: Hamir *gas*, Somali *gad*, Sidamo *gacc'o*, Kabenna *gec'a* [Долгопольский 1973: 302, Hudson 1989: 40, Столбова 2016, №249a].

9. Chadic **gVl-* ‘claw’: Central Fali Kiriya *ngitán* ‘nail’; Gude *gilá* ‘fingernail’, Jimjimen *gišén*, Tsuvan *gišé*, Sharwa *gěšé* ‘nail’; Dzepaw *ngitē* ‘griff, ongle’; East Kaba *gus-may*, Nanchere *gus-ma* ‘ongle’; производный глагол: West Sha *ⁿgos* ‘kratzen’, Daffo *yaŋ-gos*, Monguna *ku-ŋós* (< *ku-ⁿgos*) ‘scrape, scratch’ [Столбова 2016, №246]; ~ **Omotiс** Ari *gušaa*, *guša*, Hamer *guš-u/o*, Dime *gušš* ‘claw, nail’ [Bender 2003: 147].

10. Chadic **γVw(Vy?)*- > *γ^way-* ‘neck, throat’: West Boghom *g^way* ‘throat’; Central Logone *γ^wae* ‘neck’, *γ^waye*, *γ'áye* ‘Hals’, Buduma *wui*, Gulfei *uē*, Kuseri *uā* ‘throat’; East Bidiya *gě?* ‘cou’ [Столбова 2016, №258]; ~ East **Cushitic** Somali *xaw* ‘throat’, agaw Qemant *xāya*, Qwara *axeya* ‘throat’ [Appleyard 2006:138]; ~ **Egyptian** *ḥḥ* (Pyr) ‘der Hals des Menschen’ [Erman, v. III: 391].

11. Chadic **γVm-* ‘beard’: West Hausa *géemù* ‘a beard’; C Fali Kiriya *γùmi*; Hdi *γumay* ‘chin, beard’, Lamang *ùγùmù* ‘beard’; Zulgo *gúumàt* (irregular reflex of Ch **γ-*), Mbuko *həmáy*; Sakun *γəmay*; Gidar *engemé* ‘beard’; ~ **Cushitic** Beja *hamo* ‘(Kopf)haar’, Bart, Feder’, agaw Hamta *xām* ‘beard’ [Столбова 2016, №270].

12. Chadic **zVn-* ‘skin’: West Hausa *zàanaa* ‘sloughing of a snake; the sloughed skin of a snake’; Bolewa *zino* ‘skin’; Central Buwal *zázān* ‘type of bark’. Производный глагол: West Siri *zīnu* ‘to skin’; East Lele *ōsīnī* ‘éplucher’; ~ **Omotiс** Galila *zeena* ‘hide’, Ari *zəna* ‘skin’ [Bender 2003: 116]; ~ **Cushitic** Somali *saan* ‘animal skin or hide’ [Столбова 2016, №819].

13. Chadic **zVm-* ‘blood; vein’: West Mwaghavul *zem* ‘oil from a plant’ (= ‘blood of a plant?’); Sha, Richa *zòm*, Monguna *in-zom*, Mundat *ànzòm*, Karfa *izyim*, Mangar *nzóm* ‘blood’ (coll.); Central Daba *zəmī* ‘vein’, *zəmī pāy* ‘root’; East Saba *sam* (regular devoicing) ‘blood’ [Стол-

бова 2016, №816]; ~ **Omotic** Dime *z/zumu* ‘blood taken from an ox’, Hamar, Ari *zum?i* ‘blood’ [Bender 2003: 236]; ~ **Semitic** Geez *zam* ‘blood’, Aramaic Mandaic *zma*, Syraic *zūm* [Militarev, Kogan 2000, №296].

14. Chadic **kVn-* ‘claw, nail’: West Gwandara *ákūna* ‘nail’; Montol *kàn-sái* ‘fingernail’ (‘fingernail-hand’), Goemai *moe-kan-sa* ‘loose chips of skin around the finger nails’, *nken, nkéen* ‘thorn’; Bolewa *kòn-kòni* ‘handnail, cuticle’, Karekare *k^wan-čà, kəčà* ‘nail’; Jimi *kin* ‘nail’; Central Balda *li-kiŋ* ‘claw’, Mbuko *g^wig^wèn* (< *k^wi-g^wen* < **k^wi-k^wen*) ‘nail, claw’; Makari *nkan* ‘fingernail’, Logone *ʔəŋkəŋ* ‘nail’, *nkini* ‘claw’; East Sokoro *kòyŋ* ‘nail’, Barein *kōkkiny* ‘nail’; Mabire *go-koni* ‘(finger) nail’. Производный глагол: West Karekare *kùn-ču* ‘scratch with nails’; East Migama *kōkinyò* ‘scratch (with teeth, nails)’; Mokilko *ʔákkìnè* ‘to scratch (tr.), to itch’; ~ East **Cushitic** Arbore *kunúf* ‘claw’, Oromo *qeen-sa* ‘finger nail’, Konso *kénža* ‘nail’, Ongota *kinə* ‘claw’; ~ **Omotic** Chara *kientsa*, Gunjule *ʔukuns* ‘nail’; ~ **Semitic** Geez *qnw* ‘transfix with nails, fasten with nails, nail, pierce with a spear, drive a stake into the ground’, *qannot* ‘nail, mark of nails’ [Столбова 2016, №513].

15. Chadic **kaway-* ‘finger-nail’: West Warji *kəwī-na*, Mburku *kawi*, Jimbin *kuya* ‘finger-nail’; East Mokilko *kóokè* ‘claw’ ~ East **Cushitic** dullay **koʃ-* ‘claw, nail, finger, hoof’: Gawwada *qoy-akko* ‘claw, nail’, Dobase *qoʃ-akko* ‘finger’, Tsamai (Dume, Gaba, Kule) *g’oʃ-akko* ‘claw, hoof’ [Amborn 1980: 242–243].

16. Chadic **kV-kVl-/kVl-kV* ‘wing’: West Pero *káalà* ‘feather’; Central Dghwede *kl-va* ‘wing’; Musey *kella*; East Saba *kəkəl* ‘wing’, Mawa *kakal* ‘aile’, Ubi *kákilà* ‘aile, coude’; Dangla *kàkiúilumnè* ‘wing’; Kajakse *k^wakal* ‘upper arm’, *kàlgi* ‘aile’ [Stolbova, 2011 №196]; ~ East **Cushitic** **kool-* ‘wing’: Burji *kóoli*, Boni *kool-i*, Dasenech *kuol*, Elmolo *kool*, Oromo *kool-a*, Konso *xool-a*, Gawwada *xool-ako* ‘wing’, Yaaku *kol* ‘branch’ [Sasse 1978: 117], Geleba *keela*, Sidamo *k’oola* ‘wing’ [Hudson 1989: 168].

17. Chadic **gVw/yVr-* ‘throat, neck’: West Hausa *màkóo-g^wároo* ‘trahea, throat’; Miya *ng^wàra-kə* ‘trahea’; Mangas *ngír-si* ‘neck’; Central Lamang *nguwara*, Dghwede *gurara* ‘throat’; Munjuk *gur-dok* ‘gorge’, Mbara *gür-döy* ‘throat’; East Tumak *gēér* ‘neck’; Sokoro *gérere-m* ‘(dein) Kehlkopf’, *gèrè* ‘neck’, Saba *ger* ‘neck (back and front)’, Ubi *do-gora* ‘gorge’; Mabire *žerea* ‘throat’; Birgit *góoró*, Mubi *góóoró* ‘gorge’ [Столбова 2016, №239]; ~ **Semitic** Hebrew *gārōn*, Aramaic *gaggartā* (<

gar-gartā* ‘throat’, Geez *gwarṣe*, *gurṣe* ‘throat, neck’, Tigrinya *gʷārāra*, Tigre *gəraʔ*, Amharic, Argoba *gwərorro* ‘throat’, etc., [Leslau 1987: 200]; ~ **Cushitic Oromo *gooraw* ‘gorge’; ~ **OmotiC** Wolaytta *goorbiya* ‘throat’ [Lamberti 1997: 373].

18. Chadic West Hausa *hánníu* (< **ha-nnu* < **ha-gnu*, cf. Hausa *harṣe*, *halṣe* < **ha-lis*- < Chadic **lis*- ‘tongue’) ‘hand, trunk of elephant, sleeve’; East Tumak *gēny* ‘hand’ [Столбова 2016, №215a]; ~ **Cushitic**: Beja *gánaʔa* ‘hand’, East Saho *ginaʃ*, Afar *genaaf* ‘hand, palm’, Burji *gan-áa* ‘hand, palm of hand’, Somali *gaʃan*, Bayso, Elmolo gene, Oromo *gana*, Boni *kaʃan* ‘hand, arm’, dullay Gawwada *kaʃate*, Harso, Dobase, Gollango *kanaʃ-e-ʃ* ‘(palm of) hand’ [Долгопольский 1973, 316; Sasse 1978: 77].

В следующих случаях кушитская/омотская параллель представлена единичным рефлексом.

19. Chadic **sV(?)m-* ‘hair (on the head)’: West Hausa *sùmaa* ‘the growth of hair on the head from its first appearance after the head has been shaved until it is long and termed *gizo*’; Ngamo *sòm* ‘hair, feathers’; Central Bana *sim-thifi* (*tifi*), Fali Kiriya *šin-či*, Kapsiki, Higi Nkafa *šin-ti* (< **sim-ti*) ‘hair’; Jimjimen *šim-kín*, Gude *šin-kínə* ‘hair (on head)’, Fali Mucella *šim-ki*, ‘hair’; Sakun *šum-but* ‘hair of the head’; ~ **OmotiC** Yemsa *somə* ‘(Körper)Haar’; ~ **Egyptian** *smʔ* (Pyr) ‘hair’ [Столбова 2016, № 701].

20. Chadic *(*h*)*Vw-* ‘throat’: West Gerka *γγà* ‘neck’; Ngizim *hàhá* ‘hard palate, roof of mouth’; Central Mada *ha* ‘gorge’ (employé uniquement en composé) ‘throat’, *hóhó* ‘trachée, bronches’; Ouldem *hʷàʷ* ‘cou’, Chuvok *əwàʷ*; East Tumak *ááw* ‘goitre’; ~ South **Cushitic** Iraqw *heha* ‘throat, wind-pipe; gluttony’ [Столбова 2016, №346].

21. Chadic **gVʃ-* ‘chest’: West Boghom *gyaas*, Geji *gyéti*, Zul *ngéte* ‘chest’, Geji *isu-ngeti* ‘rib’ = ‘bone-chest’; Duwai *əgʒà* ‘chest, cough’; Central Zulgo *gəʒəŋ* ‘chest, heart’; ~ East **Cushitic** Sidamo *gagasó* ‘chest’; ~ **Semitic** Arabic *gawš-* ‘breast-bone, chest’ [Столбова 2016, №248].

22. Chadic **gVʃ-* ‘cheek’: West Jimbin *gútʔa*; Daffo *gát-âm*; Central Mesme *nguto*, Banana *ngotə-no* ‘cheek’, Gizey *gáléy*, Masa *gályi*, *gèlyi*, Ham *gàli* (*-l-* < **-t-*), Musey *ngòt*, Lew, Marba *ʔàngòt* ‘cheeks’ pl.; ~ **OmotiC** Yemsa *gača* ‘Wange’ [Столбова 2016, №249].

23. Chadic *gVr- ‘lower leg’: West Warji *gàr-dái*, Tsagu *gàr-de*, Miya *angar* ‘foot, leg’; Bolewa *gùrs/ši* ‘hip’; Central Dari *gore* ‘leg’, *gūrāy* ‘cuisse’; East Nanchere *g^warə* ‘leg, jambe’, Lele *gàr-mà* ‘leg’, Ndam *gàr* ‘pied’; ~ East **Cushitic** Saho *geera* ‘hip’ [Столбова 2016, №236].

24. Chadic *dVr- ‘back, buttocks’: Central Bana *dàr-sà* ‘bas au dos’; Chuvok *dàr* ‘fesse’, *drə-ŋ-gàlà* ‘nuque’ = ‘back-head’, Mefele *dar*, *dərə* ‘buttocks’, Mbuko *dādār* ‘backward’; East Mokilko *dár* ‘back, bark’; Zirinkel *dor-do* ‘fesse’; ~ East **Cushitic** Afar *dárri* ‘Rückseite, Rücken’ [Столбова 2016, № 156].

25. Chadic *tsVg- ‘hair (in the horse tail)’: West Hausa *tságiyáa* ‘hair (in the horse tail)’; Tsagu *gəşya* (метатеза) ‘hair’; Central Bana *šigə* ‘tail’; Gulfey *m-sige*, *msege*, Makari *m-šugurio* ‘tuft, lock of hair’, Buduma *nšigə* ‘hair, feather’, Logone *ʔəmsəgə* (-ms- < -mš-) ‘hair’; ~ South **Cushitic** Iraqw *tsaga* ‘hair’ [Столбова 2016, №67].

Наконец, в следующих случаях – судя по чадским параллелям – в кушитско/омотских формах усматриваются лексикализованные суффиксы *-k-* и *-b-*².

26. Chadic *ba-k/k“- ‘mouth’: West Hausa *bàaki*, Gerka *pa-k*, Tangale *po-k*, Kirfi *bu*, Dera *bwóok*, East Lele *kù-b*, Tumak *bə-g*, Migama *bîi*, Birgit *bî*, etc. [Jungraithmayr 1994: 245]; ~ East **Cushitic** dullay Harso, Dobase *poko*, Gollango, Gawwada *pako*, Tsamai *bago* ‘Mund’ [Amborn 1980: 258].

27. Chadic *zV-k/-t- ‘body’: West Hausa *šikii* (*ši-* < *zi-); Mwaghavul *ši-k*, Mupun *ši-k*, Karekare *zù(u)*, Kirfi, Galambu *ši*, Maka *zò-kò*; Guruntum *zù*; Sha *zə-k*; Central Bachama *sù-to*, Nzangi *sə-či* (*s-* < *z- is regular); Mbuko *zé-k*; Logone *zé-zi*; Gidar *zu*; East Somrai *sii*, Tumak *hi-g*; Mawa *si-t* ‘body’; Dangla *zi* ‘body, person’, Migama *zii*, Bidiya *zii-te*; Kajakse *si-k*, Mubi *ši-t* ‘body’, etc. [Столбова 2016, №791]; ~ **Cushitic** agaw Bilin *zegá*, Xamir, Qwara, Dembea *ziyá* ‘meat, body’ [Reinish 1987: 296], см. также [Долгопольский 1973: 99].

28. Chadic *žah- ‘back, buttocks’: West Bocos *žáhá* ‘Gesäss, buttocks’; Central Sakun *žah* ‘back’; Mada *žah-žáh* ‘upper part of the back’ [Столбова 2016, №396]; ~ East **Cushitic** Arbore *žéh* ‘nape’ [Hayward

² См. также Cushitic *glb- ‘knee’ [Sasse 1978:18], Cushitic-Omotic *galba ‘skin’ [Lamberti 1997: 368].

1984: 431]; ~ **Omotic** Wolaytta *zokk-uwa*, Malo *zokko*, Gemu *zókko* Gofa *azokko*, Dawro *zukk-iya*, Kore *záhe*, Harro *zāhē* ‘back’ [Долгопольский 1973: 99, Bender 2003: 331, 315].

29. Chadic Central **sVr-* ‘(lower) leg’: Tera *sarà*, Gabin *saar-ta*; Higi Nkafa *sirra*, Kapsiki *silla* ‘leg’; Gude *širà-ŋá* ‘leg from knee to ankle’; Wandala *sra*, *sírá*, Malgwa *sóra* ‘leg, foot’, Hitkalanchi, Lamang *sárá*; Gisiga *sar* ‘leg’ [Stolbova 2009, №347]; ~ East **Cushitic** **sarb-* ‘calf (of the leg)’: Saho *sarb-a*, Afar *sar(a)b-a*, Dasenech *sarab*, Oromo *sarba*, Burji *sárb-aa*, Konso *sarp-itta*, Tsamai *serb-e*, Geleba *sarba*, Kabenna *sarba-ta*, Sidamo *saraba* [Sasse 1978:163, Hudson 1989: 35].

30. Kushitic-Omotic **ʕAnrAb-* ‘tongue’ [Долгопольский 1973: 226]; ~ East **Cushitic** **ʕrrab-* and **ʕarrab-*, earlier **ʕanrab-*: Afar *arrab-a*, Somali *ʕarrab*, Rendille *harrab*, Boni *arub*, Dasenech *ʔere*, Elmolo *ʔerrep*, Bayso *irreb-i*, Oromo, Burji, Sidamo, Darasa *arrab-a*, Konso *a-rap-a*, Gidole *arrap*, *arrab-a*, Hadiya *allab-o*, dulla *arrap-ko*, Yaaku *ere*, pl. *erep-a* [Sasse 1987: 28]. В качестве параллели можно рассмотреть следующие формы: ~ Central **Chadic** **(HV)nVr-*: Wandala *nára*, *ara*, Malgwa *nare*, **HVrn-* (метатеза): Gisiga *ʔirne*, Mofu *ʔǎrné*, Dugwor *hirne-k*, Baka *hǎrne-k*, Moloko *hirné-k*.

Результаты исследования можно считать обнадеживающими, учитывая количество обнаруженных когнатов. Существенно, что, по крайней мере, в двух случаях («нос» и «кость») чадско-кушитско-омотская параллель претендует на роль основной праформы в словном списке.

Литература

- Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М.: Наука, 1973.
- Столбова О.В. Этимологический словарь чадских языков. М.: Институт востоковедения, 2016.
- Amborn H., Minker G., Sasse H. Das Dulla // Beiträge für Afrikanistik, B. 6, 1980. Ss. 228 -282.
- Appleyard D. A Comparative Dictionary of the Agaw Languages. Köln: Köppe, 2006.
- Bender M.L. Aroid (South Omotic Lexicon) // Afrikanistische Arbeitspapiere, B. 38. Köln, 1994. Ss. 133–162.

- Bender M.L.* Proto-Omotc Phonology and Lexicon. Carbondale: SIU Printing/Duplicating, Southern Illinois University, 2003.
- Biberstein-Kazimirski A. de.* Dictionnaire arabe-français. 2 vol. Paris: Maisonneuve et Co, 1860.
- Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. VI Bds. Berlin: Akademie, 1937–1971.
- Hayward R.J.* The Arbore Language. Hamburg: Buske, 1984.
- Hudson G.* Highland East Cushitic Dictionary. Hamburg: Buske, 1989.
- Jungraithmayr H., Ibriszimow D.* Chadic Lexical Roots, v. 2. Berlin: Reimer, 1994.
- Kiessling R., Mous M.* The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic. Köln: Köppe, 2003.
- Lamberti M.* Die Shinasha-Sprache. Heidelberg: Buske, 1983.
- Lamberti M., Sottile R.* The Wolaytta Language. Köln: Köppe, 1997.
- Leslau W.* Comparative Dictionary of Ge'ez. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987.
- Militarev A., Kogan L.* Semitic Etymological Dictionary. Vol 1. Anatomy of Man and Animals. Münster: Ugarit Verlag, 2000.
- Reinisch L.* Wörterbuch der Bilin-Sprache. Wien: Hödler, 1987.
- Sasse H.-J.* The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic // Afroasiatic Linguistic, V.7 (1), 1978.
- Sasse H.-J.* Etymological Dictionary of Burji. Hamburg: Buske, 1982.
- Stolbova O.* Chadic Lexical Database. Issue III. Москва – Калуга: Наша полиграфия, 2009.
- Stolbova O.* Chadic Lexical Database. Issue IV. Москва – Калуга: Наша полиграфия, 2011.
- Zaborski A.* What Type of Typology of Afroasiatic? // Folia Orientalia, V. L, 2013. Pp. 377–387.

ОБ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ В САХАРСКИХ ЯЗЫКАХ

Сахарские языки, распространенные на обширных территориях Центральной Африки, изучены в разной степени и находятся на разных ступенях социально-культурной лестницы. Наиболее высоким социальным статусом обладает язык канури, и он же изучен в наибольшей мере. Существует два фундаментальных труда по языку теда-даза, или тубу, социальный статус которого значительно ниже. Это «Язык Туту в Центральном Судане» [Lukas 1953] и «Грамматика и тексты теда-даза» [Le Sœur 1956]. В последнее время появились работы по языку бериа, или загава. Особо следует отметить труд А. Якоби и Й. Красса [Jakobi, Crass 2004] Пока еще не окончательно решен вопрос о том, является ли канембу самостоятельным языком или же он представляет собой один из диалектов канури. То же самое можно сказать о языке берти: К. Петрачек считал его одним из диалектов бериа, но указывал, что его повсеместно заменил арабский язык [Petraček 1965].

Данная работа посвящена именной морфологии сахарских языков: канури, теда-даза и бериа. Сразу следует отметить, что именная морфология в данных языках не настолько богата, как глагольная.

Имя в сахарских языках состоит из корневой морфемы, к которой могут присоединяться словообразовательные и словоизменятельные аффиксы. Большая часть этих аффиксов – суффиксы. Префиксальные морфемы отмечены только в канури и теда-даза, а в бериа их вообще нет. На стыках корневых и аффиксальных морфем происходят морфонологические изменения, которые обуславливают выбор того или иного алломорфа.

1. Форма множественного числа

Форма множественного числа в бериа образуется путем изменения тонального рисунка корневой морфемы: *biri* ‘собака’ – *biri* ‘собаки’. А. Якоби и Й. Красс указывают, что, по всей видимости, тональные различия в формах ед. и мн. чисел не играют сколько-

нибудь существенной роли, поскольку если имя сопровождается каким-либо детерминантом, то оно сохраняет форму единственного числа. Происходит изменение тонального рисунка не имени, а определения: *biri bri* ‘серая собака’ – *biri bri* ‘серые собаки’, *hiri* ‘бык’ – *hiri* ‘быки’, > *hiri kii* ‘этот бык’ – *hiri ki* ‘эти быки’, [Jakobi, Crass 2004: 107].

В теда-даза форма мн. ч. образуется при помощи суффикса *-a*. При оформлении этим суффиксом корневой морфемы, имеющей в ауслауте гласный *-a*, удлинения этого гласного не происходит: *janá* ‘нож’ – *janá* ‘ножи’. Й. Лукас настаивает на том, что удлинение конечного гласного происходит, но добавляет, что «различие между длинным и кратким гласным в ауслауте слабо различимо» [Lukas 1953: 34].

В зависимости от того, что стоит в ауслауте имени – гласный, и какой именно, или согласный, и какой, – происходят различные морфонологические процессы: выпадение конечного гласного корня, слияние двух гласных, выпадение назального согласного с появлением назализации конечного *-a*. Следует особо указать, что морфонологические процессы в языке теда-даза весьма разнообразны и не всегда поддаются точному описанию. Так, если именная основа оканчивается на *-i* или *-e*, то возможно как слияние этого *-i* с суффиксом *-a*, что дает *-e*, или его выпадение, так и сохранение конечного гласного: *cóhori* ‘птица’ – *cóhore* ‘птицы’, *aké* ‘дерево’ – *aka* ‘деревя’, *ki* ‘кошка’ – *kia* ‘кошки’.

В канури форма мн. ч. образуется при помощи суффикса *-a*: *fato* ‘дом’ – *fato-a* ‘дома’.

2. Определенность – неопределенность

В бериа определенность не маркирована. Неопределенность выражается при помощи суффикса *-nií*: *kòdí* ‘курица’ – *kòdínií* ‘какая-то курица’. В теда-даза и определенность, и неопределенность не маркированы. Й. Лукас пишет, что «такое существительное, как, например, *áski* ‘лошадь’, может быть переведено на немецкий язык как *Pferd*, *ein Pferd* или *das Pferd*» [Lukas 1953: 51]. Но далее он отмечает, что в некоторых диалектах, таких как каширда, используется суффикс *-û*, придающий определенность оформленному им имени: *kalli* ‘юноша’ > *kalli-û*, *kall-û* ‘этот юноша’.

В канури определенность выражается использованием суффикса *-tə*: *katutə* ‘эта женщина’, тогда как неопределенность, в отличие от бериа, остается немаркированной.

3. Выражение принадлежности

В бериа принадлежность может быть выражена конструкцией, когда определитель занимает первую позицию во фразе, а определяемое – вторую, будучи никак не связанным с определителем: *áli biè* ‘дом Али’. Но возможно и другое: первую позицию во фразе занимает определяемое, а вторую определитель, который оформлен суффиксом *-kii*, передающим значение ‘для, принадлежащий...’: *biè áli-kii* ‘дом Али’.

В теда-даза в генитивной конструкции определитель, оформленный суффиксом *-i* стоит на первом месте, а определяемое на втором, при этом определяемое всегда имеет при себе притяжательное местоимение: *dómta-i yége-sən* ‘дом девушки (досл. девушка дом ее)’.

В канури для выражения принадлежности используется суффикс *-be*: *fato kamu-be* ‘дом женщины’.

4. Имя деятеля

В бериа слова, относящиеся к этой семантической группе, образуются при помощи суффикса *-da* и его алломорфов *-ta* и *-ra*. При этом они оформляют всегда имена. Суффикс *-da* присоединяется к основам, оканчивающимся на звонкий согласный. Если основа оканчивается на глухой согласный, то ее оформляет алломорф *-ta*. Если же основа имени имеет в ауслауте гласный, что характерно для большинства слов бериа, то используется алломорф *-ra*: *’húná* ‘танец’ – *húnà-rá* ‘танцор’, *gúrā* ‘охота’ – *gúrā-rā* ‘охотник’, *kòù* ‘песня’ – *kòù-rá* ‘певец’.

В языке теда-даза также можно образовать имя деятеля морфологическим способом. Для этого используются суффиксы *-mi* ‘сын’ и *-rəu* ‘дочь’: *Musa-mi* ‘сын Мусы’, *Musa-rəu* ‘дочь Мусы’: *dugu-mi* ‘музыкант’ < *dugu* ‘вид барабана’, *take-rəu* ‘торговка маслом’ < *take* ‘масло’. Й. Лукас и Ш. Лекер сходятся во мнении, что оба эти суффикса заимствованы из канури: *Musa-mi* ‘сын Мусы’, *Musa-ram* ‘дочь Мусы’. В языке хауса лексемы *dán* ‘сын’ и *’yar* ‘дочь’ также используются для образования имен с семантикой «имя деятеля»:

jarida ‘газета’ – *dan jarida* ‘журналист’, *wasá* ‘спорт’ – ‘*yar wasa* ‘спортсменка’.

В канури для образования слов, относящихся к семантической группе «имя деятеля», используется суффикс *-má*: *cida* ‘работа’ > *cida-má* ‘рабочий’, *kitáwù* ‘книга’ > *kitawu-má* ‘продавец книг’. Форма мн. ч. этой семантической группы образуется при помощи суффикса *-wú*: sg. *cida-má* – pl. *cida-wú*.

5. Имя этнической принадлежности

В бериа существительные, обозначающие принадлежность к этнической группе, также образуют плюральные формы с помощью суффикса *-da / -ra / -ta*: *kúbé* ‘человек из Кубе’ – *kúbá-rá* ‘люди из Кубе’, *gúrúf* ‘человек из местности Гуруф’ – *gúrúf-tá* ‘люди из местности Гуруф’, *dironj* ‘люди из местности Диронг’ – *dironj-da* ‘человек из местности Диронг’.

В теда-даза принадлежность к какой-либо этнической группе может выражаться при помощи суффикса *-mi* ‘сын кого-либо’ или *-rɛi* ‘дочь кого-либо’: *Karemi* ‘человек из рода Креда’, *Anrɛi* ‘арабка’.

В канури нет особого суффикса для образования имен с подобной семантикой. Обычно для этих целей используются генитивная конструкция с суффиксом, выражающим, в числе прочих, значение принадлежности, первый член которой означает человека, а второй название племени или народа: *kam Afunobe* ‘человек хауса, хаусанец’ < *kam* ‘человек’ + *Afuno-be* ‘хауса+суффикс, выражающий принадлежность’.

6. Диминутив

В бериа, как указывают А. Якоби и Й. Красс, были обнаружены лишь три слова, обозначающие маленьких животных. Приведем два из них: *tàtì-ni* ‘маленький ягненок’ < *tàtì* ‘ягненок’, *mìmì-ni* ‘маленький теленок’ < *mìmì* ‘теленок’. Все эти слова оканчиваются на *-ni*. Но слова, от которых образован диминутивная форма, также обозначают маленьких животных. Поэтому, указывают А. Якоби и Й. Красс, «вопрос о том, существует ли диминутив в бериа, остается открытым» [Jakobi, Cross 2004: 114].

В теда-даза димунутив образуется при помощи суффикса *-mi/-me*, который, по мнению Й. Лукаса, происходит от суффикса *-mi* ‘сын кого-либо’: *cor* ‘заяц’ – *corə* ‘зайчонок’.

В канури морфологический диминутив не отмечен.

7. Суффикс коллективности

В языке бериа существуют два суффикса *-ní* и *-nàà*, обозначающие группу людей, причем первый не может считаться продуктивным, поскольку оформляет только два слова – *kirá* ‘мать’ и *kisír* ‘отец’: *kirá-ní* ‘родственники со стороны матери’ и *kisír-ní* ‘родственники со стороны отца’.

Суффикс *-àà* более продуктивен. Он может оформлять как имена собственные, так и нарицательные, обозначающие людей: *Músá* ‘Муса’ – *Músá-nàà* ‘Муса и его люди’, *ábà* ‘отец’ – *ábà-nàà* ‘отец и его люди’.

В теда-даза подобный суффикс не был отмечен. В канури это суффикс *-so*: *tátà* ‘мальчик’ > *tátàso* ‘мальчик и его друзья’.

8. Название языков

Суффикс *-ní* в бериа, оформляя имена, обозначающие этническую группу, участвует в образовании названия языков: *kúbárá* ‘люди из Кубе’ – *kúbárá-ní* ‘язык Кубе’. Но не все названия языков образуются при помощи этого суффикса. Так, название языка бериа – *berí-á* означает дословно ‘рот бери’.

В теда-даза название языков образуются при помощи суффикса *-ga*: *ara-ga* ‘арабский язык’ < *ara* ‘араб’.

В канури название языков образуется путем полной редупликации: *Afuno* ‘хауса (народ)’ – *afuno-afuno* ‘язык хауса’.

9. Владелец чего-либо

В бериа при помощи суффикса *-da / -ra / -ta* могут быть образованы слова с общей семантикой «владелец чего-либо»: *tóú* ‘ружье’ – *tóú-rā* ‘владелец ружья’, *díí* ‘верблюд’ – *dì-ìrà* ‘владелец верблюда’.

В языках теда-даза и канури подобные суффиксы не зафиксированы.

10. Место действия

В канури отмечены два суффикса, участвующие в образовании имен с семантикой «место действия, место кого-то» *-ri* и *-ram*: *Shehuri* ‘дворец Шеху’ < *Shehu* ‘Шеху’, *kágəlmari* ‘кузница’ < *kágəlmà* ‘кузнец’, *shararám* ‘суд (учреждение)’ < *shara* ‘суд (процесс)’.

11. Орудие действия / плата за что-либо

При помощи суффикса *-ram* образуются также группы слов с общим значением ‘орудие действия’ и ‘плата за что-либо’: *gotaram* ‘ручка’ < *gota* ‘отглагольное имя от ‘держать’, *máləm* ‘учитель’ < *maləmram* ‘плата за обучение’.

В теда-даза имена с семантикой «орудие действия» и «плата за что-то» могут быть образованы при помощи суффикса *-rəm / -ram*: *wúdurəm* ‘зеркало’ < *wúdu* ‘смотрение’, *gerkirəm* ‘пожертвование в мечети’ < *gerki* ‘мечеть’. Й. Лукас высказал предположение, что этот суффикс был заимствован теда-даза из канури, о чем, по его мнению, говорит «наличие обычно выпадающего назального *-m*» [Lukas 1953: 42].

При помощи суффикса *-aram* в канури образуется группа слов с общей семантикой ‘предмет чего-либо’: *kəraram* ‘предмет обучения’ < *kəra* ‘учеба’.

Помимо словообразовательных суффиксов в языке канури и теда-даза существуют и префиксы. При помощи префиксов *n-*, *nəm-*, *kər-* в канури образуются абстрактные имена от существительных и прилагательных: *nəji* ‘сладость’ < *kəji* ‘сладкий’, *nəmsawa* ‘дружба’ < *sawa* ‘друг’, *kərmâi* ‘королевство’ < *mâi* ‘король’. В теда-даза также есть префиксы, участвующие в образовании абстрактных существительных, *n-*, *kən-*: *nosu* ‘здоровье’ < *wosu* ‘здоровый’, *kəmbúgədi* ‘старость’ < *búgədi* ‘старый’.

В языке бериа, как уже упоминалось, префиксации имен не существует.

Как следует из Таблицы 1, наиболее развитой или богатой именной морфологией обладает язык канури. И в языке бериа, и в теда-даза есть суффиксы, обладающие широкой семантикой: *-da / -ra / -ta* в бериа, при помощи которого образуются три семантические группы, и *-mi / -rəu* в теда-даза, участвующие в образовании двух семан-

тических групп. Многочленным аффиксом является и суффикс *-ram* в канури. Во всех трех языках существует аффиксальная морфема для образования группы слов с общей семантикой имени деятеля. Наименьшее количество аффиксальных морфем зафиксировано в бериа, наибольшее – в канури.

Семантическ. группа	Бериа	Теда-даза	Канури
Множ. число	-	<i>-a</i>	<i>-a</i>
Определенность	-	<i>-u</i>	<i>-tə</i>
Неопределенность	<i>-nií</i>	-	-
Имя деятеля	<i>-da / -ra / -ta</i>	<i>-mi (m), -rəu (f)</i>	<i>-ma</i>
Этническая принад.	<i>-da / -ra / -ta</i>	<i>-mi (m), -rəu (f)</i>	-
Диминутив	<i>-nii</i>	<i>-mi / -me</i>	-
Общность	<i>-ni / -nàà</i>	-	<i>-so</i>
Название языка	<i>-ni</i>	<i>-ga</i>	-
Орудие действия	<i>-da / -ra / -ta</i>	-	<i>-ram</i>
Предмет чего-либо	-	-	<i>-aram</i>
Плата за что-либо	-	<i>-rəm / -ram</i>	<i>-ram</i>
Место	-	-	<i>-ri, -ram</i>
Абстрактные имена	-	<i>n-, kər-</i>	<i>n-, nəm-, kər-</i>

Таблица 1: Именные морфологические показатели в языках бериа, теда-даза и канури

Литература

- Hutchison J.P.* The Kanuri Language. A Reference Grammar. Madison: University of Wisconsin, 1981.
- Jakobi Angelika, Crass Joachim.* Grammaire du beria (langue saharienne). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2004.
- Le Cœur C., Le Cœur M.* Grammaire et textes teda-daza. Paris: IFAN, 1956.
- Lukas J.* Die Sprache der Tubu in der Zentralen Sahara. Berlin: Berlin Akad-Vlg, 1953.
- Lukas J.* A Study of the Kanuri Language. Grammar and Vocabulary. London: Oxford University Press, 1937.
- Petráček K.* Phonetik, Phonologie und Morphologie der Berti-(Siga) Sprache in Dār Für (Südan) // Archiv Orientální. Bd. 33, 1965. Ss. 314–366.

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВ *МПОНГВЕ* И *ГАЛВА* (БАНТУ)¹

Настоящая работа продолжает серию статей автора, посвященных сопоставительному (типологическому) анализу отдельных языков банту, входящих в одну языковую группу. Полученные результаты, хочется надеяться, представят объективную картину грамматических особенностей сравниваемых языков, а также помогут определить степень их близости и расхождения, что в дальнейшем может быть использовано при выработке критериев при решении актуальной и сложной проблемы разграничения *язык – диалект*. Помимо этого, подобные исследования имеют значение и при решении генетических задач, сводимых к целому комплексу проблем, в частности, к вопросу о источниках происхождения отдельных языков. Анализируемые в настоящей работе языки, *мпонгве* и *галва* относятся к языкам банту северо-западного ареала, зоне В, группе *мьене* (В.10) и имеют соответственно индексы В.11а и В.11с. Кроме них в группу *мьене* входят языки *ронго*, *дьюмба* и *нкоми*. Языки распространены на территории Габона. Материалом для исследования языка *мпонгве* послужила достаточно основательная монография П. Готье [P. Gautier. Grammaire de la langue Mpongwée. Libreville, Paris 1912], для языка *галва* монография И. Топоровой [И.Н. Топорова. Очерк грамматики языка галва. М., 2014], основанная на результатах многолетней работы автора с носителем языка, гражданином Габона Жаном Пьером Ньянгонени.

Объектом сопоставления в обоих языках являются некоторые грамматические категории (системы именных классов, деривативные категории, категории актантных отношений, отрицание, а также словарный состав языков).

При имеющихся незначительных расхождениях оказывается, что *системы Именных классов* в обоих языках практически полностью идентичны, не считая субъектных и объектных глагольных по-

¹ Работа проведена в рамках гранта РГНФ № 14-04-00488.

казателей, а кажущаяся разница состоит лишь в различной трактовке вариантов.

Согласно имеющимся материалам по *галва* и *мпонгве*, наборы *деривативных категорий*, представленные в них, несколько различаются. Можно отметить наличие ряда общих категорий с одной стороны, и с другой стороны, тот факт, что некоторые категории отмечены только в *мпонгве* (аппликатив, реверсив), другие только в *галва* (социатив-комитатив). Что касается *галва*, то, с нашей точки зрения, было бы желательно привлечь к рассмотрению дополнительный материал (которым мы, к сожалению, в настоящий момент не располагаем), который, возможно, внес бы некоторые коррективы в предмет анализа. Относительно формальной стороны анализируемых категорий можно сказать, что в общих чертах *Деривативные суффиксы* в языках совпадают, не считая мелких особенностей, которые вполне укладываются в различные варианты реализации *обцебантуских* и *протобантуских* форм.

Характеризуя вкратце полученные результаты сопоставления основных грамматических категорий и именного фонда языков *мпонгве* и *галва*, можно отметить следующую ситуацию:

практически полное тождество систем *Именных классов* в обоих языках;

наличие общих *Деривативных категорий*; некоторые различия заключаются в представленности или отсутствии ряда категорий в том или ином языке;

актантные отношения характеризуются морфо-синтаксическим единообразием; некоторые различия связаны с различными вариантами реализации *объектных местоимений* или повторного употребления *имени-объекта*;

в области *отрицания* при наличии ряда общих показателей следует отметить достаточно существенные отличия;

в области *лексики* зафиксировано значительное сходство между двумя языками (более 25%).

Таким образом, при несомненной близости языков существующие расхождения дают основание считать их именно *языками*, а не *диалектами*.

К ОЦЕНКЕ АРЕАЛЬНОГО ФАКТОРА В ГРАММАТИКЕ СОСЕДЕЙ ЯЗЫКОВ КВА¹

1. Введение

Отправной точкой настоящей работы является тот факт, что языки, классифицируемые как относящиеся к языковой семье ква, помимо постулируемой генетической связи обнаруживают очень сильное структурное сходство между собой, а потому можно предположить, что на их грамматическую систему оказывает влияние не только генетический фактор но и ареальный, учитывая, что языки эти распространены более или менее компактно по соседству друг с другом.

Согласно современной классификации к языковой семье ква относят около 80 языков, распространенных в Кот-д'Ивуаре, Гане, Того и Бенине. Если внутренняя классификация этой языковой семьи остается предметом дискуссий (так, являющееся основным справочным материалом по классификации языков мира [Lewis et. al. (eds.) 2016] опирается на работы [Bennett & Sterk 1977], [Stewart 1989], в которых предложены две крупных ветви языковой семьи, тогда как в [Williamson & Blench 2000] и [Blench 2009] предложена более осторожная классификация, в которой представлены только объединения низкого уровня), то сам ее состав в последние десятилетия не пересматривался и тем самым вполне общепринят. При этом, как было сказано, у языков ква характерные и стабильные структурные морфосинтаксические черты, то есть помимо генетического объединения языков, речь идет и о некотором структурном типе.

Возникает закономерный вопрос: если сходство языков ква обусловлено не только генетическим фактором, но и ареальным, то до какой степени те же структурные черты будут обнаруживать и языки других семей, представленных в том же ареале, и коррелирует ли степень сходства с географической близостью ареалов распростра-

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ №14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

нения? Этот вопрос тем более естествен, что сходство между языками, ныне классифицируемые как ква, и рядом других языков хорошо известно, если вспомнить понятие так называемых «старых ква», то есть тех языков, которые в разное время классифицировались как ква прежде всего именно на основании структурного сходства². Среди географически близких генетических объединений к языкам ква представлены дефоидная ветвь языков бенуэ-конго, языки гур, языки кру, языки манде. В разделе 3 рассматриваемый материал охарактеризован более подробно, в частности, объясняется, почему прежде всего данные языков ква сопоставляются с данными языков гур.

Задача настоящей работы состояла в том, чтобы, используя обзорные данные максимально доступного материала языков ква и сопоставляемых с ними языков соседних языковых семей, выявить структурные сходства между ними. Для этого был составлен перечень характерных для языковой семьи ква структурных черт, на наличие которых были проверены как языки ква, так и другие языки, для которых имеются доступные данные. В качестве технического инструмента сопоставления был использован алгоритм NeighborNet [Huson & Bryant 2006], позволяющий визуализировать сходство между объектами по заданным параметрам (в нашем случае – структурное сходство между языками).

2. Характерные структурные черты языков ква

В качестве характерных структурных черт языков ква к рассмотрению были привлечены следующие параметры: (а) порядок слов VO (следование дополнения за глаголом); (б) порядок слов Poss N (предшествование посессора вершинному существительному); (в) сериальные глагольные конструкции; (г) объектно-инструментальные конструкции с глаголом ‘брать’; (д) бенефактивные конструкции с глаголом ‘давать’; (е) нейтральное оформление битранзитивной конструкции; (ж) сложные адложные локативные конструкции. Как можно заметить, среди этих черт представлены, с одной стороны, универсальные типологические параметры порядка

² В качестве характерного примера можно называть достаточно известную работу [George 1975], в которой рассматриваются сериальные глагольные конструкции в бенуэ-конголезском языке нупе и при этом в заглавии вынесено понятие ‘Kwa-type verb serialization’.

слов, стабильно принимающие в языках ква определенное значение, а с другой стороны, специфические конструкции, представляющие собой особенность данной языковой семьи, пусть и имеющие параллели в языках других семей и ареалов.

Примеры (1) и (2) иллюстрируют параметры (а) и (б) – базовый порядок слов в глагольной и в именной группе в языках ква. Как можно видеть из примера эве (1а), прямое дополнение в языках ква в наиболее нейтральной переходной конструкции следует за глаголом; при этом не учитывались представленные в некоторых языках более сложные конструкции с объектной инверсией – так, например, в прогрессиве в языке эве объект предшествует лексическому глаголу, как в (1б). Пример эве (2) показывает порядок слов в именной группе: посессор предшествует вершинному имени.

(1) эве {< гбе < ква}

a. ɲutsu la fo srɔ̃-a
 мужчина DEF бить супруг-DEF
 ‘Мужчина побил жену.’³

b. ɲutsu la le srɔ̃-a fo-m
 мужчина DEF COP супруг-DEF бить-PROG
 ‘Мужчина бьет жену.’

(2) эве {< гбе < ква}

ɲutsu la fe srɔ̃-a
 мужчина DEF POSS супруг-DEF
 ‘жена мужчины’

Сериальные глагольные конструкции (в) представляют собой известную характерную особенность морфосинтаксиса языков ква; речь идет о конструкции, в которой два и более глагола выражают единое событие (или, что в сущности то же самое, тесно связанные события, образующие единое макрособытие) и образуют единую предикацию. (3) представляет собой характерный пример сериальной глагольной конструкции ква. В то же время, как мы показали в [Шлуинский 2016], с точки зрения частных морфосинтаксических характеристик сериальные глагольные конструкции в языках ква

³ Цитируемые примеры, не имеющие ссылок на источник, взяты из личных материалов автора, полученных от носителей языка, которым автор выражает свою самую глубокую благодарность.

неоднородны. В настоящем исследовании (во многом вслед за авторами грамматических описаний рассматриваемых языков) как сериальные глагольные конструкции анализируются всякие конструкции, занимающие функциональную нишу тесного связывания (под)событий в единое (макро)событие вне зависимости от их морфосинтаксических особенностей в данном конкретном языке. В частности, вопреки тому, что во многих исследованиях (ср., например, [Sebba 1987: 86–87]) принято считать, что в сериальной конструкции глаголы не могут быть связаны выраженным показателем синтаксической связи, конструкции типа представленной в (4), представленные в некоторых языках ква и ареально близких к ним, отождествлялись с сериальными, если функционально им эквивалентны.

(3) эве (< гбе < ква)

kofi ɖa nu ɖu
 Кофи готовить вещь есть
 ‘Кофи приготовил еду [букв. вещь] и съел (ее).’

(4) гонджа (< гуанг < ква)

ǂ-kòl nà pɛ ǂ-kòshí-bì' na ñg wé
 SG-ястреб DEF ловить SG-цыпленок-DIM DEF LNK есть
 ‘Ястреб поймал цыпленка и съел его.’ [Painter 1970: 309]

Объектно-инструментальные конструкции с глаголом ‘братъ’ (г), проиллюстрированные в (5а), являются одним из наиболее частых типов сериальных глагольных конструкций в ква; в таких конструкциях полуграмматикализованный глагол ‘братъ’ вводит пассивного или инструментального участника ситуации, выражаемой следующим за ним лексическим глаголом. Помимо собственно сериальных конструкций, в которых глагол ‘братъ’ является полноценной глагольной лексемой, к рассмотрению принимались и результаты грамматикализации таких конструкций, в которых глагол ‘братъ’ подвергается морфологической редукции и теряет самостоятельные употребления в лексическом значении. Так, если в примере эве (5а) представлен полноценный глагол *tsɔ* ‘братъ’, имеющий и самостоятельные употребления, как в (5b), то в примере акан (6) мы видим полувспомогательный элемент *de*, восходящий к глаголу ‘братъ’, но синхронно в этом значении не употребляющийся.

(5) эве (< гбе < ква)

a. ɲutsu la tsɔ agbalē la xlē
 мужчина DEF братъ книга DEF читать
 ‘Мужчина прочитал книгу.’

- b. *ɲutsu la tsə agbalē la*
 мужчина DEF брат книга DEF
 ‘Мужчина взял книгу.’

(6) акан (< центральные тано < ква)

- kofi de sekan twa-a ahoma no*
 Кофи <брат нож резать-PST веревка DEF
 ‘Кофи разрезал веревку ножом.’ [Osam 1996: 79].

Бенефактивные конструкции с полуграмматикализованным глаголом ‘давать’ (д), вводящим участника-бенефицианта ситуации, выраженной следующим за ним лексическим глаголом, как в (7a), также являются характерным типом сериальных конструкций в ква; (7b) показывает лексическое употребление глагола, представленного в (7a). Как и в случае с конструкциями с ‘брат’, в некоторых языках рассматриваемые конструкции грамматикализованы, таким образом что маркер, восходящий к глаголу ‘давать’, синхронно с ним не соотносится и употребляется как предлог – как, например, в аджа (8). Грамматикализованные конструкции также учитывались в исследовании.

(7) акан (< центральные тано < ква)

- a. *kofi tɔ-ɔ bukuu ma-a ama*
 Кофи покупать-PST книга давать-PST Ама
 ‘Кофи купил Аме книгу.’
- b. *kofi ma-a ama bukuu*
 Кофи давать-PST Ама книга
 ‘Кофи дал Аме книгу.’

(8) аджа (< гбе < ква)

- àshíbá cú èhò ló nɔ̀ kòjò*
 Ашиба платить деньги DEF <давать Коджо
 ‘Ашиба заплатил Коджо деньги.’ [Morley 2010: 83]

Нейтральное поверхностное морфосинтаксическое оформление битранзитивной конструкции (е) характерно для подавляющего большинства языков ква и может быть проиллюстрировано (7b) и (9): оба несубъектных актанта битранзитивного глагола линейно следуют за ним и не имеют специализированного маркирования. Следует отметить, что речь идет именно о поверхностном маркировании: для ряда языков ква отмечены асимметричные синтаксиче-

ские свойства этих актантов; соответствующие данные систематизированы нами в [Шлуинский 2012].

(9) логба (< логба < ква)

howusu ó-tá asafo e-feshi
 Ховусу 3SG.S-давать Асафо CL-овца
 ‘Ховусу дал Асафо овцу.’ [Dorvlo 2008: 137]

Сложные локативные адложные конструкции (ж) распространены в разных языках в разной степени, но в каком-то объеме засвидетельствованы в большинстве из них. Устроены они так, что актантное семантическое отношение, прежде всего локативное, передается не единственным маркером, а сочетанием из двух адлогов, которые комбинируются друг с другом. Так, в примере (10а–с) эве представлены разные комбинации из предлогов *ɔe* и *le* с лативным и эссивным значениями соответственно с послелогами *me* и *ta*, которые выражают локализации внутри на поверхности. Для языков ква характерно сосуществование и комбинации предлогов и послелогов (являющихся результатами разной степени грамматикализации глаголов и локативных существительных соответственно), но в ареально близких языках представлены функционально аналогичные сложные адложные конструкции с адлогами одного и того же линейного типа – так, в примере (11) бимоба мы видим комбинацию двух послелогов.

(10) эве (< гбе < ква)

a. nuɔni la ge ɔe xɔ la me
 женщина DEF входить к дом DEF нутро
 ‘Женщина вошла в дом.’

b. xevi la dze ɔe xɔ la ta
 птица DEF садиться к дом DEF верх
 ‘Птица села на крышу.’

c. xevi la xlɔ le xɔ la ta
 птица DEF петь в/на дом DEF верх
 ‘Птица пела на крыше [букв. на доме].’

(11) бимоба (< гурма < гур)

u saan doo nɔk ni
 3SG идти город нутро в/на
 ‘Он пошел в город.’ [Jacobs 1970: 141]

3. Языки ква и их соседи: сопоставляемый материал

В рамках настоящей публикации из соображений объема невозможно привести все ссылки на источники данных по языкам, конкретные данные которых привлекаются к сравнению, но общий принцип состоял в том, что для языков ква, кру и гур были привлечены к сопоставлению все те языки, для которых удалось найти сведения обо всех рассматриваемых структурных параметрах или хотя бы о большинстве из них; для каждого из языков данные черпались из максимального количества известных нам источников или, в случае обращения к хорошо исследованным языкам, из наиболее подробных описаний. Для языков других семей по причинам, излагаемым в соответствующих подразделах, были учтены только общие сведения о характерном для этих семей морфосинтаксисе.

3.1. Языки ква

В рамках семьи ква, от данных которой мы отталкиваемся в настоящей работе, был рассмотрен материал 29 языков. Подавляющее большинство из них обладает перечисленными выше характерными структурными чертами, хотя и представлены следующие немногочисленные исключения. Во-первых, в языке адьюкру не засвидетельствована объектно-инструментальная конструкция с ‘братъ’ (следует также отметить, что для адьюкру, насколько можно судить по описанию [Hérault 1978], вообще существенно менее характерны сериальные глагольные конструкции, чем для других языков ква). Во-вторых, в языке акебу не нейтральное оформление битранзитивной конструкции (согласно нашим полевым данным, используется специальный маркер для пациентивного актанта). Наконец, для нескольких языков не отмечены сложные локативные адложные конструкции.

название языка	ISO-код	VO	Poss N	сер. констр.	братъ	давать	нейтр. битр.	сложн. адл.
тафи	tcd	+	+	+	+	+	+	+
аватиме	avn	+	+	+	+	+	+	+
эве	ewe	+	+	+	+	+	+	+
фон	fon	+	+	+	+	+	+	+
ген	gej	+	+	+	+	+	+	+
гун	guw	+	+	+	+	+	+	+
аджа	ajg	+	+	+	+	+	+	+
акебу	keu	+	+	+	+	+	-	+
иго	ahl	+	+	+	+	+	+	+?
икпосо	kpo	+	+	+	+	+	+	+
тувули	bov	+	+	+	+	+	+	+
абе	aba	+	?	+	+	+	+	?
адьюкру	adj	+	+	+	-	+	+	-
аттие	ati	+	+	+	+	+	+	-
авикам	avi	+	+	+	+	+	+	-
га	gaa	+	+	+	+	+	+	+
дангме	ada	+	+	+	+	+	+	+
аделе	ade	+	+	+	+	+	+	+?
лелеми	lef	+	+	+	+	+	+	+
логба	lgq	+	+	+	+	+	+	+
акан	aka	+	+	+	+	+	+	+
ануфо	cko	+	+	+	+	+	+	+
аньин	any	+	+	+	+	+	+	-
бауле	bci	+	+	+	+	+	+	+
нзема	nzi	+	+	+	+	+	+	?
чумбурунг	ncu	+	+	+	+	+	+	+
гонджа	gjn	+	+	+	+	+	+	+?
наври	naw	+	+	+	+	+	+	-?
авуту	afu	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 1: Морфосинтаксические характеристики языков ква⁴

⁴ В представленных нами таблицах использованы следующие обозначения: + – положительное значение рассматриваемого параметра, - – отрицательное значение (например, в случае параметра порядка слов в глагольной группе + означает, что в данном языке порядок слов VO, а - – что порядок слов OV); знаки +? и -? обозначают, что, хотя в целом из использованных описаний можно сделать вывод о рассматриваемом параметре, этот вывод не полностью достоверен; знак ? означает отсутствие данных. Наряду с русскоязычным названием языка в первом столбце, во втором столбце приведен дей-

Данные о наличии рассматриваемых черт в языках ква систематизированы в Таблице 1. Рисунок 1 представляет собой визуализацию этих данных. Как можно видеть по представленной на нем схеме, в целом языки ква не обнаруживают существенных отличий по перечисленным нами параметрам, в основном кластеризуясь единым образом, реже отличаясь на один или два параметра из рассматриваемых семи.

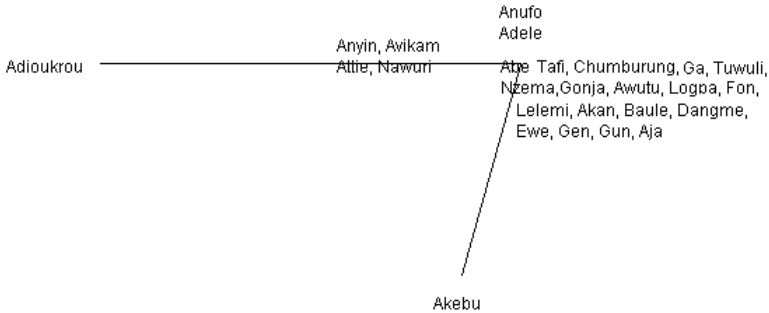

Рисунок 1: Визуализация структурного сходства между языками ква⁵

3.2. Языки манде

Одной из языковых семей, наиболее тесно ареально контактирующих с языками ква, является языковая семья манде. Языки манде, однако, как кажется, не представляют существенного интереса для настоящей работы, потому что данная языковая семья имеет, наряду с семьей ква, собственный набор устойчивых структурных черт, а потому о взаимовлиянии между языками ква и манде здесь говорить не приходится.

ствующий код международного стандарта (ISO) для соответствующего языка (используемый, в частности, в [Lewis et al. (eds.) 2016]), призванный ошибочно идентифицировать соответствующий идиом, что необходимо при обзорной обработке большого количества языковых данных.

⁵ В качестве названий кластеризуемых объектов на используемых в настоящей статье рисунках NeighborNet использованы наиболее принятые англоязычные названия рассматриваемых языков.

Так, в глагольной группе манде характерен порядок слов OV (в отличие от ква, где этот порядок слов возможен только в отдельных конструкциях) (12a), а в именной группе манде – порядок слов Poss N (как и в языках ква) (12b). Сериальные глагольные конструкции в языках манде крайне маргинальны⁶, причем конструкции с глаголами ‘брать’ и ‘давать’, аналогичные представленным в ква, в языках манде не представлены совсем. Сложные локативные адложные конструкции в языках манде также не составляют типичную черту их морфосинтаксиса. Нейтральная битранзитивная конструкция в языках манде не представлена: пациентивный объект битранзитивного глагола всегда занимает место прямого объекта перед глаголом, тогда как реципиент вводится при помощи послелога (12c).

(12) кла-дан (< южные < манде)

a. zǎ bǎ bǔbí

Зан POSS автомобиль
‘машина Зана’ [Макеева 2012: 47]

b. fáŋlǎ yà yǐ wǔǐ

Фанта 3SG.PRF вода лить
‘Фанта вылила воду.’ [ibid.: 135]

c. lǎ gǔǔ yà wǎl dǎ à lèé gǔ

ребенок мальчик 3SG.PRF деньги давать 3SG.NSBJ мать у
‘Сын дал денег своей матери.’ [ibid.: 102]

3.3. Дефоидные языки

Дефоидные языки являются группой, принадлежащей к языковой семье бенуэ-конго, и относятся к числу тех языков бенуэ-конго, которые ранее (в том числе и в [Greenberg 1963]) классифицировались как языки ква и вместе с ними образуют понятие «старых ква». Хотя с точки зрения генетической классификации понятие «старых» ква в настоящее время не имеет значимости, оно, как было сказано выше, отражает структурную близость между этими языками. Тем самым структурные характеристики дефоидных языков близки структурным характеристикам ква, за двумя исключениями. Во-

⁶ Автор благодарит В.Ф. Выдрину, Д.Ф. Мищенко и Е.В. Перехвальскую за обсуждение этой темы.

первых, в дефоидных языках, в отличие от языков ква, в именной группе вершинное имя предшествует посессору, как в представленной в (13) посессивной конструкции. Во-вторых, в некоторых дефоидных языках засвидетельствована утрата нейтральной битранзитивной конструкции в силу абсолютизации грамматикализованной сериальной конструкции с глаголом ‘брать’ при битранзитивных лексических глаголах, как в (13).

(13) йоруба {< дефоидные < бенуэ-конго}

mo	fi	ayèè	mi	fún	ẹ
1SG.S	<брать	жизнь.POSS	1SG.POSS	давать	2SG.O

‘Я отдаю тебе свою жизнь.’ [Atoyebi et al. 2010: 150]

Дефоидные языки, таким образом, также не представляют существенного интереса для настоящей работы, особенно в свете того, что по дефоидным языкам, находящимся в непосредственном контакте с языками ква, практически отсутствуют данные⁷, в силу чего исследование ареального фактора оказывается фактически невозможным.

3.4. Языки кру

Для языков кру нам удалось обнаружить достаточно полные данные только по 4 языкам; эти данные представлены в Таблице 2, а визуализация сходства между ними с точки зрения рассматриваемых параметров – на Рисунке 2. Как можно видеть, языки кру – даже на материале выборки из данных 4 языков – обнаруживают существенное структурное разнообразие (вплоть до различного порядка слов в глагольной группе), но в целом не имеют структурного сходства с языками ква. Последовательно сходными с ква параметрами являются, во-первых, порядок слов в именной группе (14a), а во-вторых, нейтральная битранзитивная конструкция (14b).

(14) сияму (< семе < кру)

a.	n	to-n	kpare
	1SG	отец-POSS	циновка

‘циновка моего отца’ [Prost 1964: 352]

⁷ Удовлетворительные по полноте, с точки зрения рассматриваемых нами параметров, данные из дефоидных языков Бенина нам удалось обнаружить только для языка эде идача в работе [Dossou 1978].

- b. a warno n to kyē
 3SG деньги 1SG отец давать
 ‘Он дал денег моему отцу.’ [ibid.: 362]

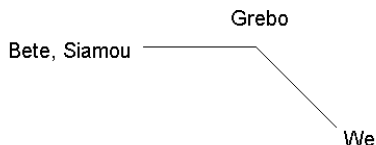

Рисунок 2: Визуализация структурного сходства между языками кру

название языка	ISO-код	VO	Poss N	сер. констр.	братъ	давать	нейтр. битр.	сложн. адл.
бете	bev	-	+	-	-	-	+	-
северный ве	wob	+	+	+	-	-	+	-
сиаму	sif	-	+	-	-	-	+	-
южный гребо	grj	+	+	-	-	-	+	-

Таблица 2: Морфосинтаксические характеристики языков кру

3.5. Языки гур

Наконец, еще одной языковой семьей, находящейся в тесном ареальном контакте с языками ква, являются языки гур. В настоящем исследовании был использован материал 26 языков гур, и на их материале можно видеть, что данная языковая семья обнаруживает удивительное разнообразие рассматриваемых структурных черт. Как видно из Таблицы 3 и Рисунка 3, значения рассматриваемых параметров в языках гур – как базовых морфосинтаксических параметров порядка слов, так и более частных параметров наличия определенных типов сериальных конструкций – могут быть очень различны. Если сравнить Рисунок 3 с Рисунком 1, можно заметить, что если языки ква – притом что выборка языков ква больше – в целом дают единый однотипный кластер, то языки гур дают множество немногочисленных по составу кластеров.

название языка	ISO-код	VO	Poss N	сер. констр.	братъ	давать	нейтр. бигр.	сл. адл.
бимоба	bim	+	+	+	-	+	+	+
буна куланго	nku	+	+	+	+	+	+	+
дагааре	dga	+	+	+	+	+	+	?
дагара	dgi	+	+	+	+	-	+	-
дагбани	dag	+	+	+	+	+	+	+
гурманчема	gux	+	+	+	+	-	+	-
кабие	kbp	+	+	-	-	-	+	+
касем	xsm	+	+	+	-	+	+	+
коромфе	kfz	+	+	+	+	-	+	-
кусаал	kus	+	+	+	+	-	+	-
лама	las	+	+	-	+	-	+	+
лоби	lob	+	+	+	-	+	+	-
леле	lee	+	-	+	+	+	+	+
мамара сенуфо	myk	-	+	+	-	-	-	+
мбелиме	mql	+	+	-	-	-	+	-
моба	mfq	+	+	+	-	-	+	+
мооре	mos	+	+	+	+	+	+	+
натени	ntm	+	+	+	-	-	+	-
нгангам	gng	+	+	+	+	+	+	+
северный туссиан	tsp	-	+	+	+	+	-	-
нчам	bud	+	+	+	-	+	+	-
пана	pnq	+	+	+	-	-	-	-
супире	spp	-	+	+	+	+	-	+
вагла	vag	+	+	+	+	+	+	-
ваама	wwa	+	+	-	-	-	+	-
западный караборо	kza	-	+	+	-	+	-	+

Таблица 3: Морфосинтаксические характеристики языков гур

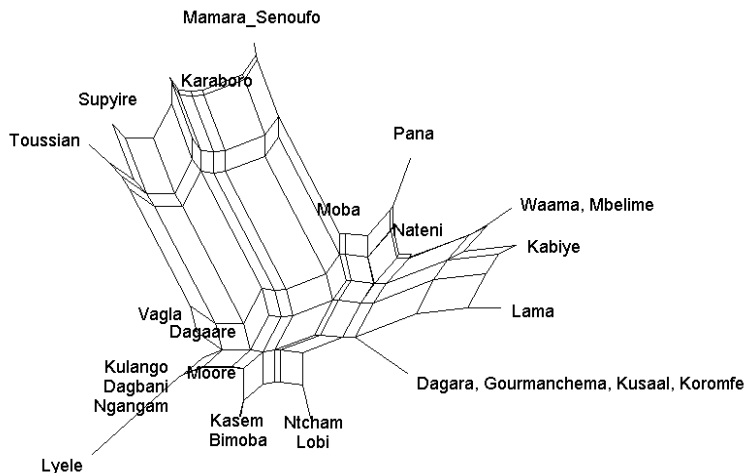

Рисунок 3: Визуализация структурного сходства между языками гур

3.6. Языки ква, гур и кру: общая картина

Разнообразие структурных характеристик языков гур делает перспективным их сопоставление с языками ква в ареальной перспективе: в качестве исходного предположения можно ожидать, что языки, ареалы распространения которых географически близки, будут обнаруживать большее структурное сходство, чем прочие. При этом в общую картину мы добавляем также и данные языков кру, представленные в 3.4.

На Рисунке 4 дана визуализация сходства структурных черт языков ква, гур и кру. Хотя по графическим причинам невозможно привести эту визуализацию целиком так, чтобы были притом видны все детали, можно видеть, что имеется значительный по составу структурный кластер языков (он обведен на Рисунке 4 овалом), к которому, во-первых, относятся языки ква, а во-вторых, некоторые из языков гур. Прочие же языки гур, как и рассмотренные языки кру, образуют малые по составу кластеры с разными структурными чертами.

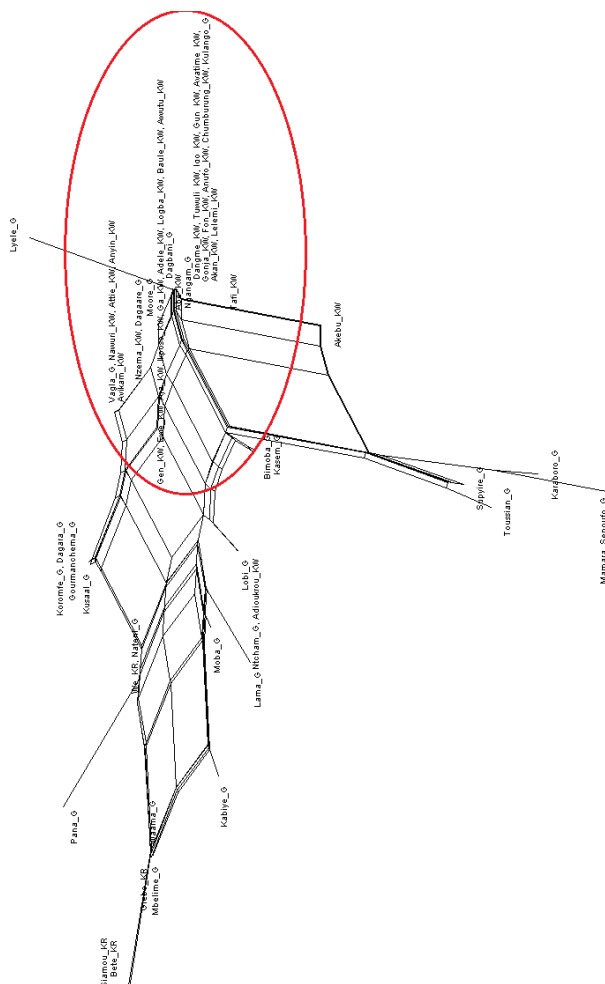

Рисунок 4. Визуализация структурного сходства между языками ква, гур и кру⁸

⁸ На рисунках, включающих названия языков различных семей, к названиям языков присоединены пометы: *_KW* – языки ква, *_G* – языки гур, *_KR* – языки кру.

В следующих разделах мы обратимся, во-первых, к языкам гур, обнаруживающим повышенное структурное сходство с языками ква, а во-вторых, напротив, к языкам гур, обнаруживающим наиболее заметное отсутствие структурного сходства с языками ква, с целью сопоставления фактов, касающихся структурного (не)сходства с фактами географической близости.

4. Структурное сходство языков гур с языками ква в ареальном зеркале

В данном разделе мы обратимся к тем из языков гур, что обнаруживают наиболее близкие к языкам ква структурные черты с точки зрения рассматриваемых параметров. Рисунок 5 представляет собой фрагмент визуализации сходства структурных черт языков ква, гур и кру, включающий наиболее близкие со структурной точки зрения к языкам ква языки гур (названия этих языков обведены на Рисунке 5 овалом).

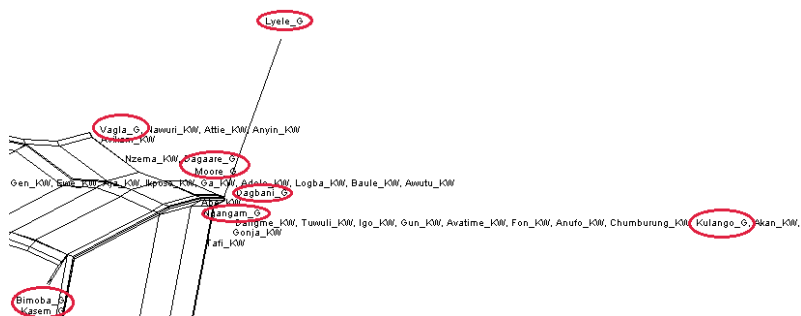

Рисунок 5: Визуализация структурного сходства между языками ква, гур и кру (фрагмент)

Ниже более подробно обсуждаются языки, отмеченные на Рисунке 5. Эти языки рассматриваются в порядке убывания структурной близости к языкам ква; для каждого из языков рассматривается ареал его распространения с точки зрения близости к ареалу распространения каких-либо из языков ква.

4.1. Куланго

Рассмотренный нами на основании описания [Elders 2008] материал языка буна куланго демонстрирует почти идеальное совпадение искомым структурных признаков с характерными признаками ква. Так, в нем обнаруживаются порядок слов VO [Elders 2008: 416] и Poss N [ibid.: 293], сериальные глагольные конструкции – с показателем синтаксической связи [ibid.: 557–558], в том числе конструкции с ‘брать’ (15a) и ‘давать’ (15b), нулевая битранзитивная конструкция (15c) и сложные локативные послелогои (15d).

(15) буна куланго (<куланго < гур)

- a. **tù** **nii-kò** **le** **nya-mì**
 брать.IMP камень-CL LNK давать-1SG.O
 ‘Дай мне камень.’ [Elders 2008: 567]
- b. **b̀** **vele** **le** **nya** **isè**
 3PL.H.S танцевать LNK давать вождь.CL
 ‘Они танцевали для вождя.’ [ibid.]
- c. **h̀** **nya** **nyə̀** **henle** **izu-k̀**
 3SG.H.S давать человек.CL DEM нож-CL
 ‘Он дал этому человеку нож.’ [ibid.: 384]
- d. **h̀** **hini** **yə̀-gə** **nə̀-gə** **ri**
 3SG.H.S стоять дом-CL перед-CL в
 ‘Он стоял перед домом.’ [ibid.: 354]

Языки куланго обнаруживают географическую близость к ареалу распространения языков ква, в частности, крупного языка бауле. Это утверждение, впрочем, более справедливо не для буна куланго, данные которого были нами рассмотрены, а для близкородственного ему малоизученного бондуку куланго, но можно предположить, что контакт куланго и соседних с ними ква мог иметь более общий характер. На Рисунке 6 представлена языковая карта Кот-д’Ивуара, на которой отмечены языки куланго и ареал распространения языков ква в этой стране.

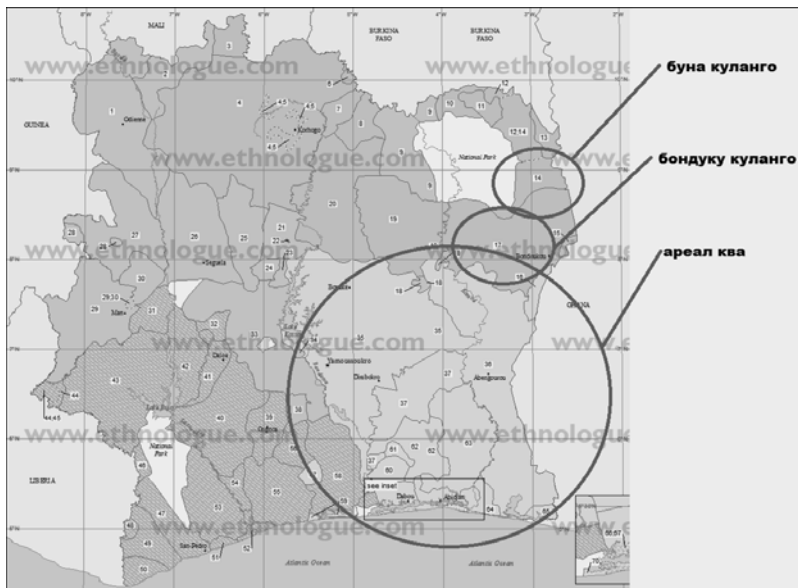

Рисунок 6: Языки куланго на языковой карте Кот-д’Ивуара⁹

4.2. Нгангам

Язык нгангам, согласно описанию [Вакра 2014], наряду с языком буна куланго, демонстрирует почти идеальное совпадение рассматриваемых нами структурных параметров с их значениями в языках ква. Так, в нгангам порядок слов VO [Вакра 2014: 213] и Poss N [ibid.: 147–149], представлены сериальные глагольные конструкции, в том числе с ‘брать’ и ‘давать’ [ibid.: 190–192], нулевая битранзитивная конструкция [ibid.: 212–214], сложные локативные послелогои [ibid.: 215–217].

Зона распространения языка нгангам не граничит вплотную с непрерывным ареалом языков ква, но носители языка нгангам проживают попеременно с носителями языка ануфо семьи ква, и между этими двумя языками распространен билингвизм. На Рисунке 7

⁹ Нами использованы языковые карты с сайта <http://www.ethnologue.com>, представляющего собой электронную версию справочника «Этнолог» [Lewis et al. (eds.) 2016].

представлена языковая карта Того, на которой отмечен овалом ареал совместного распространения нгангам и ануфо.

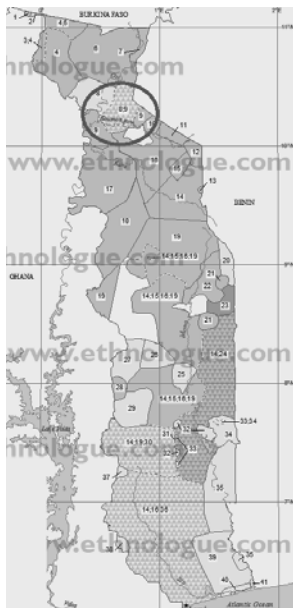

Рисунок 7: Язык нгангам на языковой карте Того

4.3. Дагбани

Язык дагбани, для которого мы опирались на описания [Fisch 1912] и [Olawsky 1999], также демонстрирует полное совпадение интересующих нас морфосинтаксических черт с типичными чертами ква. В дагбани порядок слов VO [Olawsky 1999: 47] и Poss N [ibid.: 38], представлены сериальные глагольные конструкции [ibid.: 58–62], в том числе с ‘брать’ [ibid.: 45–47] и ‘давать’ [Fisch 1912: 14, 32–34], нулевая битранзитивная конструкция [Olawsky 1999: 45–47], сложные локативные послелого [Olawsky 1999: 19–20], [Fisch 1912: 45–46].

Зона распространения языка дагбани вплотную граничит с непрерывным ареалом языков ква, а непосредственно из них – с ара-

лом распространения языка гонджа. На Рисунке 8 представлена языковая карта Ганы, на которой отмечены овалами ареал распространения дагбани, ареал распространения соседствующего с ним гонджа и основной ареал распространения языков ква.

Рисунок 8. Язык дагбани на языковой карте Ганы

4.4. Мооре

Еще один язык гур, рассматриваемые черты которого совпадают с чертами языков ква, — это язык мооре, основным нашим источником по которому (наряду с менее подробными описаниями) была грамматика [Alexandre 1953]. В мооре порядок слов VO [Alexandre 1953: 140–141] и Poss N [ibid.: 39], представлены сериальные глагольные конструкции [ibid.: 140], в том числе с ‘брать’ [ibid.: 140] и ‘давать’ [ibid.: 114], нулевая битранзитивная конструкция [ibid.: 141–142], сложные локативные адлоги [ibid.: 114].

В отличие от ареалов распространения предшествующих рассмотренных языков, ареал распространения мооре находится в стороне от ареалов распространения языков ква. Как видно из Рисунка 9, край ареала распространения мооре относительно недалеко от ареала распространения языка ануфо, который, как уже было сказано, отделен от основного ареала распространения других языков ква. Однако, как видно из Рисунка 10, эта географическая близость вряд ли

может быть значимым фактором, поскольку язык мооре распространён на много более обширной территории, центральная зона которой очень сильно удалена от ареала распространения языков ква.

Рисунок 9: Языки мооре и ануфо на языковой карте Того

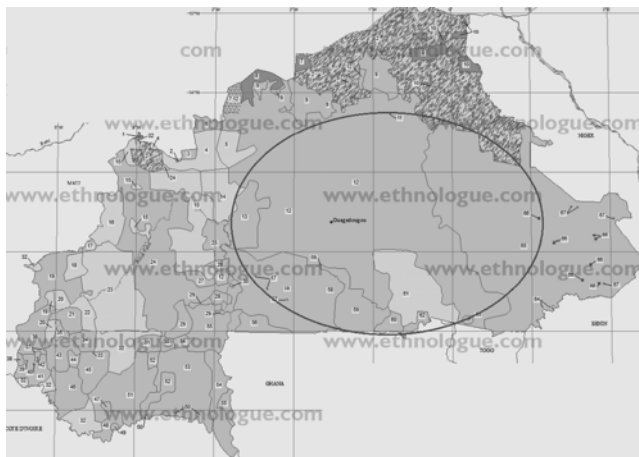

Рисунок 10: Язык мооре на языковой карте Буркина-Фасо

4.5. Дагааре

В языке дагааре (южном дагааре), для которого мы опирались на описание [Bodomo 2000] и работу [Bodomo 2002], также представлены практически все искомые нами структурные черты, за исключением сложных локативных адлогов, по которым недостаточно данных. Так, в дагааре порядки слов VO и Poss N [Bodomo 2000: 17], представлены сериальные глагольные конструкции [ibid.: 41], в том числе конструкции с ‘брать’ [ibid.: 41] и ‘давать’ [Bodomo 2002], а битранзитивная конструкция нулевая [Bodomo 2000: 41–42].

Ареал распространения дагааре расположен относительно недалеко от ареала распространения языков ква, но не контактирует с ним вплотную, как можно видеть из Рисунка 11.

Рисунок 11: Язык дагааре на языковой карте Ганы

4.6. Вагла

Язык вагла, нашим источником по которому было описание [Crouch & Naden 1998], демонстрирует совпадение рассматриваемых нами структурных характеристик с типичными характеристиками ква, за исключением сложных локативных адлогов, которые в вагла отсутствуют. В вагла порядки слов VO и Poss N, сериальные глагольные конструкции [Crouch & Naden 1998: 51], в том числе с глаголами ‘брать’ [ibid.: 31, 38, 52] и ‘давать’ [ibid.: 64], нулевая битранзитивная конструкция [ibid.: 30].

Необходимо отметить, что, как и вагла, не имеют сложных локативных адлогов и некоторые из языков ква, а именно навури, аттие, аньин и авикам, которые, таким образом, структурно сходны с вагла, как видно из Рисунка 5. При этом перечисленные языки ква вовсе не образуют ареальную общность и не находятся в контакте друг с другом. Сам же язык вагла, как показано на Рисунке 12, из языков ква непосредственно контактирует с языком гонджа, который вовсе не характеризуется отсутствием сложных локативных адлогов, тогда как от ареалов распространения прочих языков ква ареал распространения вагла находится на некотором расстоянии.

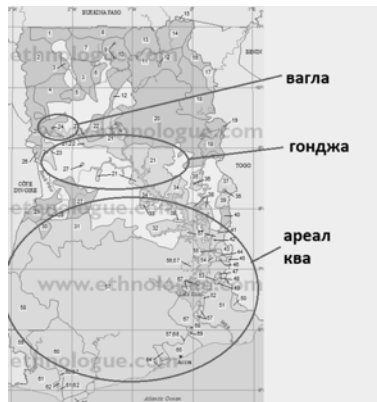

Рисунок 12: Языки вагла и гонджа на языковой карте Ганы

4.7. Леле

Язык леле, согласно описанию [Вон 1953], также обнаруживает практически полное совпадение рассматриваемых нами структурных черт со структурными чертами языков ква, за таким исключением, как порядок слов в именной группе: в леле порядок слов N Poss, то есть вершинное существительное предшествует посессору [Вон 1953: 91]. Так, в леле порядок слов VO, битранзитивная конструкция имеет нулевое маркирование [ibid.: 94], представлены сериальные глагольные конструкции, в том числе с ‘брать’ [ibid.: 109] и ‘давать’ [ibid.: 94] и сложные локативные адлоги [ibid.: 85].

Ареал распространения языка леле никак не связан с ареалом распространения каких-либо из языков ква, однако, как показано на

Рисунке 13, леле находится в тесном контакте с рассмотренным выше языком мооре, распространенным на обширной территории и структурно сходным с языками ква.

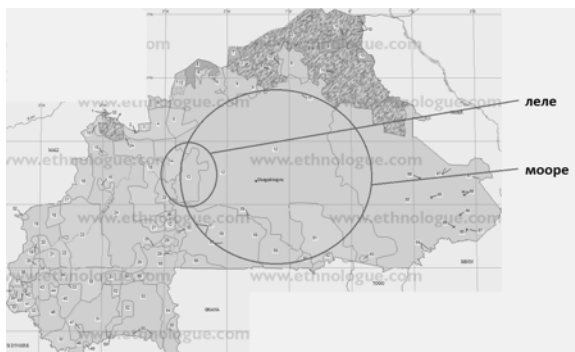

Рисунок 13: Языки леле и мооре на языковой карте Буркина-Фасо

4.8. Бимоба

В языке бимоба, по данным [Jacobs 1970], представлены все рассматриваемые нами структурные черты, аналогичные искомым чертам языков ква, за исключением сериальных конструкций с глаголом 'брать'. Так, в бимоба порядки слов VO и Poss N [Jacobs 1970: 159], сериальные глагольные конструкции, в том числе с глаголом 'давать' [ibid.: 90–102], нулевая битранзитивная конструкция [ibid.: 84–85], сложные локативные послелого [ibid.: 140–149].

Ареал распространения бимоба находится в стороне от основного ареала языков ква, но, как показано на Рисунке 14, вплотную к примыкает к ареалу ква-языка ануфо.

Рисунок 14: Языки бимоба и ануфо на языковой карте Ганы

4.9. Касем

Язык касем, согласно данным [Bonvini 1988, 1997, 1998], имеет те же характеристики, что и язык бимоба. Так, в нем порядки слов VO и Poss N [Bonvini 1997], сериальные глагольные конструкции [Bonvini 1988: 100–101, 182–183], в том числе с глаголом ‘давать’ [ibid.: 106], нулевая битранзитивная конструкция [Bonvini 1998: 348], сложные локативные послелогои [ibid.: 346]; сериальные конструкции с глаголом ‘брать’ в касем не засвидетельствованы.

При этом ареал распространения языка касем никак не примыкает к ареалу языков ква и какого-либо из языков ква, как показано на Рисунке 15.

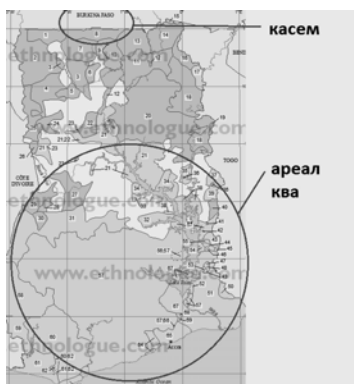

Рисунок 15: Язык касем на языковой карте Ганы

4.10. Промежуточный итог

Обращение к ареалу распространения языков гур, структурно наиболее близких к языкам ква, дает неоднозначный результат. С одной стороны, верно, что больше половины (куланго, нгангам, дагбани, вагла, бимоба) языков гур, обнаруживающих полное совпадение или почти полное совпадение структурных характеристик с языками ква, либо обнаруживают и ареальную близость к основному ареалу распространения языков ква, либо находятся в тесном контакте с отдельными языками ква. С другой стороны, языки мооре, дагааре, леле, касем ареально не близки к языкам ква, но в то же время также имеют аналогичные или почти аналогичные им структурные черты. Таким образом, можно исходить из того, что географическая близость ареалов распространения, естественно, является одним из факторов структурного сходства, однако неверно, что структурное сходство напрямую связано с географической близостью и что можно было бы, располагая знанием о структурном сходстве, предсказать географическую близость.

5. Структурное несходство языков гур с языками ква в ареальном зеркале

В настоящем разделе представлены результаты попытки подойти к той же проблеме с другой стороны: мы рассмотрим те из языков гур, что обнаруживают наиболее несходные с языками ква структурные характеристики, и обратимся к их ареалу распространения. Рисунок 16 представляет собой фрагмент визуализации сходства структурных черт языков ква, гур и кру, (см. Рисунок 4), включающий наиболее далекие от языков ква со структурной точки зрения языки гур (названия этих языков обведены на Рисунке 16 овалом). Ниже мы рассматриваем эти языки с точки зрения близости их ареалов распространения к ареалу языков ква.

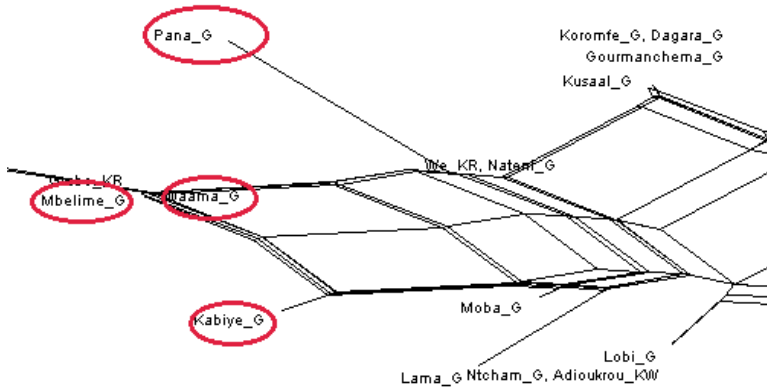

Рисунок 16: Визуализация структурного сходства между языками ква, гур и кру (фрагмент)

5.1. Пана

Язык пана, для которого мы опираемся на грамматику [Beyer 2006], демонстрирует наличие совпадающих с языками ква базовых структурных черт, касающихся порядка слов VO и Poss N [Beyer 2006: 110–111], а также сериальных глагольных конструкций (16a), но прочие, более специфические структурные черты ква в нем отсутствуют. Так, для пана не засвидетельствованы сериальные конструкции с глаголом ‘брать’ и ‘давать’, нулевая битранзитивная конструкция и сложные локативные адлоги. Инструментальное значение, для которого в языках ква широко используются конструкции с глаголом ‘брать’, выражается специализированным рамочным инструментальным показателем (16b), реципиентно-бенефактивное значение выражается специализированным послелогом, в том числе и в битранзитивной конструкции (16c), представлена также еще одна, секундативная, но также не нейтральная битранзитивная конструкция (16d).

(16) пана (< гуси < гур)

- а. **ñ jwá** ké bá-lé-yà ñ zǝgò
 2SG привязывать.PFV этот нога-DEF-PL 2SG заканчивать
 ‘Ты закончил привязывать его ноги.’ [Beyer 2006: 132]

- b. ò màgá válè ní pèlí nà
 3SG бить.PFV собака INS палка INS
 ‘Он побил собаку палкой.’ [ibid.: 106]
- c. ò lá sìmá à nè
 3SG давать.PFV пиво 1SG для
 ‘Он дал мне пива.’ [ibid.: 109]
- d. ò rá ò ké nà
 3SG давать 3SG этот с
 ‘Он дает ему это.’ [ibid.: 204]

Ареал распространения пана, отмеченный овалом на Рисунке 17, находится на севере Буркина-Фасо, то есть совсем далеко от ареала распространения языков семьи ква, все из которых распространены ближе к прибрежной зоне.

Рисунок 17: Язык пана на языковой карте Буркина-Фасо

5.2. Ваама

В языке ваама, нашим источником по которому была работа [Peter 1990], также наблюдаются совпадающие с языками ква базовые структурные черты, такие как порядки слов VO [Peter 1990: 461–462] и Poss N [ibid.: 335–337], и нейтральная битранзитивная конструкция [ibid.: 229, 467], а также более специфические для языков ква структурные черты, такие как сериальные глагольные конструкции (в том числе с глаголами ‘брат’ и ‘давать’) и сложные локативные адлоги.

Как показано на Рисунке 18, ареал распространения языка ваама находится в стороне от ареала ква, хотя и относительно недалеко от ареалов распространения малоизученных языков фоодо и ании, а также языка ануфо, относящихся к этой семье. Но и с этими языками у ваама нет непосредственного контакта.

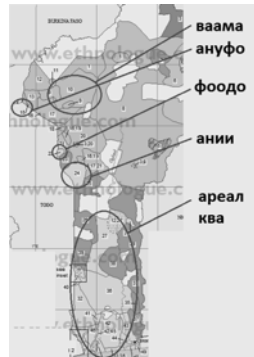

Рисунок 18: Языки ваама, ануфо, фоодо и ании на языковой карте Бенина

5.3. Мбелиме

Язык мбелиме близкородствен языку ваама (оба относятся к западной подгруппе верхневольтийской группы) и, согласно описанию [Neukom 2004], имеет те же структурные характеристики в области интересующих нас параметров, а именно порядки слов VO [Neukom 2004: 122–129] и Poss N [ibid.: 59–61], а также нейтральную битранзитивную конструкцию [ibid.: 175], при этом сериальные глагольные конструкции (в том числе с глаголами ‘брат’ и ‘давать’) и сложные локативные адлоги в мбелиме отсутствуют.

Как показано на Рисунке 19, в отличие от языка ваама, ареал языка мбелиме непосредственно граничит с ареалом одного из языков ква – языка ануфо, хотя и, как и в случае ваама, не находится в непосредственной близости от основного ареала языков ква.

Рисунок 19: Языки мбелиме и ануфо на языковой карте Бенина

5.4. Кабие

В языке кабие, для которого мы пользовались описанием [Delord 1976], представлены сходные с языками ква базовые структурные черты, такие как порядки слов VO [Delord 1976: 76–100] и Poss N [ibid.: 341], а также нейтральная битранзитивная конструкция [ibid.: 88, 102] и (в незначительном количестве) сложные локативные послелого [ibid.: 370–371], однако отсутствуют характерные для языков ква сериальные глагольные конструкции (в том числе с глаголами ‘брать’ и ‘давать’).

Как показано на Рисунке 20, язык кабие распространен на обширной территории, часто в самом тесном контакте с другими языками, в том числе попеременно с ареалами языков ква, в частности – с ареалом языка икпосо и тоголезской части ареала языка эве.

Рисунок 20: Языки кабие, икпосо и эве на языковой карте Того

5.5. Промежуточный итог

Результат рассмотрения структурно неблизких к языкам ква языков гур в целом оставляет то же впечатление, что и результат рассмотрения структурно близких к ним языков. Неслучайным выглядит структурное несходство языков пана и ваама с языками ква, будучи обусловленным отсутствием контакта. Несходство мбелиме с языками ква можно объяснить тем, что для этого языка принадлежность к группе структурно сходных близкородственных языков гур является для него более сильным фактором, чем контактное расположение с ареалом распространения языка ануфор. В то же время случай языка кабие показывает, что, аналогично тому, как структурное сходство не позволяет предсказать контактное взаимодействие языков, структурное несходство не позволяет предсказать отсутствие такого взаимодействия.

6. Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка показать «вслепую» характерные структурные морфосинтаксические признаки языков ква в грамматике окружающих их языков и проследить, как обнаруженные структурные сходства и различия проецируются на ареально-географические сведения. Результаты исследования следует рассматривать как своего рода промежуточный результат, позволяющий сделать определенные выводы из такого опыта.

Во-первых, обращение к разным языковым семьям, тесно контактирующим с языками ква, показывает, что сама постановка задачи поиска ареального фактора в базовой части грамматики имеет смысл для разных языковых семей в разной мере. Так, мы выбрали для более подробного рассмотрения именно языковую семью гур, потому что с точки зрения искомых параметров она обнаруживает очень большое разнообразие, тогда как языковая семья манде, также тесно контактирующая с ква, характеризуется высоким уровнем стабильности языковых черт (как и сама языковая семья ква).

Во-вторых, выясняется, что прямолинейное ожидание полной корреляции сходства структурных параметров и географической близости не оправдывается, так как возможны как случаи структурно близких языков, не находящихся в контакте, так и случаи структурно несходных языков, ареалы распространения которых граничат друг с другом. В то же время обращение к морфосинтаксическим параметрам, как кажется, дает вовсе не хаотический результат, а обозначает случаи, заслуживающие более внимательного частного исследования. Можно, таким образом, сказать, что «слепой» поверхностный анализ морфосинтаксических параметров представляет собой хороший промежуточный инструмент, позволяющий обнаружить интересные случаи, как совпадения структурных и ареальных данных, так и их противоречия. Это ставит перед исследователями дальнейшую цель – более детальный содержательный анализ обнаруженных схождения и расхождения, который объяснил бы наблюдаемую картину.

Так, например, структурное несходство кабие с языками ква, с многими из которых этот язык контактирует очень тесно, может объясняться тем, что, насколько известно автору, во-первых, исходным ареалом кабие является северная часть нынешнего ареала, где кабие не контактирует ни с какими другими языками вперемежку, а окружают его другие языки гур, а во-вторых, в нынешней зоне взаимодействия с языками ква кабие скорее является языком социально доминирующей группы, а потому скорее можно было бы ожидать его влияния на другие языки ква, чем наоборот. Эти конкретные соображения нуждаются в дальнейшей проверке, однако намечают исследовательскую программу – учет социолингвистических и исторических данных.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо;	NSBJ – несубъектное местоимение;
CL – показатель именного класса;	O – объектное местоимение;
COP – копула;	PFV – перфектив;
DEF – показатель определенности;	PL – мн. число;
DEM – демонстратив;	POSS – показатель possessивности;
DIM – диминутив;	PRF – перфект;
H – личное местоимение;	PROG – прогрессив;
IMP – императив;	PST – прошедшее время;
INS – инструментальный показатель;	S – субъектное местоимение;
LNK – связующий показатель	SG – ед. число.
в глагольной конструкции;	

Литература

- Макеева Н.В.* Грамматический строй языка кла-дан в типологическом контексте родственных языков. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2012.
- Шлуинский А.Б.* Объекты в битранзитивной конструкции в языках ква: внутригенетическое сопоставление // Африканский сборник 2011. СПб.: Лема, 2012. С. 300–318.
- Шлуинский А.Б.* Структурные характеристики сериальных конструкций в языках ква: внутригенетическая типология // Труды ИЛИ РАН XII(1), 2016. С. 264–278.
- Alexandre G.* La langue mōrè. Tome I. Dakar: IFAN, 1953.
- Atoyebi J., Haspelmath M., Malchukov A.* Ditransitive constructions in Yorùbá // Malchukov, Andrej, et al. (eds.). Studies in ditransitive constructions. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 145–165.
- Bakpa M.* Étude du ngbem, parler gangam de Koumougou. Description et analyse comparative. Berlin: LIT Verlag, 2014.
- Bennett Pp.R., Sterk J.Pp.* South Central Niger-Congo: A reclassification // Studies in African Linguistics 8, 1977. Pp. 241–273.
- Beyer K.* La langue pana (Burkina Faso et Mali). Description linguistique, lexique, texts. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2006.
- Blench R.* Do the Ghana-Togo mountain languages constitute a genetic group? // The Journal of West African Languages 36(1/2), 2009. Pp. 19–36.
- Bodomo A.B.* Dàgáàrè. München: Lincom, 2000.
- Bodomo A.* The syntax of serial verbs in Dagaare // Ameka, Felix K.; E. Kweku Osam (eds.). New directions in Ghanaian linguistics. Essays in honour of M.E. Kropp Dakubu, F.A. Dolphyne, A.S. Duthie. Accra: Advent Press, 2002. Pp. 27–53.
- Bon G.* Grammaire l'élé. Dakar: IFAN, 1953.
- Bonvini E.* Prédication et énonciation en kàsīm. Paris: Éditions du CNRS, 1988.

- Bonvini E.* A propos de l'adjectif en kasim: verbes statifs et constructions épithétiques // *Linguistique Africaine, Hors-série*, 1997. Pp. 9–39.
- Bonvini E.* A propos de la “transitivité” en kàsim, langue gur (voltaïque) du Burkina Faso // *Rousseau, André (ed.)*. La transitivité. Lille: Presses universitaires du Septentrion, 1998. Pp. 333–353.
- Crouch M., Naden T.* A semantically-based grammar of Vagla. Bayreuth: Universität Bayreuth, 1998.
- Delord J.* Le Kabye. Lomé: Institut national de la recherche scientifique, 1976.
- Dorvlo K.* A grammar of Logba (Ikpana). Utrecht: LOT, 2008.
- Dossou L.Dj.* Dasha-Sprache (Benin). Phonetik, Grammatik, Texte. Maîtrise-Arbeit. Saarbrücken: Univ. des Saarlandes, 1978.
- Elders S.* Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2008.
- Fisch R.* Grammatik der Dagomba-Sprache. Berlin: Georg Reimer, 1912.
- George I.* A grammar of Kwa-type verb serialization: its nature and significance in current generative theory. PhD diss. Los Angeles: Univ. of California, 1975.
- Greenberg J.* The languages of Africa. *International Journal of American Linguistics* 29(1); The Hague: Mouton, 1963.
- Herault G.* Éléments de grammaire adioukrou. Thèse de doctorat. Paris: Univ. de Paris VII, 1978.
- Huson D.H., Bryant D.* Application of phylogenetic networks in evolutionary studies // *Molecular Biology and Evolution* 23 (2). Pp. 254–267, 2006.
- Jacobs G.* Bimoba syntax: a syntagmatic analysis. Legon: University of Ghana, 1970.
- Lewis M.P., Simons G.F., Fennig C.D. (eds.)*. Ethnologue: languages of the world. 19th ed. Dallas, Texas: SIL International, 2016. URL: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения: 25.02.2016).
- Morley E.A.* A Grammar of Ajagbe. München: Lincom, 2010.
- Neukom L.* Esquisse grammaticale du Mbèlimè, langue voltaïque du Bénin. Zürich: Universität Zürich, 2004.
- Olawsky K.J.* Aspects of Dabani grammar. With special emphasis on phonology and morphology. München: Lincom, 1999.
- Osam E.K.* The object relation in Akan // *Afrika und Übersee* 79, 1996. Pp. 57–83.
- Painter C.* Gonga: a phonological and grammatical study. Bloomington: Indiana univ., 1970.
- Peter U.* Description systématique du Waama (langue voltaïque du Bénin). Thèse de doctorat. Vol. II. Grammaire, 1990.
- Prost A.* Contribution à l'étude des langues voltaïques. Dakar: IFAN, 1964.
- Sebba M.* The syntax of serial verbs. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1987.
- Stewart J.* Kwa // *Bendor-Samuel, John. (ed.)*. The Niger-Congo languages. Lanham etc.: Univ. press of America, 1989. Pp. 217–245.
- Williamson K., Blench R.* Niger-Congo // *Heine, Bernd; Nurse, Derek (eds.)*. African languages: An introduction. Cambridge: Cambridge University press, 2000. Pp. 11–42.

S. Beletskiy
(*SPLC SFU / University of Dodoma*)

PLANT NAMES IN GOGO LANGUAGE (BANTU): STRUCTURE, SEMANTICS AND PRAGMATICS

Introduction

The idea of this research emerged in the field linguistics class that I gave to the students of MA Linguistics at the University of Dodoma, Tanzania, in the summer semester of 2014. The students had to document the vernacular language of the Dodoma region – the Gogo language. While doing so they collected lexical data including local plant names and information about their use. A total of 158 items were selected for the class work and analysis. The further research revealed some of the ways of plant naming and the pragmatic approach that underlies this process.

Gogo and research on (Wa)gogo

Gogo (Swahili: Kigogo, autonym: Cigogo) is a Bantu language spoken by Gogo people (autonym: Wagogo) who live in the central Tanzania (Dodoma and Manyoni regions). In the Maho's classification the language is listed under G11. In 2013 the number of speakers was estimated to be around two million people. Thus, the language is not endangered and is considered to be developing [Lewis et al. 2016].

According to the Electronic Bibliography for African Languages and Linguistics [Maho, 2009] Gogo has gained considerable attention from researchers. The bibliography includes 45 publications dealing with both linguistics (grammatical descriptions, vocabulary lists and dictionaries, an exercise book, a collection of oral tradition, the Bible) and non-linguistic topics (lists of animal, bird and plant names, culture and history). As we can see, the plant names have been collected but not analyzed as a source of linguistic data. In my research, I tried to close this gap while using previously elicited data in [Ruffo et al. 2002] as a reference tool for clarifying some plant names.

Data and data collection techniques

The data consists of 158 names of the plants found on the campus of the University of Dodoma. The plants had been documented with a camera and the photos were presented to four Gogo native speakers (two students and two securities working at the university). The consultants were asked to name the plants and provide some information about their use. Additional questions that arose out of the explanations were directed towards revealing the semantics of the components of a plant name as well as eliciting lexemes for different parts of a plant. The interviews were held in Swahili and English and were video recorded. The objective of the study was to identify the ways the plant names are constructed. The research design is based on [Legère 2009] and includes analysis of structure, noun class morphology and semantics of the plant names.

Word structure

Like the other Bantu languages, Gogo uses a structure typical for nouns to encode plant names: noun class prefix + noun stem. However, depending on the nature of the stem the names can be divided into three types:

1) simple lexemes containing stems not derived from any other words: *i-joma*;

2) derived lexemes containing stems derived from adjectives, verbs or other nouns: *mu-saangu* < *saangu* ‘slippery’ (type of vegetable like okra), *mu-fagulilo* < *mu* + *-fagula* ‘to sweep’ (= a plant for sweeping), *mu-cosi* < *cosi* ‘smoke’ (a plant that gives much smoke while being burnt);

3) compound lexemes containing noun or verbal phrases as stems: *mu-memenamhene* < *mu* + *-memena* ‘prefer’ + *mhene* ‘goat’ (= a plant that is preferred for food by goats), *mu-langacilima* < *mu* + *-langa* ‘look’ + *cilima* ‘East’ (= a plant looking to the East; sunflower).

Reduplicated stems are considered to be compound and form a part of the type (3) with a special meaning of increased intensity or similarity to something: *mu-welewele* < *mu* + *wele* ‘time of sunrise’ (= a flower that closes in the night and opens in the early morning); *mu-caicai* < *mu* + *cai* ‘tea’ (= a plant that colours water as if it were tea).

The plant names may include components originating from Swahili which are then redressed according to the morphophonological rules of Gogo: *idete* < Sw. *mtete*, *musungasunga* < Sw. *chungu* (a bitter tasting plant that is used as vegetable).

Let us first have a closer look at the semantics of the stems and then at the noun class morphology.

Semantics

The majority of collected plant names possess clear stem semantics. Mostly these lexemes are derivates or compounds indicating the following characteristics of the plants in their stems:

a) physical characteristics:

- *mubijili* < Go. *bijili* ‘thorny’ (= a thorny plant);
- *musaangu* < Go. *saangu* ‘slippery’ (slippery vegetable like okra);
- *musungasunga* < Sw. *chungu* (a bitter tasting plant used as vegetable);
- *mucosi* < Go. *cosi* ‘smoke’ (a plant that gives much smoke while being burnt);
- *mutelela* < Go. *telela* < Sw. *teleza* (= a very slippery plant);

b) properties useful for humans:

- *mufagulilo* < Go. *-fagula* ‘to sweep’ (= a plant that is used for sweeping);
- *muhanahana* < Go. *hana* ‘rope’ (= a plant that is used to make threads or ropes);
- *munyemba* < Go. *-nyemba* ‘to soften’ (grains of this plant are used for softening timber wood);
- *muarobaini* < Sw. *arobaini* ‘forty’ (= a plant that serves as a medicine against various diseases);
- *mubamilambisi* < Go. *-bamila* ‘collide’ + Go. *mbisi* ‘hyena’ (hyena is believed not to see the tree, thus one can hide behind it);

c) properties useful for animals:

- *mumemenamhene* < Go. *memena* ‘prefer’ + *mhene* ‘goat’ (= a plant that is preferred by goats as food);
- *mugulukanziwa* < Go. *-guluka* ‘disperse’ + Go. *nziwa* ‘dove’ (doves like to live on these trees);
- *musomamiti* < Go. *musomamiti* ‘a bird that likes the flowers of this plant’;
- *musotanyabu* < Sw. *sota* ‘move restlessly’ + Go. *nyabu* ‘monkey’ (monkeys like to live on these trees);

d) places where they are (used to be) abounded:

- *icamwino* < Camwino;
- *mulonge* < Longe;

e) behaviour:

- *ilemba* < Sw. *-remba* ‘to decorate’ + Go. *bela* ‘fast’ (= a plant that is shaking fast);
- *ilweza* < Go. *-lweza* ‘to spread’ (= a plant that is spreading around);
- *itembele* < Sw. *-tembea* (= a plant that is crawling around);
- *mulangacilima* < Go. *-langa* ‘look’ + Go. *cilima* ‘East’ (= a plant that is looking at the East; sunflower);
- *muwelewele* < Go. *wele* ‘time of sunrise’ (= a flower that closes in the night and opens in the early morning);
- *muwimacigulu* < Go. *-wima* ‘to like to stay’ + Go. *cigulu* ‘hill’ (= a plant that likes living in hilly places).

These are some of the ways plants are named. However, they do not seem to determine the shape of a lexeme as each of the categories includes lexemes of various structures. They are conceptual categories making the plants recognizable by their characteristics or functions as a part of a large system, that is a feature that can be considered as environmental knowledge – knowledge about environmental sustainability [Lynes 2012: 2].

Noun class allocation

In the data I was able to detect the following noun class prefixes (as listed by [Rugemalira 2009]:

- class 3 – *mu-*, e.g. *mukole*;
- class 4 – *mi-*, e.g. *mitembweliga*;
- class 5 – *i-*, e.g. *ikeneta*;
- class 6 – *ma-*, e.g. *mamonje*;
- class 7 – *ci-*, e.g. *ciniga*;
- class 8 – *vi-*, e.g. *viniga*;
- class 9(10) – *N-*, e.g. *ngulucila*;
- class 11 – *u-*, e.g. *uhemba*.

These classes constitute the following singular-plural pairs, or genders:

Pairs	Frequency	Percentage
classes 3/4	99	62.6
classes 5/6	56	36.7
classes 7/8	1	< 1
classes 9/10	1	< 1
class 11 (no pl. counterpart detected)	0,5	< 1

Table 1: Frequency of class prefixes in Gogo plant names

As we can see from the Table 1, the genders 7/8, 9/10 and 11 are not relevant (at least in our data) for plant naming but as the consultants pointed out, they take part in denominating plant relating lexemes. So the prefix *u-* (11) can mark the collective for ‘seeds’ and that is why it doesn’t have a plural counterpart (e.g. *uhemba* ‘seeds of sorghum’). The prefix *ci-* (7) can be used for denominating a tiny seed (as in *ciniga* that is a seed of millet) while the prefix *vi-* (8) is used as its plural form (*viniga*). The gender 9/10 contains names of fruits that coincide in their singular and plural forms. The only plant found in this gender is *ngulucila*, a liana-like plant (Go. *cila* ‘tail’) parasitizing on trees. The informants treated it with the ‘fruit logic’ because this is “a tree that grows out from another tree”.

A distinguishing feature of the fruit names as of being members of the gender 9/10 consists of the presence of voiceless nasals as a result of assimilation of the homorganic nasals caused by the initial voiceless consonants of the stem as described in [Grosserhode, 2009]:

Process	Example
N + k → ng’h	<i>mukole</i> → <i>nghole</i>
N + g → ng’	<i>mugwelu</i> → <i>ng’welu</i>
N + p → mh	<i>mupelemehe</i> → <i>mhelemehe</i>
N + t → nh	<i>mutupa</i> → <i>nhupa</i>
N + c → ng’h	<i>mucuyu</i> → <i>nghuyu</i>

Table 2: Voiceless nasals as markers of the gender 9/10

The voiceless nasals are not the only way for marking plants in the gender 9/10. Also the zero prefix is a regular marker of fruit names (zero prefixed names concord in accordance with the class rules), e.g. *mufulu* – *fulu*, *munyemba* – *nyemba*, *musaca* – *saca*, *musena* – *sena*, *muzabibu* – *zabibu*, *munzugumabwe* – *nzugumabwe*:

- *ai fulu ndodo* ‘this is a small fruit of mufulu’;

- *azi fulu ndodo ndodo* ‘these are small fruits of mufulu’.

The majority of plant names is found in the classes 3 and 4 that are typically reserved for plants in Bantu languages (e.g. *mustafeye / mistafeye*). However, there are some plant names belonging to the gender 5/6 (e.g. *isupa / masupa*). Moreover, for some plants the informants freely varied the prefixes (e.g. *musega / isega, midonho / madonho*) saying that they refer to the same plant. One of the reasons for this phenomenon is that the gender 5/6 is normally used across Bantu languages for naming fruits while the plant itself is provided with the prefixes of the gender 3/4, as shown in Table 3:

Plants (gender 3/4)		Fruits (gender 5/6)	
singular	plural	singular	plural
<i>mucongoma</i>	<i>micongoma</i>	<i>icongoma</i>	<i>macongoma</i>
<i>mupalacici</i>	<i>mipalacici</i>	<i>ipalacici</i>	<i>mapalacici</i>
<i>mupela</i>	<i>mipela</i>	<i>ipela</i>	<i>mapela</i>
<i>muyungu</i>	<i>miyungu</i>	<i>iyungu</i>	<i>mayungu</i>

Table 3: *i/ma* as markers of a fruit name

The same logic is applied to the unprefixated loanword *alizeti* that is a seed of *mulangacilima* (sunflower) whereas in the source language Swahili this word refers to the whole plant: *mulangacilima / milangacilima* → *alizeti / maalizeti*. However, the data still show plant and not fruit names starting with *i-* (*ibijili, idakakomba, idete*, etc.) and plant names that can be used with both prefixes as plant and not fruit names (*mubonho/ibonho, ikomwe/mukomwe, imonje/mumonje*, etc.).

In these cases the alternation of prefixes *mu-/i-* and *mi-/ma-* can be explained by the principle of pragmatic and sociocultural motivation of linguistic form which supposes that “grammar constructions and markers reflect pragmatically important and culturally salient meaning” [Bergelson 2007: 3]. After long discussions, the consultants managed to formulate a difference between *mu*-plants and *i*-plants that I formulate as

Hypothesis: mu-plants are useful for humans in a direct way (e.g. as food, tool or medicine) or an indirect way (e.g. as food for goats that are eaten by humans), while i-plants are of no use at all.

In other words, with the help of *mu-* and *i-* the speakers indicate their knowledge of plant use or communicate their attitude to a given plant

(whether they are going to use it or they just neutrally state its existence). Convincing examples supporting this hypothesis can be found in the use of the names of plants with valuable roots but useless stems and leaves. Thus, the plant *ikakatika* is treated as useless unless we talk about its root (Go. *mudela*) that is a medicine: *mudela wa mukakatika*. Another evidence of this rule is that in our data all plants with eatable fruits start with *mu-* that cannot be replaced by *i-*. And another argument in favor of the hypothesis roots in the semantics of the class 5 that across Bantu languages often includes (among other concepts) fruits and negatively categorized (= useless) items [Toporova 1997].

Conclusion

The presented research on plant names in Gogo shows three types of structures the language uses for denoting plants: noun class prefix + simple / derivational / compound stem where derivational stems can originate from adjectives or other nouns, and compound stems contain verbal or noun phrases. The semantic base reflected in the stems includes the following categories: physical characteristics of a plant, its properties useful for humans or animals, places where a plant is (used to be) abounded, its behavior. The noun class morphology of plant names can be described as follows.

The majority of plant names are found in the gender 3/4 (*mu-mi*). The gender 5/6 (*i-ma*) includes the names of fruits. The gender 7/8 (*ci-vi*) is used to denominate small plants or seeds while seeds are marked by the prefix *u-* (class 11) in general, as a collective noun. The gender 9/10 (N) contains names of fruits where they are either marked with voiceless nasals *mh*, *nh*, *ng'h* or remain unprefixed. Besides this typical for Bantu noun class allocation the plant names in Gogo possess one interesting feature consisting of the alternation of prefixes *mu-/i-* for singular and *mi-/ma-* for plural. The reason for this phenomenon can be explained with the principle of pragmatic and sociocultural motivation of linguistic form: with the help of these prefixes the speakers communicate their attitude to a given plant: *mu*-plants are useful for humans in a direct way (e.g. as food, tool or medicine) or in an indirect way (e.g. as food for goats that are eaten by humans), while *i*-plants are of no use at all.

С.Б. Белецкий
(СФУ / Университет Додома (Танзания))

Названия растений в языке гого: структурный, семантический и прагматический аспекты

Статья вносит вклад в изучение языка гого (самоназвание: *sigogo*, банту), распространённого в регионе Додома в Танзании. Исследование охватывает названия растений, распространённых в г. Додома, и сосредоточено на выявлении структуры и этимологии данного класса словарного состава языка. Всего исследователь совместно с консультантами – носителями языка проанализировал 158 названий растений. В ходе исследования были сделаны выводы о структурных особенностях названий растений, в том числе относительно их распределения по именным классам, и прагматическом принципе отнесения их к классам.

References

- Bergelson, M.B.* Pragmatičeskaja i sociokul'turnaja motivirovanost' jazykovoju formy. Moscow: Moscow State University, 2007.
- Lewis, M.P., Simons, G.F., Fennig, C.D. (eds.)*. Ethnologue: Languages of the World, Nineteenth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2016. Online version: <http://www.ethnologue.com> (retrieved on 16.04.2016).
- Grosserhode, R.* Stimmlose Nasale im Gogo. In: "Mehr als nur Worte ...": afrikanistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Franz Rottland. Vossen, R., Mietzner, A. and Meissner, A. (eds.). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2000. Pp. 239–246.
- Legère, K.* Plant Names in the Tanzanian Bantu Language Vidunda: Structure and (Some) Etymology. In: Selected Proceedings of the 38th Annual Conference on African Linguistics. Matondo, M., Mc Laughlin, F. and Potsdam, E. (eds.). Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2009. Pp. 217–228.
- Lynes, P.* Ecologies of Translation, Translations of Ecologies: Between Ecolinguistics and Translation Studies. In: Language and Ecology Research Forum, 2012. URL: www.ecoling.net/articles (retrieved on 16.04.2016).
- Maho Jouni, F.* Electronic Bibliography for African Languages and Linguistics, 2009. URL: <http://gogo.glocalnet.net/jfmaho/bob.pdf> (retrieved on 16.04.2016).
- Ruffo, C.K., Birnie, A., Tengnäs, B.* Edible wild plants of Tanzania. In: Technical Handbook Series 27. Nairobi: Regional Land Management Unit, 2002.
- Rugemalira, J.M.* Cigogo: Kamusi ya Kigogo-Kiswahili-Kiingereza, Kiingereza-Kigogo, Kiswahili-Kigogo. Dar es Salaam: Mradi wa Lugha za Tanzania, Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, 2009.
- Toporova, I.N.* Imennye kategorii v jazykax bantu. In: Osnovy afrikanskogo jazykoznanija: imennye kategorii. Vinogradov V.A. (ed) Moscow: Aspekt Press, 1997. Pp. 24–74.

M. Fedotov
(Institute for Linguistic Studies, RAS)

ADNOMINAL PREDICATIVE POSSESSIVE CONSTRUCTION AND PRAGMATICALLY “FLEXIBLE” NOUN PHRASES IN GBAN¹

1. Introduction

Gban is a South Mande (< Mande < Niger-Congo) language spoken in Côte d’Ivoire. It has two constructions that can express predicative possession (‘John has a house’). The first construction belongs to the so-called “locational” formal type (lit. “A house is on John”) and the second to the “adnominal” formal type (lit. “John’s house exists”).

In section 2 of this article I will discuss the two constructions and their semantic distribution.

Section 3 will further concentrate on the “adnominal” construction. In 3.1 I will show why the “adnominal” type of predicative possessive constructions is unusual and why its study is interesting for linguistic typology. In 3.2 I will discuss at length the syntactic and pragmatic~semantic properties of this construction (of the NP-like complex in it) in comparison with the properties of true possessive NPs in Gban and then summarize the results of this comparison. Finally, in 3.3 I will present another phenomenon in Gban that demonstrates similar behaviour, namely the adnominal coding of recipient/benefactive participants.

¹ The study was supported by the RSF’s grant # 14-18-03406 «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)» [“Grammatical Categories in World Languages: Hierarchy and Interaction (a Typological Analysis)”].

The study is based on field data collected in (2011–)2015.

I would like to thank Taki Oya Robert (speaker of Bovo dialect) and Yoro Bogan Kevin (speaker of Gbokwa dialect) for working with me as language assistants.

2. Two predicative possessive constructions

In my approach to predicative possession I follow Leon Stassen [Stassen 2009] and his method of identifying predicative possessive constructions in a given language solely on the semantic basis (more precisely, by their ability to express at least the meaning of legal ownership).

Note. In this article I will discuss only the possessive constructions proper, i.e. those that express “having” – and not those that express “belonging” (cf. Stassen’s “indefinite possession” vs. “definite possession” distinction [ibid.: 28–30]). The latter meaning is expressed by a different construction in Gban (1), which will not be considered further.

- (1) *ké nɛ* " *yèè* [*ì mɔ*]
hoe this 3SG[...] IPFV\be me for
‘This hoe’s mine’ (lit. “This hoe’s for me”)
(the literal recipient-benefactive interpretation ‘This hoe’s for me’ is also possible).

Stassen assumes the semantics of legal ownership² – cf. ‘John has (owns) a car/house/etc.’ – to be the core meaning of the semantic zone of possession and proposes to use this meaning to identify predicative possessive constructions in any given language. Then, on the basis of his data, he establishes four basic formal types of predicative possessive constructions in the languages of the world: Locational Possessives (“A house is/exists on John”), With-Possessives (“John is with a house”), Topic Possessives (“As for John, a house exists”), and Have-Possessives (“John has a house”) [ibid.: 48–69]. He also discusses some additional cases, including what he calls “Adnominal Possessives” (“John’s house exists”) [ibid.: 107–136].

Approaching Gban in the same way, we find two constructions that are able to express legal ownership and thus can be considered predicative possessive constructions:

- (2a) *sá* " *yèè* *ì kɔ*
house 3SG[...] IPFV\be me in.hand
‘I have a house’. (lit. “House is at me”)

² He uses the term “alienable possession” [Stassen 2009: 15–16].

- (2b) *ì (mɔ̃) sǎ " yèè yè*
 me for house 3SG[...] IPFV\be there
 'I have a house'. (lit. "There is my house")

As can be seen from (2a), the first construction includes the verb of existence *yè(è)* 'live; be' and a postpositional³ phrase containing the Possessor NP, while the Possessee NP occupies the subject position. Thus, this construction corresponds to the definition of Stassen's **locational** type⁴.

The second construction, represented in (2b), demonstrates apposition of the Possessor and the Possessee at the beginning of the sentence, as if they constitute a single (subject) NP (see also the note at the beginning of section 3.2 on true adnominal possessive constructions in Gban). And the rest of the sentence looks just like the standard existential construction in Gban⁵. Thus, it can be regarded, at least preliminarily, as belonging to what Stassen calls the "**adnominal**" type.

The two constructions (the "locational" *kɔ̃*-construction and the "adnominal" *yè*-construction) are distributed (mostly) according to which **semantic types of possession** they can express. These types are listed and exemplified below. The distribution is then summarized in Table 1 at the end of this section.

1) **Legal ownership** (Stassen's "alienable possession") – both constructions can be used – cf. examples below (see also (2a)–(2b) above). This is the only semantic type where both constructions can be used freely.

³ *Kɔ̃* is a postposition-like element (obviously derived from the noun *kɔ̃* 'hand, palm of the hand'), which is used in the meaning 'at the disposal/possession of'. Cf.: *bǎ é vǐ Sǎkù kɔ̃ yí ɔ̃* <rope 3SG\pst Soku in.hand water in> 'Soku dropped the rope into water [inadvertently]' ~ 'The rope fell into water [while at the disposal of] Soku'. (Cf. also the Russian preposition *u*, which is used both in the predicative possessive construction and in similar contexts: *U Soku upala v vodu verëvka* 'ibid.'). The element *kɔ̃* can also be used in the sense 'from (someone's possession/disposal)' and probably also in the sense 'because of'.

⁴ In fact, it can be considered formally a case of the standard locative construction in Gban, cf.: *yúkwì Ø yèè [yí ɔ̃]* <tree 3SG[...] IPFV\be water in> 'The tree is **in** the water'.

⁵ The standard existential construction in Gban, too, contains the verb *yè(è)* 'live; be' and the "dummy" adverb *yè* 'there' at the end, cf.:

Kwíè yè yè <God 3SG[...] IPFV\be there> 'There is God / God exists'.

- (3a) *kàò* " *yè* *Záá* *kɔ́*
field 3SG[...] IPFV\be John in.hand
- (3b) *Záá* *kàò* " *yè* *yè*
John field 3SG[...] IPFV\be there
'John has a **field**'.

The same has been observed for cases with animate (human) Possessees:

- (4a) ^{OK} *nùà* *yè-é* *yé* *mú* *bè* *kɔ́*
slave 3SG[...] IPFV.PREH IPFV\be man there in.hand
- (4b) ^{OK} *mú* *bè* *mɔ́* *nùà* *yè-é* *yé* *yè*
man there for slave 3SG[...] IPFV.PREH IPFV\be there
'[Long time ago, in Ancient Rome there was a person] This person had a **slave**'.

2) **Temporary possession** – only the *kɔ́*-construction is used:

- (5) *gbè* " *yè* *Záá* *kɔ́* (*nɔ́*)
knife 3SG[...] IPFV\be John in.hand here
'[Searching for something to open a tin can:] John has a **knife [on him]**'.
- (5') # *Záá* *gbè* " *yè* *yè*
John knife 3SG[...] IPFV\be there
(This sentence can be used only for 'John has a knife [in general]', 'John is an owner of a knife'.)

The same seems to hold also for cases with animate (human) Possessees (the *kɔ́*-construction was attested in at least three such examples, while the *yè*-construction seems to give a different interpretation):

- (6) ^{OK} *kpé* " *yè* *ì* *kɔ́*
stranger 3SG[...] IPFV\be me in.hand
'I have a **guest** [I received a guest and he's temporarily there]'.
(There are also two similar examples with the word *ní* 'child' – meaning 'You have [captured] my child!')
- (6') # *ì* *mɔ́* *kpé* " *yè* *yè*
me for stranger 3SG[...] IPFV\be there
(‘I have strangers’ (?); This sentence cannot be used for ‘temporary guest’.)

3) **Kinship** – in most cases only the *yè*-construction can be used:

(7) *Záá yèní* " *yè yè*
John brother 3SG[...] IPFV\be there
'John has a **brother**'.

(7') * *yèní* " *yè Záá kó*
brother 3SG[...] IPFV\be John in.hand

(The same has been observed for cases with the kinship terms for '**sister**', '**aunt**', '**mother**', '**son**', '**daughter**'.)

Only one kinship term – *ní* 'child (son or daughter)' – was found to be compatible with the *kɔ̃*-construction in the sense of kinship relationship, cf. (8a):

(8a) ^{OK} *ní (=nú)* " *yè Záá kó*
child=PL 3SG/PL[...] IPFV\be John in.hand

(8b) *Záá ní (=nú)* " *yè yè*
John child=PL 3SG/PL[...] IPFV\be there
'John has a **child / children**' (can mean that he is actually a father).

Probably, in this case we are dealing with a fixed expression and/or it has to do with additional parents' responsibility for their children (~'I have children as a responsibility'). At the same time, the *kɔ̃*-construction is impossible with the derived words for 'son' (*ní-gbé* <child-male>) and 'daughter' (*ní-lè* <child-female>).

4) **Social relations** – only the *yè*-construction is used:

(9) *Záá bè-lè* " *yè yè*
John friend-woman 3SG[...] IPFV\be there
'John has a **girlfriend**'.

(9') * *bè-lè* " *yè Záá kó*
friend-woman 3SG[...] IPFV\be John in.hand

(The same has been observed for cases with the terms for '**friend**', '**wife**', '**acquaintance**'.)

5) **Body parts** – only the *yè*-construction is used:

(10) *Záá kwà* " *yè yè*
John arm 3SG[...] IPFV\be there
'John has **arms** [he's not crippled]'.

- (10') * *kwà* " *yè* *Záá* *kɔ́*
arm 3SG[...] IPFV\be John in.hand

(The same has been observed for cases with the terms for ‘eye’ and ‘leg’.)

6) **Part-whole** – only the *yè*-construction was attested in a single example:

- (11) *gbɔ̀* *nɛ́* *kwí* " *yè* *yè*
chair this back 3SG[...] IPFV\be there
‘This chair has a **back**’.

(There is also a similar example ‘My teeth have a **cavity** here’ with the *yè*-construction: lit. “My tooth’s cavity is there”.)

- (11') * *kwí* " *yè* *gbɔ̀* *nɛ́* *kɔ́*
back 3SG[...] IPFV\be chair this in.hand

7) “**Abstract possession**”⁶ – the *kɔ́*-construction is used in most attested cases (while the *yè*-construction has been accepted only in one case (12b)). Cf. examples below:

- (12a) ^{OK} *dìè* " *yèè* *Sìkó* *kɔ́*
truth 3SG[...] IPFV\be Sinko in.hand
‘Sinko has [I is speaking] the **truth**’ (version with the *yè*-
construction was not accepted by the language assistant).

(A similar example was elicited with the word *wá* ‘**question**’ – meaning ‘Sinko has a question [during a meeting]’. Another two similar examples has also been found in our other materials with the words for ‘**wisdom**’ and ‘**debt**’ in the *kɔ́*-construction.)

- (12b) ^{OK} *lě* " *yèè* *Sìkó* *kɔ́*
concern 3SG[...] IPFV\be Sinko in.hand
‘Sinko has a **problem** [So please help him]’.

- (12b') ^{OK} *Sìkó* *lě* " *yè* *yè*
Sinko concern 3SG[...] IPFV\be there
‘Sinko is in a **fix** [he has a **problem**]’.

⁶ A rather heterogeneous semantic type that combines various cases where abstract, i.e. non-physical, objects are construed (in fact, marked) as Possesseees [Stassen 2009: 16–17, 19–20].

Note. During the study, I tested with the language assistant a number of abstract nouns in the two constructions, such as: ‘illness’, ‘suffering’, ‘kindness’, ‘sadness’, ‘**truth**’, ‘pain’, ‘malice’, ‘stinginess’, ‘shame’, ‘joy’, ‘fear’, ‘**concern**’, ‘gratitude’, ‘**question**’, ‘luck’, ‘wisdom’, ‘cunning’. Only with three of them (marked by bold type) one of the investigated constructions was accepted⁷. However, with six of them **another construction** was elicited: “X *ye* Y *lã*” (“X is on Y”) – cf. (13) below – which cannot, however, be used in any other possessive contexts and thus cannot count as a predicative possessive construction proper.

- (13) *lõbã* / *gbíálìèlè* " *yè* *Záá* *là*
 sickness joy 3SG[...] IPFV\be John on
 ‘John is sick / merry’ (“**Sickness / joy** is on John”).

8) (**Quasi-locative**)⁸ – only the *yè*-construction was attested in the following one example:

- (14) ^{OK} *bàà* *né* *mɔ̃* *Kwlègbàdìà* " *yè* *yè*
 village this for church 3SG[...] IPFV\be there
 ‘This village has a **church**’.
- (14') * *Kwlègbàdìà* " *yè* *bàà* *né* *kɔ̃*
 church 3SG[...] IPFV\be village this in.hand

* * *

The distribution of the two constructions can be summarized as follows (Table 1):

⁷ With two words only the *kɔ̃*-construction was accepted, and with one both constructions (see examples (12a)–(12b') above).

⁸ Or, more precisely, “quasi-locative-existential” – this type can be proposed for the cases where a place is construed (marked) as a Possessor for some object(s) located in it. Cf. English *This city has many gardens*.

Type of possession \ Construction	“Adnominal” (...yɛ̃)	“Locational” (...kɔ̃)
Body parts (‘arms’, ‘head’)	+ (10)	–
Part-whole (‘back (of a chair)’)	+ (11)	–?
(Quasi-)locative (‘This village has a church’)	+ (14)	–?
Social relations (‘friend’, ‘wife’)	+ (9)	–
Kinship (‘mother’, ‘brother’)	+ (7)	–(/+) (nɪ̃ˀ child’ (8a))
Legal ownership (e.g. ‘car’, ‘slave’)	+ (3a)	+ (3b)
“Abstract” possession (‘truth’, ‘problem’)	–/+? (12b’)	+ (12a)
Temporary possession (‘knife (on me)’; ‘visitor’)	–	+ (5)

Table 1: Distribution of the two predicative possessive constructions over the semantic types of possession
(«+» – the construction can be used; «–» – the construction cannot be used; «?» – scarce data.)

* * *

It can be added that no difference in distribution of the two constructions was observed in **negative** possessive sentences (‘John doesn’t have a car / children / etc.’) for any semantic type. Cf. two examples below:

- (15a) ^{OK} *Záá wòtló Ø-kè t é⁹*
 John car 3SG-IND.NEG[...] IPFV\walk there
- (15b) *wòtló Ø-kè tà¹⁰ Záá kɔ*
 car 3SG-IND.NEG[...] IPFV\walk John in.hand
 ‘John **doesn’t** have a **car**’.
- (16) *Záá yè Ø-kè t è*
 John mother 3SG-IND.NEG[...] IPFV\walk there
 ‘John **doesn’t** have a **mother** [she died]’.
- (16') * *yè Ø-kè tà Záá kɔ*
 mother 3SG-IND.NEG[...] IPFV\walk John in.hand

Neither difference in distribution was observed in cases with a **definite Possessee**, i.e. in such sentences as ‘Don’t be sad, you (still) have your wife / house / ...’ or ‘They have [are trying to steal] my motorcycle!’. Cf. two examples below:

- (17a) *<...> à sǎ Ø lé" yè yè*
 him house 3SG[...] CTNV IPFV\be there
- (17b) ^{OK} *<...> à sǎ Ø lé" yè à kɔ*
 him house 3SG[...] CTNV IPFV\be him in.hand
 {John has lost his car, but} ‘He still has **his house**’.
- (18) *Záá yènǐ " yè yè*
 John brother 3SG[...] IPFV\be there
 ‘[John has lost everything, but] John has **his brother**’.
- (18') * *(à) yènǐ " yè Záá kɔ*
 him brother 3SG[...] IPFV\be John in.hand

⁹ The form *tè* is an obvious contraction of *tà yè* <IPFV\walk there> (for *tà*, see footnote 10 below), the same way as affirmative *...yè yè* <IPFV\be there> is sometimes contracted to *...yè(è)*. However, the full variety *...tà yè* was not found in our materials in possessive sentences, and at least for one speaker a contrast was observed: for the possessive interpretation ‘John doesn’t have a car’ one of the language assistants accepted only the contracted form: *Záá wòtló kè t è*, while for the full form *Záá wòtló kè tà yè* he gave as the only possibility the literal (locative) interpretation: ‘John’s car isn’t there’. This may suggest an ongoing grammaticalization of a separate formal type of negative possessive sentences (with a specialized copula *tè*).

¹⁰ The verb *yè(è)* in Gban is obligatorily substituted with *tǎ* (<‘walk’>) in all negative sentences.

3. The “adnominal” construction

3.1. “Adnominal”-type predicative possessive constructions in typology

As already mentioned, Stassen postulates four basic formal types of predicative possessive constructions: Locational Possessives, With-Possessives, Topic Possessives and Have-Possessives.

Separately, he discusses a group of cases that he calls **Adnominal Possessives** [ibid.: 107–136] – that is, those peculiar cases where a predicative possessive construction looks like a combination of a possessive NP (i.e. adnominal possession proper)¹¹ and an existential construction – literally, “John’s house exists” for ‘John has a house’.

Cf. examples from Turkish and Tzutujil [ibid.: 108–109, 111]:

TURKISH (Altaic, Turkic)

(19a) *Mehmed’-in para-sı*
Mehmed-GEN money-his
‘Mehmed’s money’ [Schroeder 1999: 188]

(19b) *Mehmed’-in para-sı var*
Mehmed-GEN money-his exist
‘Mehmed has money’. [Schroeder 1999: 188]

TZUTUJIL (Mayan, Quichean)

(20a) *jun ruu-keej n-ata?*
one his-horse my-father
‘my father’s horse’ [Dayley 1981: 200]

(20b) *k’o jun ruu-keej n-ata?*
exist one his-horse my-father
‘My father has a horse’. [Dayley 1981: 200]

Stassen cites many languages that fall into this group, including, for example, also Nenets, Archi, Classical Armenian, Jacaltec, Navajo.

At the same time, Stassen himself is already doubtful about the **constituency** of “Possessor + Possessee” complex in such constructions

¹¹ This applies both to those languages where possessive NPs (and this NP-like complex) involve marking by some morpheme (e.g. by a genitive marker) and to those where they involve simple apposition of Possessor and Possessee. As will be seen later, in Gban we find both varieties: simple apposition and marking by the postposition *mɔ̃* (see the note at the beginning of section 3.2).

[ibid.: 113–122]. Is there truly a single NP, or are these in fact two separate clause-level NPs which just happened to be juxtaposed in these constructions¹²?

Furthermore, Stassen cites some preliminary facts indicating that at least in some languages the latter may be the case. He provides data on the possibility of word order reversal (Classical Armenian, West Tocharic, Avar, Yokuts), separation by the copula (Lithuanian, Hungarian, Archi, Vedic, and some other) or separation by adverbs (Turkish) in such constructions – which at the same time is expected to be impossible for true possessive NPs in these languages.

Maria Ovsjannikova and Sergey Say studied the same issue in greater detail for a single Turkic language, **Bashkir** [Ovsjannikova, Say 2014]. They concluded that genitival predicative possessive construction in Bashkir differs in many of its syntactic properties from a true possessive NP. And all these properties hint rather at a two-NP than a single-NP status of the “Possessor + Possessee” complex (for example, it is separable and allows pronominalization of the Possessee).

Thus, the question remains open: are there any languages where a predicative possessive construction is truly based on adnominal (NP-level) possession, at all? Or all such constructions, in fact, consist of two juxtaposed clause-level NPs?

3.2. *The **yè**-construction: properties of the “Possessor + Possessee” complex*

As we have already seen, in Gban there, too, exists a predicative possessive construction that can be labeled “adnominal” by its appearance: the **yè**-construction (“X (*mǝ*) Y *yèè yè*” <X for Y be there>).

In the light of what was said in the previous section, it is interesting to look at the properties of this construction that are connected with syntactic constituency/non-constituency – and to compare them with the properties of true possessive NPs.

Note. By “true” possessive NPs I will understand here simply the possessive NPs in Gban for which a single-constituent analysis is (more) obvious – i.e. those that appear in the core argument positions, especially in the direct object position.

¹² In this case such constructions would simply fall into the Locational or Topic Possessive types and not into a separate “Adnominal Possessive” type.

Gban has two **adnominal possessive constructions proper** – one with simple apposition ([Záá sá] <John house> ‘John’s house’) and one with the postposition *mɔ́* ‘for, of’ ([Záá mɔ́ sá] <John for house> ‘John’s house’). They can be considered synonymous (the only attested difference being that at least for some speakers the appositional construction seems to be restricted to “inalienable” possession, while the more universal *mɔ́*-construction can be used for all possessive relations). In addition, the *mɔ́*-construction can also be used to express recipient-benefactive semantics (‘a present [intended] for John’).

As could be seen from the examples, the predicative possessive construction in question also has both these varieties: with Possessor and Possessee simply juxtaposed (Záá sá yè yè) or with *mɔ́* in between (Záá mɔ́ sá yè yè). According to my preliminary data, these two varieties are interchangeable in all or almost all cases.

(Most of the tests discussed in the following subsections were inspired by [Ovsjannikova, Say 2014].)

1) Word order and separability

Gban has very strict S-O-V-(X) word order, and in the same way no change of relative position of Possessor and Possessee (or the copula) is possible in both the *yè*-construction and in a true possessive NP.

Gban has almost no clause-level particles or adverbs which can appear anywhere else than at (the very beginning or) the end of the clause, but even those which can were not accepted to be inserted between the Possessor and the Possessee in the *yè*-construction by the language assistant.

2) Proper names as Possesseees

Proper names can occur as Possesseees in the *yè*-construction, cf. (21). At the same time, it is also possible for true possessive NPs in Gban, cf. (22a), (22b)¹³.

- (21) ^{OK} èè (mɔ́) Záá " yè yè, <...>
 thee for John 3SG[...] IPFV\be there
 ‘You have **John**’, {but I have no-one}.

¹³ I have to admit that such sentences as (22a) and (22b) (that are possible in English, too) probably express some special sense other than possession proper. For example, English *I’ve seen “your” John* does not straightforwardly entail ‘You have John’. At the same time, [*your John*] is still a (possessive) noun phrase by its syntactic properties.

(22a) ^{OK} *mí* [èè *mɔ́* **Záá**] *yö* *wá*
 1SG/PST[...] thee for John see\PFV.PREH eye
 ‘I’ve seen your **John**’.

(22b) ^{OK} *Záá* *yë* [èè **Bìzú**] *bë*
 John 3SG/PST[...] thee Bisou take\PFV.PREH
 1. ‘John ran off with your **Bisou** [your wife]’.
 2. ^{OK} ‘[Bisou is the name of your cat.] John took your **Bisou**’.

3) Pronominalization of the Possessee

Pronominalization of the Possessee with personal pronouns is not possible in the *yë*-construction (23), as well as in true possessive NPs¹⁴.

(23) * *mú* = *ní* (*mɔ́*) **á** " *yè* *yè*
 man=PL for him 3SG[...] IPFV\be there
 Intended meaning: ‘The people have it/this’.

Note. In fact, after discussing this example, the language assistant suggested another example instead, with what can be identified as “headless genitive” construction – example (23’).

(The “headless genitive” construction in Gban has the form “Possessor NP + postposition *mɔ́*”, with no overt Possessee. It can express the semantics of possession proper (‘mine’ ‘that of John’) and that of “recipient-benefactive” (‘the one for me / John’), and has the distribution of a NP, cf.: *ɔ́-kè* [èè *mɔ́*] *yö wá* <2SG-IND.NEG[...] **thee for** IPFV\see eye> ‘[I see my shirt, but] I don’t see **yours**’. Cf. also example (1) at the beginning of the article.)

(23’) *mí* = *ní* *mɔ́* " *yè* *yè*
 man=PL for 3SG[...] IPFV\be there
 ‘The people have **it/this**’ (lit. “The people’s is there”).

¹⁴ One recorded piece of negative material for possessive NPs is the following example: **mé* èè *mɔ́* **á** *yèkè* <1SG/PST[...] thee for him do[PFV.HOD]> (intended meaning: ~‘I did that for you / that of yours’). Also, for example (23) we could in principle imagine a literary existential single-NP interpretation: ‘There is that of the men’, but the example was evaluated by the language assistant as simply infelicitous.

Unfortunately, there is only one such example in my data. But in any case it, again, hints at single-NP nature of the “Possessor + Possessee” complex in the *yè*-construction, since the “headless genitive” construction is one of the types of NPs in Gban.

With indefinite, negative, and interrogative pronominals, pronominalization is possible – but also both in the *yè*-construction (examples (24), (26)) and in true possessive NPs (examples (25), (27)):

- (24) ^{OK} *èè mɔ́ bé Ø-If yè yè?*
 thee for what 3SG-FOC[...] IPFV\be there
 ‘– What do you have?’ (lit. “**Your WHAT** is there?”)
- (24') *ì mɔ́ sǎ " yèè yè*
 me for house 3SG[...] IPFV\be there
 ‘– I have A HOUSE’ (an answer to (24)).
- (25) ^{OK} *n [ɔ́ mɔ́ bé If] yö wǎ?*
 2SG/PST[...] them for what FOC_OBJ see\PFV.PREH eye
 ‘– What did you see of theirs / that belongs to them?’ (lit. “**Their WHAT** did you see?”) (NB! This is a normal question, not an echo-question)
- (25') ^{OK} *m [ɔ́ mɔ́ wòtló] yö wǎ*
 1SG/PST[...] them for car see\PFV.PREH eye
 ‘– I saw their CAR’ (an answer to (25)) (or, probably, it should be translated more correctly as ‘Of theirs I saw A CAR’).
- (26) ^{OK} *Zǎǎ (mɔ́) nǎ̀ dònɔ́ Ø-kè t è*
 John for thing any 3SG-IND.NEG[...] IPFV\walk there
 ‘John doesn’t have anything’ (lit. “**John’s nothing~anything** is there”).
- (27) ^{OK} *ì-kè [Zǎǎ (mɔ́) nǎ̀ dònɔ́] yó wǎ̀ nɛ̀*
 1SG-IND.NEG[...] John for thing any IPFV\see eye here
 ‘I don’t see anything that belongs to John’ (lit. “I don’t see **John’s nothing~anything**”).

4) Ability of the Possessee to have a separate dependent

As well as in true possessive NPs, in the *yè*-construction no separate (pronominal) dependent can be inserted between the Possessor and Possessee, cf. (28). (Consider, for contrast, the *kɔ́*-construction, which has

two separate NPs, and each can have its own (pronominal) dependent, cf. (17b) above.)

- (28) * *Záá* [*ǎ kwà*] Ø *lé*" *yè* *yè*
 John **him** arm 3SG[...] CTNV IPFV\be there
 Intended meaning: '[After the accident] John still has **his arms** [left, at least]'

At the same time, without the pronoun, it is possible to use the *yè*-construction with a **definite** (identifiable) Possessee – cf. example (28') (and examples (17a), (18) above):

- (28') *Záá kwà* (^{OK}*bè*) Ø *lé*" *yè* *yè*
 John arm there 3SG[...] CTNV IPFV\be there
 '[After the accident] John still has (**those**) [**his**] **arms** [left, at least]'

5) Syntactic processes that affect the subject NP as a whole

In Gban we can find several constructions/processes that affect the subject NP of the sentence as a whole in one way or another. Thus, we can test how the "Possessor + Possessee" complex of the *yè*-construction behaves in these contexts – whether it behaves as a single NP (occupying the subject position) or as two NPs (occupying the subject position and some additional hypothetical clause-level position).

a) Possibility construction

The default construction for expressing possibility (including epistemic possibility) in Gban is the peculiar construction "[X *è se*] [*è* P ...]" (lit. "[**X he can**] [**he does P...**]") 'X can~may P'. Cf. two examples:

- (29) ^{OK} <...> [[*ù yè*] " *sè*] [*è* *yì zè*]!
 us mother 3SG[...] IPFV\can 3SG[...] sleep IPFV\kill
 {Don't make noise}, 'mother **may** be sleeping!' (*yì zè* <sleep kill> 'sleep') (lit. "Mother she can, she sleeps").

- (30) <...> [*lé* [*ǎ-kè* *sè*]
 then 3PL-IND.NEG[...] IPFV\can
 [*ǎ-kè* *lé*" *sò* *Má*]]
 3PL-IND.NEG[...] CTNV IPFV\pass Man
 {They left only in the morning}, 'so they **couldn't** have arrived in Man yet' (lit. "so they can't, they don't arrive in Man yet").

As can be seen, this construction contains two juxtaposed clauses (first with the verb *sè* and second with the content verb), which "agree"

with each other for their predicative categories (person-number of the **subject**, tense, aspect, mood, and polarity). What is important for us is that the subject participant (and only the subject participant) is thus shared between the two clauses and is represented in both of them. The verb *sɛ* has only a single (subject) NP valency, while all the other positions remain with the content verb in the second clause.

As (29) demonstrates, true possessive NPs that denote the subject (in that case, *ù yɛ* ‘our mother’) are placed (undivided) in the left part of the construction, apart from all other verbal dependents (e.g. the direct object), which go into the right part.

As for the “Possessor + Possessee” complex of the *yɛ*-construction, it, too, functions **as a whole** in this context. It is placed in the left part of the construction, not being divided in any way (and is indexed in the right part by the predicative marker *ɛ~yɛ*). Thus, we have, literally, “**John’s car** it can, **it** is there” (31a), and not, for example, something like “**Car** it can, **John’s it** is there”¹⁵.

- (31a) [*Záá wòtló (dò)* “ *sɛ*] [*ɛ yɛ yɛ*]
 John car one 3SG[...] IPFV\can 3SG[...] IPFV\be there
 ‘**John** might have a **car**’.

Note. It can also be demonstrated that at the same time the Possessor in examples like (31a) (and in more general examples of the *yɛ*-construction such as (2b), (3b)) is not to be analyzed as a **left-detached topic**.

In fact, the Possessor in the *yɛ*-construction **can** be truly left-detached. Cf. (31b) and (32) below. But in the case of left-detachment it would (always or at least usually) be doubled by a resumptive pronoun in the clause. And since that resumptive pronoun itself is obviously not a left-detached topic¹⁶, this modification still leaves the clause looking like an “Adnominal Possessive” construction (and not as a “Topic Possessive” construction, in Stassen’s terms):

- (31b) ^{OK} [*Záá*]_{TOPIC}, [*ǎ wòtló* “ *sɛ*] [*ɛ yɛ yɛ*]
 John **him** car 3SG[...] IPFV\can 3SG[...] IPFV\be there
 ‘John – **he** might have a car’.

¹⁵ Cf. for the *kɔ*-construction: [*wòtló sɛ*] [*ɛ yɛ Záá kɔ*] ‘John might have a car’.

¹⁶ In fact, there is a possibility to have more than one left-detached constituent in Gban. But regarding examples (31b)–(32), in any case it would be highly improbable to have two coreferent left-detached topics, one of which is a pronoun (*Záá* and *ǎ*) in the same sentence.

- (32) ^{OK} [Záá]_{TOPIC}, [ǎ wòtú " yèè yè]
 John him car 3SG[...] IPFV\be there
 ‘[We discuss different people]. As for John, he has a car’.

Thus, even in these cases the Possessor (here resumptive pronoun ǎ) in the yèè-construction constitutes part of the clause.

b) Left-detachment topicalization construction

The left-detachment construction itself provides a test similar to the previously discussed possibility construction, because the constituent which is left-detached is always or at least usually represented in the main clause by a pronominal.

In the case of the yèè-construction, it is possible to left-detach the **whole** “Possessor + Possessee” complex, and there would be only one pronominal element representing it in the clause (the predicative marker è<3SG>):

- (33) ^{OK} Zǎá é kwèsèé,
 John 3SG\PST[...] injure\PFV.HOD
 [ǎ bò]_{TOPIC}, [é] lè" yèè yè
 him head 3SG[...] CTNV IPFV\be there
 ‘John was injured, [but] his head – he still has it’.
 (lit. “...his head – it still is there”)

(The fact that ǎ bò is left-detached here is visible not only from the translation and the pause indicated by the comma, but also from the predicative marker occurring in the full form é. In the same circumstances, but without the left-detachment of the subject, it would have null form Ø, as in the analogous examples (17a) and (28’) above.)

The same is possible, of course, for the true possessive NPs:

- (34) <...> [ǎ nǐ mǎ nǐ=nǐ]_{TOPIC}, é zǐ
 him child for child=PL 3SG\PST[...] see[INF]
 yéè ð yé<...>
 do_all\PFV.PREH them with
 <...> {He [the warrior] lived for a very long time, he reached a very advanced age} ‘He saw all his grandchildren’ <...>
 (lit. “[As for] the children of his children, he saw them all”).

6) Focus and the focus markers

Let us now turn to a more pragmatic-oriented test – whether it is possible to have focus (which is marked in Gban by special markers such

as the subject focus marker *-lí* and the object focus marker *lí*) only on the Possessee in the “Possessor + Possessee” complex.

This time, for the *yè*-construction we finally see an apparent deviation from what we would expect from a noun phrase, because it is indeed possible for this construction to have narrow focus only on the Possessee:

- (35) ^{OK} *ì mǒ sèfí Ø-lí yé yè*
 me for cat 3SG-FOC[...] IPFV\be there
 ‘It’s A CAT that I have [, not a dog].’

In this example we can infer that the focus is only on the Possessee solely from the translation (and the focus is contrastive here, which may override some restrictions).

But consider also the example (24) above, lit. “Your **WHAT** is there?”, in which there is a question word *bé* ‘what’, that clearly indicates the narrow question focus (non-contrastive) to be on the Possessee. Cf. also the answer to it in example (24’).

However, turning to true possessive NPs, we unexpectedly find that in Gban they, too, allow narrow focus on the Possessee. Cf. the example (25) above (lit. “[Their **WHAT**]_{NP} did you see?”) and the answer to it (25’).

7) Activation in discourse: definite-indefinite (active-unidentifiable) split

Finally, it is important to clearly demonstrate that the *yè*-construction (despite its syntactic behaviour) can be and is used in the discourse the way the (European) predicative possessive constructions we are familiar with do.

The idea is to see whether the *yè*-construction occurs naturally in contexts where there is clearly both an informational (topic vs. focus) and an activational (definite~active vs. indefinite~unidentifiable¹⁷) “split” between the Possessor and the Possessee.

Indeed, the *yè*-construction was accepted to be perfectly natural in the following specially constructed mini-narratives (which were translated whole, but are presented here in abridged form):

¹⁷ Here and afterwards I address Knud Lambrecht’s theory of information structure and identifiability/activation [Lambrecht 1994]. Several degrees of identifiability/activation are distinguished in it, including: identifiable **active** > identifiable **accessible** > identifiable **inactive** > **unidentifiable** [ibid.: 109].

- (36) ^{OK} ⟨...⟩ *mǔ nǒ mǒ kǎǎwó vé* " *yè yè* ⟨...⟩
 man that for cocoa field 3SG[...] IPFV\be there
 {Yesterday I met a rich man}. 'This man owns a cocoa field'.
 {Many people work on it}.
- (37) ^{OK} ⟨...⟩ *zǐgǒ nǛ yé, ǐ yèñf wòtló kpáá* " *yè yè* ⟨...⟩
 then this with me brother car big 3SG[...] IPFV\be there
 {My brother started working long ago. He had little money. After a
 while, he earned a lot of money}. 'Now, my brother has a big car'.
 {It is [very] fast}.

As can be seen from the translations, these mini-narratives presuppose that, by the time of producing the sentence in question, the **Possessor** referent is definite~**fully active** in the discourse and has **topic** function. At the same time the **Possessee** referent is **unidentifiable** and is part of the (non-contrastive) **focus**. (The Possessee referent is then made active and available for the subsequent part of the discourse for use as a topic.)

While in syntactic tests, as we have seen, the "Possessor + Possessee" complex behaves close to what we expect from a true possessive NP, the observed informational and activational split seems unusual for an "ideal" noun phrase. For example, we cannot imagine an English possessive NP to be fully pragmatically split this way in discourse¹⁸.

In fact, we could already observe a different case of such a split in example (24) above (discussed in subsection 7) "Your WHAT is there?". The Possessee expressed in it by the question word 'what' not only has narrow focus, but also obviously refers to an unidentifiable referent, while the Possessor 'you' can be only interpreted as active and topical (the same applies to the answer to that question in (24')).

And from the neighbouring pair of examples (25)–(25') we see that in Gban, unexpectedly, such pragmatic split is also possible for **true possessive NPs**: "– [Their WHAT]_{NP} did you see? – I saw [their CAR]_{NP}" (an unidentifiable Possessee in focus and an active topical Possessor).

* * *

The **results** of this survey are summarized in Table 2 below. The properties are ordered from more syntactic to more pragmatic~semantic.

¹⁸ The closest cases probably are something like – *Did you see John's SISTER yesterday? – No, I saw [his BROTHER]*, but here we have contrastive focus (and the Possessee referent is not unidentifiable but identifiable inactive).

Unshaded cells indicate property values theoretically expected for an “ideal” possessive NP, while shaded cells indicate those values expected for two juxtaposed clause-level NPs not comprising a single constituent.

It can be seen that, according to the tests applied, the “Possessor + Possessee” complex in the *yè*-construction behaves exactly as true (unambiguous) possessive NPs in Gban do.

At the same time, interestingly, not only the “Possessor + Possessee” complex but also true (unambiguous) possessive NPs in Gban only partially correspond to the theoretical expectations for an “ideal” possessive NP. While they answer to these expectations in the more syntax-oriented properties¹⁹, they deviate from them in the more pragmatic~semantic properties.

¹⁹ After the article was completed, I obtained an additional piece of data. In fact, it is also possible to apply another (more syntax-oriented) constituency test here, namely, the **coordination** test. Coordination is, of course, possible in Gban for unambiguous NPs in the subject position (cf. “[His father] and [his mother] went to kill the devil”). But for the *yè*-construction it came out to be somewhat problematic. At least in the following single example that was tested, the language assistant evaluated such coordination of two “Possessor + Possessee” complexes to be strange:

?? *Záá mɔ̄ sǎ fě, Sòkù mɔ̄ wòtló fě, ð yèè yè* <John for house and Soku for car and 3PL[...] IPFV\be there> (intended meaning: ‘John has a house, and Soku has a car’). Instead, the language assistant produced an utterance with two coordinated clauses, each with a single “Possessor + Possessee” complex. At the same time, this strangeness may be due to communicative and not purely syntactic reasons. And, in any case, the coordination test is probably best viewed as working in only one direction: if something can be coordinated, then it shows properties of a constituent, but the reverse is not true.

Properties		Constructions	Gban <i>yɛ̃</i> - construction: the “Possessor + Possessee” complex	Gban true possessive NPs	Expected for an “ideal” possessive NP	Expected for two (juxtaposed) clause- level NPs	
more syntactic ↓ more pragmatic~semantic	Separability	–	–	–	–	+	
	Word order reversal	–	–	–	–	(+)	
	Functioning as a single (subject) NP in some constructions	+	(31a), (33)	+	(29), (34)	+	–
	Separate pronominal dependent to the Pos- sessee	–	(28)	–	–	–	+
	Pronominalization of the Possessee (personal pronouns)	–	(23)	–	–	–	+
	Pronominalization of the Possessee (other pronominals)	+	(24), (26)	+	(25), (27)	–	+
	Proper names as Pos- sessees	+	(21)	+	²⁰ (22a), (22b)	–	+
	Narrow focus (/ scope of the focus marker) only on the Possessee	+	(35), (24)	+	(25)	–	+
Activational split (together with the topic- focus split)	+	(36), (37), (24)	+	(25)	–	+	

Table 2: Properties of the “adnominal”-type predicative possessive construction compared to those of true possessive NPs in Gban

* * *

In fact, there is another parameter that was not discussed above and that brings a possible (purely semantic) difference between the *yɛ̃*-construction and true (unambiguous) possessive NPs in Gban. It is the

²⁰ Although these cases probably express some non-purely possessive semantics (see footnote 13).

semantic structure and the **predicate-participant relations** expressed in these two cases.

In case of the *yè*-construction, the semantic representation of the clause must contain a predicate of possession as its core, which has two separate participants, Possessor and Possessee. And in syntax (what looks like) a single NP expresses here the **two** participants of the predicate at the same time. Cf. ‘John has a house’ → ‘have (**John, house**)’.

As for unambiguous possessive NPs – for example those that occupy the direct object position in transitive clauses, – such a possessive NP expresses only **one** single participant of the predicate, i.e. the undergoer-like participant, while the possessive relation in this case becomes secondary in the semantic structure. Cf. ‘Mary saw John’s house’ → ‘see (Mary, **John’s house**)’.

As will be seen from the following section 3.3, there is at least one more context in Gban where we observe a similar semantic split in (what looks like) a single NP.

3.3. A similar phenomenon: adnominal coding of recipients/benefactives

Finally, let us briefly consider another phenomenon in Gban that shows a semantic (and pragmatic) split in an NP that is similar to the one we observe in the *yè*-construction.

The standard way of coding **recipient** and **recipient-benefactive** (as well as plain-benefactive) participants in Gban is by post-verbal obliques introduced by the postpositions *nɛ̀* ‘on’ (38) and *mɔ̀* ‘for’ (39a)–(39b), respectively:

(38) *lè dò é nɔ̀ nɔ̀ [à zɛ̀ nɛ̀]*
 woman one 3SG\PST[...] milk give[PFV.HOD] him husband on
 ‘A woman gave milk **to her husband**’ (recipient).

(39a) *m á yèké [èè (lì) mɔ̀]*
 1SG\PST[...] him do[PFV.HOD] thee FOC_OBJ for
 ‘I did it **for you**’ / ‘It’s **for you** that I did it’ (plain benefactive).

(39b) *m á gò [èè mɔ̀]*
 1SG\PST[...] him buy[PFV.HOD] thee for
 ‘I bought it **for you** [= to give it to you]’ (recipient-benefactive).

However, there is a special alternative way of coding recipient and recipient-benefactive participants – **adnominally**, by an NP inside the direct object NP²¹.

- (40) ⟨...⟩ ɛ̃ wò [ɟ mɔ̃ lálà] nɔ̃
 3SG[...] PURP me for money give[INF]
 {I will wait for him} ‘so that he gives **me** some money’ (lit. “...he gives [**my** money]~[money **for me**]²²”) (recipient).

(The standard coding is also possible in the same context:
 ɛ̃ wò lálà nɔ̃ ɟ nɛ̃ <3SG[...] PURP money give[INF] me on>.)

- (41) m [ʃ mɔ̃ tɔ̃] gò⟨...⟩
 1SG\PST[...] him for cloth buy[PFV.HOD]
 ‘I bought **him** clothes’ (lit. “I bought [**his** clothes]~[clothes **for him**]²³”) (recipient-benefactive).

- (42) ⟨...⟩ mɪ [ɟ mɔ̃ kàð-sà] kè
 1SG[...] me for field-house make[SBJV]
 {Some time later, he said to himself: from now on it is necessary that} ‘I build a field hut **for me**’ (lit. “I build [**my** field-hut]~[field-hut **for me**]²³”) (recipient-benefactive).

In such examples we again observe what seems to be a single possessive NP, but has a **semantic split** – because it expresses, in fact, **two separate participants** of the predicate (the undergoer and the recipient or recipient-benefactive).

²¹ Cf. a survey of different types of coding recipient-benefactives in the languages of the world, including adnominal coding, in [Šluinskij 2014]. Similar adnominal strategies have been recorded for some other Mande languages, too, including Yaure (E. Kushnir, p.c.), Mwan (E. Perekhvalskaya, p.c.), Kla-Dan (N. Makeeva, p.c.), and Mano (M. Khachatryan, p.c.). And at least in some of these languages there are also “adnominal”-type predicative possessive constructions similar to the one in Gban.

²² As was mentioned in the note at the beginning of section 3.2, the *mɔ̃*-construction itself can be used to express NP-level recipient-benefactives (‘[a present for John]’).

²³ One has to be careful here to distinguish between NP-level recipient-benefactives and clause-level recipient-benefactives. Cf. *I saw [a present for John]* (it was meant for John by someone else) and *I bought [a present] [for John]* (it is meant for John by myself). What is interesting is that in Gban not only the former, but also the latter meaning can be expressed adnominally.

(A corresponding pragmatic split is present, too: in these examples the recipient(-benefactive) is fully active and topical while the undergoer is unidentifiable and part of the focus.)

4. Conclusions

In this article I studied the two predicative possessive constructions in Gban, which belong to the “locational” and “adnominal” formal types (lit. “A house is on John” and “John’s house exists”). They were found to be almost complementarily distributed according to which semantic types of possession they can express.

The second, “adnominal”-type, predicative possessive construction underwent a more detailed study.

Although it has been doubted by some linguists whether there are in fact any true “adnominal” predicative possessive constructions in the languages of the world (i.e. those that are indeed based on a genuine single NP such as [John’s car]), Gban does seem to provide such a case. The “Possessor + Possessee” complex in the second predicative possessive construction here shows many properties of a single constituent and shows no differences in syntactic behaviour from unambiguous possessive NPs in examples like ‘I saw John’s car’.

At the same time, both the “Possessor + Possessee” complex and unambiguous possessive NPs in Gban only partially correspond to the theoretical expectations for an “ideal” possessive NP. They answer to these expectations in the more syntax-oriented properties, but deviate from them in the more pragmatic~semantic properties.

One of these latter properties, which seems unusual for NPs, is the ability of both the “Possessor + Possessee” complex in the second construction and unambiguous possessive NPs to be sharply pragmatically “split”. While the one part (Possessor) is fully active and topical, the other part (Possessee) can be unidentifiable and part of the non-contrastive focus. Cf. the possibility of questions such as, literally, “Your WHAT is there?” (‘What do you have?’) or “Their WHAT did you see?” (‘What did you see of theirs?’).

In the “adnominal”-type predicative possessive construction there is also a semantic “split”: what looks and behaves syntactically like a single possessive NP here expresses, in fact, two participants of the (semantic) predicate at the same time.

After that, I presented another phenomenon that demonstrates similar behaviour. There exists in Gban an alternative way of coding recipient and recipient-benefactive participants: by an adnominal NP inside the direct object NP (lit. ‘I bought [his clothes]’ for ‘I bought clothes for him’). In these contexts we again observe the same pragmatic ‘split’ and a semantic ‘split’, too, with a single NP expressing both the undergoer and the recipient(-benefactive).

To sum up, possessive noun phrases in Gban seem to have an unusual degree of pragmatic and semantic ‘flexibility’. This flexibility can be best seen in the ‘adnominal’-type predicative possessive construction and in the adnominal coding of recipients/recipient-benefactives. And we can also make a conjecture that, probably, it is this flexibility in the first place that allowed such peculiar NP-based constructions to arise in the language.

List of acronyms and glosses

=a – enclitic;	IND – indicative;
“ – ‘floating’ extra-low tone (a variety of the 3SG marker);	INF – infinitive;
1/2/3 – first/second/third person;	(I)PFV – (im)perfective;
CTNV – continuative;	NEG – negation;
FOC – subject focus;	(N)PST – (non-)past;
FOC_OBJ – direct object and genitival dependent focus;	PL – plural;
GEN – genitive (in Turkish);	PREH – pre-hesternal;
HEST – hesternal;	PURP – purpose;
HOD – hodiernal;	SG – singular;
	SBJV – subjunctive.

References

- Dayley J.P. Tzutujil grammar. Ph.D. Diss. UC Berkeley, 1981.
- Lambrecht K. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Ovsjannikova M., Say S. Between predicative and attributive possession in Bashkir // Suihkonen, Pirkko & Whaley, Lindsay J. (eds.). On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. [Studies in Language Companion Series, 164]. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. Pp. 175–201.

- Šluinskij [Shluinsky] A. Tipologija recipientno-benefaktivnyx konstrukcij i tipologičeskaja odnositel'nost' sintaksičeskoj organizacii predloženija [A typology of recipient-benefactive constructions and the cross-linguistic relativity of the sentence structure (in Russian)] // *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. X, Part. 3. (Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata). Saint Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 692–710.
- Stassen L. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Schroeder C. *The Turkish Nominal Phrase in Spoken Discourse*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

Научное издание

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЯЗЫКАМ АФРИКИ

выпуск 6

Компьютерная верстка: М.А. Косогорова

Подписано в печать 18.11.2016.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93